СБОРНИКЪ

Учено-Литературнаго

Общества

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

Юрьевскомъ Университетѣ.

Томъ XIV.

ЮРЬЕВЪ.
Типографія К. Маттисена
1909.

Печатано по опредѣленію Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества:
проф. М. Красноженъ.

Содержаніе.

1. Я. Лаутенбахъ. Объ искусствѣ и красотѣ. (Рядъ мнѣній философовъ-эстетиковъ) . . . . . 1— 17
2. Проф. Евгеній Бобровъ. Жизнь и поэзія Павла Петровича Шкляревскаго . . . . . 18— 58
3. Проф. М. Красноженъ. Старые и новые законы о бракѣ. (По поводу 352, 440, 441 и 359 статей проэкта Новаго Уголовнаго Уложенія . . . . . 59— 76
4. Онъ же. Позднѣйшіе проэкты положенія о поводахъ къ разводу . . . . . 77— 80
5. І. Змигродскій. Городъ Юрьевъ Лифляндской губерніи и Высочайшій манифестъ 14 декабря 1766 года. (Окончаніе.). . . . . 81—190
6. Владимиръ Бобровъ. Очерки изъ исторіи новой русской литературы . . . . . 191—238
7. Проф. М. Красноженъ. А. Ф. Зачинскій †. Некрологъ. (Съ портретомъ покойнаго.) . . . . . 239—241

Приложеніе. Изъ университетской лѣтописи . . . . . 1— 28

Объ искусствѣ и красотѣ.

(Рядъ мнѣній философовъ-эстетиковъ.)

Что такое искусство?

Каждый философъ-эстетикъ рѣшаетъ этотъ вопросъ по своему, и потому являются затрудненія, когда мы хотимъ оріентироваться въ этомъ лабиринтѣ различныхъ и многочисленныхъ мнѣній и взглядовъ.

Аристотель, первый эстетикъ древности, опредѣляетъ искусство какъ умственную способность творить или производить, *ἡ μετὰ λόγου ποιητικὴ ἕξις*, въ противоположность разсудительной практической дѣятельности, *ἕξις μετὰ λόγου πρακτική*, которая, т. е. послѣдняя, у него называется и *βαναυσία*. По Аристотелю, цѣль искусства — *κάθαρσις*, т. е. нравственное очищеніе, и сущность искусства — изящное подражаніе природѣ.

По Баумгартену, основателю эстетики новаго времени, — объектъ эстетическаго, чувственнаго познанія есть красота. Искусство, по Мендельсону, есть доведеніе прекраснаго до истиннаго и добраго, которое познается смутнымъ чувствомъ. Цѣль же искусства — нравственное совершенство. По знаменитому сочиненію Винкельмана[1]), законъ и цѣль всякаго искусства есть только красота, совершенно отдѣленная и независимая отъ добра.

Въ Англіи, Франціи, Италіи, Голландіи, независимо отъ писателей Германіи, зарождаются свои эстетическія теоріи и

1) Geschichte der Kunst des Alterthums.

здѣсь всѣ эстетики кладутъ въ основу своихъ соображеній тоже понятіе красоты. Въ Германіи же послѣ Винкельмана является въ продолженіе XVIII столѣтія новая эстетическая теорія Канта.

По Канту у человѣка есть способность сужденія (Urteilskraft), которая составляетъ сужденія безъ понятій и производитъ удовольствіе безъ желанія. Эта-то способность и составляетъ основу эстетическаго чувства и искусства. По Шиллеру, послѣдователю Канта, цѣль искусства есть также красота, источникъ которой — наслажденіе безъ практической пользы. По этому искусство можетъ быть названо игрой, но не въ смыслѣ забавы, а въ смыслѣ проявленія красоты самой жизни, не имѣющей другой цѣли, кромѣ красоты.

Послѣ Канта пишутъ объ эстетикѣ, кромѣ второстепенныхъ философовъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель и ихъ послѣдователи.

По Фихте, искусство есть проявленіе прекрасной души и цѣль его — образованіе не только ума — это дѣло ученаго, не только сердца — это дѣло нравственнаго проповѣдника — но всего человѣка.

По Шеллингу, искусство — произведеніе или послѣдствіе того міровоззрѣнія, по которому субъектъ превращается въ свой объектъ, или объектъ дѣлается самъ своимъ субъектомъ. По самому замѣтному послѣдователю Шеллинга, Зольгеру, въ мірѣ мы видимъ только извращеніе основной идеи, — искусство же фантазіей можетъ подняться до высоты основной идеи. И потому искусство — подобіе творчества.

По Гегелю искусство — осуществленіе видимости идеи, и средство, вмѣстѣ съ религіей и философіей, приводить въ сознаніе и высказывать глубочайшія задачи людей и высшія истины духа.

По Гербарту, противнику Гегеля, есть извѣстныя отношенія, которыя мы называемъ прекрасными, и искусство

состоитъ въ нахожденіи этихъ отношеній — одновременныхъ въ архитектурѣ, пластикѣ и живописи, и послѣдовательныхъ и одновременныхъ въ музыкѣ, и только послѣдовательныхъ въ поэзіи.

По Спенсеру происхожденіе искусства — игра, мысль. Въ низшихъ животныхъ вся энергія жизни растрачивается на поддержаніе и продолженіе жизни; въ человѣкѣ же остается, послѣ удовлетворенія этихъ потребностей, еще излишекъ силы. Этотъ-то излишекъ и употребляется и на игру переходящую въ искусство. Игра есть подобіе настоящаго дѣйствія; то же — искусство.

Наконецъ у насъ, въ Россіи, въ послѣднее время выступилъ какъ эстетикъ-философъ — графъ Левъ Н. Толстой. По Толстому, искусство — одно изъ условій человѣческой жизни и одно изъ средствъ общенія людей между собой.

„Всякое произведеніе искусства дѣлаетъ то, что воспринимающій вступаетъ въ извѣстнаго рода общеніе съ производившимъ или производящимъ искусство и со всѣми тѣми, которые одновременно съ нимъ прежде или послѣ его восприняли или воспримутъ то же художественное впечатлѣніе. Какъ слово, передающее мысли и опыты людей, служитъ средствомъ единенія людей, такъ точно дѣйствуетъ и искусство. Особенность же этого средства общенія, отличающая его отъ общенія посредствомъ слова, состоитъ въ томъ, что словомъ одинъ человѣкъ передаетъ другому свои мысли, искусствомъ же люди передаютъ другъ другу свои чувства. Дѣятельность искусства основана на томъ, что человѣкъ, воспринимая слухомъ или зрѣніемъ выраженія чувства другого человѣка, способенъ испытывать то же самое чувство, которое испыталъ человѣкъ, выражающій свое чувство. Самый простой примѣръ: человѣкъ смѣется и другому человѣку становится весело, плачетъ — человѣку, слышащему этотъ плачъ, становится грустно, человѣкъ горячится, раздражается, а другой, глядя на него, приходитъ въ то же состояніе.

Человѣкъ высказываетъ своими движеніями, звуками голоса бодрость, рѣшительность, или, напротивъ, унынie, спокойствіе, и настроеніе это передается другимъ. Человѣкъ страдаетъ, выражая стонами и корчами свое страданіе, и страданіе это передается другимъ; человѣкъ высказываетъ свое чувство восхищенія, благоговѣнія, страха, уваженія къ извѣстнымъ предметамъ, лицамъ, явленіямъ, и другіе люди заражаются, испытываютъ тѣ же чувства восхищенія, благоговѣнія, страха, уваженія къ тѣмъ предметамъ, лицамъ, явленіямъ."

Вотъ на этой-то способности людей заражаться чувствами другихъ людей и основана дѣятельность искусства. „Чувства, сямыя разнообразныя, очень сильныя и очень слабыя, очень значительныя и очень ничтожныя, очень дурныя и очень хорошія, если только они заражаютъ читателя, зрителя, слушателя, составляютъ предметъ искусства. Чувство самоотрѣченія и покорности судьбѣ и Богу, передаваемое драмой, или восторга влюбленныхъ, описываемое въ романѣ; или чувство сладострастія, изображенное на картинѣ; или бодрости, передаваемой торжественнымъ маршемъ въ музыкѣ; или веселья, вызываемаго пляской; или комизма, вызываемаго смѣшнымъ анекдотомъ; или чувство тишины, передаваемое вечернымъ пейзажемъ или убаюкивающею пѣсней, — все это искусство. Какъ только зрители, слушатели заражаются тѣмъ же чувствомъ, которое испытывалъ сочинитель, это и есть искусство. Вызвать въ себѣ разъ испытанное чувство и, вызвавъ его въ себѣ, посредствомъ движеній, линій, красокъ, звуковъ, образовъ, выраженныхъ словами, передать это чувство такъ, чтобы другіе испытали то же чувство, — въ этомъ состоитъ дѣятельность искусства. Искусство есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными внѣшними знаками передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами и переживаютъ ихъ." — —

„Искусство есть одинъ изъ двухъ органовъ прогресса человѣчества. Черезъ слово человѣкъ общается мыслью, че-

резъ образы искусства онъ общается чувствомъ со всѣми людьми не только настоящаго, но прошедшаго и будущаго".

Что такое красота?

У большинства приведенныхъ философовъ-эстетиковъ искусство основано на красотѣ. Но что же такое красота, которое составляетъ содержаніе искусства? Какъ она опредѣляется? Предполагается, что то, что разумѣется подъ словомъ — красота, всѣмъ извѣстно и понятно. А между тѣмъ это не только неизвѣстно, но послѣ того, какъ объ этомъ предметѣ въ теченіе 150 лѣтъ (съ 1750 г. — времени основанія эстетики Баумгартеномъ) написаны горы книгъ самыми учеными и глубокомысленными людьми, вопросъ о томъ, что такое красота, до сихъ поръ остается совершенно открытымъ и съ каждымъ новымъ сочиненіемъ по эстетикѣ рѣшается новымъ способомъ.

Передовые мыслители древности, Сократъ, Платонъ, Аристотель, уже чувствовали, что добро можетъ и не совпадать съ красотой. Сократъ прямо подчиняетъ красоту добру; Платонъ, чтобы соединить оба понятія, говоритъ о духовной красотѣ; Аристотель требуетъ отъ искусства нравственнаго воздѣйствія на людей (*κάθαρσις*).

По Баумгартену, красота — абсолютное, познанное чувствомъ. Зульцеръ, признающій цѣлью искусства не красоту, а добро, говоритъ, что прекраснымъ можетъ быть признано только то, что содержитъ въ себѣ добро. По Зульцеру цѣль всей жизни человѣчества — благо общественной жизни. Достигается оно воспитаніемъ нравственнаго чувства, и этой цѣли должно быть подчинено искусство. Красота — то, что вызываетъ и воспитываетъ это чувство. Почти также понимаетъ красоту и Мендельсонъ. Для эстетиковъ этого направленія идеалъ красоты — прекрасная душа въ прекрасномъ тѣлѣ.

По Винкельману, красота, совершенно отдѣленная

и независимая отъ добра, бываетъ трехъ родовъ: 1) красота формъ, 2) красота идеи, выражающаяся въ положеніи фигуры (относительно пластическаго искусства), и 3) красота выраженія, которая возможна только при присутствіи первыхъ двухъ условій; эта красота выраженія есть высшая цѣль искусства, которая и осуществлена въ античномъ искусствѣ, вслѣдствіе чего искусство теперешнее должно стремиться къ подражанію древнему.

Въ Англіи, Франціи, Италіи, Голландіи въ то же время всѣ эстетики точно такъ же, какъ и нѣмецкіе, понимаютъ красоту какъ нѣчто абсолютно существующее и болѣе или менѣе сливающееся съ добромъ или имѣющее съ нимъ одинъ и тотъ же корень. Въ Германіи же послѣ Винкельмана является совершенно новая эстетическая теорія Канта, уясняющая сущность понятія красоты. Красота по Канту, въ субъективномъ смыслѣ, есть то, что безъ понятія и безъ практической выгоды, вообще необходимо нравится, въ объективномъ же смыслѣ это — форма цѣлесообразнаго предмета въ той мѣрѣ, въ которой онъ воспринимается безъ всякаго представленія о цѣли. Такъ же опредѣляется красота послѣдователями Канта, между прочимъ, Шиллеромъ. По Шиллеру цѣль искусства, такъ же какъ и по Канту, — красота, источникъ которой — наслажденіе безъ практической пользы. По Фихте красота предмета зависитъ отъ точки зрѣнія созерцающаго и потому красота и находится не въ мірѣ, а въ прекрасной душѣ. Признакъ красоты лежитъ не въ чемъ-либо внѣшнемъ, а въ присутствіи въ художникѣ прекрасной души. Въ томъ же направленіи опредѣляетъ красоту Фридрихъ Шлегель и Адамъ Мюллеръ.

По Шеллингу, красота — представленіе безконечнаго въ конечномъ. И главный характеръ произведенія искусства — безсознательная безконечность, эстетическіе идеалы — миѳологія и міровоззрѣніе.

Послѣ Шеллинга начинается новое до сихъ поръ удержавшееся эстетическое ученіе Гегеля. По Гегелю,

Богъ проявляется въ природѣ и искусствѣ въ формѣ красоты. Богъ выражается двояко: въ объектѣ и субъектѣ, — въ природѣ и духѣ. Красота же есть просвѣчиваніе идеи черезъ матерію. Истинно прекрасное — только духъ и все то, что причастно духу, и потому красота природы только отраженіе красоты, свойственной духу: прекрасное имѣетъ только духовное содержаніе. Но проявиться духовное должно въ чувственной формѣ. Чувственное же проявленіе духа есть только видимость, эта-то видимость есть единственная дѣйствительность прекраснаго. Истина и красота, по Гегелю, одно и то же: разница только въ томъ, что истина — сама идея, какъ она сама въ себѣ существуетъ и мыслима. Идея же, проявляемая вовнѣ, для сознанія становится не только истинной, но и прекрасной. Прекрасное есть проявленіе идеи.

По Гербарту, красоты самой въ себѣ нѣтъ и не можетъ быть, а есть только наше сужденіе и надо найти основы этого сужденія. И эти основы сужденій находятся въ отношеніи впечатлѣній. По Шоненгауеру, воля объектируется въ мірѣ на различныхъ ступеняхъ, и хотя чѣмъ выше ступень ея объектированія, тѣмъ она прекраснѣе, каждая ступень имѣетъ свою красоту. Отрѣшеніе отъ своей индивидуальности и созерцаніе одной изъ этихъ ступеней проявленія воли даетъ намъ сознаніе красоты. Всѣ люди, по Шоненгауеру, обладаютъ способностью познавать эту идею на различныхъ ея ступеняхъ и этимъ освобождаться на время отъ своей личности. Геній же художника имѣетъ эту способность въ высшей степени и потому проявляетъ высшую красоту.

Собственно говоря, въ общемъ существуютъ лишь два опредѣленія красоты: одно — объективное, мистическое, сливающее это понятіе съ высшимъ совершенствомъ, съ Богомъ, другое, субъективное, очень простое и понятное, считающее красотою то, что нравится. Съ одной стороны, красота понимается какъ нѣчто мистическое и очень возвышенное и потому включающее въ себя и философію, и религію, и самую жизнь;

или съ другой стороны, красота есть только получаемое нами особаго рода безкорыстное наслажденіе. Слѣдя за развитіемъ въ эстетикѣ ученія о красотѣ, можно замѣтить, что сначала, со времени основанія науки эстетики, преобладаетъ метафизическое опредѣленіе красоты, а что чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ болѣе и болѣе выясняется опытное, въ послѣднее время принимающее физіологическій характеръ опредѣленіе, такъ что встрѣчаются даже такіе эстетики, какъ англичанинъ Селли (Sully) и графъ Л. Толстой, пытающіеся совершенно обойтись безъ понятія красоты.

Графъ Л. Толстой, не признавая вполнѣ ни одного изъ эстетиковъ-философовъ и не одного ихъ опредѣленія понятія красоты, ставитъ основой искусства чувство и требуетъ для искусства религіознаго сознанія, которое должно опредѣлять достоинство чувствъ, передаваемыхъ искусствомъ. У всѣхъ народовъ, говоритъ онъ, всегда искусство, передававшее чувства, вытекающія изъ общаго людямъ этого народа религіознаго сознанія, признавалось хорошимъ и поощрялось; искусство же, передававшее чувства, несогласныя съ этимъ религіознымъ сознаніемъ, признавалось дурнымъ и отрицалось и т. д. „Такъ что теорія искусства, основанная на красотѣ и изложенная въ эстетикахъ и въ смутныхъ чертахъ исповѣдуемая публикой, есть не что иное, какъ признаніе хорошимъ того, что нравилось и нравится намъ, т. е. извѣстному кругу людей.“ По Толстому „съ тѣхъ поръ, какъ высшія сословія христіанскихъ народовъ потеряли вѣру въ церковное христіанство, искусство высшихъ классовъ отдѣлилось отъ искусства всего народа, и стало два искусства: искусство народное и искусство господское.“ — „Прежде, при самомъ началѣ выдѣленія исключительнаго искусства, главнымъ содержаніемъ искусства было чувство гордости“, во время ренессанса и послѣ него, — восхваленіе сильныхъ. Потомъ все больше и больше сталъ входить въ искусство элементъ половой похоти, еще позднѣе, именно — чувство тоски жизни. „И дѣйствительно, изъ этихъ

трехъ чувствъ чувственность, какъ самое низкое чувство, доступное не только всѣмъ людямъ, но и всѣмъ животнымъ, составляетъ главный предметъ всѣхъ произведеній искусства новаго времени". И такъ, по Толстому имѣются два главныхъ направленія искусства: 1) искусство высшихъ, образованныхъ классовъ, имѣющее основою красоту, понятіе которой опредѣляется въ большинствѣ эстетикъ или какъ нѣчто мистическое или метафизическое, или какъ особаго рода наслажденіе и 2) искусство всѣхъ, всего народа, всего человѣчества, передававшее чувства, вытекающія изъ общаго людямъ религіознаго сознанія. Первое искусство — поддѣльное, ложное, извращенное, второе — настоящее, искреннее; первое — не религіозное, второе — религіозное; первое — разъединяетъ, второе — соединяетъ людей „въ одно всемірное братство". Среди людей богатыхъ, высшихъ сословій „стало вырастать искусство, расцѣниваемое уже не по тому, насколько оно выражаетъ чувства, вытекающія изъ религіознаго сознанія людей, а только по тому, насколько оно красиво; другими словами — насколько оно доставляетъ наслажденіе". — „Не имѣя религіознаго міровоззрѣнія, люди эти не могли имѣть никакого другого мѣрила расцѣнки хорошаго и дурного искусства, кромѣ личнаго наслажденія. Признавъ же мѣриломъ добра наслажденіе, т. е. красоту, люди высшихъ классовъ европейскаго общества вернулись въ своемъ пониманіи искусства къ грубому пониманію первобытныхъ грековъ, которое осудилъ уже Платонъ. И соотвѣтственно этому пониманію среди нихъ и составилась теорія искусства", „теорія, по которой цѣль искусства состоитъ въ проявленіи красоты". — „И искусство стало не тѣмъ важнымъ дѣломъ, которымъ оно и предназначено быть, а пустой забавой праздныхъ людей". Но искусство всенародное, оцѣниваемое религіознымъ міровоззрѣніемъ всего народа, имѣетъ опредѣленный и несомнѣнный внутренній критерій — религіозное сознаніе; искусство же высшихъ классовъ не имѣетъ его, и потому цѣнители этого искусства неизбѣжно должны дер-

жаться какого-либо внѣшняго критерія. „Поддѣлки всегда бываютъ болѣе разукрашены, а настоящее искусство бываетъ скромно“ и „искренно“. „Искренность, самое важное изъ условій настоящаго искусства, всегда присутствуетъ въ народномъ искусствѣ, вслѣдствіе чего такъ сильно дѣйствуетъ оно и почти сплошь отсутствуетъ въ искусствѣ высшихъ классовъ“ и т. д., и т. д.

Какъ ни симпатичны и убѣдительныя въ общемъ эстетическіе взгляды Л. Толстого, все-таки нельзя во всѣхъ отношеніяхъ съ нимъ согласиться. Такъ какъ по его мнѣнію не извѣстно, что такое красота, то онъ ставитъ не красоту, но чувство основой искусства, какъ будто-бы вполнѣ извѣстно, что такое „чувство“. Когда Шлейермахеръ основалъ религію на чувствѣ, тогда Гегель ему возразилъ, что это религія для животныхъ, потому что и животныя имѣютъ чувства. Также и графу Толстому можно было бы возразить, что его искусство, основанное исключительно на чувствѣ, есть искусство и для животныхъ; но по его мнѣнію искусство — исключительно человѣческая дѣятельность и сверхъ того оно должно и имѣть религіозное сознаніе. Слѣдовательно здѣсь смѣшано искусство съ религіей. Л. Толстой говоритъ иронически „о красотѣ, какъ одномъ изъ членовъ эстетической тріады: „красоты, истины и добра — das Schöne, das Wahre, das Gute — Le Beau, le Vrai, le Bon“, и забываетъ, что уже по Баумгартену — какъ Толстой и самъ приводитъ — красота одна — объектъ эстетическаго познанія и что по Винкельману — законъ и цѣль всякаго искусства — только красота, совершенно отдѣленная и независимая отъ добра и т. д. Какъ въ наукѣ руководящимъ факторомъ — истина, въ религіи — добро, такъ въ искусствѣ — прекрасное, красота. Эти — три высшія понятія человѣческаго духа. Повидимому, Толстому, при составленіи статьи: „Что такое искусство?“ не была извѣстна новая философія. Онъ не касается ихъ главныхъ представителей, каковы Лотце и Тейхмюллеръ. Хотя онъ приводитъ

многихъ различныхъ философовъ-эстетиковъ, жившихъ въ различныя времена, но о Лотце и Тейхмюллерѣ онъ не упоминаетъ.

Г. Лотце — извѣстнѣйшій изъ философовъ XIX столѣтія въ Германіи. Онъ много написалъ какъ объ эстетикѣ, такъ и объ исторіи эстетики въ Германіи. По Лотце красота преимущественно то, что соотвѣтствуетъ осуществленному въ насъ идеалу. Фантазія творческой души свѣта (Weltseele) — источникъ всей красоты. Прекрасное должно касаться и дѣйствительности. Эта, дѣйствительность, заключаетъ въ себѣ три между собою сложныхъ царства или силы, какъ-то: 1) царство общихъ законовъ, 2) царство дѣйствительныхъ веществъ и силъ, и 3) опредѣленный и специфическій планъ.

Совершенное соединеніе этихъ трехъ царствъ или міро зданія — вселенной въ наглядномъ образѣ и ихъ сосредоточеніе въ малыхъ пространствахъ представляетъ намъ прекрасное и заключаетъ общую идею красоты. Потому Лотце называетъ красоту микрокосмомъ въ противоположность макрокосму, составляющему матеріальный свѣтъ.

Бывшій Дерптскій профессоръ, Г. Тейхмюллеръ, создалъ новую философскую систему, которая проливаетъ совершенно новый свѣтъ на эстетику и искусство. Онъ первый изслѣдовалъ способности человѣческой души, сводя ихъ въ три главныя способности: мышленіе, чувствованіе и дѣятельность, и раздѣлилъ человѣческое познаніе на специфическое и семіотическое. Специфическое познаніе доставляетъ наука, а семіотическое-религія и искусство, т. е. гдѣ познается признаками. Имѣется три главныхъ проявленія человѣческаго духа, это: наука, религія и искусство, которымъ соотвѣтствуетъ истина, добро и красота. Основа науки — истина, религіи — добро, искусства — красота. Красота — одна эстетическая идея рядомъ съ другими, какъ возвышенное, миловидность, грація, юморъ и др. Хотя Тейхмюллеръ составилъ философію искусства Аристо-

теля, все-таки онъ умеръ не написавши эстетики по собственнымъ взглядамъ. Но то, чего я здѣсь только мимоходомъ коснулся, можно вывести изъ общей его философской системы. Какъ бы не разсуждали философы-эстетики, — несомнѣнно то, что первоначальный источникъ всѣхъ искусствъ есть природа — какъ внѣшняя, такъ и внутренняя — и подражаніе ей. Шиллеръ воспѣваетъ въ своей чудной поэмѣ „die Künstler — Художники“ :

„Какъ въ первый разъ въ одинъ пучекъ цвѣтки
Связалъ разумный выборъ чувства,
Такъ первое явилось въ міръ искусство;
Но вотъ ужъ изъ пучковъ свиваются вѣнки, —
И новое является искусство,
Искусство смертнаго въ дѣлахъ его руки.“

И Шиллеръ признаетъ искусство исключительною собственностью человѣка, воспѣвая тамъ же, какъ-то :

„Въ умѣніи пчела тебя наставитъ
И прилежанію научитъ червь долинъ:
Но знаніе твой умъ съ духами рядомъ ставитъ:
Искусство, человѣкъ, имѣешь ты одинъ.“

И Толстой признаетъ искусство человѣческою дѣятельностью. — Всасывая въ себя изъ неизсякаемаго источника матушки-природы свои силы, человѣкъ идетъ все дальше по художественному поприщу :

„Тогда вознесъ съ собой на крыліяхъ свободы,
Искусства человѣкъ, какъ лучшіе дары,
Творя изъ щедрыхъ нѣдръ природы
Прекраснаго волшебные міры.“

Вмѣстѣ съ первымъ человѣкомъ искусство появилось въ свѣтъ и оно можетъ лишь вмѣстѣ съ послѣднимъ человѣкомъ, послѣ совершившейся цѣли вселенной исчезнуть изъ свѣта. Ибо :

„Какъ вами, первымъ вешнихъ дней цвѣткомъ,
Духъ развивая, начала природа:
Такъ вами, чуднымъ жатвеннымъ вѣнкомъ,
Закончила, все совершивъ, природа.“

Изъ различныхъ искусствъ, должно обращать на себя особенное вниманіе — словесное искусство, поэзія, по Гегелю совокупность искусствъ (die Totalität der Künste). Поэзія представляетъ самую высшую степень отдѣльныхъ искусствъ. Она господствуетъ совершенно въ мірѣ событій и приключеній. Изображая дѣйствительность, поэзія должна давать мотивы размышленія и чувствованія. И къ ней, именно къ народной поэзіи, относятся слѣдующіе стихи Шиллера:

„Онъ (т. е. человѣкъ) весь былъ преданъ, червь земли,
Желаньямъ низкимъ въ мглѣ грѣховной:
Но вы зародышъ въ немъ нашли
Любви святой, любви духовной.
И если въ міръ любви духовъ
Широкій путь ему указанъ,
Конечно этимъ былъ обязанъ
Онъ первой пѣснѣ пастуховъ".

Поэзія, самое древнѣйшее и преимущественнѣйшее изъ всѣхъ искусствъ, начиналась такъ же, какъ всѣ другія отдѣльныя искусства, „духъ развивая" съ природы и кончится, „все совершивъ", съ природой. Вмѣстѣ съ первымъ человѣкомъ появился поэтъ въ свѣтъ и лишь вмѣстѣ съ послѣднимъ человѣкомъ онъ оставитъ свѣтъ. Но первый — природный, народный поэтъ, поэтъ всего народа, а послѣдній — искусственный поэтъ, по Толстому — поэтъ высшихъ классовъ; и относится этотъ къ тому, какъ невинный мальчикъ или юноша къ мужу или старику. Народная поэзія есть еще, такъ сказать, необученный или еще лишь мало обученный мальчикъ, но мальчикъ, который обнаруживаетъ самыя великолѣпныя дарованія и изумляетъ, поражаетъ насъ своими странными причудами и своимъ индувидуальнымъ и собственнымъ пониманіемъ — представленіемъ дѣлъ. Итакъ, народная поэзія появляется въ юношеской свѣжести и не страдаетъ блѣдностью мыслей, въ ней нѣтъ еще лжи, какъ въ искусственной поэзіи.

О народной сказкѣ.

Народная или природная поэзія — самая первобытнѣйшая изъ всей поэзіи; она — первая весна творческой — поэтической дѣятельности народа; она содержитъ первобытнѣйшую мудрость и житейскій опытъ народа. И въ этой природной, народной поэзіи, наконецъ, народная сказка принадлежитъ въ особенности къ эпической, повѣствовательной народной поэзіи, которая имѣетъ въ своей основѣ преимущественно воззрѣніе. На эпическую, повѣствовательную народную поэзію въ особенности намекаютъ слова поэта:

„Еще не смѣлъ мудрецъ рѣшать судьбы вопроса,
А міру юному слѣпой пѣвецъ Хіоса
Ужъ тѣ загадки разрѣшалъ.“ — —

Народная сказка, какъ основная часть эпической народной поэзіи, передавалась изъ рода въ родъ и изъ устъ въ уста и въ своемъ странствованіи изъ рода въ родъ, изъ устъ въ уста многократно перемѣнялась, она такъ же продуктъ народнаго духа и она такъ же жила и будетъ еще жить въ памяти народа, какъ и народная пѣсня. Когда люди еще не раздѣляются на образованныхъ и необразованныхъ на высшія и низшія сословія, когда еще невозмутимая вѣра и юношеская фантазія живетъ въ сердцахъ — кто имѣетъ потребность передать событія пѣніемъ — пѣснею и повѣствованіемъ, тотъ представляетъ уста народа, онъ выражаетъ то, что всѣ испытывали и видали въ своей жизни. „Народная поэзія“, говоритъ Яковъ Гриммъ, „живая, наполненная истиннымъ происшествіемъ, книга, которую начинаешь читать и понимать на каждой страницѣ, но которой никогда не прочитаешь и далеко не понимаешь совершенно“. Хотя эта поэзія и весьма исполнена чудесами, диковинками и причудами, все-таки ея исходная точка начинается съ существующаго и съ конкретнаго явленія, чтобъ отсюда перейти къ дальнѣйшему наглядно уясненному смыслу. Мы вовсе не должны съ высока смотрѣть на народную сказку, какъ на странную игрушку фантазіи,

какъ на ребяческія шалости, пустяки и т. п., (какъ очень часто называютъ, ругаютъ народную сказку), уже создалась цѣлая наука, носящая названіе фольклоръ, новая наука, которая между прочимъ и изученіемъ и сравниваніемъ сродныхъ сказаній и сказокъ прежде всего индо-европейскихъ народовъ — какъ это уже случилось въ области языковъ — въ области воззрѣній и представленій народовъ ищетъ зачатки духовной жизни въ человѣческомъ поколѣніи и получила уже весьма любопытные результаты относительно отдаленныхъ столѣтій, къ которымъ народныя преданія относятся.

Миѳъ, сказаніе и сказка первоначально были одно и то же. Это лишь три различныя формы одного и того же развитія сказки вообще. То, что теперь еще какъ остатокъ миѳа, т. е. древняго сказанія о богахъ, вращается въ устахъ народа, называется сказкою; то, что въ прежнія времена поэты схватывали, художественно обрабатывали, смѣшивали съ исторіею и какъ исторію распространяли дальше, называется сказаніемъ. Слѣдовательно, народная сказка — лишь особенная форма древнихъ сказаній о богахъ и герояхъ, и какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ можно искать первобытныя мысли человѣческаго рода, можно прислушиваться къ первымъ звукамъ прототипа всего прекраснаго. Разные народы того же племени и даже разные народы различныхъ племенъ имѣютъ въ основѣ однѣ и тѣ же сказки, потому что онѣ всѣ восходятъ до однихъ и тѣхъ же явленій природы.

Поэтическое олицетвореніе силъ природы и явленій природы вовсе не различаетъ одушевленнаго и неодушевленнаго. Такимъ образомъ, говоритъ и дѣйствуетъ въ сказкѣ какъ разъ все, и животное, и дерево и цвѣтъ и т. д. Кромѣ того относительно сказаній и сказокъ характеристична недостаточная логика, скудная послѣдовательность мышленія, и это именно относительно созерцательныхъ понятій: пространства и времени. Тысячи лѣтъ могутъ протекать, но они для спящей принцессы — Dornröschen — только какъ короткій послѣобѣденный сонъ и сапогами-скороходами измѣриваются

страны и разстоянія съ такою скоростью, которая сравнитъ всѣхъ скороходовъ и даже скорые и экстренные поѣзда нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Люди миѳическихъ временъ въ нравственномъ отношеніи по обычаямъ различались отъ нынѣшнихъ людей тѣмъ, что они представляли своихъ боговъ, созданныхъ по образу человѣка, а именно по его чувственности, что они представляли своихъ боговъ снабженными какъ бы человѣческими преимуществами, такъ и человѣческими слабостями и недостатками.

Сказаніе о геройхъ такъ же, какъ и сказаніе о богахъ проходило дальнѣйшее развитіе, а именно вслѣдствіе стремленія къ очеловѣченію. Человѣкъ чувствуется удовлетвореннымъ лишь тогда, когда онъ своихъ героевъ совершенно сравнилъ со смертными людьми и оставилъ имъ лишь по крайней мѣрѣ то или другое высшее дарованіе, когда же онъ вмѣсто господствующихъ высшихъ боговъ помѣстилъ человѣку поближе стоящихъ демоновъ — злыхъ духовъ, итакъ, теперь вмѣсто боговъ извѣстные духи – демоны вмѣшиваются въ людскія дѣла и опредѣляютъ судьбу людей.

Начинается разсказъ обыкновенно такъ: Жилъ, былъ отецъ, у него были три сына — — —, о которыхъ иронически говорится, что два изъ нихъ были умны, а третій, младшій, дурачекъ, который на самомъ дѣлѣ самый умный. Для него окружающій міръ уже гораздо болѣе дѣйствителенъ; но поддержанный демонами и благодарными животными, онъ испытываетъ все еще чудесныя приключенія и совершаетъ чудесные подвиги. Сказка — послѣдняя ступень развитія миѳа. Сказаніе о богахъ, сказаніе о геройхъ, пёстрая сказка — это три ступени развитія эпическаго народнаго творчества.

Сказка — одинъ изъ чрезвычайно плѣнительныхъ голосовъ народной поэзіи, который всякій охотно слушаетъ какъ журчаніе свѣтлаго какъ серебро ключа въ мирномъ, укромномъ лѣсу; ибо она уводитъ насъ такъ же, какъ миѳъ, сказаніе, простодушно какъ никакая другая поэзія, въ сторону отъ обыкновенной жизни законныхъ причинъ и дѣй-

ствій по чудеснымъ путямъ въ таинственный полусвѣтъ наивнаго созерцанія, къ невинности и красотѣ вѣчныхъ нравственныхъ идей, къ великому бьющему сердцу народа. Ибо эта какъ разъ и есть отличное и возвышенное въ народной поэзіи, что она проводитъ побѣдное торжество добраго, божественнаго принципа всѣхъ происшествій въ прелестномъ видѣ, гдѣ все само собою разумѣется, по всѣмъ ея строфамъ проводитъ до послѣдней строки; въ народной сказкѣ духъ обнаруживается въ образахъ.

Мы имѣемъ въ преданіяхъ нашихъ предковъ золотыя сокровища, которыя своимъ передвиганіемъ черезъ столѣтія, даже черезъ тысячелѣтія, получили твердость алмаза, стало быть, для насъ, внуковъ, должны и быть такъ драгоцѣнными, какъ алмазъ. Такою драгоцѣнностью и представляется намъ народная сказка. „Художественно простыя повѣствованія библіи," говоритъ графъ Л. Толстой, „притчи Евангелія, народную легенду, сказку, народную пѣсню всѣ понимаютъ." — „Великіе предметы искусства только потому и велики, что они доступны и понятны всѣмъ".

Фантазія народной поэзіи, народной сказки — орелъ съ еще нетронутыми, природными, безыскусственными перьями, напротивъ искусственная поэзія — воздухоплаватель съ обрѣзанными крыльями.

„Дальше, крылатая мысль не дерзай,
„Духомъ смирися и якорь бросай!"

Я. Лаутенбахъ.

Жизнь и поэзія Павла Петровича Шкляревскаго.

Память юнаго поэта
Поглотитъ медленная Лета;
Забудетъ міръ меня!

Имя юноши-поэта Павла Петровича Шкляревскаго теперь, конечно, ничего не говоритъ читателю и неизвѣстно, повидимому, даже библіографамъ. Беремъ на удачу два примѣра. Г-жа А. В. Мезіеръ, составительница библіографическаго обзора „Русская Словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно“, пишетъ относительно нашего поэта (т. II, стр. 462, столбецъ II, № 20329): П. Шклярскій; словарь Брокгауза-Ефрона, полутомъ 78-й, стр. 623 называетъ имя и фамилію Шкляревскаго (по книгѣ его „Стихотвореній“) правильно, но отчество поэта составителю замѣтки неизвѣстно. Большинство читающей публики, разумѣется, смѣшаетъ нашего поэта съ его однофамильцемъ, Александромъ Андреевичемъ Шкляревскимъ (1837—1883), писавшимъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ прошлаго XIX вѣка очерки, преимущественно, изъ уголовной хроники дореформеннаго суда, авторомъ разсказовъ съ кричащими заглавіями: „Самоубійца ли она?“, „Отчего онъ убилъ ихъ?“, „Что погубило?“, „Убійство безъ слѣдовъ“, „Убійца жены и любовницы“ и многихъ иныхъ произведеній съ такимъ же содержаніемъ . . . .

Неизвѣстность имени Павла Петровича Шкляревскаго объясняется легко. Онъ умеръ очень рано, не успѣвъ оправдать возлагаемыхъ на него друзьями и наставниками большихъ ожиданій, не успѣвъ развернуть своего таланта ни въ области поэзіи, ни на поприщѣ науки. Въ исторіи русской литературы немало можно насчитать такихъ юныхъ дарованій, отцвѣтшихъ, не успѣвшихъ расцвѣсть. „Русскій геній“, по

словамъ Некрасова, „издавна вѣнчаетъ тѣхъ, которые мало живутъ.“ Крохотная книжка его „Стихотвореній“, содержащая, правда, немало хорошихъ и благозвучныхъ стиховъ, но вышедшая уже послѣ смерти поэта, совсѣмъ не получила распространенія, а нынѣ составляетъ библіографическую рѣдкость и даже у антикваріевъ въ продажѣ не попадается.

Историкъ литературы не можетъ въ своихъ изысканіяхъ руководиться популярностью именъ, потому что эта популярность очень часто оказывается случайною, необоснованною, имѣвшею временный характеръ. И въ П. П. Шкляревскомъ, не смотря на полную безвѣстность его литературнаго имени, объективный изслѣдователь не замедлитъ признать истиннаго и даровитаго поэта; а для русскихъ жителей Юрьева (бывшаго Дерпта) личность и стихи П. П. Шкляревскаго должны представлять особенный интересъ, потому что П. П. послѣдніе и лучшіе годы своей кратковременной жизни провелъ именно въ этомъ городѣ; здѣсь онъ писалъ свои лучшіе стихи, здѣсь же скончался и былъ погребенъ. И если нѣмецкіе изслѣдователи поэтическимъ преемникомъ дерптскаго студента Н. М. Языкова считаютъ поэта и студента-медика Георга Гринделя (№ матрикула 2783) *), то мы еще съ бо́льшимъ правомъ въ преемники Языкова по поэтическому служенію музамъ въ Дерптѣ можемъ поставить студента (№ матрикула 2484) и члена дерптскаго Профессорскаго института, П. П. Шкляревскаго.

О Шкляревскомъ нѣтъ никакихъ печатныхъ данныхъ, если не считать нѣсколькихъ словъ въ предисловіи издателя къ его „Стихотвореніямъ“. Почти всѣ данныя собраны мною лично и почерпнуты изъ дѣлъ архива Юрьевскаго университета.

*) Родомъ изъ Лифляндіи, учился въ Дерптскомъ университетѣ съ 1829—1838 г., окончилъ курсъ, впрочемъ, въ 1841 году, служилъ во флотѣ, въ Кронштадтѣ и умеръ въ 1842 году; сочинилъ много студенческихъ пѣсенъ; нѣкоторыя изъ нихъ поются и донынѣ. Ср. мою статью „Къ біографіи Н. М. Языкова“, стр. 50 (Т. XI „Сборника Ученo-литературнаго Общества при Юрьевскомъ Университетѣ“).

Павелъ Петровичъ Шкляревскій, какъ показываетъ его фамилія, былъ малороссъ; происходилъ онъ изъ духовнаго званія. Онъ родился 15 января 1806 года въ г. Лубнахъ Полтавской губерніи и былъ сыномъ священника, отца Петра, и его жены Параскевы. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ о первыхъ впечатлѣніяхъ поэта и объ обстановкѣ, въ которой протекало его дѣтство, если не считать намековъ въ его стихотвореніяхъ. Повидимому, его отецъ служилъ не въ городѣ, и до 10 лѣтъ Шкляревскій воспитывался въ деревнѣ. Своего дѣтства поэтъ касается, кажется, въ двухъ пьэсахъ, „Дѣтство“ и „Младенчество“ *). Въ „Дѣтствѣ“ поэтъ изображаетъ, какъ

. . . . . .
Сумракъ разступился;
Надъ рѣкою боръ
Черный озарился;
Сквозь туманный флёръ
Вновь луна сверкаетъ
Перлами лучей;
Такъ порой слетаетъ
Мракъ съ души моей, —
Въ часъ, когда, блистая
Прелестію дня,
Гостья неземная
Посѣтитъ меня,
Нѣжно улыбнется,
Словно дочь весны,
И опять сольется
Съ мглою старины (стр. 60) **)

*) Хотя оба эти стихотворенія представляютъ собою передѣлку съ нѣмецкаго, но они такъ расширены, и въ нихъ внесено такъ много субъективныхъ вставокъ, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, что мы имѣемъ полное основаніе пользоваться этими вставками почти, какъ автобіографическими показаніями. Такъ же сдѣлаемъ мы ниже еще съ нѣкоторыми пьэсами.

**) Въ дальнѣйшемъ изложеніи указанія страницъ относятся къ „Стихотвореніямъ“; арабскія цифры обозначаютъ текстъ, римскія — предисловіе.

Въ „Младенчествѣ“ (стр. 56) поэтъ еще подробнѣе рисуетъ мирную сельскую идиллію, среди которой росъ онъ.

Гдѣ вечеромъ осина
Трепещетъ надъ прудомъ,
Гдѣ ѳиміамъ ясмина
Развѣянъ вѣтеркомъ,
Съ калиткою плетеной,
Рисуясь въ лонѣ водъ,
Вкругъ хижины смиренной
Укромный садъ цвѣтетъ.

. . . . . .

Вотъ мрачныя березы,
Спокойствія пріютъ,
Сія гряда, гдѣ розы
Съ гвоздиками цвѣтутъ,
Сей съ желтою крапивой
На кровлѣ мохъ сѣдой,
Колодезь, говорливый
Источникъ подъ травой.

Рядъ ульевъ, пчелъ жужжанье,
Калитки ветхой скрипъ,
Голубокъ воркованье
И шопотъ древнихъ липъ, —
Все здѣсь краснорѣчиво,
Все въ душу сладость льетъ,
Все юности счастливой
Дни сердцу отдаетъ.

Вотъ школа: съ повиликой
Плющъ вьется по стѣнамъ;
Здѣсь грозный дьякъ — владыкой
Міровъ казался намъ.
Тамъ у пруда, подъ тѣнью
Дубовая скамья,
Гдѣ яйцы въ „Воскресенье“
Каталъ съ друзьями я.

По одиннадцатому году Шкляревскаго, вѣроятно, уже нѣсколько подготовленнаго дома, повезли учиться, но не въ

бурсу, какъ бы надлежало ожидать по его происхожденію, а къ дядѣ, жившему въ Петербургѣ. Кто былъ его дядя, мы не знаемъ, но, вѣроятно, это былъ человѣкъ со средствами; онъ далъ своему племяннику прекрасное воспитаніе, дворянское, а не поповское; такъ, напримѣръ, Шкляревскій прекрасно владѣлъ потомъ иностранными языками.

О семейныхъ отношеніяхъ П. П. Шкляревскаго мы вообще ничего не знаемъ, кромѣ того, лишь, что у него была любимая сестра Надежда, какъ это видно изъ стихотворенія „Въ альбомъ сестрѣ“, гдѣ поэтъ между прочимъ высказываетъ слѣдующія ей пожеланія:

Прими жъ простое изліянье
Моей чувствительной души:
Какъ лилія, благоуханье
Лія вокругъ, цвѣтетъ въ глуши,
Цвѣти ты здравіемъ, красою! . . . .
Да ввѣкъ душа твоя не вянетъ,
Но быть во вѣки не престанетъ,
Какъ утро мая, весела!
Надежда ввѣкъ да не забудетъ:
„Я счастье, радость — всѣхъ сердецъ!“
Вся жизнь, скажу я наконецъ,
Вся жизнь твоя всегда да будетъ
Плѣнительна, какъ ропотъ струй,
Свѣтла, какъ ручеекъ прозрачный,
И сладостна, какъ первый брачный —
Сердецъ сліянье — поцѣлуй!

У своего дяди (мы не знаемъ, по отцу или по матери?) Шкляревскій воспитывался шесть лѣтъ, а въ 1823 году при учрежденіи въ Петербургѣ гимназіи (нынѣ третьей)*) онъ поступилъ въ нее, пробылъ тамъ четыре года и окончилъ курсъ гимназіи въ 1827 году, въ возрастѣ 21 года.

Надобно думать, что и у дяди, и въ гимназіи Шкляревскій получилъ превосходную подготовку. Поэтическое

*) См. „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія,“ ч. 121, за 1864 годъ, стр. 566.

дарованіе открылось въ немъ въ бытность его въ гимназіи; пользуясь отличнымъ знаніемъ древнихъ и новыхъ языковъ, особенно нѣмецкаго, Шкляревскій-гимназистъ начинаетъ переводить русскими стихами изъ Гёте, Шиллера, Клопштока, Матиссона, Салиса, Вальтера Скотта (съ англійскаго) и Горація. Въ это же время, около 1826 г. онъ начинаетъ печататься: онъ былъ одинъ изъ вкладчиковъ альманаха „Календарь Музъ“, издаваемаго Александромъ Ефимовичемъ Измайловымъ и П. Яковлевымъ. Очевидно, у нашего гимназиста уже завязались литературныя связи и знакомство. Въ „Календарѣ Музъ“ появились пьесы Шкляревскаго, переводныя и оригинальныя, какъ то „Лакинъ-и-Геръ“, „Къ Мельпоменѣ“, „Въ альбомъ К. М. С.“

Въ гимназіи же Шкляревскій завязалъ тѣсную дружбу съ однимъ товарищемъ по классу, далеко не заурядным человѣкомъ. Это былъ одинъ изъ двухъ братьевъ Куторга, которые потомъ были оба извѣстными профессорами Петербургскаго университета. Другомъ Шкляревскаго былъ не естественникъ, а филологъ и историкъ — Михаилъ Семеновичъ Куторга. Такъ какъ онъ играетъ роль въ жизни Шкляревскаго, то скажемъ и о немъ нѣсколько словъ.

Михаилъ Куторга, вѣроятно, бѣлорусскаго происхожденія, дворянинъ, родился въ Могилевской губерніи въ 1811 году и былъ моложе своего друга на 5 лѣтъ. Послѣ ученія въ Петербургскихъ гимназіи и университетѣ (менѣе года) онъ былъ посланъ для приготовленія къ каѳедрѣ въ Дерптъ, о чемъ идетъ у насъ рѣчь еще ниже, пробылъ въ Дерптѣ съ 1828 года до 1832 года, затѣмъ съ 1833—1834 г. г. пробылъ за границею для научнаго усовершенствованія, а съ 1835 года сталъ профессоромъ Петербургскаго университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Своими трудами и трудами руководимыхъ имъ учениковъ (преимущественно, по греческой исторіи изъ эпохи тирановъ и демократическаго строя) М. С. Куторга стяжалъ себѣ большую извѣстность и сталъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ. Въ 1869 г.

Куторга вышелъ въ отставку, но въ томъ же году былъ министромъ графомъ Д. А. Толстымъ назначенъ по такой же каѳедрѣ въ Московскій университетъ, гдѣ служилъ до 1874 года. Съ этого времени М. С. Куторга жилъ на родинѣ, въ Могилевской губерніи, у себя въ имѣніи Борокъ, гдѣ и скончался 75 лѣтъ отъ роду 21 мая 1886 года, на много переживъ своего бѣднаго друга П. П. Шкляревскаго.

Политическіе взгляды М. С. Куторги со временемъ сильно измѣнились. По воспоминаніямъ Э-ч. „Студенческія корпораціи въ Петербургскомъ университетѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ“ („Русская Старина“ за 1881 г., т. 30, стр. 370—371), „М. С. Куторга былъ въ 30-хъ годахъ очень либераленъ и весьма обожаемъ студентами“. Позднѣе онъ сталъ крайнимъ правымъ — и измѣнилось къ нему отношеніе студентовъ и коллегъ. Какъ бы то ни было, М. С. Куторга былъ истиннымъ и большимъ ученымъ: и за послѣдніе годы, въ своемъ Боркѣ, онъ занимался неутомимо. Статьи, имъ тамъ написанныя, были изданы по смерти его, въ 1896 г. и составили два большіе тома. Библіотека его изобиловала рѣдкими и дорогими книгами. Печатный каталогъ ея самъ по себѣ тоже составилъ цѣлую книгу. Библіотека М. С. Куторги была продана вдовою его племянника съ аукціона и ушла въ значительной степени заграницу. *) . . .

Мы имѣемъ основанія думать, что М. С. Куторга очень любилъ своего друга; онъ же по его смерти собралъ и напечаталъ (вѣроятно, на собственный счетъ) особою книжечкой его стихи, снабдивъ ихъ введеніемъ. Въ свою очередь П П. Шкляревскій посвятилъ Куторгѣ два стихотворенія. Одно изъ нихъ, это —

---

*) Изъ этого каталога видно, что нѣкоторое число экземпляровъ изданныхъ Куторгою „Стихотвореній“ Шкляревскаго хранилось въ его библіотекѣ.

Элегія М. С. Куторгѣ.

Земля туманами одѣта,
Завялъ цвѣтистый, мягкій лугъ,
И ласточка, пѣвица лѣта,
Взвилась въ далекій, теплый югъ.
Такъ радость жизни улетѣла,
Вспорхнулъ души небесный миръ,
И я угрюмъ, я мраченъ, сиръ;
И грудь изныла, охладѣла,
Мечты отъ сердца далеки,
И мразъ по жиламъ пробѣгаетъ . . . . .
И только душу согрѣваетъ
Пожатье дружеской руки! *)

Вотъ какъ цѣнилъ Шкляревскій дружбу Куторги. Другое стихотвореніе представляетъ собой, какъ намъ кажется, подражаніе извѣстнымъ стихамъ К. Ѳ. Рылѣева къ А. А. Бестужеву „Не сбылись, мой другъ, пророчества Пылкой юности моей.“

Стансы М. С. Куторгѣ.

Не сбылись мечтанья младости,
Сны златые майскихъ дней!
Не цвѣтутъ мнѣ въ жизни радости,
Нѣтъ утѣхъ душѣ моей!

Не плѣняетъ день картинами,
Чувство славы умерло,
И унылыми морщинами
Обложилося чело (sic).

Мучусь грустью безотрадною:
Ахъ! я гнѣвъ судьбы позналъ.
Рано опытъ дланью хладною
Сердце бѣдное сковалъ.

Лишь одною тихой лирою
Услаждаю злой недугъ;
Лишь не сиръ душою сирою —
Близъ тебя, мой милый другъ! **)

*) Стр. 17.
**) Стр. 52—53.

Гимназистомъ же П. П. Шкляревскій написалъ прекрасное стихотвореніе „Къ товарищамъ“, гдѣ удивительно вѣрно предсказалъ свою раннюю смерть, и притомъ именно — на чужбинѣ. Этого стихотворенія мы коснемся еще ниже, а пока приведемъ изъ него лишь обращеніе къ товарищамъ (стр. 71):

Къ товарищамъ.

Друзья, ликуйте, наслаждайтесь
Летучимъ счастьемъ бытія,
Любовью братской упивайтесь,
Доколѣ пѣсня соловья
Вамъ въ сердце радость проливаетъ,
Доколѣ прелестью блистаетъ
Невинной юности заря!
Да осѣняетъ кудри ваши
Изъ розъ и ландышей вѣнокъ,
Цѣдите съ громкимъ кликомъ въ чаши
Багряный винограда сокъ!
Пусть ваша жизнь блеститъ, свѣтлѣетъ,
Какъ чистый ключъ въ лугу цвѣтномъ,
Пусть радость васъ, какъ мать, лелѣетъ,
Своимъ живительнымъ крыломъ!
Для дѣлъ великихъ и священныхъ,
Для дѣлъ, безсмертьемъ одаренныхъ,
Для славы Бѣлаго Царя,
Растите, мышцы укрѣпляя,
Въ науки алчный взоръ вперяя,
И нѣжной дружбою горя!

Куторга и Шкляревскій поступили въ студенты Петербургскаго университета въ одинъ и тотъ же годъ, въ 1827 г., но по разнымъ отдѣленіямъ, Шкляревскій на философско-юридическое, а Куторга на словесное. Учились они въ Петербургскомъ университетѣ очень успѣшно, но, какъ сказано выше, имъ не долго пришлось учиться въ Петербургѣ. Ихъ обоихъ вмѣстѣ откомандировали въ Дерптъ. Они въ числѣ другихъ попали въ новосозданный тогда Профессорскій Институтъ.

Это произошло такимъ образомъ. По мысли бывшаго дерптскаго профессора, а потомъ академика Георга Парота,*) который былъ человѣкъ съ большими связями и даже будто-бы состоялъ когда-то въ личной дружбѣ съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, выработанъ былъ проектъ о принятіи особыхъ мѣръ для снабженія русскихъ университетовъ такими преподавателями наукъ, познанія которыхъ стояли бы въ уровень съ успѣхами знанія въ Западной Европѣ. Вмѣстѣ съ этимъ имѣли въ виду еще избавиться отъ зависимости отъ заграничныхъ ученыхъ, преподававшихъ къ тому же не по русски; хотѣли, чтобы каѳедры во всѣхъ тогдашнихъ четырехъ русскихъ университетахъ, кромѣ Дерптскаго (Петербургскомъ, Московскомъ, Казанскомъ и Харьковскомъ), со временемъ были замѣщены исключительно природными русскими. Въ ноябрѣ 1827 г. состоялось Высочайшее повелѣніе избрать въ означенныхъ университетахъ человѣкъ двадцать способнѣйшихъ студентовъ и послать ихъ учиться сначала въ Дерптъ, а потомъ въ Берлинъ или Парижъ. **)

Главное Правленіе Училищъ находило нужнымъ, чтобы русскіе студенты учились у дерптскихъ профессоровъ по три года, а затѣмъ совершенствовались заграницею еще два года. За это они обязывались послѣ возвращенія изъ-за границы служить по учебной части по занятіи каѳедръ 12 лѣтъ. Затѣмъ Правленіе находило возможнымъ въ число профессорантовъ допустить также и иностранцевъ по происхожденію, но русскихъ подданныхъ, родившихся въ Россіи и тамъ же полу-

*) О личности его см. очень любопытныя мнѣнія въ мемуарахъ профессора Краузе (на нѣмецкомъ языкѣ).

**) Одною изъ ближайшихъ причинъ къ основанію Профессорскаго Института въ Дерптѣ было мнѣніе правительства о неудовлетворительномъ и ненадежномъ направленіи нашей молодежи, къ которому оно пришло по поводу заговора декабристовъ, большинство которыхъ были воспитаны иностранцами. См. нашу спеціальную статью объ образовательномъ цензѣ декабристовъ въ предшествующемъ томѣ этого „Сборника“.

чившихъ свое первоначальное воспитаніе. Замѣчательно, однако, что Императоръ Николай Павловичъ, утвердивъ всѣ предположенія Правленія, отвергъ послѣднее: „Согласенъ“, написалъ онъ, „но съ тѣмъ, чтобы непремѣнно были всѣ природные русскіе“. Это вполнѣ согласовалось съ тѣми знаменательными словами, какія 27 октября 1826 г. произнесъ Императоръ въ кругу служащихъ при посѣщеніи имъ Московскаго университета, что онъ желаетъ видѣть въ воспитанникахъ этого университета „прямо русскихъ.“

Не менѣе, однако, любопытно, съ другой стороны, и то, что Высочайшая Воля даже такого Самодержца, какъ Николай Павловичъ, притомъ выраженная столь категорично, не была исполнена во всей ея строгости. Въ Профессорскій Институтъ стали попадать и нерусскіе, — и по первому же набору вошли туда два поляка — Валицкій (потомъ профессоръ Харьковскаго университета) и Ивановскій (потомъ профессоръ Петербургскаго университета). Оба они были, повидимому, польскими націоналистами*). По крайней мѣрѣ, судя по прочтеннымъ мною архивнымъ актамъ, они не желали подписывать свою фамилію по русски, — и тамъ, гдѣ всѣ писали по русски, Валицкій и Ивановскій употребляли латинскій языкъ и расписывались латинкою, очевидно, умышленно выдѣляя себя передъ нѣмцами.

4 ноября 1827 года Министръ Народнаго Просвѣщенія, А. С. Шишковъ за № 6574 предложилъ попечителю Петербургскаго учебнаго округа, извѣстному меценату и ученому, К. М. Бороздину исполнить Высочайшую волю.

Петербургскій университетъ представилъ шесть своихъ воспитанниковъ, изъявившихъ желаніе поступить въ Профессорскій Институтъ, и одобренныхъ профессорами. Изъ тринадцати человѣкъ кандидатовъ выпуска 1823 г., состоявшихъ при университетѣ, не нашлось ни одного, кто бы

*) Что, однако, не мѣшало имъ, разумѣется, служить потомъ въ русскихъ университетахъ.

пожелалъ въ Дерптъ. Аспирантами на каѳедры оказались пять человѣкъ первокурсниковъ и одинъ третьяго курса, всего шестеро (Чивилевъ, Лапшинъ, Калмыковъ, два брата Куторги и нашъ Шкляревскій).

Желавшіе поступить въ Дерптъ студенты Петербургскаго университета вмѣстѣ со студентами, присланными изъ другихъ университетовъ, были подвергнуты предварительному испытанію въ Императорской Академіи Наукъ.

Академическія испытанія сошли у Шкляревскаго слѣдующимъ образомъ. 23 іюня экзаменовалъ его по нѣмецкому языку Полнеръ, поставилъ ему „очень хорошо“ и отмѣтилъ, что лекціи на нѣмецкомъ языкѣ Шкляревскій понимать въ состояніи; это было необходимо въ виду того, что молодые люди ѣхали учиться въ университетъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. 28 іюня Шкляревскій экзаменовался по французскому языку у профессора Ивана Тилло. Этотъ Тилло ставилъ отмѣтки чрезвычайно скупо, какъ убѣдились мы, просмотрѣвъ всю его табель. Но и онъ поставилъ Шкляревскому „хорошо“. Главнымъ экзаменаторомъ явился для него классикъ Грефе,*) который и рекомендовалъ Шкляревскаго въ Профессорскій Институтъ. У Грефе онъ выдержалъ экзаменъ по обоимъ древнимъ языкамъ отлично. Im mündlichen Examen, писалъ Грефе, ganz vorzüglich gut, im lateinischen Schreiben sehr gut, in aller Art durchaus zu empfehlen. Правда, онъ поставилъ выше его — Петра Калмыкова, прописавъ тому: durchaus sehr zu empfehlen. Шкляревскій предназначенъ былъ изучать философію, но не въ нынѣшнемъ смыслѣ, а въ смыслѣ наименованія цѣлаго факультета, преимущественно же, древне-класси-

*) О Грефе см. I томъ моего сочиненія „Литература и просвѣщеніе“. Это — тотъ самый пригрѣтый въ Россіи иностранецъ, академикъ и профессоръ университета Грефе, который русскихъ казеннокоштныхъ студентовъ величалъ въ глаза не иначе, какъ: „Вы, подлые казенные людишки“ (по латыни), выражая презрѣніе сразу и къ ихъ бѣдности, и къ ихъ низкому происхожденію (самъ онъ былъ женатъ на баронессѣ), и къ ихъ русской національности.

ческую филологію — вмѣстѣ съ Дмитріемъ Крюковымъ — казанцемъ (потомъ извѣстнымъ Московскимъ классикомъ-филологомъ), Альфонсомъ Валицкимъ и уже названнымъ Петромъ Калмыковымъ, который потомъ, однако, въ Дерптѣ измѣнилъ филологіи и перешелъ на юриспруденцію; въ этой послѣдней онъ и составилъ себѣ громкое имя.

Всѣ экзаминанты, и петербуржцы, и иногородніе были признаны весьма надежными къ приготовленію на каѳедру, за исключеніемъ одного лишь, ставшаго потомъ, однако, самымъ знаменитымъ изъ всѣхъ своихъ товарищей — Николая Ивановича Пирогова. Его признали только просто надежнымъ. Этотъ самый послѣдній и худшій быстро обогналъ всѣхъ товарищей по Профессорскому институту и получилъ каѳедру въ самомъ Дерптѣ, у самихъ учителей своихъ — нѣмцевъ!

Компанія профессорантовъ была весьма разнообразная. Наряду съ Шкляревскимъ, первокурсникомъ, хотя и 22 лѣтъ, были люди, уже окончившіе курсъ въ лицеяхъ и университетахъ по разнымъ факультетамъ (Рѣдкинъ и Шуманскій), лекаря, какъ тотъ же Пироговъ (москвичъ), Скандовскій, Корнухъ-Троцкій, даже докторанты медицины, какъ Сокольскій. Всѣ эти званія пошли на смарку, всѣ профессоранты были уравнены въ правахъ и всѣ должны были добиваться дерптскихъ ученыхъ степеней.

Въ Дерптъ поѣхало изъ двадцати профессорантовъ лишь 19. Одинъ (Мухинъ), посвятившій себя восточнымъ языкамъ, остался въ Петербургѣ при Академіи Наукъ, потому что въ Дерптскомъ университетѣ не было оріенталистовъ.

Петербуржцы всѣ отличились на экзаменахъ. Ихъ всѣхъ одобрили, а нѣкоторыхъ изъ нихъ признали за обладающихъ „отличными познаніями не только по части, коей они себя, преимущественно, посвящаютъ, но и по многимъ другимъ“. — „И имъ было хорошо, и начальству ихъ было пріятно.“ Попечителю университета, К. М. Бороздину, объявлено было Монаршее благоволеніе, а профессорамъ отъ имени

Министра Народнаго Просвѣщенія, князя Карла Ливена, уже смѣнившаго Шишкова, благодарность Министерства Народнаго Просвѣщенія. *)

Отъ 9 августа за № 947, когда профессоранты были уже въ Дерптѣ, Бороздинъ **) обратился къ нимъ съ слѣдующимъ любопытнымъ письмомъ.

„Господамъ студентамъ, поступившимъ изъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета въ Профессорскій Институтъ. Изъ приложеннаго здѣсь списка съ отношенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія ко мнѣ (отъ 31 іюля 1828 года за № 4526) увидите вы, что Его Свѣтлость (князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ), донося Государю Императору о избраніи васъ въ числѣ прочихъ для поступленія въ Профессорскій Институтъ, отозвался о пріобрѣтенныхъ вами до сего времени познаніяхъ съ отличною похвалою. Увидите также, что при семъ случаѣ я удостоился получить за то Монаршее благоволеніе.

Спѣшу раздѣлить сію радость съ вами, юные друзья мои: да утвердитъ она еще болѣе въ сердцахъ вашихъ правила, при воспитаніи вашемъ посѣянныя, и вами уже столь лестнымъ для наставниковъ вашихъ образомъ оправдываемыя. Слѣдуйте неутомимо къ той великой цѣли, которую Провидѣніе и Государь вамъ предназначили. Обогащайте умъ вашъ новыми познаніями, принесите ихъ съ собою въ наше отечество; но возвратитесь такъ же съ чистыми сердцами, возвратитесь усердными сынами православной греко-россійской церкви, съ непоколебимою вѣрностію къ Государю, съ пламенною любовію къ отечеству, словомъ — возвратитесь русскими. Тогда Провидѣніе благословитъ новое поприще ваше, вы исполните волю Монарха, оправдаете сладостную надежду наставниковъ

---

*) См. Исторію Петербургскаго Университета В. В. Григорьева, стр. 85—86 и примѣчанія №№ 159—165.

**) О Бороздинѣ, благородномъ покровителѣ служившаго у него А. В. Никитенка, можно многое найти въ „Запискахъ“ послѣдняго.

вашихъ, и покажете въ самомъ дѣлѣ, что вы достойны соучаствовать въ великомъ и столь многоотвѣтственнымъ предъ Богомъ, Государемъ и согражданами дѣлѣ народнаго образованія.

Вотъ о чемъ молю Бога и чего искренно желаю вамъ, друзья мои; но, признаюсь, желалъ бы имѣть отъ васъ еще нѣчто и для себя: я желалъ бы имѣть память вашего сердца обо мнѣ. Константинъ Бороздинъ.

16 іюля 1828 г.*) Петербургскій университетъ отправилъ своихъ бывшихъ воспитанниковъ въ Дерптъ и напутствовалъ ихъ молебномъ. Вскорѣ по прибытіи на мѣсто Шкляревскій съ товарищами были имматрикулированы въ студенты дерптскаго университета, — 21 іюля 1828 г.

Воспитанники Профессорскаго Института составляли особую корпорацію, ввѣренную спеціальному надзору отдѣльнаго директора, который слѣдилъ за ихъ успѣхами въ наукахъ и аттестовалъ ихъ поведеніе. Первымъ директоромъ Профессорскаго Института былъ назначенъ профессоръ русской словесности при Дерптскомъ университетѣ Василій Матвѣевичъ Перевощиковъ.

О личности В. М. Перевощикова мы имѣемъ противорѣчивыя сообщенія. Старые русскіе студенты, члены русской корпораціи „Рутенія“, и въ томъ числѣ, поэтъ Н. М. Языковъ**) относились къ Перевощику съ почтеніемъ, ходили къ нему на лекціи, посѣщали его на дому и пользовались его гостепріимствомъ. Новые пріѣзжіе, подвѣдомственные Перевощикову профессоранты, какъ то Н. И. Пироговъ и Д. М. Крюковъ вступили со своимъ директоромъ въ войну, жаловались на него. Чѣмъ то неугоденъ былъ Василій Матвѣевичъ и нѣмецкой университетской администраціи,

*) Эта дата берется по В. В. Григорьеву. По указанію архивныхъ дѣлъ и Михаила Куторги въ предисловіи къ стихотвореніямъ Шкляревскаго день отправленія выходитъ 15 іюля (стр. X).

**) См. мою выше названную статью „Къ біографіи Н. М. Языкова“ въ XI т. „Сборника“, стр. 30.

и его сплавили, какъ сплавили его предшественника А. Ѳ. Воейкова. Нѣмецкая молодежь въ общемъ находится подъ строгимъ руководительствомъ и дисциплиной старшихъ, которые въ силахъ всегда удержать ее отъ эксцессовъ. *) Но на этотъ разъ ее не смогли какъ-то сдержать — и Перевощиковъ палъ жертвою нѣмецкихъ студентовъ, которые выгнали его изъ аудиторіи, „выстучали“ его. Въ ту пору такое обхожденіе съ профессорами не только со стороны нѣмецкихъ студентовъ, но и вообще въ русскихъ университетахъ было дѣломъ страшной рѣдкости, и въ параллель съ Перевощиковскимъ изгнаніемъ можно поставить только „Маловскую“ исторію въ Москвѣ, изгнаніе профессора Малова изъ аудиторіи московскими студентами (въ чемъ принимали участіе тогдашніе московскіе студенты М. Ю. Лермонтовъ и А. И. Герценъ). Кто виноватъ въ перевощиковской исторіи, мы не знаемъ. Пироговъ обвиняетъ Перевощикова въ шпіонствѣ за профессорантами и т. д. Но показаніямъ Пирогова, въ силу ихъ постоянной крайней пристрастности, тоже не всегда приходится вѣрить . . . .

Профессорантамъ положено было жалованье по 1200 р. въ годъ — сумма, для тогдашняго Дерпта болѣе, чѣмъ достаточная. Для нихъ къ ихъ пріѣзду были заготовлены квартиры стоимостью за семестръ, съ отопленіемъ 64 руб. 33⅓ коп., — судя по цѣнѣ, перворазрядныя, **) состоявшія очевидно, не изъ одной комнаты. Столъ былъ заготовленъ у содержителя трактира Гакштеттера съ платою по 10 р. съ персоны въ мѣсяцъ, да на первоначальное обзаведеніе ему же съ персоны дано было единовременно по 1½ р. Опять-

*) Для характеристики нравовъ стараго Дерпта весьма любопытна статья „Дерптскій полицеймейстеръ Ракитинъ“ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1907 г., январь.

**) Еще двадцать пять лѣтъ тому назадъ можно было достать въ тогдашнемъ Дерптѣ хорошую студенческую комнату съ тепломъ за 25 р. въ семестръ. — Архивныя данныя мы сообщаемъ потому, что о Профессорскомъ Институтѣ у насъ почти ничего не извѣстно въ литературѣ.

таки, судя по цѣнѣ, обѣдъ долженъ былъ быть самый лучшій, какой только можно было достать въ Дерптѣ. Отмѣтимъ еще, ради курьёза, что, по показаніемъ Языкова и Пирогова, деньги выдавались студентамъ особыя, мѣстныя, не металлическія, и не бумажныя, а кожанныя, кусочекъ кожи со штемпелями. *)

Мы видимъ, что профессорантовъ хотѣли сразу поставить въ мыслимо лучшія внѣшнія условія, совершенно освободивъ ихъ отъ заботъ о матеріальной жизни, и предоставляя имъ возможность всецѣло предаться занятіямъ наукою.

Но и въ этихъ условіяхъ нѣкоторые не выдерживали: тосковали и страдали ностальгіею. Такъ одинъ изъ профессорантовъ, Шуманскій, украинецъ, не выдержалъ, подалъ въ отставку и уѣхалъ изъ Дерпта; потомъ, когда его тоска дома поулеглась, онъ опять просился на свое старое мѣсто, но просьба его уже не была уважена.

Шкляревскій, повидимому, скоро обжился въ Дерптѣ. По свидѣтельству Куторги (стр. XII—XIII), „въ Дерптѣ открылось новое поле для его умственной дѣятельности; богатая библіотека (университета) доставила ему многія средства для занятій, и онъ съ величайшимъ рвеніемъ старался о пріобрѣтеніи новыхъ познаній“.

Теперь на основаніи архивныхъ свѣдѣній мы возстановимъ картину научныхъ занятій Шкляревскаго въ бытность его профессорантомъ въ Дерптѣ.

Во II семестрѣ 1828 года, первомъ по прибытіи его въ Дерптъ, Шкляревскій слушалъ лекціи профессоровъ: у Моргенштерна по римскимъ древностямъ и нумизматикѣ, Франке — „Электру“, Блюма — древнюю исторію, Еше — психологію, Перевощикова — исторію русской литературы и у лектора Раупаха — нѣмецкій и итальянскій языки. 22 декабря 1828 г. Шкляревскій экзаменовался у

*) „Бывало, кожаной монетой Куплю таинственныхъ отрадъ“ (Н. М. Языковъ, „Н. Д. Киселеву“),

проф. Перевощикова и обнаружилъ въ русской словесности „весьма хорошія“ свѣдѣнія. Затѣмъ Шкляревскій и его товарищи подали профессорамъ письменныя работы, очевидно, уже на нѣмецкомъ языкѣ. 1 февраля 1829 г. философъ Еше, прилагая „краткія сочиненія, написанныя по его требованію членами Профессорскаго института“ (самихъ сочиненій при дѣлѣ я не нашелъ), свидѣтельствовалъ, что они, судя по работамъ, слушали его курсъ психологіи внимательно и усердно. Для нихъ же Еше устроилъ особый конверсаторій по субботамъ вечеромъ — исключительно для профессорантовъ. Франке, разбирая работы, на первое мѣсто поставилъ именно Шкляревскаго, на латинскомъ языкѣ De Theramenis vita et moribus commentatio на 40 страницахъ, находя, что авторъ тщательно изучилъ источники, обнаружилъ самостоятельность сужденія, способность къ методической критикѣ и владѣетъ латинскимъ стилемъ. Латинское же сочиненіе было подано Шкляревскимъ профессору Моргенштерну. Раупахъ нашелъ, что Шкляревскій знаетъ по нѣмецки лучше другихъ. У Блюма въ общемъ отвѣты по статистикѣ признаны хорошими. Вообще нужно замѣтить, что дерптскіе профессора вели надъ занятіями порученныхъ имъ юношей — будущихъ русскихъ профессоровъ, детальный и бдительный, иногда даже придирчивый и мелочной контроль.

Въ первомъ отчетѣ Перевощикова Шкляревскій аттестованъ такъ: прилежаніе отличное, поведеніе благонравное и степенное.

Шкляревскій шелъ въ своемъ рвеніи далѣе оффиціальныхъ рамокъ. Такъ, по совѣту проф. Крузе, онъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Куторгой, своимъ другомъ, занялся еврейскимъ языкомъ, беря уроки не у университетскаго преподавателя, а у нѣкоего Блюменберга, которому платилось за это отъ казны 600 р. въ годъ.

Шкляревскій былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со своими товарищами, напр., съ Н. И. Пироговымъ („Дневникъ стараго врача“, т. I, стр. 341 и 440). „Латынь въ диссертаціи

помогли мнѣ“, говоритъ Пироговъ, „обработать товарищи — филологи, покойные Крюковъ и Шкляревскій; признаюсь, для красоты слога жертвовалъ иногда и содержаніемъ“. Медицинскія работы тогда писались обязательно по латыни. Самого Шкляревскаго даже желчный Пироговъ характеризуетъ, какъ „поэта съ прекрасною, высокою душой.“

Удивительно, что нѣтъ никакихъ извѣстій о знакомствѣ и вообще объ отношеніяхъ между Шкляревскимъ и Языковымъ, который еще проживалъ въ Дерптѣ, хотя и покинулъ уже университетъ. Ни у Языкова, ни у Шкляревскаго не встрѣчается стихотвореній, посвященныхъ другъ другу. Не встрѣтиться они не могли, потому что русская колонія въ Дерптѣ была и съ пріѣздомъ профессорантовъ всетаки очень немногочисленная, да мы и знаемъ, что Языковъ водилъ знакомство съ профессорантами: напр., съ Василіемъ Ѳедоровымъ, астрономомъ, онъ былъ друженъ. Наконецъ, поэзія и литературныя стремленія должны были бы объединить обоихъ поэтовъ; притомъ молодой поэтъ не могъ не чувствовать интереса къ знаменитому уже тогда Языкову.

Въ I семестрѣ 1829 г. Шкляревскій посѣщалъ у Моргенштерна — греческія и римскія древности, курсъ о частной жизни римлянъ, энциклопедію филологіи и чтеніе „Менона“ Платона; у Еше онъ слушалъ нравственную философію (этику), у Франке — Цицерона, Демосѳена и Аристофана, у Блюма — римскую исторію; у Раупаха онъ посѣщалъ лекціи нѣмецкой грамматики съ упражненіями въ стилѣ и объясненіемъ нѣмецкихъ писателей — „съ успѣхомъ“.

Любопытно, что М. М. Сперанскій прислалъ отъ 22 іюня 1829 г. въ Профессорскій институтъ просьбу подготовить нѣсколькихъ спеціалистовъ по римскому праву — въ романистахъ и тогда была большая недостача! — при чемъ указывалъ на Шкляревскаго, Лапшина и Калмыкова, которые были замѣтны по своимъ успѣхамъ, еще учась въ Петербургскомъ университетѣ. Однако, Шкляревскій не пошелъ въ юристы.

Въ томъ же I семестрѣ 1829 г. Шкляревскій бывалъ на

историческихъ диспутахъ у Крузе и держалъ экзаменъ у Еше, равно по римской исторіи и по греческому языку. У Еше Шкляревскій продолжалъ принимать участіе въ философскомъ конверсаторіи — спеціально устроенномъ для профессорантовъ, причемъ интересно то обстоятельство, что Еше не прекращалъ конверсаторія и на лѣтнія вакаціи. 12 іюля Еше отмѣтилъ, что Шкляревскій въ конверсаторіи обнаружилъ интересъ, пониманіе и успѣхи, но сочиненія не подалъ за недостаткомъ времени. Впрочемъ, Еше добавляетъ, что Шкляревскій и Калмыковъ всетаки обѣщаются написать по сочиненію на тему, заданную изъ этики.

Затѣмъ Шкляревскій расхворывается. У Моргенштерна, хотя онъ въ этомъ семестрѣ и слушалъ весьма прилежно, но по болѣзни не держалъ экзамена и не могъ докончить сочиненія о сатирахъ Горація. У Франке онъ экзаменовался, но по болѣзни не подалъ работы.

Въ своемъ отчетѣ за этотъ семестръ Перевощиковъ, директоръ Института, отмѣтивъ, кстати сказать, что Пироговъ замѣченъ въ нерачѣніи, т. е. по нынѣшнему въ лѣности и манкировкѣ занятіями (что̀ нѣсколько объясняетъ его отзывы о Перевощиковѣ), Шкляревскаго аттестуетъ такъ: „поведеніе благонравное, прилежаніе отличное, но по тяжкой болѣзни не могъ надлежащимъ образомъ и непрерывно посѣщать преподаваніе“; замѣчено въ отчетѣ, что у Франке Шкляревскій толковалъ Аристофана на латинскомъ языкѣ, а у Еше слушалъ нравственную философію и посѣщалъ частныя бесѣды съ похвальною ревностію и на испытаніи доказалъ любовь, способность къ сей наукѣ и успѣхи въ оной. Очевидно, подъ благожелательнымъ руководствомъ Еше изъ Шкляревскаго могъ выработаться и хорошій спеціалистъ по философіи. *)

*) По преданію, лекціи Еше были, однако, скучноваты и не привлекали къ философіи. Преподавалъ онъ болѣе 35 лѣтъ, а ни одного философа не подготовилъ . . . . .

Однако, во II семестрѣ 1829 г. Шкляревскій совсѣмъ покидаетъ спеціальныя философскія занятія и даже не слушаетъ лекцій у Еше, у котораго работали тогда только четверо — Михаилъ Куторга, Корнухъ-Троцкій, Крюковъ и Шиховскій; они же слушали у Еше и энциклопедію философіи.

Шкляревскій слушалъ въ этотъ семестръ у Моргенштерна — греческія древности и изъясненіе на монеты, у Франке — изъясненіе на Эсхила и Плавта и у Крузе — — греческую исторію, участвуя такъ же и въ диспутахъ. Въ концѣ семестра Раупахъ хвалилъ успѣхи и прилежаніе Шкляревскаго въ итальянскомъ языкѣ, на которомъ онъ изучалъ трагическихъ поэтовъ и писалъ самъ работы. У Крузе онъ держалъ экзаменъ, у Моргенштерна же вслѣдствіе болѣзни не могъ посѣщать правильно (4 часа греческихъ древностей и 4 часа энциклопедіи и методологіи филологіи), не окончилъ работы о посланіи Горація и ходатайствовалъ о продленіи ему срока занятій еще на одинъ годъ въ виду болѣзни. У Франке онъ отслушалъ прилежно Miles gloriosus и „Агамемнона“ Эсхила, но сочиненія тоже не подалъ, по каковому поводу Франке сдѣлалъ такую весьма любопытную приписку: welches mir um so mehr leid that, weil ich von Zeit zu Zeit in Gesprächen mit ihm einen an sich nicht verwerflichen, mir jedoch nicht recht angenehmen Hang zu Etymologien und anderen nur zu leicht auf Abwege führenden Speculationen zu bemerken glaubte, die ich ihm gerne durch Aufforderung zur historischen Betrachtung alterthümlicher Gegenstände aus dem Sinne zu bringen gesucht hätte. Очевидно, философское направленіе ума Шкляревскаго пугало его учителя-эмпириста.

За этотъ семестръ Перевощиковъ аттестовалъ Шкляревскаго такъ: „весьма прилеженъ, даже болѣе, чѣмъ позволяетъ слабое здоровье, поведенія примѣрнаго.“

Въ послѣдній, предсмертный семестръ (I-ый — 1830 г.) своихъ занятій Шкляревскій слушалъ у Франке исторію греческой и латинской словесности, у Моргенштерна — архео-

логію и исторію филологіи и у учителя Блюменберга продолжалъ заниматься еврейскимъ языкомъ.

Отъ 14 марта 1830 года Министерство Народнаго Просвѣщенія прислало благодарность воспитанникамъ Профессорскаго Института за прилежаніе и успѣхи въ занятіяхъ наукою — всѣмъ, но особенно — Пирогову, Иноземцеву, Шрамкову, Михаилу Куторгѣ, Ивановскому, Калмыкову, Шкляревскому и Крюкову, т. е. восьми изъ оставшихся послѣ ухода Шуманскаго восемнадцати, менѣе, чѣмъ половинѣ. Шкляревскій, какъ мы видимъ, былъ отнесенъ къ первому разряду, къ особенно отличившимся.

Мы видѣли уже, что къ извѣстіямъ о блестящихъ научныхъ успѣхахъ Шкляревскаго начинаетъ примѣшиваться вѣсть объ его болѣзни, препятствующей ему въ его работѣ. Болѣзнь эта разрѣшилась смертью — Шкляревскому не суждено было пережить 1830 года. Между тѣмъ именно на Новый годъ 1830-й онъ написалъ стихотвореніе „Пѣснь любви“. Это стихотвореніе Шкляревскаго получаетъ значеніе оффиціальнаго документа, такъ какъ оно было читано въ собраніи Профессорскаго Института при празднованіи Новаго Года. Мы приведемъ его здѣсь, какъ одинъ изъ лучшихъ образчиковъ музы нашего поэта.

Пѣснь любви.

На новый 1830 годъ.

Снова мы стеклись, о братія,
Всѣ въ одинъ семейный кругъ;
Снова теплыя объятія
Отверзаетъ другу другъ.
Соплетемъ же красной младости
Пѣснопѣнія вѣнецъ,
Освятимъ для горней радости
Храмы дольніе сердецъ!

Было время: одинокою
Каждый странствовалъ тропой,

Сквозь туманъ и глушь далекою
Увлекаемый звѣздой.
Но Грядый незримо съ чадами
Слилъ пути въ единый путь:*)
Взгляды встрѣтились со взглядами
И къ груди прижалась грудь.

Духомъ въ тайнѣ пророченное
Въ милый образъ облеклось,
И свѣтило вожделѣнное
Всѣмъ единое зажглось.
То свѣтило незакатное
Мы любовію гласимъ:
Чье-то око благодатное
Въ наше сердце смотритъ имъ.

Какъ отъ странъ грѣхопаденія,
Гдѣ земный отцвѣлъ эдемъ,
Вѣстникъ шествовалъ спасенія
Къ яслямъ Бога въ Виѳлеемъ,
И колеблясь утѣшительно,
Разливалъ нетлѣнный свѣтъ;
Полны радости живительной,
Мудрецы текли во слѣдъ:

Такъ изъ бреннаго отечества,
Гости міра, мы грядемъ
Къ колыбели человѣчества,
Въ неветшающій эдемъ . . . .
Вихремъ дни за днями рѣются,
Молніей мелькаетъ годъ . . . . .
Скоро, скоро! . . . . мраки сѣются , . . .
Утро! Путники, впередъ!

---

*) Та же мистическая мысль есть и въ другой пѣсни Шкляревскаго „Къ другу. Во время грозы“ (стр. 48):

Изрыто премѣнами поприще свѣта,
Несчетно вiется на ономъ путей!
Но вѣчна одна Провидѣнія мета:
Вiются стези — и сливаются въ ней!

Дышетъ въ лица распаленныя
Намъ разсвѣтный вѣтерокъ,
Росы путь кропятъ студеныя,
Розами горитъ востокъ . . . . .
И внезапно въ блескѣ веліемъ
Станетъ вождь вверху гробовъ,
И взыграемъ мы веселіемъ
И въ убогій впàдемъ ровъ.

Ахъ! тамъ солнца пренебеснаго
Возсіяетъ полный ликъ!
Меркнетъ ока лучъ тѣлеснаго,
Цѣпенѣетъ нашъ языкъ! . . . .
Но еще мы здѣсь, о братія:
Насъ земный стѣсняетъ кругъ!
Пусть же въ теплыя объятія
Заключаетъ друга другъ! (стр. 25—27).

Объ этомъ чтеніи Шкляревскаго упоминаетъ и Пироговъ; онъ находитъ, что въ стихотвореніяхъ нашего поэта проглядывалъ м и с т и ч е с к і й оттѣнокъ. Замѣчаніе это, какъ мы видѣли, не лишено справедливости. Останавливаясь на „Пѣсни любви“, гдѣ поэтъ говорилъ своимъ товарищамъ, что пути ихъ слились, великій хирургъ замѣчаетъ: „пути наши, казавшіеся восторженному юношѣ уже слитыми, не слились, какъ показало время.“

О катастрофѣ, постигшей юнаго пѣвца, Пироговъ сообщаетъ: „Въ нашемъ профессорскомъ институтѣ было двое чахоточныхъ въ послѣднемъ періодѣ болѣзни: Шкляревскій и К о т е л ь н и к о в ъ. Первый на видъ здоровый, полный блондинъ съ хорошо развитою грудью, говорившій всегда громко, началъ харкать кровью и умеръ отъ скоротечной чахотки“. Замѣтимъ, что Котельниковъ, тоже почти умиравшій отъ чахотки, доказалъ обманчивость этой болѣзни: онъ не только не умеръ въ молодости, но профессорствовалъ въ Казани около четырехъ десятковъ лѣтъ, женился, дожилъ до глубокой старости и оставилъ здоровое потомство. Одинъ изъ его сыновей — на отцовой каѳедрѣ математики въ Ка-

занскомъ университетѣ, другой служитъ въ Казани же городовымъ полицейскимъ врачемъ.

Что касается Шкляревскаго, то гибель его надо прежде всего объяснить вліяніемъ неблагопріятнаго климата. Намъ лично не разъ случалось наблюдать вредоносность Юрьевскаго климата именно на малороссовъ-студентовъ; они часто заболѣвали легкими, а нѣкоторые изъ нихъ даже умирали здѣсь, въ Юрьевѣ. Какъ мы увидимъ ниже, основаніе къ своей болѣзни Шкляреский заложилъ даже и не въ Юрьевѣ, а еще въ Петербургѣ, тоже губительномъ для южанъ. Поэтому Куторга не вполнѣ правильно объясняетъ смерть Шкляревскаго однимъ только умственнымъ переутомленіемъ (стр. XIII): „это самое стремленіе къ наукѣ и было причиною его смерти", говоритъ Куторга: „отъ чрезмѣрнаго напряженія онъ получилъ чахотку и 10 іюля 1830 г. скончался, оплакиваемый всѣми своими друзьями и товарищами."

Какъ мы сказали выше, Шкляревскій и самъ того, быть можетъ, не подозрѣвая, удивительно мѣтко предсказалъ свою судьбу въ стихотвореніи, уже цитированномъ, „Къ товарищамъ". Онъ противопоставляетъ себя своимъ товарищамъ.

Стремитесь къ истинѣ высокой,
Къ блестящей метѣ бытія —
И счастье — спутникъ вашъ, друзья,
И слава — вашъ удѣлъ . . . а я —
А я, угрюмый, одинокій —
Не долго цвѣсть мнѣ на землѣ!*)

Затѣмъ поэтъ даетъ описаніе своей наружности, кажется, съ сильными преувеличеніями, если вѣрить Пирогову.

Я — мраченъ, дикъ; ланиты впали,
И руки скорби начертали
Бразды на пасмурномъ челѣ.
Душа трепещетъ и нѣмѣетъ,
Въ костяхъ струится огнь и хладъ;

*) Стр. 72.

Померкли очи: тусклый взглядъ,
И грудь заныла, цѣпенѣетъ,
И въ сердцѣ — тайный страсти ядъ.

Здѣсь поэтъ указываетъ уже на свою грудную болѣзнь. То же и ниже:

Вотще мечтаю, вдохновенный,
Порой о славѣ, о священной
Небесной дружбѣ: злой недугъ,
Какъ змѣй, всю плоть мою терзаетъ;
Въ отчаяньи мятется духъ,
И жизнь примѣтно утекаетъ,
И жаръ къ прекрасному потухъ . . . .

Дальше слѣдуетъ трогательное предсказаніе о своей преждевременной смерти на чужбинѣ, вдали отъ своихъ родныхъ.

И кто же, кто своей рукою
Мнѣ слёзы съ нѣжностью отретъ?
Кто, сострадательный, сольетъ
Свою слезу съ моей слезою?
Чего ищу, не обрѣту;
И рано, рано отцвѣту,
Сраженный смертною косою
Еще въ плѣнительной веснѣ;
Умру вдали отчизны милой, —
Злосчастный, въ чуждой сторонѣ —
Умру — и надъ моей могилой
Кто, кто поплачетъ обо мнѣ?*)

Несмотря на мнѣніе Пирогова о веселомъ характерѣ поэта, необходимо признать, что тоскливое настроеніе, вѣроятно, отчасти вызываемое тайнымъ, точащимъ организмъ недугомъ, хорошо было извѣстно нашему поэту и посѣщало его нерѣдко. Мысль о смерти совсѣмъ не была чужда душѣ поэта. Печальное настроеніе нашло себѣ точное выраженіе въ пьэсѣ „Осенній вечеръ“ (переводной), написанной, кажется, въ Дерптѣ. Мы приведемъ отрывокъ (стр. 62):

*) Стр. 73. Поплакать надъ его могилой и некому, и негдѣ, по той простой причинѣ, что эта могила затеряна, и мнѣ не удалось ея отыскать на нашемъ православномъ кладбищѣ въ Юрьевѣ.

Лампада брезжетъ; у окна
Бушуетъ вѣтеръ хладный;
Вокругъ все спитъ; лишь я безъ сна
Съ тоскою безотрадной.

Сверчекъ за печкою кричитъ,
Молчанье прерывая,
И вѣщій маятникъ звучитъ,
Мнѣ смерть напоминая.

Склонивши голову, сижу
И съ горькою слезою
Былое счастіе бужу
Угрюмою мечтою.

. . . . . .

Внимай, какъ въ стекла градъ дробитъ,
Какъ вихорь завываетъ,
Какъ листья желтые клубитъ
И ясени качаетъ.
Листокъ валится за листкомъ . . .

Далѣе поэтъ спрашиваетъ, скоро ли и онъ скроется въ гробъ забвенья . . . . .

Пьэса наглядно обрисовываетъ то настроеніе, какое легко могло овладѣть впечатлительнымъ южаниномъ въ томительный осенній вечеръ на нашей сторонѣ, когда съ сентября солнце скрывается почти на полгода, а дожди идутъ по суткамъ — и такъ — нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ . . . .

Съ предстоящею ему могилой поэтъ тоже хорошо освоился, и это представленіе не пугаетъ его, какъ показываетъ пьэса „Могила“, или по крайней мѣрѣ, слѣдующіе отрывки изъ нея (стр. 57—58):

Сладко спать въ гробѣ мягкомъ, дерновомъ:
Мракъ и безмолвіе тамъ!
Онъ застилаетъ чернымъ покровомъ
Міръ, незнакомый сердцамъ.

. . . . . .

Гдѣ же въ сей жизни сладостный, милый,
Гдѣ жъ обитаетъ покой? . . .

Ахъ! лишь вратами мрачной могилы
Входимъ мы въ край золотой! . . .

Сердце колеблютъ бури въ сей жизни:
Въ ней лишь несчастье одно!
Сердца миръ сладкій — въ лонѣ отчизны,
Тамъ, гдѣ не бьется оно! . . . . .

Все существо Шкляревскаго было проникнуто этою мистическою идеею о потустороннемъ мірѣ, Jenseits, которая есть наша отчизна до нашего рожденія на землѣ, — отчизна, куда мы должны возвратиться послѣ смерти. Тамъ все счастіе, тамъ покой и блаженство, туда надо стремиться; а потому смерти не нужно бояться. Смерть есть освободительница отъ земныхъ узъ; чѣмъ скорѣе вернуться къ себѣ „домой“, тѣмъ лучше!

Смерть и не страшила нашего поэта:

Сколь прелестенъ въ бѣлой
Ризѣ и въ вѣнкѣ,
Съ розой облетѣлой,
Съ лиліей въ рукѣ
Мирный смерти геній.
. . . . . .
Тамъ, въ странѣ прекрасной
Чище дня разсвѣтъ,
За денницей ясной
Вечеръ не придетъ! *)

О ходѣ болѣзни поэта мы тоже находимъ свѣдѣнія въ архивѣ университета. Пользовалъ Шкляревскаго тогдашній представитель каѳедры терапіи, профессоръ Заменъ. Еще за годъ до смерти, въ первое заболѣваніе Шкляревскаго, лѣтомъ 1829 г. Заменъ отъ 1 іюня доносилъ, что Шкляревскій въ истекшемъ I семестрѣ 1829 г. имѣлъ два раза кровохарканіе съ кашлемъ. Анамнезъ показывалъ, что туберкулёзъ легкихъ развился у поэта, вѣроятно, на

*) „Дѣтство“, стр. 60 – 61.

почвѣ предшествовавшей пнеймоніи. Оказалось по разспросу Замена, что еще за девять лѣтъ передъ тѣмъ, въ Петербургѣ, стало быть, въ 1819 году, когда поэту было 13 лѣтъ, онъ имѣлъ Brustentzündung. Хотя въ этомъ возрастѣ подобныя явленія и встрѣчаются, писалъ Заменъ, но повтореніе ихъ опасно, особенно въ виду предшествовавшей уже грудной болѣзни. А потому онъ, какъ врачъ, считаетъ своею обязанностію выразить свою неувѣренность въ благополучномъ исходѣ страданія и свое опасеніе (Unsicherheit und Besorgniss).

Когда Шкляревскій опять заболѣлъ зимою, то Заменъ доносилъ, что Шкляревскій боленъ продолжительно и опасно, и что онъ не ручается за его жизнь. Опытный врачъ былъ правъ. Туберкулёзъ продолжалъ поѣдать свою жертву и довелъ поэта до exitus letalis.

По смерти Шкляревскаго ректоръ Эверсъ и директоръ Профессорскаго института Перевощиковъ доносили попечителю Дерптскаго университета и Прибалтійскому генералу-губернатору Матвѣю Ивановичу Палену отъ 8 іюля за № 9:

„Съ истинною горестію честь имѣемъ донести Вашему Высокопревосходительству, что воспитанникъ Профессорскаго Института, студентъ С.-Петербургскаго университета Павелъ Шкляревскій, страдавшій долговременною чахоткою, скончался сего іюля 5 числа*) въ двѣнадцатомъ часу пополудни въ присутствіи профессора Замена, директора Профессорскаго Института и многихъ его товарищей. Сей юноша благонравнымъ поведеніемъ и примѣрнымъ прилежаніемъ не токмо подавалъ, но и приводилъ уже въ исполненіе прекрасныя надежды.**) По совершенному увѣренію осмѣливаемся сказать, что церковь лишилась въ немъ христіанина, государство — полезнаго гражданина, и Монархъ — вѣрнаго подданнаго.

---

*) Куторга ошибся, считая днемъ смерти Шкляревскаго 10-е число іюля (см. выше, стр. 42).

**) Стиль Перевощиковскій . . .

На уплату небольшого долга, который покойный сдѣлалъ по совершенной необходимости во время тяжкой и продолжительной болѣзни, и на приличное ему погребеніе мы осмѣлились назначить изъ суммъ Профессорскаго Института 350 р. Оставшіяся послѣ него книги и вещи опишутся и будутъ переданы въ распоряженіе университетскаго суда."

„Такова была жизнь молодого поэта," говоритъ Куторга: „присоедините ко всему этому необыкновенную доброту души, пламенный патріотизмъ и желаніе быть полезнымъ своему отечеству" (стр. XIII).

Нельзя не пожалѣть, однако, что Куторга поскупился на біографическія детали. Онъ исходилъ при этомъ изъ основанія, едва ли правильнаго (стр. X): „Жизнь молодого человѣка, умершаго на 24-мъ году *) возраста, и еще не выступившаго на поприще гражданской дѣятельности, можетъ быть занимательной только для его друзей."

Но вѣдь и мы, не знавшіе лично Шкляревскаго, можемъ, однако, чувствовать интересъ къ жизни и воззрѣніямъ бѣднаго юноши-поэта.

Куторга не безъ матеріальныхъ затратъ со своей стороны рѣшился увѣковѣчить память друга изданіемъ изящнаго томика in 16⁰: „Стихотворенія Павла Шкляревскаго". Санктпетербургъ. Печатано въ типографіи вдовы Плюшаръ. 1832. — Съ массою виньетокъ на обложкахъ, и въ текстѣ, послѣ каждаго почти стихотворенія: 2 титула + предисловіе издателя V—XIII стр. + страница съ эпиграфомъ (переводъ изъ Байрона Шкляревскаго: „Какъ имя на камнѣ" etc) + текста 3—85 + 1 пустая страница + оглавленіе 2 страницы безъ пагинаціи.

Издателемъ (стр. V) руководило желаніе „сдѣлать извѣстными опыты разцвѣтавшаго таланта, къ сожалѣнію, слишкомъ рано похищеннаго смертію для отечественной музы."

*) Двадцати четырехъ, на двадцать пятомъ году! День рожденія поэта — 15 января.

Это желаніе доставило Куторгѣ много пріятныхъ минутъ „при началѣ сего предпріятія.“ Онъ убѣжденъ, что книга „имѣетъ хотя нѣкоторое достоинство“ (стр. X). При редактированіи книги онъ „совѣтовался съ людьми опытными, знающими цѣну произведеніямъ словесности“ (стр. VII), т. е., вѣроятно, съ тѣмъ же Перевощиковымъ. Въ книгу вошло не все литературное наслѣдіе почившаго. Куторга (стр. V—VI) „не щадилъ трудовъ при разборѣ множества оставшихся послѣ Шкляревскаго сочиненій и переводовъ — и при сравниваніи различныхъ списковъ одного и того же стихотворенія.“ Лучшія статьи были выбраны и приведены въ порядокъ, узнаны были имена сочинителей при переводахъ и отмѣчены въ оглавленіи.

„Разсмотрите сочиненія Шкляревскаго (которыхъ къ сожалѣнію, немного *),“ говоритъ Куторга, — „и вы вездѣ найдете или высокую мысль, или чувство, выраженное языкомъ поэтическимъ; прочтите его стихи къ Богу, къ другу, На новый годъ, Къ товарищамъ — и вы удостовѣритесь, что мои слова справедливы. Даже въ „Кучумѣ“, думѣ еще совершенно не обработанной, чувство грусти выражено отличнымъ образомъ.... Переводы всѣ съ лучшихъ писателей, изъ Гёте, Шиллера, Байрона, Горація (стр. VIII), и пр.“

Иныя стихотворенія Шкляревскаго Куторга „осмѣливается поставить наряду со многими хорошими произведеніями нашей словесности“ (стр. VII).

Нѣкоторыя изъ лучшихъ произведеній Шкляревскаго или цѣликомъ, или въ отрывкахъ были уже представлены нами выше при обозрѣніи его біографіи. Книжка стихотвореній Шкляревскаго настолько рѣдка **), что для большинства чи-

*) Какое-то противорѣчіе: см. выше — осталось ихъ множество!

**) Впрочемъ, изъ продажнаго каталога библіотеки Куторги, изданнаго въ 1903 году, оказалось, что у издателя были еще экземпляры на складѣ въ Боркѣ. Конечно, никто не подозрѣвалъ этого обстоятельства . . . . .

тателей она недоступна, и мой этюдъ, пожалуй, явится для нихъ единственнымъ источникомъ для ознакомленія съ музой нашего поэта. Но мы должны сказать по поводу оцѣнки Куторги, что литературные вкусы со временемъ сильно мѣняются, — и то, что́ Куторга считалъ наилучшимъ, намъ уже можетъ вовсе такимъ не показаться. Возьмемъ хоть столь одобренное имъ стихотвореніе „Богу“ — и мы убѣдимся, что сила и оригинальность Шкляревскаго не здѣсь, что это не лучшая его пьэса, по сравненію съ пьэсами, приведенными у насъ выше.

Богу.

Тому ли, кѣмъ Альпы взнесенны къ звѣздамъ
Сквозь тучи, орканамъ смѣясь и громамъ,
Глядятъ на бѣгущіе вѣки,
Тому-ль, орошенные по́томъ, въ пыли,
Исторгнувши мраморъ изъ сердца земли,
Вы зиждете храмъ, человѣки?
Воззрите горѣ! Не въ чертогъ ли святой
Скругляется небо, гдѣ Онъ лѣпотой
И славою въ солнцахъ сіяетъ?
Что тлѣнна обитель предъ вѣчнымъ Творцомъ?
Онъ былъ, Онъ пребудетъ: ее же крыломъ
Летящее время стираетъ!
Взираемъ! Парѝтъ міросданія Царь
На крыльяхъ грозы, но стоитъ нашъ алтарь,
Куря ѳиміамъ Всеблагому,
Кто нѣжно и дольніе терны раститъ,
Кринъ сельный питаетъ и влагу даритъ,
Какъ морю, ключу луговому.

По прочтеніи этого стихотворенія мы не можемъ не отмѣтить красоты нѣкоторыхъ образовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ почувствуемъ и реторичность большинства оборотовъ, и недостаточность общей мысли въ пьэсѣ. Чтобы провѣрить впечатлѣніе, возьмемъ еще одинъ отрывокъ изъ неоконченной поэмы „Кучумъ“, тоже одобренной Куторгою. Кучумъ восклицаетъ на берегахъ Оби:

Нѣтъ, нѣтъ! Пусть чаша горькихъ золъ
Судьбою на меня излита,

Пусть ниспровергнутъ мой престолъ,
Пусть всѣ отринули меня
Доселѣ вѣрные народы, —
Но ты не узришь, о злодѣй,
Рушитель вольности священной,
Главы безвласыя моей
Клеймомъ страданій очерненной.

И эта пьэса совершенно устарѣла, полна реторики — и славянщизна, въ ней неумѣстная, производитъ не высокое и не трагическое чувство, а только комическое, особенно стихъ: „главы безвласыя моей“. Повторяемъ, почти все лучшее изъ оригинальныхъ стихотвореній Шкляревскаго уже использовано нами выше. Приведемъ развѣ еще пару стиховъ изъ пьэсы „Къ другу во время грозы“, гдѣ поэтъ увѣщеваетъ друга не бояться (стр. 48):

Во вѣкъ да не тмитъ, о мой другъ незабвенный,
Души твоей свѣтлой мечтательный страхъ!
Эгидой ума отъ тебя отраженный,
Пускай онъ гнѣздится въ растлѣнныхъ сердцахъ:
Да нѣжно хранитъ тебя горняя сила,
И дни твои въ радужномъ благѣ текутъ,
Да ангелы окрестъ лазурныя крылья,
Какъ сѣнь, надъ главою твоей распростругъ!

Самъ Шкляревскій былъ очень скромнаго мнѣнія о своемъ поэтическомъ дарованіи; вотъ что говоритъ онъ въ стихотвореніи „Въ альбомъ сестрѣ“ (стр. 64):

Мнѣ безвѣстно вдохновеніе,
Мнѣ не сіяетъ Феба свѣтъ, —
Лишь изрѣдка воображеніе
Стремитъ къ высокому полетъ!

Мы представимъ ниже общія заключенія наши о литературной дѣятельности Шкляревскаго, а теперь остановимся еще на переводахъ его. Въ своей переводческой дѣятельности П. П. напоминаетъ нѣсколько В. А. Жуковскаго: то же замѣтное пристрастіе въ нѣмецкимъ поэтамъ, то же обыкновеніе выбирать для перевода только подходящее подъ

свое собственное настроеніе въ данный моментъ, то же мечтательное стремленіе „туда“, наконецъ привычка распространять оригиналъ собственными вставками — по большей части, къ украшенію его, а не къ ущербу. Эти вставки, какъ и у Жуковскаго, даютъ возможность разсматривать нѣкоторыя пьэсы Шкляревскаго, почти какъ автобіографическіе документы, чѣмъ мы и пользовались выше, въ жизнеописаніи поэта.

Но замѣтимъ, Шкляревскій, когда хотѣлъ, то могъ передавать подлинникъ съ точностію и близостію; вообще въ переводахъ его техника высока, и его, несмотря на юныя лѣта, можно признать даже мастеромъ.

Чтобы убѣдиться въ мастерствѣ Шкляревскаго, мы приведемъ нѣсколько маленькихъ отрывковъ изъ его разныхъ переводовъ, то съ нѣмецкаго, то съ греческаго, то съ древне-русскаго.

Mignon.

Ахъ, знаешь ли ты край съ вѣчно юной весной,
Гдѣ цвѣтетъ апельсинъ и лимонъ золотой,
Гдѣ съ прохладою лѣта слитъ розъ ароматъ,
Гдѣ привѣтливо мирты и лавры шумятъ,
Ахъ, ты знаешь ли край сей?
О, если бъ туда
Я могла, о мой милый, съ тобою летѣть! *)

и т. д.

Древняя греческая пѣснь.

1.

Шествуйте, Эллиновъ чада!
Бранное время пришло.
Не мы ль свободы ограда?
Мы ли понизимъ чело?
Явимся местью отчизны,

*) Стр. 3.

Свергнемъ тиранства яремъ!
Не опозоримъ сей жизни!
Други, сразимъ иль умремъ!

Къ мечамъ, сыны свободы, въ бой
Съ свирѣпыми врагами!
Прольемъ ихъ черну кровь рѣкой,
Самихъ попремъ стопами. *)
и т. д.

Плачъ Ярославны.

Не голубки воркованіе
Разливается по рощицѣ —
Ярославны голосъ стелется
По стѣнамъ Путивля древняго.
„Гдѣ ты, Игорь, — радость, счастіе
Ярославны одинокія,
Какъ въ долинѣ ландышъ, вянущей? **)
и т. д.

Дѣва изъ чужбины.

Когда природа расцвѣтала,
И ранній жаворонокъ пѣлъ,
Незапно дѣва посѣщала
Долину — пастырей удѣлъ.
Она родилась не въ долинѣ;
Отколѣ гость, никто не зналъ . . . ***)
и т. д.

Прекраснымъ надо признать еще одинъ переводъ изъ Гёте, какъ мы можемъ убѣдиться хоть изъ такого отрывка.

Прекрасная ночь.

Оставляю кровъ безцѣнный,
Гдѣ цвѣтетъ моя любовь,
И бреду, уединенный,

*) Стр. 35.
**) Стр. 14.
***) Стр. 23.

Въ глубь таинственныхъ лѣсовъ.
Мѣсяцъ дубы осребряетъ,
Зефиръ дышетъ по цвѣтамъ
И съ березъ густыхъ свѣваетъ
Надъ поляной ѳиміамъ.

О съ какимъ восторгомъ сладость,
Нѣгу лѣтней ночи пью,
О какъ быстро льется радость
Въ душу грустную мою! *)

Обратимся теперь къ общему обозрѣнію поэтическихъ произведеній П. П. Шкляревскаго. Предъ нами всего 31 его стихотвореніе, въ томъ числѣ переводныхъ 21, и оригинальныхъ 10. Переводы эти располагаются по авторамъ такъ:

Изъ Гёте	3	стихотворенія.
„ Шиллера	3	„
„ Матиссона	2	„
„ Салиса	1	„
„ Клопштока	1	„
Съ нѣмецкаго безъ обозначенія авторовъ. . .	3	„

Итого: съ нѣмецкаго переведено 13 пьэсъ.

Съ англійскаго переведено 3 пьэсы, 2 изъ Байрона, 1 изъ Вальтеръ-Скотта; съ латинскаго: Горація — 3, съ греческаго — 1 и съ древне-русскаго — 1.

При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что изъ Гёте взяты пьэсы: Mignon (стр. 3—4), „Прекрасная ночь“ (35), „Пѣвецъ“ (67—68); всѣ переведены въ 1825 г. еще въ гимназіи.

Изъ Шиллера взяты „Дѣва изъ чужбины“ (23—24) — 1825 г., „Пляска“ (20—21) — 1826 г.; „Могущество пѣснопѣнія“ (54—56) — 1830 г.. т. е. уже въ Дерптѣ.

Изъ Матиссона — „Весенній вечеръ“ (18—19) — 1823 г. и „Младенчество“ (36—46) — 1824 г. См. Ge-

*) Стр. 35.

dichte von Friedrich von Matthisson, Vollständige Ausgabe, 1811, т. I, стр. 64—65, Der Frühlingsabend: Beglänzt vom rothen Schein des Himmels Bebt am zarten Halm der Thau . . . . . и стр. 189—190, Die Kindheit: Wenn die Abendröthe Dorf und Hain umwölbt . . . .

Изъ Салиса — „Могила“ (57—58) — 1823 г.

Изъ Клопштока — „Пѣснь неба“ — изъ „Мессіады“ (83—85) — 1826 г.

Съ нѣмецкаго безъ обозначенія автора: „Спокойствіе“ (28—32) — 1826 г. и s. a. т. е. безъ обозначенія года: „Дѣтство“ (59), „Осенній вечеръ“ (62—63).

Изъ Горація: „Къ Гросфу“ — lib. II, carmen. XIII (стр. 14—16) — 1824 г., „Къ Мельпоменѣ“ — lib. IV, carmen III (50—51) — 1825 г. и s. a. „Къ Постуму“ — lib. II, carmen. XI (14—16).

Древняя греческая пѣснь съ греческаго (33—34) — s. a.

Съ древне-русскаго — „Плачъ Ярославны“ (11—13) — s. a.

Съ англійскаго: Вальтеръ Скоттъ, „Фіалка“ (10) — 1824 г.

Изъ Байрона „Лакинъ-и-Геръ“ (5—9) — s. a. (не позже 1826) и „Какъ имя на камнѣ“ — эпиграфъ книжки — s. a.

Изъ числа всѣхъ 21 переводныхъ пьэсъ не датированныхъ имѣется 6: „Къ Постуму“, „Пѣснь Ярославны“, „Древняя греческая пѣснь“, „Дѣтство“, „Осенній вечеръ“, „Какъ имя на камнѣ“; „Лакинъ-и-Геръ“ датируется нами по соображенію (по появленію въ альманахѣ).

Остальные 14 переводовъ по своей хронологіи распадаются такъ:

Гимназія:

1823 — Салисъ и Матиссонъ („Весенній вечеръ“) — всего 2 пьэсы.

1824 — Вальтеръ Скоттъ, Горацій („Къ Гросфу“) и Матиссонъ („Младенчество“) — всего 3 пьэсы.

1825 — Гёте, Горацій, Шиллеръ („Дѣва изъ чужбины“), — всего 5 пьэсъ.

1826 — Шиллеръ („Пляска“, „Спокойствіе“), Клопштокъ, — всего 3 пьэсы.

Дерптъ:

1830 — Шиллеръ („Могущество пѣснопѣнія“) — 1 пьэса.

Хронологія напечатанныхъ десяти оригинальныхъ пьэсъ П. П. Шкляревскаго такова:

Гимназія:

1826 — „Къ товарищамъ“ (71—73), „Стансы Куторгѣ“ (52—53), „Кучумъ“, „Дума“ (74—82) — всего 4 пьэсы.

Петербургскій университетъ:

1827 — „Къ другу; во время грозы“ (47—49); „Въ альбомъ сестрѣ“ (64—65); „Дума злодѣя“ (22) — всего 3 пьэсы.

Дерптъ:

1829 — „На новый 1830 годъ“ (25—27) — 1 пьэса. Двѣ пьэсы „Богу“ (66) и „Элегія Куторгѣ“ (67) не датированы.

Оставляя въ сторонѣ семь переводовъ и два оригинальныя стихотворенія, не датированныя, о которыхъ мы съ положительностію ничего не можемъ сказать, и разсматривая лишь двѣ приведенныя выше хронологическія таблицы, мы сразу констатируемъ тотъ любопытный фактъ, что и переводческая, и оригинальная дѣятельность Шкляревскаго какъ бы прекращается сразу въ 1828 и 1829 гг. и возобновляется лишь въ періодъ послѣдней его болѣзни въ концѣ 1829 и началѣ 1830 года. Это прекращеніе вполнѣ понятно потому,

что оно совпадаетъ съ переселеніемъ поэта въ Дерптъ, и показываетъ, съ какимъ рвеніемъ предался онъ здѣсь своимъ научнымъ занятіямъ. Сравнительно съ этимъ, время гимназическаго ученія надобно признать самымъ богатымъ въ поэтической производительности нашего поэта; на эту эпоху падаютъ почти всѣ переводы и большая часть оригинальныхъ пьэсъ.

Что касается литературныхъ вѣяній, подъ какими стоялъ Шкляревскій, то мы можемъ указать на то, что несравненно болѣе, чѣмъ отечественной, подчинялся онъ вліянію литературъ иноземныхъ, памятники которыхъ онъ изучалъ въ подлинникѣ и самостоятельно. Шкляревскій былъ знакомъ и съ древними, и съ новыми литературами, но, какъ сказано выше, особенно близка ему была словесность нѣмецкая. Съ одной стороны на него вліяли греки и Горацій, съ другой — и еще сильнѣе — нѣмцы-классики, начиная съ Клопштока, продолжая Салисомъ и Матиссономъ. Вліяніе Гёте особенно сильно въ 1825 г. Но вліяніе Шиллера столь же сильно и гораздо продолжительнѣе — вплоть до самой смерти нашего поэта. Въ этомъ отношеніи Шкляревскій подобенъ былъ большинству своихъ сверстниковъ, увлекавшихся Шиллеромъ. Наконецъ — и наиболѣе модному поэту своего времени — Байрону Шкляревскій тоже уплатилъ свою дань.

Оригинальныя пьэсы Шкляревскаго вращаются около идей высокаго патріотизма, религіи, товарищества, мистики и смерти. Вотъ главное содержаніе этихъ пьэсъ. Первое мѣсто, быть можетъ, въ нихъ придется отвести именно религіознымъ соображеніямъ и чувствамъ, связаннымъ со своеобразнымъ мистицизмомъ. Указать какія-либо вліянія на Шкляревскаго со стороны русскихъ литераторовъ очень трудно. Лучшею изъ оригинальныхъ пьэсъ Шкляревскаго мы считаемъ его предсмертное, послѣднее стихотвореніе „На новый годъ“, гдѣ оригинальное романтическое міровозрѣніе нашего поэта сказалось съ наибольшею полнотою и отчетливостью.

Можно ли сравнивать Шкляревскаго съ кѣмъ-либо изъ русскихъ поэтовъ?

По нѣжности натуры и по склонности отыскивать родственное себѣ въ нѣмецкихъ поэтахъ мы уподобили Шкляревскаго Жуковскому. „У меня все — чужое, и однако, все мое“, говорилъ Жуковскій. То же, пожалуй, можно сказать и о Шкляревскомъ. По серьезности основного настроенія и наклонности къ философско-религіознымъ запросамъ Шкляревскаго можно сравнить съ Е. А. Боратынскимъ, хотя, разумѣется, робкій жаворонокъ не пара могучему орлу, — и нашъ юный стихослагатель не чета оному изъ удивительнѣйшихъ мастеровъ русскаго стиха. Всего скорѣе напрашивается сравненіе Шкляревскаго съ его современникомъ — однолѣткой, Д. В. Веневитиновымъ.*) Ихъ обоихъ роднитъ между собой одинаковость житейской судьбы (Веневитиновъ умеръ въ 1827 году на 22-мъ году отъ роду), чрезвычайно раннее развитіе таланта, широкое литературное образованіе, знакомство съ древними и новыми литературами, пристрастіе къ нѣмцамъ, философская подготовка, независимость отъ русскихъ поэтовъ-предшественниковъ, наклонность къ абстрактному мышленію, дѣвическая чистота и грація поэзіи ихъ; но есть и разница. Веневитинову былъ чуждъ мистицизмъ, и религіозные вопросы не играли для него такой роли, какъ эстетическіе.

Павла Петровича Шкляревскаго, возсоздаваемаго нами въ исторіи русской литературы, надобно признать поэтомъ маленькимъ, но всетаки поэтомъ самобытнымъ, всетаки поэтомъ настоящимъ. Правъ Пироговъ, назвавшій его поэтомъ съ прекрасною, возвышенною душой. Житейская повѣсть Шкляревскаго крайне печальна. Юноша съ блестящими и очень разнообразными способностями, засвидѣтельствованными едино-

*) См. мои труды о Веневитиновѣ въ первыхъ двухъ томахъ „Литературы и просвѣщенія“, во II томѣ „Философіи въ Россіи“ и въ академическихъ этюдахъ „Изъ исторіи русской литературы XVIII и XIX столѣтій“.

гласно всѣми знавшими его, гибнетъ въ полпути. Петербургскій гнилой воздухъ, замѣнившій благодать родной Украины, подломилъ его здоровье. Юрьевскій климатъ свелъ его, какъ и нѣкоторыхъ другихъ его земляковъ, въ сырую могилу. Поступленіе въ Профессорскій институтъ оказалось для Шкляревскаго фатальнымъ. Оставайся онъ въ Петербургѣ, онъ не подорвалъ бы послѣднихъ своихъ силъ чрезмѣрными и сверхсильными учеными занятіями, которымъ онъ въ Дерптѣ предавался болѣе, чѣмъ позволяло здоровье, по словамъ В. М. Перевощикова. Во всякомъ случаѣ, разставаясь со Шкляревскимъ послѣ болѣе или менѣе обстоятельнаго знакомства съ его личностью, судьбою и поэзіею, невольно испытываешь щемящее чувство и находишь умѣстнымъ эпиграфъ къ книжкѣ его стихотвореній — имъ самимъ переведенные изъ Байрона стихи:

И если прочтешь ты его *) — и слезою
Задумчивый взоръ твой тогда заблеститъ,
То думай, что нѣтъ меня здѣсь подъ луною,
И что мое сердце въ строкахъ сихъ лежитъ!

*) (Мое имя.)

Проф. **Евгеній Бобровъ.**

Старые и новые законы о бракѣ.

(По поводу 352, 440, 441 и 359 статей проэкта новаго Уголовнаго Уложенія.)

I.

Еще Императоромъ Александромъ II повелѣно было Министру Юстиціи графу Палену приступить къ общему пересмотру нашихъ уголовныхъ законовъ, а затѣмъ, по собраніи Министерствомъ Юстиціи необходимыхъ для этой цѣли матеріаловъ, Императоромъ Александромъ III въ 22 день апрѣля 1881 года Высочайше повелѣно: учредить для составленія проэкта новаго Уголовнаго Уложенія особый Комитетъ изъ лицъ, близко знакомыхъ съ теоріею уголовнаго права и судебною практикою, подъ ближайшимъ руководствомъ Главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Министра Юстиціи; образовать изъ состава означеннаго Комитета Редакціонную Коммиссію, на которую возложить составленіе первоначальнаго проэкта Уголовнаго Уложенія и объяснительной къ нему записки; составленный Редакціонною Коммиссіею проэктъ и записку внести, по совершенномъ его изготовленіи или же по частямъ, составляющимъ законченное цѣлое, на обсужденіе Комитета въ полномъ его составѣ; по разсмотрѣніи проэкта въ Комитетѣ и сдѣланіи въ немъ соотвѣтствующихъ исправленій, измѣненный Комитетомъ проэктъ отпечатать для общаго свѣдѣнія и разослать на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ, а также лицъ и учрежденій, заключеніе коихъ признано будетъ полезнымъ имѣть въ виду.

По Высочайшемъ назначеніи 30 апрѣля того же 1881 года членовъ Комитета, послѣдній, открывъ 2 мая свои дѣйствія, избралъ изъ своей среды членовъ Редакціонной Коммиссіи и предложилъ предсѣдательствованіе въ оной члену Комитета Товарищу Министра Юстиціи сенатору статсъ-секретарю Фришу.[1]) Редакціонная Коммиссія, въ исполненіе возложеннаго на нее порученія, выработала проэктъ Уголовнаго Уложенія, съ обширною объяснительною къ нему запискою, въ 8 томахъ.[2]) Свой трудъ Редакціонная Коммиссія закончила въ началѣ 1895 года.

На составленный Редакціонною Коммиссіею проэктъ новаго Уголовнаго Уложенія[3]), по отношенію къ нѣкоторымъ статьямъ его, мною былъ сдѣланъ рядъ замѣчаній.

---

1) Въ Редакціонную Коммиссію были избраны въ составъ членовъ: доктора уголовнаго права Неклюдовъ, Таганцевъ и Фойницкій, старшій чиновникъ кодификаціоннаго отдѣла Розинъ и бывшій юрисконсультъ Министерства Юстиціи Лицкій, а за смертью послѣдняго въ 1881 году — оберъ прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента профессоръ Случевскій. Дѣлопроизводство Редакціонной Коммиссіи было поручено оберъ-секретарю общаго собранія и соединеннаго присутствія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената барону Нольде. См. Введеніе къ Уголовному Уложенію 22 марта 1903 года, изд. Н. С. Таганцева. СПБ. 1904, стр. 1—2. Г. Г. Евангуловъ. Уголовное Уложеніе (22 марта 1903 г.) Текстъ закона съ очеркомъ основныхъ положеній и существенныхъ отличій его отъ дѣйствующаго законодательства и съ алфавитнымъ предметнымъ указателемъ СПБ. 1903., стр. 3—16.

2) Объясненія составлены къ томамъ: I (гл. I), II (гл. 3—7), V (гл. 20—21) и VI (гл. 22—23) — Н. С. Таганцевымъ; III (гл. 8—18) — состоявшимъ при коммиссіи Г. Г. Савичемъ и С. М. Латышевымъ; къ тому IV (гл. 2 о религіозныхъ преступленіяхъ) — барономъ Э. Ю. Нольде и Н. С. Таганцевымъ; (гл. 19 — о семейныхъ преступленіяхъ) — И. Я. Фойницкимъ; къ тому VII (гл. 30—36) — И. Я. Фойницкимъ и къ VIII — Н. А. Неклюдовымъ и Н. С. Таганцевымъ.

3) См. „Московскія Вѣдомости“ 1896 г. и „Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета“ 1897 г. № 4.

II.

„Вся искушающе, добрая держите“.
(1 Θессал. V. 21.)

Законы, въ которыхъ отражаются нравы и обычаи народа, издаются на долгій періодъ времени, для поколѣній не только настоящихъ, но и будущихъ; поэтому всестороннее обсужденіе закона, до его изданія, представляется не только желательнымъ, но даже необходимымъ. Такимъ образомъ, неудивительно, что проэктъ новаго Уголовнаго Уложенія вызвалъ рядъ критическихъ замѣчаній въ нашей періодической печати со стороны лицъ, имъ интересующихся и желающихъ внести свою посильную лепту на общую пользу.

Руководствуясь соображеніемъ важности преобразованія нашего Уголовнаго Уложенія, нашли и мы необходимымъ, съ своей стороны, высказать нѣсколько замѣчаній: 1) по поводу статьи 352 и стоящихъ въ связи съ ней стт. 440 и 441 проэкта новаго Уголовнаго Уложенія и 2) по поводу ст. 359 того же проэкта. Первыя три статьи (352, 440 и 441) измѣняютъ постановленія дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ (стт. 1559, 1560, 1593, 1594 и 1595) относительно послѣдствій вступленія въ бракъ въ степеняхъ родства и свойства, недозволенныхъ церковными законами; послѣдняя (ст. 359) значительно измѣняетъ ту отвѣтственность за прелюбодѣяніе, коей подвергаются виновныя лица, по дѣйствующему Уложенію о наказаніяхъ (ст. 1585).

Всѣ означенныя статьи проэкта новаго Уголовнаго Уложенія соприкасаются съ правомъ церковнымъ и потому для канониста представляютъ особенный интересъ.

III.

Замѣчанія по поводу стт. 352, 440 и 441 проэкта новаго Уголовнаго Уложенія [1]).

Проэктъ нашего новаго Уголовнаго Уложенія, въ области брачнаго права, по вопросу о степеняхъ родства и свойства, какъ препятствіяхъ къ браку, предлагаетъ весьма существенныя перемѣны, идущія въ разрѣзъ съ основными законами Православной Церкви, между тѣмъ какъ дѣйствующее законодательство по этому вопросу вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ законамъ. Именно, дѣйствующіе гражданскіе законы наши гласятъ, что „воспрещаются и не признаются дѣйствительными браки, заключенные въ степеняхъ родства и свойства, церковными законами возбраненныхъ“ (т. X, ч. 1 ст. 23,

---

1) Ст. 352 гласитъ: „Виновный во вступленіи въ бракъ завѣдомо въ такой степени родства или свойства, въ коей плотская связь по сему уложенію признается кровосмѣсительною, наказывается какъ за кровосмѣшеніе.

Родитель или опекунъ, виновный въ разрѣшеніи завѣдомо такого брака, а равно духовное лицо, виновное въ совершеніи завѣдомо такого брака, или служащій, виновный въ записи завѣдомо такого брака въ метрическую книгу, наказываются:

исправительнымъ домомъ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ.“

Ст. 440 гласитъ: „Виновный въ совокупленіи съ восходящимъ или нисходящимъ родственникомъ наказывается:

восходящій — поселеніемъ или исправительнымъ домомъ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ;

нисходящій — исправительнымъ домомъ.

Нисходящій, не достигшій семнадцати лѣтъ, освобождается отъ наказанія.“

Ст. 441 гласитъ:

„Виновный въ совокупленіи:

1, съ боковымъ родственникомъ второй степени;

2, съ восходящимъ или нисходящимъ свойственникомъ;

наказывается:

исправительнымъ домомъ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ. Нисходящій, не достигшій семнадцати лѣтъ, освобождается отъ наказанія.“

37). Эти церковные законы изложены въ указахъ Святѣйшаго Синода отъ 19 января 1810 года, отъ 21 апрѣля 1841 года и отъ 28 марта 1859 года, которые всецѣло основаны на 18-ой главѣ книги Левитъ, то-есть Священномъ Писаніи, и канонахъ церковныхъ (VI Всел. Соб. и Св. Василія Великаго.) По указамъ этимъ, браки воспрещаются, а заключенные признаются незаконными и недѣйствительными и расторгаются безусловно: 1) въ кровномъ родствѣ — по прямой восходящей, или нисходящей, и по боковымъ линіямъ до 4-й степени включительно, въ 5-й же степени, хотя и дозволяются, но съ разрѣшенія архіерея; 2) въ свойствѣ двухродномъ — также до 4-й степени включительно [1]); въ 5-й же и далѣе — дозволяются только тогда, когда нѣтъ смѣшенія родственныхъ именъ, иначе также требуется разрѣшеніе архіерея и даже Святѣйшаго Синода; 3) въ свойствѣ трехродномъ — только въ 1-й степени безусловно, а на браки въ 2-й и 3-й степени требуется разрѣшеніе архіерея, и 4, въ родствѣ духовномъ — между воспріемникомъ и матерью имъ воспринятаго и между воспріемницей и отцомъ ею воспринятой. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими положеніями построено какъ дѣйствующее Уложеніе наше, такъ и Уставъ духовныхъ консисторій“ [2]). Лица, исповѣдующія православную вѣру, за вступленіе въ бракъ въ такой степени родства или свойства, въ которой законъ не дозволяетъ браковъ, подвергаются не только церковнымъ, но и свѣтскимъ наказаніямъ (см. Уложеніе о Наказаніяхъ стт. 1559, 1593, 1594 и 1595).

Между тѣмъ, по проэкту новаго Уголовнаго Уложенія, бракъ отца и сына съ матерью и

---

1) Циркулярными указами Св. Синода отъ 20 іюля 1904 г. разрѣшено совершеніе брака въ 4-ой степени двухроднаго свойства, за исключеніемъ браковъ съ сестрою невѣстки, (жены брата) и съ дестрою зятя (мужа сестры), а съ 1906 г. и относительно этихъ свухъ запрещенныхъ случаевъ — представлять Св. Синоду, который и даетъ свое разрѣшеніо на каждый случай отдѣльно.

2) Церковный Вѣстникъ 1896 г., стр. 777 и 778. Запрещеніе браковъ въ первой степени трехроднаго свойства находится въ

дочерью, отца и сына съ двумя сестрами, матери и дочери съ двумя братьями, одного лица съ двумя сестрами послѣдовательно и роднаго дяди съ племянницей не возбраняются; по проэкту Уголовнаго Уложенія, наказанію подлежатъ виновные только въ такихъ брачныхъ сопряженіяхъ, въ которыхъ, по проэкту, плотская связь считается кровосмѣшеніемъ (ст. 352 проэкта Уголов. Улож.), а связи въ перечисленныхъ выше комбинаціяхъ проэктъ новаго Уголовнаго Уложенія кровосмѣшеніемъ не считаетъ и не наказываетъ (см. стт. 440 и 441 проэкта). [1]) Такимъ образомъ, во взглядахъ на этотъ вопросъ между законодательствомъ церковнымъ и свѣтскимъ, образуется полное различіе, чего до сихъ поръ не было.

Спрашивается, какими причинами вызываются столь существенныя измѣненія въ области нашего брачнаго права?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ одинъ изъ членовъ Коммиссіи, составлявшей проэктъ — профессоръ С.-Петербургскаго Университета И. Я Фойницкій въ своей статьѣ, подъ заглавіемъ: „Церковь и брачное законодательство.“ [2]) Исходныя точки разсужденій, приводимыхъ г. Фойницкимъ въ защиту проэкта, слѣдующія:

Проэктъ новаго Уголовнаго Уложенія по данному вопросу не могъ быть согласованъ съ церковными законами, такъ какъ поставилъ себѣ задачей выработать общее правило для лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій, даже для

„Градскомъ законѣ“ или Прохиронѣ (Кормч., гл. 48); [не могу пояти] „ни жены сына жены моей, родшагося отъ перваго мужа; ни мачеха не возметъ бывша мужа дщере мужа ея отъ первыя жены“. (Зак. Град. грань 7, гл. 14 и 15).

1) Гл. 25 „О непотребствѣ“. Терминъ этотъ, по нашему мнѣнію, къ приведеннымъ статьямъ не подходитъ; вообще, заглавіе главы намъ представляется неудачнымъ.

2) Статья эта помѣщена въ № 7294 Новаго Времени, отъ 19 іюня 1896 г.

нехристіанъ — вотъ первый основной пунктъ разсужденій г. Фойницкаго. „Для объясненія отправной точки составителей проэкта Уголовнаго Уложенія, при начертаніи предположеній о наказуемыхъ семейныхъ посягательствахъ, пишетъ профессоръ Фойницкій, „нужно, прежде всего, имѣть въ виду, что у насъ нѣтъ пока общаго брачнаго законодательства для всѣхъ обывателей Имперіи, такъ какъ брачныя отношенія для каждаго вѣроисповѣданія регулируются своими вѣроисповѣдными правилами. Дѣйствующее Уложеніе основывается именно на такихъ правилахъ, но ограничивается только исповѣданіемъ православнымъ и нѣкоторыми иными христіанскими, вовсе не касаясь остальныхъ и давая для православнаго исповѣданія иныя опредѣленія, чѣмъ для прочихъ. Въ результатѣ — неполнота законодательства и крайняя пестрота его постановленій. . . Проэктъ даетъ общія постановленія для всѣхъ исповѣданій. . . Уже по свойству этой задачи необходимо было значительно сузить границы браковъ уголовно-наказуемыхъ, сравнительно съ правилами православнаго исповѣданія, какъ то и сдѣлано проэктомъ.“

Да не посѣтуетъ на меня почтенный профессоръ, — но поставленная составителями проэкта Уголовнаго Уложенія задача, горячимъ сторонникомъ который заявляетъ себя авторъ статьи: „Церковь и брачное законодательство“, — выработать общее брачное законодательство для лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій, даже для нехристіанъ, — эта задача, на мой взглядъ, представляется неосуществимою. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно говорить объ общемъ брачномъ законодательствѣ для христіанъ, у которыхъ допускается лишь бракъ моногамическій, и для магометанъ, которымъ дозволяется имѣть и нѣсколько женъ (не говоря уже о язычникахъ, которыхъ тоже не мало найдется въ обширномъ Русскомъ государствѣ)? Да и сами составители проэкта новаго Уголовнаго Уложенія оказались безсильными въ выполненіи поставленной ими задачи, доказательствомъ чего можетъ служить 351 и 353 стт. проэкта, имѣющія не общій, а совершенно спеціальный харак-

теръ. [1]) И такъ, идея составителей проэкта Уголовнаго Уложенія выработать „общее брачное законодательство для всѣхъ обывателей Имперіи“ намъ представляется невыполнимою.

А между тѣмъ ради этой неосуществимой задачи составителямъ проэкта пришлось посягнуть на вѣковую, сохранившуюся и въ нынѣ дѣйствующемъ Уложеніи, гармонію между законодательствомъ церковнымъ и свѣтскимъ. „Церковь, — пишетъ г. Фойницкій, — великая нравственная и даже матеріальная сила, и голосъ ея, конечно, имѣетъ огромную цѣну при рѣшеніи вопросовъ брачныхъ. Нужно, однако, памятуя завѣтъ Спасителя, различать Божіе и Кесарево. Нужно еще болѣе заботиться о томъ, чтобы существенное церковной идеи не было принесено въ жертву мелочамъ церковнаго ритуала и церковной регламентаціи“. (Что почтенный профессоръ понимаетъ подъ словами „мелочи церковнаго ритуала и церковной регламентаціи“ ясно не видно; по смыслу его статьи, „этими мелочами церковнаго ритуала и церковной регламентаціи“ являются дѣйствующіе законы Православной Церкви, основанные, какъ мы видѣли, на Св. Писаніи и канонахъ VI вселенскаго собора и Св. Василія Вел.) „Вслѣдствіе отсутствія

---

1) Въ 351 ст. проэкта читаемъ: „Виновный во вступленіи въ бракъ завѣдомо при существованіи прежняго нерасторгнутаго въ установленномъ порядкѣ супружества, буде такой бракъ не разрѣшается признанными закономъ правилами его вѣроисповѣданія, наказывается:

состоящій въ супружествѣ — исправительнымъ домомъ; несостоящій въ супружествѣ — тюрьмою.“

Ст. 353 гласитъ: „Христіанинъ, виновный во вступленіи, вопреки дѣйствующимъ по сему предмету законоположеніямъ, въ бракъ завѣдомо съ нехристіаниномъ, наказывается:

тюрьмою на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ“.

„Вѣстникъ Европы“, выступившій, въ статьѣ „Проэктъ уголовнаго Уложенія и брачное законодательство“, въ защиту проэкта, не находитъ для существованія 353 статьи проэкта достаточныхъ основаній; по его мнѣнію, „вступленіе христіанина въ бракъ съ нехристіаниномъ гораздо правильнѣе было бы отнести, наравнѣ съ вступленіемъ въ бракъ съ болѣе отдаленными родственниками или свойственниками, къ числу дѣяній уголовно ненаказуемыхъ“. (Вѣстникъ Европы 1896, X, стр. 796).

у насъ общаго брачнаго законодательства, среди иновѣрцевъ до сихъ поръ возможны случаи браковъ братьевъ на родныхъ сестрахъ и даже родителей на дѣтяхъ. Коммиссія полагала, что упорядоченіе брачнаго законодательства представляетъ огромную важность не только для интересовъ церкви, но и для интересовъ всего государства, по основаніямъ физіологическимъ, санитарнымъ, счетнымъ и многимъ инымъ, на которыхъ остановливаться здѣсь не мѣсто. Вмѣстѣ съ тѣмъ она находила, что для христіанскаго государства обязательно проведеніе въ своемъ законодательствѣ основныхъ началъ христіанской морали. Она думала, что, не смотря на вѣроисповѣдныя правила магометанъ и язычниковъ, христіанское государство можетъ и должно воспретить для всѣхъ своихъ подданныхъ извѣстные браки. Но, дѣлая такимъ образомъ починъ для общаго брачнаго законодательства, проэктъ отнюдь не подрываетъ самостоятельность догматовъ и даже деталей ни одного христіанскаго исповѣданія, а тѣмъ менѣе православнаго; браки, не наказуемые по проэкту, могутъ быть, однако, незаконными и даже влекущими за собою церковныя взысканія по правиламъ даннаго исповѣданія.[1]) Божіе богови, кесарево кесарю". Иными словами, существовавшее до сихъ поръ согласіе между Православною Церковью и государствомъ въ области брачнаго законодательства можетъ впредь и не существовать. Пусть Православная Церковь преслѣдуетъ въ этой области свои задачи, государственная власть будетъ преслѣдовать свои — такова другая исходная точка доводовъ г. Фойницкаго въ пользу про-

1) Какую путаницу понятій въ сферу брачно-правовыхъ отношеній внесутъ эти „ненаказуемые, однако незаконные" браки! Сколько прискорбныхъ недоразумѣній возникнетъ въ жизни! Какъ трудно, напр., будетъ объяснить простому человѣку, что бракъ родного дяди съ родною племянницею, съ одной стороны, законами (Уголовнымъ Уложеніемъ) не запрещенъ, съ другой — законами (церковными) не дозволенъ!

экта, выражаемая имъ въ словахъ „Божіе богови, кесарево кесарю.“

На Западѣ такъ дѣло и стоитъ. Тамъ церковь и государство давно уже идутъ своими разными дорогами. Не то, къ счастію, было на Востокѣ и не тотъ порядокъ существуетъ до сихъ поръ у насъ въ Россіи. Величайшій законодатель Византійской имперіи императоръ Юстиніанъ Великій „не стыдился, какъ онъ самъ говоритъ въ одной изъ своихъ новеллъ (131), согласовать свои законы съ церковными канонами“; въ законодательствѣ Юстиніана прямо высказывается мысль, что императорскіе законы во всемъ должны быть согласны съ церковными канонами.[1]) Его примѣру слѣдовали позднѣйшіе византійскіе императоры, а также государи и законодатели земли Русской, ко благу не только Православной Церкви, но и Русскаго государства и Русскаго народа.

Составители проэкта новаго Уголовнаго Уложенія, къ сожалѣнію, не обратили на это вниманія.

---

1) Zhishman. Das Eherecht der oriental. Kirche. 20.

IV.

Замѣчанія по поводу ст. 359 проэкта новаго Уголовнаго Уложенія [1]).

По мнѣнію Платона, въ хорошо устроенномъ государствѣ первыми и лучшими законами должны быть законы брачные.

Въ самомъ дѣлѣ, брачный союзъ является основаніемъ семьи, вліяніе которой на всѣ сферы человѣческой жизни неизмѣримо велико. Въ семействѣ впервые человѣкъ узнаетъ своего Бога, впервые получаетъ понятіе о власти и подчиненіи, здѣсь зараждаются въ человѣкѣ тѣ нравственныя начала, которыми онъ руководится потомъ во всей своей жизни, на всѣхъ путяхъ своей дѣятельности; здѣсь, наконецъ, воспитывается въ немъ то высокое чувство любви, безъ котораго нѣтъ ни счастія, ни благоденствія на землѣ.

Понятно, поэтому, что законодатели всѣхъ временъ и народовъ особенно строго оберегали чистоту брачной и семейной жизни, справедливо полагая, что отъ крѣпости и святости брачнаго союза зависитъ благополучіе не только отдѣльныхъ лицъ, но и всего общества, всего государства.

У евреевъ чистота брачнаго союза ставилась выше всего; она представлялась столбомъ, поддерживающимъ государственную жизнь. Нарушеніе супружеской вѣрности, по Моисееву законодательству, приравнивалось къ святотатству и умышленному убійству и влекло за собою смертную казнь. Если кто либо будетъ обличенъ въ связи съ замужней женщиной, сказано во Второзаконіи, то слѣдуетъ предать смерти обоихъ — и мужчину, и женщину, съ которою тотъ вступилъ въ связь — „да будетъ устранено зло отъ Израиля“.[2])

---

1) Ст. 359 проэкта гласитъ „Состоящій въ бракѣ, виновный въ прелюбодѣяніи, а равно завѣдомо вступившій съ нимъ въ прелюбодѣйную связь, наказывается арестомъ.“

2) Второзаконіе XXII, 22.

Столь же тяжкимъ преступленіемъ являлось нарушеніе супружеской вѣрности у Грековъ и у Римлянъ: и въ Греціи, и въ древнемъ Римѣ мужъ имѣлъ право безнаказанно убить какъ свою жену, захваченную имъ на мѣстѣ преступленія, такъ и ея соучастника. Законъ Юлія De adulteriis назначаетъ лицамъ виновнымъ въ прелюбодѣяніи ссылку. Позднѣйшее римское право смотритъ на это преступленіе еще строже: императоръ Констанцій и Константинъ (339 г. по Р. Х.) наказываетъ это преступленіе лишеніемъ жизни. Юстиніанъ Великій нѣсколько смягчилъ это наказаніе: онъ опредѣлилъ виновныхъ въ прелюбодѣяніи женщинъ, по „надлежащемъ“ тѣлесномъ наказаніи, отдавать въ монастырь съ тѣмъ, чтобы онѣ оставались тамъ всю жизнь, если мужья въ теченіе двухъ лѣтъ не пожелаютъ взять ихъ изъ монастыря.[1]) Императоръ Левъ Философъ, оставляя для виновной жены, въ видѣ наказанія, монастырь, опредѣляетъ сверхъ того ей и соучастнику преступленія урѣзать носъ. По Прохирону, мужъ простившій невѣрную жену, самъ подвергается тѣлесному наказанію и ссылкѣ.

Не менѣе строго каралась супружеская невѣрность у народовъ славянскихъ и германскихъ — у Поляковъ, Чеховъ, Лангобардовъ, Вестготовъ, Бургундовъ, Франковъ, и др.[2]) Въ саксонскомъ и шведскомъ зерцалахъ наказаніемъ за прелюбодѣяніе было обезглавленіе. Впрочемъ, мужу предоставлялось право замѣнить это наказаніе виновной жены изгнаніемъ ея изъ дома. Оставлять жену безъ наказанія за невѣрность у Германцевъ считалось предосудительнымъ.

---

1) Это постановленіе вошло въ Фотіевъ Номоканонъ, а отсюда въ нашу Кормчую книгу (ч. 2, л. 52).

Виновныя съ нарушенія супружеской вѣрности жены въ монастырѣ жили отдѣльно, въ монастырскихъ зданіяхъ или въ особо устроенныхъ исправительныхъ заведеніяхъ, существованіе которыхъ восходитъ къ VI вѣку по Р. Х. и носили особую одежду послушницъ.

2) Si adulterum cum adultera maritus vel sponsus occideret, pro homicida non teneatur. Visig. Ш. 4. 4.

У черногорцевъ мужу предоставлено право убить невѣрную жену, или же требовать изгнанія ея. [1])

Надо замѣтить, что къ супружеской вѣрности обязывалась одна только жена; для мужа, даже долгое время послѣ утвержденія христіанства, требующаго того же цѣломудрія отъ мужа, какъ и отъ жены, супружеская вѣрность не считалась обязательною. Въ римскомъ и въ римско-византійскомъ правѣ начало равноправности супруговъ въ этомъ отношеніи никогда признано не было.

Съ принятіемъ христіанства, постановленія византійскихъ императоровъ, опредѣлявшія наказанія за нарушеніе супружеской вѣрности, перешли къ намъ въ Россію и долгое время, съ нѣкоторыми измѣненіями, вызванными особенностями русской жизни и древняго русскаго права, имѣли дѣйствіе въ нашемъ отечествѣ. Членовредительство, въ видѣ урѣзанія носа, у насъ едва ли употреблялось; но заключеніе виновной жены въ монастырь всегда практиковалось и у насъ. По согласному свидѣтельству Котошихина и посѣщавшихъ Россію иностранцевъ — Олеарія, Коллинса и Петрея, на Руси женъ за нарушеніе супружеской вѣрности смертію не наказываютъ, но подвергаютъ виновную въ нарушеніи супружеской вѣрности жену и ея соучастника позорному тѣлесному наказанію, при чемъ виновную жену заключаютъ, кромѣ того, въ монастырь. Впрочемъ, на самовольную расправу съ виновною женою и соучастникомъ прелюбодѣянія на Руси смотрѣли снисходительно, тѣмъ болѣе, что подобнаго рода расправа не запрещалась самой Кормчей книгой. Въ западной же Руси, гдѣ имѣло примѣненіе право магдебургское, смертная казнь обоимъ соучастникамъ прелюбодѣянія, захваченнымъ на мѣстѣ преступленія, „на горячимъ учинку“, была даже узаконена.

Со времени Петра Великаго заключеніе виновныхъ въ нарушеніи супружеской вѣрности женъ въ монастырь стало замѣняться отсылкой ихъ на прядильный дворъ, ссылкой въ

1) Поповичъ. Право и судъ въ Черногоріи, стр. 37—38.

Сибирь, или въ приданыя деревни, съ обязательствомъ „быть тамъ до самой кончины безъ выхода.“

Что касается мужа, то и у насъ на Руси онъ пользовался привиллегированнымъ положеніемъ: въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности, онъ лишь поручался „смотрѣнію своего духовнаго отца“ (дѣло капитана Бутурлина), при чемъ жена не имѣла даже права расторгнуть съ нимъ бракъ по этой причинѣ[1]).

Таковы краткія историческія данныя относительно наказанія за супружескую невѣрность.

По нынѣ дѣйствующему Уложенію о Наказаніяхъ, „состоящее въ бракѣ, изобличенное въ прелюбодѣяніи лицо (безразлично мужъ или жена), подвергаются за сіе, по жалобѣ оскорбленнаго въ чести своей супруга: заключенію въ монастырѣ, если въ томъ мѣстѣ находятся монастыри его исповѣданія, или же въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ, и сверхъ того, если оно принадлежитъ къ одному изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, предается церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства. Лицо, съ коимъ учинено прелюбодѣяніе, если оно, съ своей стороны, не состоитъ въ бракѣ, приговаривается или къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ, или къ аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, и, если оно исповѣдуетъ христіанскую вѣру, предается также церковному покаянію“(ст. 1585).

Составители проэкта новаго Уголовнаго Уложенія тоже нашли нужнымъ удержать въ немъ наказаніе за прелюбодѣяніе (ст. 359), но лишь въ видѣ ареста (согласно ст. 18 проэкта Уголовнаго Уложенія отъ одного дня до шести мѣсяцевъ), какъ для виновнаго супруга, такъ и для соучастника прелюбодѣянія.

Tempora mutantur — et leges mutantur.

Мы, конечно, хорошо понимаемъ, что при помощи одной

1) Протоколъ Воронежской консисторіи отъ 16 сентября 1800 г.

только строгости наказанія нельзя сохранить чистоту семейной жизни. Мы даже не имѣли бы ничего возразить противъ того, если бы составители проэкта новаго Уголовнаго Уложенія, считая прелюбодѣяніе такимъ преступленіемъ, которое нарушаетъ лишь интересы частныхъ лицъ, совершенно исключили его изъ числа наказуемыхъ проступковъ, предоставивъ оскорбленному супругу лишь право искать развода по этой причинѣ; но карать арестомъ (быть можетъ, однодневнымъ) за преступленіе, которымъ наносится невинному супругу самое тяжкое оскорбленіе, которымъ на всегда разбивается счастіе семейной жизни, это, по нашему мнѣнію, значитъ обращать правосудіе въ шутку.

За посягательство на авторское право тотъ же проэктъ новаго Уголовнаго Уложенія наказываетъ тюрьмою (ст. 512). Неужели посягательство на права семейныя является преступленіемъ менѣе важнымъ?

Такимъ образомъ, мы должны прійти къ заключенію, что составители проэкта новаго Уголовнаго Уложенія, признавъ нарушеніе супружеской вѣрности дѣяніемъ наказуемымъ, положили за это преступленіе наказаніе, не удовлетворяющее ни одной изъ тѣхъ цѣлей, которыя можетъ преслѣдовать наказаніе: назначенное въ 359 статьѣ проэкта Уголовнаго Уложенія наказаніе не можетъ удовлетворить обиженнаго, никого не устрашаетъ и никого не исправляетъ.

V.

Согласно Высочайшему повелѣнію 19 апрѣля 1895 года, признано было цѣлесообразнымъ: не подвергая разработаннаго, при участіи спеціалистовъ по теоріи и практикѣ уголовнаго права, Редакціонною Коммиссіею проэкта Уголовнаго Уложенія новому обсужденію въ полномъ составѣ Высочайше утвержденнаго 22 апрѣля 1881 года Комитета, предоставить Министру Юстиціи сообщить проэктъ на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ, а затѣмъ подвергнуть его, совмѣстно съ предсѣдателемъ Коммиссіи, при участіи его членовъ, новому обсужденію, въ связи съ поступившими отзывами, и внести исправленный, въ чемъ потребоваться можетъ, проэктъ, а также дополнительныя къ оному законодательныя предположенія на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Составленный Редакціонною Коммиссіею проэктъ Уголовнаго Уложенія, на основаніи приведеннаго выше Высочайшаго повелѣнія 19 апрѣля 1895 года, съ объяснительною къ нему запискою, въ маѣ 1895 года былъ препровожденъ въ Министерство Юстиціи и въ іюнѣ того же года сообщенъ всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ, и полученныя отъ нихъ въ теченіе 1895—1897 г. г. замѣчанія подвергнуты разсмотрѣнію въ совѣщаніи при Министерствѣ Юстиціи. Совѣщаніе это окончило свои занятія въ октябрѣ 1897 года и 14 марта 1898 года представило измѣненный проэктъ Уголовнаго Уложенія въ Государственный Совѣтъ. Государь Императоръ 3 іюня 1898 года повелѣлъ образовать въ Государственномъ Совѣтѣ, для предварительнаго обсужденія проэкта, особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Редакціонной Коммиссіи статсъ-секретаря Фриша. Особое совѣщаніе работало надъ Уголовнымъ Уложеніемъ три года. Значительно исправленный проэктъ Уголовнаго Уложенія поступилъ изъ совѣщанія на разсмотрѣніе учрежденнаго, по Высочайшему повелѣнію 6 октября 1901 года, подъ предсѣ-

дательствомъ статсъ-секретаря графа Палена, особаго присутствія Государственнаго Совѣта. Исправленный, по заключеніямъ особаго присутствія, проэктъ Уголовнаго Уложенія поступилъ на разсмотрѣніе общаго собранія Государственнаго Совѣта 10 февраля 1903 года. 16 марта 1903 г. были Высочайше утверждены заключенія Государственнаго Совѣта и разрѣшены разногласія, послѣдовавшія въ общемъ собраніи. Исправленный, согласно резолюціямъ Его Императорскаго Величества, проэктъ новаго Уголовнаго Уложенія былъ Высочайше утвержденъ 22 марта 1903 года [1]).

Изъ сказаннаго видно, съ какою тщательностью и вниманіемъ составлялось наше новое Уголовное Уложеніе, являющееся, безъ сомнѣнія, крупнымъ шагомъ впередъ въ развитіи русскаго уголовнаго законодательства [2]).

Мы можемъ съ удовольствіемъ отмѣтить, что сдѣланныя нами замѣчанія не пропали даромъ. Въ особомъ сообщеніи, пишетъ нашъ извѣстный канонистъ — заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета, членъ Государственнаго Совѣта М. И. Горчаковъ, всѣ тѣ статьи проэкта Редакціонной Коммиссіи, на которыя сдѣлалъ г. Красноженъ свои замѣчанія, подверглись измѣненіямъ.

Указанныя статьи въ Уголовномъ Уложеніи, Высочайше утвержденномъ 22 марта 1903 года, получили слѣдующую редакцію:

Ст. 411. Виновный во вступленіи въ бракъ завѣдомо въ такой степени родства или свойства, въ коей любодѣяніе по сему уложенію признается кровосмѣсительнымъ, наказывается какъ за кровосмѣшеніе.

---

1) Опубликовано Уголовное Уложеніе въ Собраніи Узаконеній 1903 г. № 38 (416). Введеніе къ Уголовному Уложенію 22 марта 1903 г., изд. Н. С. Таганцева. СПБ., 1904, стр. 2—3. Г. Г. Евангуловъ. Уголовное Уложеніе (22 марта 1903 г.) etc. СПБ. 1903, стр. 16—17).

2) Срокъ введенія Уголовнаго Уложенія неопредѣленъ; онъ будетъ установленъ, въ законодательномъ порядкѣ, по представленію Министра Юстиціи.

Ст. 416. Виновный во вступленіи въ бракъ завѣдомо въ такой степени родства или свойства, въ которой бракъ признается по закону недѣйствительнымъ, если виновный не подлежитъ отвѣтственности по статьѣ 411, наказывается:

арестомъ.

Ст. 518. Виновный въ кровосмѣшеніи съ нисходящимъ или восходящимъ родственникомъ

наказывается:

восходящій — ссылкою на поселеніе;

нисходящій — заключеніемъ въ исправительномъ домѣ.

Покушеніе наказуемо.

Нисходящій, не достигшій четырнадцати лѣтъ, освобождаются отъ наказанія.

Ст. 519. Виновный въ кровосмѣшеніи:

1, съ боковымъ родственникомъ второй степени,

2, съ нисходящимъ или восходящимъ родственникомъ супруга или супругомъ нисходящаго или восходящаго родственника,

наказывается:

заключеніемъ въ исправительномъ домѣ на срокъ не выше трехъ лѣтъ.

Покушеніе наказуемо.

Нисходящій, не достигшій четырнадцати лѣтъ, освобождается отъ наказанія.

Ст. 418. Состоящій въ бракѣ, виновный въ прелюбодѣяніи, а равно виновный въ завѣдомомъ вступленіи съ состоящимъ въ бракѣ прелюбодѣйную связь, наказывается:

арестомъ.

Позднѣйшіе проэкты положенія о поводахъ къ разводу.

Вопросъ объ улучшеніи нашего бракоразводнаго права (формальнаго, т. е. бракоразводнаго процесса, и матеріальнаго — поводовъ къ разводу) разсматривался въ Высочайше учрежденномъ (14 января 1906 года), подъ предсѣдательствомъ С.-Петербургскаго митрополита Антонія, Предсоборномъ Присутствіи, членомъ котораго, по Высочайшему повелѣнію, былъ авторъ настоящей статьи, въ III-мъ отдѣлѣ этого Присутствія, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ архіепископа Ярославскаго (нынѣ Симбирскаго) Іакова.

По всестороннемъ обсужденіи этого вопроса въ засѣданіи 13 декабря 1906 года, [1]) Отдѣлъ пришелъ къ заключенію, что поводами къ разводу могутъ быть:

1, прелюбодѣяніе одного или обоихъ супруговъ;

2, неспособность къ брачному сожитію (по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ Отдѣла, безъ опредѣленія срока на предъявленіе иска);

3, болѣзненное состояніе, устраняющее возможность супружескаго сожитія и вредно отражающееся на потомствѣ (проказа, сифилисъ, сумашествіе послѣ-брачное и т. п.);

---

1) Въ этомъ засѣданіи III-го отдѣла присутствовали: предсѣдатель архіепископъ Іаковъ, члены: проф. А. И. Алмазовъ, проф. Н. Н. Глубоковскій, проф.-прот. М. И. Горчаковъ, проф. Н. А. Заозерскій, А. А. Кирѣевъ, проф. М. Е. Красноженъ, проф.-прот. Ѳ. И. Титовъ и С. П. Григоровскій. Мнѣнія и сужденія присутствовавшихъ изложены въ „Журналахъ и Протоколахъ Присутствія“ Т. IV, стр. 97—138.

4, безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ или злонамѣренное оставленіе однимъ супругомъ другого въ теченіе не менѣе 5-ти лѣтъ;

5, ссылка по суду или административная — удаляемыхъ обществомъ за порочное поведеніе изъ своей среды;

6, жестокое обращеніе съ супругомъ — при установленіи виновности судомъ.

За недостаткомъ времени выработанныя III-мъ Отдѣломъ положенія о поводахъ къ разводу не были обсуждаемы въ общемъ собраніи Предсоборнаго Присутствія (15 декабря 1906 года прекратившаго свои работы).

Но опредѣленіемъ Св. Синода отъ 28 февраля 1907 г. было образовано, подъ предсѣдательствомъ члена Св. Синода, высокопреосвященнаго митрополита Кіевскаго Флавіана, а позднѣе преосвященнаго епископа Тамбовскаго Иннокентія, особое при Св. Синодѣ Совѣщаніе для обсужденія и выработки проэкта положенія о поводахъ къ разводу, согласно указаніямъ бывшаго Предсоборнаго Присутствія, съ цѣлью представленія сего проэкта на законодательное разсмотрѣніе параллельно съ реформой бракоразводнаго процесса. Въ виду того, что нѣкоторые поводы къ разводу могутъ найти надлежащую оцѣнку только въ медицинской наукѣ, въ составъ Совѣщанія были приглашены также представители медицинскаго совѣта, компетенціи котораго и нынѣ представляется удостовѣреніе фактовъ добрачной неспособности къ супружескому сожительству и добрачнаго сумасшествія, составляющихъ поводъ къ расторженію брачнаго союза.[1])

Особое Совѣщаніе имѣло восемь засѣданій (въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ 1907 года) и признало нужнымъ внести въ дѣйствующія нынѣ въ русской Православной Церкви положенія о поводахъ къ разводу отчасти измѣненія, отчасти дополненія. Результатъ дѣятельности особаго Совѣщанія выразился въ выработанномъ имъ для доклада Св. Синоду проэктѣ о поводахъ къ разводу.

---

1) Церковныя Вѣдомости за 1907 г. №№ 12, 16—17.

Основныя положенія этого проэкта сводятся къ нижеслѣдующему:

По дѣйствующимъ законамъ бракъ можетъ быть расторгнутъ въ случаѣ: 1) прелюбодѣянія одного изъ супруговъ, 2) неспособности къ брачному сожитію, 3) безвѣстнаго отсутствія, продолжающагося не менѣе пяти лѣтъ, и 4) присужденія къ лишенію всѣхъ правъ состоянія со ссылкою. По проэкту совѣщанія, 1-ое положеніе дополняется указаніемъ на то, что и обоюдное прелюбодѣяніе супруговъ служитъ достаточнымъ основаніемъ къ расторженію брака, причемъ оба супруга должны подвергаться церковной епитиміи.

Остальныя положенія формулированы совѣщаніемъ слѣдующимъ образомъ:

Бракъ можетъ быть расторгнутъ вслѣдствіе неспособности одного изъ супруговъ къ половому сожитію или къ дѣторожденію, независимо отъ времени появленія этой неспособности — до брака или послѣ брака, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда неспособность супруга обусловливается его возрастомъ. Просьба о разводѣ по неспособности можетъ быть принесена тѣмъ или другимъ супругомъ, по свободной его волѣ, но не раньше, какъ черезъ три года со времени совершенія брака. Указанный срокъ, впрочемъ, не обязателенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда неспособность супруга органическая, и притомъ безспорна и несомнѣнна. Супругъ, по неспособности коего бракъ расторгнутъ, можетъ вступить въ новый бракъ не иначе, какъ съ разрѣшенія духовнаго суда, на основаніи представленнаго суду удостовѣренія подлежащаго медицинскаго учрежденія о прекращеніи неспособности.

Поводомъ къ расторженію брака служитъ и безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ, продолжающееся не менѣе трехъ лѣтъ. Женамъ воинскихъ чиновъ, пропавшихъ безъ вѣсти на войнѣ, предоставляется просить о разводѣ по истеченіи двухъ лѣтъ со времени обнаруженія безвѣстнаго отсутствія супруга.

Въ случаѣ присужденія уголовнымъ судомъ одного изъ супруговъ къ наказанію, влекущему за собою ссылку съ ли-

шеніемъ всѣхъ правъ состоянія, невинному супругу, если онъ не пожелаетъ слѣдовать за присужденнымъ въ мѣсто ссылки, предоставляется право просить о расторженіи брака.

Кромѣ нынѣ дѣйствующихъ поводовъ къ расторженію брака, особое Совѣщаніе признало нужнымъ включить въ число бракорасторгающихъ основаній также и слѣдующія условія: 1) душевную болѣзнь одного изъ супруговъ, при чемъ супругъ, возбуждающій искъ, долженъ представить удостовѣреніе объ обезпеченіи средствъ существованія больного супруга, 2) заболѣваніе супруга сифилисомъ, при чемъ супругъ, по болѣзненному состоянію котораго бракъ расторгнутъ, можетъ вступить въ новый бракъ не иначе, какъ съ разрѣшенія духовнаго суда, на основаніи представленнаго суду удостовѣренія подлежащаго учрежденія о прекращеніи болѣзненнаго состоянія; 3) дурное или жестокое обращеніе между супругами, причиняющее такія физическія или нравственныя страданія, которыя, представляя собою вредъ для здоровья или опасность для жизни, устраняютъ возможность супружескаго сожитія; 4) намѣренное оставленіе одного супруга другимъ и 5) уклоненіе одного изъ супруговъ отъ Православія, если оно сопровождается: а) отказомъ уклонившагося изъ Православія супруга продолжать брачное сожитіе съ православнымъ супругомъ, не желающимъ уклониться изъ Православія, или б) насиліемъ уклонившагося супруга надъ религіозною совѣстію оставшейся вѣрною Православію стороны или ея дѣтей.

Право иска о разводѣ принадлежитъ — по прелюбодѣянію одного изъ супруговъ супругу невиновному, — по сумашествію или болѣзненному состоянію супругу здоровому, — по злонамѣренному оставленію и безвѣстному отсутствію супругу оставленному и по жестокому обращенію супругу пострадавшему.[1])

---

1) Обстоятельную критику составленнаго особымъ Совѣщаніемъ проэкта мы находимъ въ статьѣ профессора Н. С. Суворова: „Замѣчанія на проэктъ положенія о поводахъ къ разводу, составленный особымъ Совѣщаніемъ при Св. Синодѣ". Москва. 1908.

Городъ Юрьевъ Лифляндской губерніи и Высочайшій манифестъ 14 декабря 1766 года.

[Окончаніе] [1]).

По изложеніи, согласно найденному въ Юрьевскомъ Городскомъ Архивѣ матеріалу [2]), всего того, что касается магистрата и мѣщанства города Юрьева по отношенію къ Высочайшему манифесту 14 декабря 1766 года, по выясненіи ихъ настроенія, вызваннаго манифестомъ, а равно и способа и степени исполненія ими Высочайшей воли, остается мнѣ указать на отношеніе самого новоизбраннаго Депутата города Юрьева къ Высочайшему манифесту, а затѣмъ коснуться его депутатской дѣятельности въ Москвѣ.

Какъ уже извѣстно, на основаніи выборовъ 16 марта 1767 года Депутатомъ отъ города Юрьева былъ городской

---

1) Начало см. Сборникъ Учено-Литературнаго Общества т. XII, стр. 129—186, и т. XIII, стр. 173—240.

2) Когда статья моя была уже почти готова, я узналъ, что въ Юрьевѣ имѣются особенные архивы бывшихъ Большой и Малой гильдій. Прежнія юрьевскія гильдіи со времени введенія новаго Городового Положенія утратили свой офиціальный характеръ и являются такимъ образомъ въ наше время частными обществами, въ вѣдѣніи которыхъ и находятся вышеупомянутые архивы. Занявшись для начала матеріаломъ Ю. Г. Архива, я не ходатайствовалъ о доступѣ въ частные архивы, располагающіе, быть можетъ, очень цѣнными данными по исторіи Екатерининской Законодательной Комиссіи. Было бы весьма желательно, чтобы лица, которымъ доступны эти архивы, не замедлили опубликованіемъ неизвѣстныхъ еще документовъ пополнить тотъ или другой пробѣлъ въ моей посильной работѣ.

синдикъ (стряпчій или прокуроръ) Фридрихъ Конрадъ Гадэбушъ [1]), личность весьма замѣчательная.

[Родился Ф. К. Гадэбушъ 18 (29) января 1719 года въ Альтэнфэрэнѣ (Altenfähren) на островѣ Рюгэнѣ и былъ сынъ мѣстнаго лютеранскаго пастора [2]). Первоначально, до 1733 года, обучался онъ въ Стральзундѣ, куда онъ попалъ на 4 году своей жизни [3]). Въ 1733 году поступаетъ молодой Гадэбушъ въ Гамбургскую гимназію, по окончаніи каковой онъ становится въ началѣ 1737 года студентомъ въ Грэйфсвальдѣ. Въ концѣ сентября 1738 года онъ покидаетъ Грэйфсвальдъ, чтобы перейти въ Кэнигсбергскій университетъ, но, заѣхавъ въ г. Стольпэ (Stolpe) къ своему брату, пріѣзжаетъ въ Кэнигсбергъ только къ Пасхѣ 1739 года. Уже въ сентябрѣ того же года Гадэбушъ въ качествѣ домашняго учителя живетъ съ своими воспитанниками до 1742 года въ Данцигѣ, съ 1742 до 1748 года въ Кэнигсбергѣ, а въ 1748 году переселяется въ Лифляндію. По прошествіи двухъ лѣтъ ему даютъ мѣсто нотаріуса орднунгсгерихта Юрьевскаго уѣзда, и наконецъ получаетъ онъ право быть ходатаемъ по дѣламъ въ ляндгерихтѣ и въ судебныхъ учрежде-

1) См. Сборникъ Учено-Литературнаго Общества, т. XII, стр. 171—178.

2) Главнѣйшія данныя о жизни и личности Гадэбуша взяты мною изъ подробной автобіографіи Гадэбуша (F. K. Gadebusch Livländische Bibliothek. I. Th. Riga. 1777. Стр. 381—390), разсказанной имъ въ третьемъ лицѣ и доведенной имъ до 1776 года, а также изъ отзыва о Гадэбушѣ, писаннаго обэрпалэнскимъ пасторомъ А. В. Хупэлемъ (A. W. Hupel) и содержащаго, кромѣ характеристики Гадэбуша какъ человѣка, какъ начальника и какъ писателя, также дополнительныя свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ его жизни (Nordische Miscellaneen. XXVII. Stück. Riga. 1791. Стр. 280—304). — Отзывы прочихъ авторовъ, также уже перечисленные мною выше (см. Сборн. Учено-Лит. Общ. т. XII, стр. 141 и 142, примѣчаніе 5-е), не содержатъ въ себѣ никакихъ новыхъ біографическихъ данныхъ. — Въ „Азбучномъ указателѣ именъ русскихъ дѣятелей для Русскаго Біографическаго Словаря, ч. I, А—Л“, помѣщенномъ въ LX томѣ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“ имѣется очень краткое и отчасти невѣрное сообщеніе о Гадэбушѣ (стр. 127): „Гадебушъ, Фридрихъ Конрадъ, депут. ком. нов. улож. (1767), составитель лифляндской библіотеки, писатель: р. 29 янв. 1719 † 8 іюня (sic! вмѣсто 9 іюля) 1788 г.“

3) Livl. Bibl. I. Th., стр, 381: „Im vierten Jahre seines Alters kam er nach Stralsund, wo er bis 1733 unterrichtet ward.“

ніяхъ города Юрьева. Въ 1754 году Гадэбушъ, уже женатый на дочери французскаго эмигранта [1]), покупаетъ домъ въ Юрьевѣ [2]) и обзаводится своимъ хозяйствомъ. Не прошло и года, какъ онъ лишился этого дома и всего своего имущества вслѣдствіе сильнаго пожара 16 мая 1755 года [3]), превратившаго въ пепелъ, кромѣ его дома, еще 67 строеній [4]).

---

1) Эмигрантъ Фэррье (Ferrier) жилъ въ Кёнигсбергѣ съ своею дочерью Маріею, съ которою и обручился Гадэбушъ во время одного изъ своихъ путешествій за границу еще до вступленія въ должность нотаріуса орднунгсгерихта (Livl. Bibl. I Th., стр. 383).

2) Свѣдѣнія о покупкѣ Гадэбушемъ дома имѣются въ Протокольной книгѣ № С. 92, стр 216, 224 и 259, и въ Крѣпостной книгѣ (Der Kayserl. Stadt Dorpat Erb- und Aufftrage-Buch 1745—1766) № А. 50, бум. № 76, стр 234—236. Въ іюлѣ 1754 года Гадэбушъ купилъ за 800 рублей домъ инспектора Питша, находившійся по ту сторону рѣки Эмбаха въ Петербургскомъ предмѣстьѣ на „Русскомъ рынкѣ“ („am russischen Markte“), расположенномъ въ то время на „Островѣ“ [мѣстность гдѣ находился домъ Гадэбуша, называется „Holm“, т. е. „Островъ“, въ донесеніи о пожарѣ 16 мая (К. к. — Книга копій — № С. с. 44, бум. № 19 отъ 22 мая 1755 года): „ . . . . ein Feuer auf dem so genandten Holm ausgebrochen . . .“; судя по картѣ города 1732 года, часть теперешней Петербургской улицы была занята каналомъ, имѣвшимъ съ обѣихъ сторонъ сообщеніе съ Эмбахомъ, вслѣдствіе чего образовался островъ; въ наше время канала давно уже нѣтъ, но память объ островѣ сохранилась въ названіи одной изъ улицъ — „Островная улица“ („Holm-Strasse“) — этой мѣстности; на уличныхъ дощечкахъ и въ календаряхъ почему-то до сихъ поръ значится не „Островная улица“, а „Гольмская улица“]; офиціально домъ былъ переданъ Гадэбушу въ концѣ сентября 1754 года.

3) Ср. его же Livl. Bibl. I. Th., стр. 383: „ . . . Allein 1755 am 16. May, da er eben abwesend und bey einem starken Sturm in einer Nachbarschaft eine Feuersbrunst entstanden war, wurde Haus, Bibliothek und Vermögen von den Flammen verzehrt.“

4) Въ первой протокольной записи 16 мая 1755 (П. к. № С. 93, стр. 168) упоминается домъ нотаріуса Гадэбуша: „ . . . Kaum war das vierdte nehml. d. Hn. Notarii Gadebusch Hauss in Flamme gerathen . . .“; число сгорѣвшихъ домовъ (68) приводится въ протоколѣ 19 мая (П. к. № С. 93, стр. 171: „ . . . da 68 Häuser der Einqu rtierung entgangen . . .“), а также въ донесеніи генералъ-губернатору 22 мая 1755 года (К. к. № С. с. 44 бум. № 19: „ . . . da die Stadt nicht nur 68 mehrentheils lauter gute wohlgebauete Häuser verlohren. unter welchen nur 3 Freyhäuser, die übrigen alle diejenigen gewesen, in welchen des Herren Gen. Lieut. v. Lieven Excl. ingleichen d. Herrn Gen. Major Baron v. Werthern nebst ihren ganzen Staaben und Suiten vorher gestanden . . .“).

Черезъ нѣсколько лѣтъ, благодаря „особымъ путямъ Провидѣнія“ [1]), онъ оправился отъ своихъ потерь: опять покупаетъ онъ домъ [2]) и пріобрѣтаетъ постепенно значительную библіотеку. Благодаря своимъ недюженнымъ способностямъ и большимъ познаніямъ, а также близкому знакомству съ мѣстными узаконеніями и особенностями, занималъ онъ различныя должности, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить должность городского синдика съ 16 мая 1766 г. до 5 октября 1771 года и должность бургомистра юстиціи. съ 5 октября 1771 г. до 18 октября 1783 года. Въ октябрѣ 1783 года онъ выходитъ въ отставку [3]) и, проживъ еще около пяти лѣтъ, умираетъ

---

1) Ср. его же Livl. Bibl. I. Th., стр. 383: „Nach einigen Jahren, da er durch besondere Wege der Fürsehung wieder in gutem Stande war . . .“

2) Деревянный одноэтажный домъ портного Августа Христіана Аллэрдингса (August Christian Allerdings), на Малой Гильдейской или Монашеской улицѣ по смерти владѣльца продавался 28 апрѣля 1758 года съ публичнаго торга и былъ купленъ Гадэбушемъ за 550 рублей, при чемъ остатокъ покупной суммы въ размѣрѣ 350 р. былъ внесенъ имъ 16 мая 1758 года (Крѣпостная книга № A. 52, стр. 688—691, бум № 145, выданная Гадэбушу 11 мая 1781 года). Въ этомъ домѣ прожилъ Гадэбушъ 30 лѣтъ. Послѣ его смерти наслѣдовала этотъ домъ дочь его, жена пастора Хэна, бабушка извѣстнаго балтійскаго писателя и дѣятеля Виктора Хэна. Она владѣла имъ до 1 ноября 1795 года и продала его за 1200 руб. асс. купцу Петру Фанари (К. к. № С. с. 91, бум. № 541 отъ 16 сентября 1797 года). Домъ этотъ существуетъ и теперь въ I участкѣ, по Монашеской улицѣ, на грунтѣ № 86, уличный № 6; снаружи домъ оштукатуренъ, что вообще признавалось строительнымъ комитетомъ еще въ началѣ XIX столѣтія для старыхъ деревянныхъ домовъ I участка болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ обшивка домовъ досками [A. I, i, 14 a. О строеніяхъ (Bausachen), листъ 6].

3) Уже 4 апрѣля 1783 года подалъ Гадэбушъ заявленіе объ отставкѣ, но разныя обстоятельства (вначалѣ просьбы членовъ магистрата не покидать должности, а потомъ, въ августѣ, распоряженіе генералъ-губернатора исполнять обязанности бургомистра впредь до выборовъ новаго бургомистра юстиціи), были причиною, что Гадэбушъ только 18 октября могъ удалиться на покой. (П. к. № 121 за 1783 годъ, стр. 221, 233, 234, 328, 408, 450, 530, 648). 25 октября ратманы Schoeff и Ehlertz въ сопровожденіи секретаря Brückner'a благодарили Гадэбуша отъ имени Благороднаго Рата за его службу и за оказанныя имъ какъ Рату, такъ и городу полезныя услуги („ . . . dankten demselben im Namen eines edlen Raths für dessen Amtsführung und dem Rathe und der Stadt geleistete nützliche Dienste“ . . . Тамъ же, стр. 671).

9 іюля 1788 года на 70-мъ году своей жизни. 14 іюля, согласно ясно данному имъ послѣднему распоряженію, Ф. К. Гадэбушъ былъ безъ шума похороненъ [1]).

Какъ человѣкъ, Ф. К. Гадэбушъ отличался, по словамъ его друга и современника обэрпалэнскаго пастора А. В. Хупэля [тоже извѣстнаго писателя, прозваннаго по причинѣ многочисленныхъ сочиненій „оракуломъ Лифляндіи“ [2])], высокою нравственностію, непоколебимою честностію и дружескимъ радушіемъ [3]), а какъ начальствующее лицо и какъ судья, былъ онъ извѣстенъ своимъ неутомимымъ радѣніемъ объ общемъ благѣ, основательнымъ знаніемъ правъ города Юрьева и законовъ, а также непреодолимымъ безпристрастіемъ [4]).

Будучи выдающимся юристомъ своего времени, Гадэбушъ замѣчателенъ также какъ историкъ. Еще въ своей молодости онъ усердно занимался всеобщею исторіею и написалъ исторію германской имперіи вплоть до кончины императора Леопольда, но рукопись этого сочиненія, къ великому прискорбію автора, погибла въ пламени упомянутаго выше юрьев-

---

1) Ср. A. W. Hupel. Nord. Miscel. XXVII. Stück. Riga. 1791. Стр. 284: „ . . . Er wurde den 14-ten (Juli), seiner ausdrücklichen Anordnung nach, ohne Geräusch, doch sehr anständig, unter Begleitung seiner hochachtung- und liebevoll theilnehmenden ehemaligen Kollegen im Magistrate, nachdem der Herr Pastor Lenz ihm die Leichenrede gehalten hatte, zur Erde bestattet“. — Въ офиціальныхъ книгахъ Ю. Г. Архива я не нашелъ никакихъ замѣтокъ о кончинѣ и похоронахъ Ф. К. Гадэбуша. — Гдѣ похороненъ Гадэбушъ? Неизвѣстно! Г-нъ А. Розенбергъ, авторъ интересной и довольно обстоятельной статьи „Der alte St Johanniskirchhof. Wanderungen und Rückerinnerungen“, помѣщенной въ „Nordlivländische Zeitung“ за 1905 годъ, въ №№ 133—135, искалъ его могилу на старомъ кладбищѣ, но, къ сожалѣнію, не нашелъ ея; въ концѣ статьи своей (№ 135) онъ между прочимъ пишетъ: „Vergebens suchen wir nach den Ruhestätten des Bürgermeisters Gadebusch († 1788), der Professoren Lorenz Ewers und Dabelow, des Historikers und Dichters O. Kienitz u. a . . .“ — Быть можетъ, покоится Гадэбушъ въ одномъ изъ склеповъ кирки Св. Іоанна?

2) F. Amelung Studien zur Geschichte Oberpahlens . . Vortrag. Dorpat. 1892. Стр. 26: „ . . . Pastor Hupel, der im ganzen Lande ein wohlverdientes Ansehen genoss und sogar seiner vielen Schriften halber „das Orakel von Livland“ genannt wurde“ . . .

3) Nord. Miscel. XXVII. Stück. Riga. 1791. Стр. 281.

4) Тамъ же, стр. 280.

скаго пожара[1]). Впослѣдствіи обратился онъ къ исторіи Лифляндіи. Съ 1772 по 1785 годъ появляется въ печати цѣлый рядъ историческихъ трудовъ Гадэбуша[2]), изъ которыхъ самымъ выдающимся являются „Livländische Jahrbücher“ (Лифляндскіе Ежегодники). „Это“, говоритъ проф. Г. Форстенъ со словъ проф. Хаусманна[3]), „не исторія Ливоніи, а собраніе историческихъ памятниковъ, въ хронологическомъ порядкѣ, доведенное до 1761 г. и имѣющее огромное значеніе, какъ первая попытка дать критическую исторію Ливоніи во всей ея совокупности . . .“[4]) Кромѣ печатныхъ трудовъ, Гадэбушъ оставилъ своимъ наслѣдникамъ болѣе ста томовъ неизданныхъ рукописей, изъ которыхъ нѣкоторыя касаются исторіи города Юрьева[5]). Въ заключеніе нельзя не привести словъ проф. Эд. Винкельманна, выясняющихъ особен-

1) F. K. Gadebusch Livl. Bibl. I. Th. Riga 1777. Стр. 383: „Allein 1755 am 16. May . . . wurde Haus, Bibliothek und Vermögen von den Flammen verzehrt. Er (т.-е. Гадэбушъ) bedauerte nichts so sehr als seine Reichshistorie, woran er über zwanzig Jahre gearbeitet und bis an Leopolds Tod vollendet hatte . . .“

2) Abhandlung von liefländischen Geschichtsschreibern. Riga. 1772. — Livländische Bibliothek nach alphabetischer Ordnung. Riga. 1777. I—III Th. — Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit. Bd. I. Riga 1779—1783. Bd. II. Riga. 1785. — Livländische Jahrbücher. Vier Theile. Nebst einem Anhange. 9 Bände. Riga. 1780—1783,

3) Allgemeine Deutsche Biographie. 8. Band Leipzig. 1878. Стр 299, въ составленномъ имъ, проф. Hausmann'омъ, краткомъ очеркѣ жизни Ф. К Гадэбуша: „ . . . . es (т. е. Livländ. Jahrbücher) sind, wie der Titel sagt, Jahrbücher, die von Jahr zu Jahr die einzelnen Ereignisse erörtern; keine zusammenhängende Geschichte sollte geliefert werden, sondern G. erkannte, dass vor allem ein sicheres Gerüste noth that, dass es galt, aufräumen unter einem Wust, der in den Chroniken der letzten Jahrhunderte aufgespeichert war. Was er lieferte, war eine Vorarbeit, aber eine von hohem Werth . . . . Zum ersten Mal ist hier der Versuch gemacht, die Geschichte Livlands in ihrem ganzen Umfange mit kritischem Urtheil durchzuarbeiten . . .“ Ср. также то мѣсто въ рѣчи проф. Винкельманна (Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat. 1869. Dorpat. 1870. Стр. 3), въ которомъ онъ называетъ Гадэбуша „Vater der kritischen Forschung auf dem Gebiete baltischer Geschichte.“

4) Энциклопедическій Словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. С.-Петербургъ. 1893. Томъ VII. Стр. 779.

5) Такъ напр.: Dörpatische Nebenstunden, zu besserm Verstande der Gesetze dieser Stadt, aus dem Archiv entwickelt und ausgearbeitet. 7 Bände.

ное значеніе Ф. К. Гадэбуша по отношенію къ Прибалтійскому краю: „Онъ (Гадэбушъ)“, говоритъ проф. Винкельманнъ, „принадлежитъ къ длинному ряду тѣхъ мужей, которые, родившись въ Германіи и дѣйствуя въ нашихъ провинціяхъ, чрезвычайно много способствовали тому, что духовныя жизненныя узы, связующія ихъ (наши провинціи) съ материнскою землею (съ Германіею), вообще стали нерасторжимы“ [1)].

1) Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat 1869. Dorpat. 1870. Рѣчь предсѣдателя Dr. Winkelmann'a, произнесенная имъ 18 января 1869 года въ годичномъ засѣданіи Ученаго Эстонскаго Общества, посвященномъ памяти Ф. К. Гадэбуша по поводу 150-й годовщины дня его рожденія. Стр. 3: „Er gehört zu der Reihe der Männer, welche in Deutschland geboren und in unseren Provinzen wirkend, unendlich viel dazu beigetragen haben, dass das geistige Lebensband, welches dieselben dem Mutterlande verknüpft, überhaupt unlöslich geworden ist.“ — 150-я годовщина дня рожденія Ф. К Гадэбуша была ознаменована не только рѣчью предсѣдателя о Гадэбушѣ, но и пожалованіемъ проф. К Ширрэна въ почетные члены Общества, „который“, по словамъ Винкельманна, „со временъ Гадэбуша болѣе чѣмъ кто-либо другой споспѣшествовалъ изслѣдованію лифляндской исторіи и который изысканіемъ прошедшаго въ значительной степени способствовалъ также обоснованію права (нашихъ правъ, нашихъ правъ и привилегій) въ переживаемое нами время“ (стр. 9: welcher die Erforschung der livländischen Geschichte mehr als ein Anderer seit Gadebusch gefördert und durch die Erforschung der Vergangenheit auch zur Begründung des Rechts der Gegenwart wesentlich beigetragen hat“). Проф. К. Ширрэнъ кромѣ своихъ строго-историческихъ трудовъ извѣстенъ своимъ „Лифляндскимъ Отвѣтомъ Юрію Самарину“ („Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin“, Этотъ „Отвѣтъ“ на статьи Ю. Самарина „Окраины Россіи“ въ свое время не остался безъ должнаго отвѣта со стороны самого Ю. Самарина). 8 ноября 1906 г. проф. Ширрэну (уволенный въ маѣ 1869 года изъ бывшаго Дерптскаго университета, онъ переселился за границу и занимаетъ съ 1874 года должность профессора исторіи въ Кильскомъ университетѣ) исполнилось 80 лѣтъ. По поводу этого событія въ балтійско-нѣмецкой печати появились сочувственныя статьи Мѣстная юрьевская нѣмецкая газета „Nordlivländische Zeitung“ заявляетъ между прочимъ 7 ноября, наканунѣ 80-й годовщины дня рожденія проф. К. Ширрэна, (№ 25[illegible]. 7 XI 06): „Diese Mannestat hat vor 37 Jahren dem Professor Carl Schirren das Amt und das Wirken auf heimischer Erde gekostet, ihm aber die Herzen derer, für deren Rechte er sich zum Kämpfer in die Schranken gestellt, für immer gewonnen. In diesem Sinne wird in den baltischen Landen sein Name morgen mit Dank und warmer Anerkennung genannt werden: nicht so sehr das Bild des beredten Professors der Geographie und Geschichte . . . .,

Только въ общихъ чертахъ можетъ быть выяснено *отношеніе Ф. К. Гадэбуша къ Высочайшему манифесту 14 декабря 1766 года.* За исключеніемъ фразы въ своей автобіографіи: „Noch in eben diesem Jahre (въ 1766 году) beriet die weise Kaiserinn Katharina die Gesetzkommission . . .“ [1]) — „еще въ томъ же самомъ году созвала мудрая императрица Екатерина Законодательную Комиссію“, нигдѣ Гадэбушъ не высказываетъ своего общаго мнѣнія о Высочайшемъ мани-

---

nicht das des hochverdienten Herausgebers der Quellen zur livländischen Geschichte . . . ., auch nicht das des Erforschers der Geschichte des grossen Nordischen Krieges, sondern dasjenige des Verfassers der „Livländischen Antwort“ wird uns in diesen Tagen vor Augen schweben . . .“ [„За этотъ мужественный подвигъ (напечатаніе книги „Livländische Antwort“) поплатился 37 лѣтъ тому назадъ проф. К. Ширрэнъ своею должностію и своею дѣятельностію на родинѣ, но этимъ же подвигомъ плѣнилъ онъ навсегда сердца тѣхъ, за права которыхъ онъ выступилъ въ качествѣ борца. Въ этомъ смыслѣ въ балтійскихъ земляхъ завтра будутъ произносить его имя съ благодарностію и съ теплою признательностію (съ глубокимъ уваженіемъ): передъ нашими глазами возстанетъ въ эти дни не столько образъ краснорѣчиваго профессора географіи и исторіи . . ., или заслуженнаго издателя источниковъ къ лифляндской исторіи . . ., или, наконецъ, изслѣдователя исторіи великой Сѣверной войны, сколько образъ составителя «Лифляндскаго Отвѣта». .“]. Какъ въ 1906 году давно уже изданный „Отвѣтъ“ вызываетъ въ нѣмецкихъ сердцахъ благодарность и уваженіе, такъ, быть можетъ, въ 1869 году только еще въ рукописи готовый „Отвѣтъ“ былъ тайною и главною причиною преподнесенія проф. К. Ширрэну званія почетнаго члена упомянутаго выше Общества? Вѣдь какъ разъ въ началѣ 1869 года печатался „Отвѣтъ“ за границею, а въ апрѣлѣ того же года онъ уже продавался въ Юрьевѣ; что же касается заслугъ проф. К Ширрэна, какъ изслѣдователя въ области лифл. исторіи, то задолго до 1869 года былъ онъ достоинъ выше приведеннаго званія. — Фактъ пріуроченья почетнаго членства проф. К. Ширрэна къ 150-й годовщинѣ дня рожденія Ф. К. Гадэбуша и сопоставленія этихъ двухъ историковъ очень интересенъ и могъ бы, пожалуй, послужить предметомъ особеннаго изслѣдованія.

1) F. K. Gadebusch. Livl. Bibliothek. I. Th. Riga, 1777. Стр. 385. Называя здѣсь Екатерину „мудрою императрицею“, Гадэбушъ, должно быть, и Законодательную Комиссію признавалъ мудрымъ учрежденіемъ — Очень жаль, что нѣтъ вполнѣ яснаго мнѣнія Гадэбуша о Законодательной Комиссіи, которое могло бы быть приведено или въ подтвержденіе мнѣнія извѣстнаго балтійскаго дѣятеля Бэркхольца, назвавшаго Екатерининскую Комиссію „див-

фестѣ и объ учрежденной этимъ манифестомъ Законодательной Комиссіи [1]); взглядъ же его на предписанные городу Юрьеву выборы Городского Головы и Депутата и отправку Депутата въ Москву тотъ же, какого придерживался въ этихъ дѣлахъ юрьевскій магистратъ въ разныхъ своихъ постановленіяхъ, запросахъ и ходатайствахъ. Оно и понятно! Руководятъ магистратомъ и вдохновляютъ его люди свѣдущіе, а такими лицами были въ прибалтійскихъ магистратахъ бургомистры и синдики; въ 1767 же году въ городѣ Юрьевѣ, за болѣзненностію и дряхлостію престарѣлаго бургомистра юстиціи Штэгеманна [2]), выдѣлялся главнымъ образомъ сравнительно не пожилой синдикъ Ф. К. Гадэбушъ, извѣстный не только своими теоретическими познаніями, но и своею практическою опытностію, вслѣдствіе чего онъ и былъ, повидимому, душою всѣхъ дѣлъ, вызванныхъ Высочайшимъ манифестомъ. Если нельзя доказать, что Гадэбушъ былъ составителемъ всѣхъ бумагъ, исходившихъ въ этихъ дѣлахъ отъ магистрата, то 1) не подлежитъ сомнѣнію, какъ уже извѣстно изъ всего разобраннаго выше архивнаго матеріала, что инструкція М. ф. Эссену отъ 1 марта 1767 года, [3]) послужившая впослѣдствіи основаніемъ для всѣхъ ходатайствъ магистрата объ освобожденіи г. Юрьева отъ посылки Депутата, приведеніе въ порядокъ матеріала, необходимаго для соста-

---

ною попыткою геніальной императрицы“ (Baltische Monatsschrift, т. V, стр. 143; „. . . . ein wunderbarer Versuch der genialen Kaiserin“), или же въ противовѣсъ мнѣнію проф. Винкельманна, считавшаго ту же Комиссію „страннымъ Государственнымъ собраніемъ“ (Sitzungsberichte der Gel. Estn. Gesellschaft за 1869 годъ, стр. 3: „. . . jenem sonderbaren Reichstage . .“). — Разрядка моя.

1) Быть можетъ, что въ частныхъ письмахъ Ф. К. Гадэбуша имѣются данныя насчетъ этого, но въ найденномъ мною архивномъ матеріалѣ таковыхъ писемъ нѣтъ.

2) О болѣзненномъ состояніи и дряхлости бургомистра упоминается въ Книгѣ копій № С. с. 52, въ бум. № 76. — Ср. Сбор. Учено-Лит. Общ., т. XIII, стр. 195, 196.

3) Сборникъ Учено-Литер Общ., т. XII, стр. 153—157.

вленія наказа Депутату [1]), смѣта депутатскихъ расходовъ [2]), возникновеніе протеста магистрата противъ мнимаго вторженія генералъ-губернатора въ права магистрата распоряжаться по своему усмотрѣнію городскими средствами для покрытія депутатскихъ расходовъ [3]) — все это дѣло рукъ Ф. К. Гадэбуша, и 2) трудно предположить, чтобы Гадэбушъ и въ другихъ случаяхъ, лишенныхъ, за неимѣніемъ ясныхъ данныхъ, какъ бы его непосредственнаго вліянія, вплоть до своего отъѣзда въ Москву не принималъ дѣятельнаго участія совѣтомъ или разъясненіемъ, тѣмъ болѣе что магистратъ очень дорожилъ имъ и его мнѣніемъ [4]). Такимъ образомъ все, что извѣстно о юрьевскомъ магистратѣ, о его чисто-офиціальномъ отношеніи къ манифесту, о его осторожности, осмотрительности при исполненіи предписаній манифеста, о его стремленіи при этомъ исполненіи если не всецѣло, то какъ можно ближе придерживаться прежняго строя окраинной жизни, о его стараніи вообще не посылать Депутата, наконецъ о проглядывающемъ во всѣхъ магистратскихъ мѣропріятіяхъ несочувствіи основной идеѣ Высочайшаго манифеста (привлеченіе разныхъ сословій и всѣхъ отдѣльныхъ частей обширной имперіи къ обсужденію общегосударственныхъ нуждъ) и о нежеланіи его поступиться чѣмъ бы то ни было изъ своихъ или вообще городскихъ правъ и привилегій — все это отчасти навѣяно, отчасти обосновано самимъ Гадэбушемъ, а потому и является все это отличительнымъ признакомъ и его собственнаго отно-

1) Сборникъ Учено-Литер. Общ., т. XIII, стр. 179—181.
2) Тамъ же, стр. 201—205.
3) Тамъ же, стр. 203.
4) Выбранъ былъ Гадэбушъ магистратомъ въ синдики единогласно (Livl. Bibl. I. Th. Riga. 1777. стр. 385); при полученіи рескрипта генералъ-губернатора отъ 15 мая 1767 года Гадэбушъ былъ въ Аляцкиви, и магистратъ постановляетъ сообщить о рескриптѣ Гадэбушу въ Аляцкиви, желая, очевидно, воспользоваться его совѣтомъ въ трудномъ дѣлѣ (Сборн. Уч.-Лит. Общ., т. XIII, стр. 193): когда же генералъ-губернаторъ настоятельно требуетъ отъѣзда Гадэбуша въ Москву, магистратъ рѣшается просить назначенія новыхъ выборовъ Депутата, такъ какъ городъ не можетъ обойтись безъ синдика (тамъ же, стр. 195 и 196).

шенія къ манифесту 14 декабря 1766 года. Нигдѣ по крайней мѣрѣ синдикъ-Депутатъ Гадэбушъ не выступаетъ протестующимъ противъ такихъ воззрѣній магистрата. Напротивъ того, въ одной протокольной записи сохранилось одно изъ его мнѣній, весьма далекое отъ подобнаго рода протеста: сообщая магистрату съ видимымъ неудовольствіемъ, что юрьевское мѣщанство считаетъ отправку Депутата необходимою и для себя весьма полезною, Гадэбушъ этимъ самымъ какъ бы заявляетъ, что онъ самъ не согласенъ съ мѣщанствомъ; кромѣ того Гадэбушъ замѣчаетъ, что онъ охотно остался бы дома и что, въ случаѣ поѣздки, онъ, синдикъ, болѣе всѣхъ пострадалъ бы [1]). Интереснымъ также доказательствомъ если не враждебности, то во всякомъ случаѣ полнаго равнодушія его къ русскимъ общегосударственнымъ нуждамъ служитъ его готовность быть Депутатомъ безъ малѣйшаго знанія русскаго языка. Гадэбушъ даже не считаетъ нужнымъ обратить вниманіе хотя бы своихъ избирателей, находившихъ Законодательную Комиссію необходимою и для себя полезною, на свое незнаніе русскаго языка, на которомъ должны были происходить пренія въ засѣданіяхъ Комиссіи, и ѣдетъ безъ переводчика [2]) въ Москву вопреки § 13 Положенія о Депутатахъ, гласящему между прочимъ, что „Депутатамъ . . ., кои довольно Россійскаго языка не знаютъ, на-

1) П. к. № С. 105, стр. 272. Ср. Сборн. Уч.-Лит. Общ., т. XIII, стр, 197, прим. 2-е.

2) Правда, при отъѣздѣ своемъ въ Москву Гадэбушъ беретъ съ собою изъ городской кассы 100 рублей на расходы по переводамъ („zu den Translations-Gebühren". К. к. № С. с. 52, бум. № 94. Сборн. Уч.-Лит. Общ., т. XIII, стр. 213), но онъ обязуется вернуть эти 100 рублей, въ случаѣ неутвержденія ихъ генералъ-губернаторомъ, что кажется довольно страннымъ, потому что трудно предположить, чтобы Гадэбушъ при исполненіи предписанія § 13 Положенія о Депутатахъ согласился уплатить изъ своего кармана расходы, вызванные не его личными нуждами. Ему всегда можно было отказаться отъ депутатства, и никто не могъ бы его заставить тратить свои деньги на общественныя дѣла. Впрочемъ, быть можетъ, въ возможной уплатѣ этихъ расходовъ вслѣдствіе незнанія языка и состояли тѣ „страданія" синдика Гадэбуша, которыхъ онъ

добно привести съ собою толмачей . . .“ [1]) (Впрочемъ, не

ожидалъ отъ своей поѣздки въ Москву (Сборн. Уч.-Лит. Общ., т. XIII. стр. 197, прим. 2-е). Во всякомъ случаѣ запись объ этихъ 100 рубляхъ какъ по своей краткости, такъ и за неимѣніемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ этой суммы денегъ не вполнѣ понятна.

1) П. С. З. Р. И. Спб. 1830, т. XVII, стр. 1095: „§ 13. Депутатамъ подданныхъ Намъ народовъ, кои довольно Россійскаго языка не знаютъ, надобно привести съ собою толмачей; и дабы дѣла ихъ съ лучшимъ успѣхомъ производились, дозволяется ихъ Депутатамъ въ сей Комиссіи, съ позволенія оныя, выбрать по пріѣздѣ ихъ въ столицу Нашу, кого хотятъ опекуномъ, какого бъ тотъ человѣкъ чина и званія ни былъ, лишь бы не имѣлъ полномочія другого мѣста. Сей опекунъ долженъ быть вмѣсто ихъ ходатаемъ за ихъ дѣлами въ Комиссіи о сочиненія проэкта новаго Уложенія“. Пожалуй, можно подумать, что § 13 не относится къ Депутатамъ отъ нѣмцевъ, но почему Депутатъ отъ города Ревеля, Фрэзэ (Frese) привозитъ съ собою переводчика? Правда, Гадэбушъ, въ своемъ сообщеніи о Фрэзэ (см. рукопись „Deputationsjournal“, приложеніе „Bericht . . .“ — „Отчетъ“, поданный Гадэбушемъ юрьевскому магистрату, § 3: „Am 16. August besuchte ich den revalischen Deputirten, Hrn. Syndikum Frese, an welchem ich einen ungemein gründlichen Mann antraf, der, weil er die russische Sprache nicht verstand, den revalischen Protonotarium Lidken bey sich hatte“ — 16 августа посѣтилъ я ревельскаго Депутата, г-на синдика Фрэзэ; въ немъ встрѣтилъ я весьма основательнаго человѣка, который, вслѣдствіе своего незнанія русскаго языка, имѣлъ при себѣ (въ качествѣ переводчика) ревельскаго старшаго нотаріуса Лидкэна; ср. также стр. 146 отатьи Бэркхольца въ „Balt Monatsschrift“, томъ V: „der Revalsche, Syndikus Frese, hatte sich den Protonotarius Lütken als Dolmetscher mitgenommen“), приписываетъ, это, повидимому, больше „основательности“ самого Фрэзэ, чѣмъ требованію манифеста, но гораздо естественнѣе видѣть въ поступкѣ синдика Фрэзэ точное исполненіе Высочайшей воли; кромѣ этого на стр. 2 „Журнала“ („Deputationsjournal“) Гадэбушъ замѣчаетъ подъ 10 іюля между прочимъ, что онъ можетъ согласно съ рескриптомъ генералъ-губернатора поручить дѣла города или рижскому Депутату или (избранному имъ, Гадэбушемъ) прокуратору (опекуну) („Den 10-ten Heumonats. Ging ein Generalgouvernementliches Verfügen ein, Kraft wessen . . . . ich . . . die Geschäfte der Stadt dem rigischen Deputirten, oder einem Procuratori auftragen könnte“). Очевидно, генералъ-губернаторъ въ этомъ своемъ рескриптѣ имѣлъ въ виду тотъ же § 13 Положенія о Депутатахъ во второй его половинѣ объ избраніи Депутатами опекуновъ (текстъ § 13 см. въ началѣ этого примѣчанія); если эта часть § 13 относится и къ Депутатамъ отъ нѣмцевъ, то и начало его о переводчикахъ должно къ нимъ относиться.

безъ тайныхъ соображеній, какъ выяснится впослѣдствіи, поступилъ такъ Гадэбушъ).

Такого рода отношеніе къ манифесту во время подготовительныхъ работъ къ отправкѣ Депутата отъ города Юрьева имѣло слѣдствіемъ соотвѣтствующую *дѣятельность Гадэбуша въ Москвѣ. Характеръ этой дѣятельности уже довольно ясно намѣчается магистратомъ* въ одномъ изъ представленій-прошеній, посланномъ генералъ-губернатору 24 мая 1767 года [1]).

Здѣсь говорится, что, если пришлось бы отправить Депутата, онъ, Депутатъ, ничего новаго не могъ бы внести въ Комиссію, „принужденъ былъ бы только всеподданнѣйше умолять Ея Императорское Величество о всемилостивѣйшемъ сохраненіи и державной защитѣ дарованныхъ и всемилостивѣйше утвержденныхъ привилегій города Дорпата“ и вручилъ бы Комиссіи не подлежащія ея вѣдѣнію, основанныя на сохраненіи прежнихъ преимуществъ челобитья относительно полицейской части только для того, чтобы таковыя были препровождены оттуда въ надлежащія присутственныя мѣста для дальнѣйшаго рѣшенія, т.-е. другими словами: Депутатъ долженъ всѣми силами стараться объ удержаніи за городомъ прежнихъ правъ и привилегій, не долженъ касаться общегосударственныхъ интересовъ и вообще не принимать въ расчетъ ничего, что могло бы повлечь за собою какія бы то ни было нежелательныя измѣненія въ освященныхъ вѣками и въ Высочайше утвержденныхъ городскихъ учрежденіяхъ. [Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать опредѣленіе задачи юрьевскаго Депутата, выраженное Гадэбушемъ въ словахъ: имѣть въ виду истинное благо города. [2])] — Насколько эта программа исполнена Депутатомъ, и насколько онъ отступилъ

1) К. к. № С. с. 52, бум. № 76. — Сборн. Учено-Лит. Общ., т. XIII, стр. 194—196.

2) Рукопись „Deputationsjournal“. Приложеніе: „Bericht . . .“ — Отчетъ магистрату, поданный Гадэбушемъ, § 1: „Am 16. März 1767 wurde ich nach Vorschrift des allerhöchsten kaiserlichen Mani-

отъ нея, выяснится изъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія московской дѣятельности Ф. К. Гадэбуша, главнымъ источникомъ которой служитъ оставшаяся послѣ его смерти рукопись „Дневникъ Депутата“, или, какъ онъ самъ ее озаглавилъ, „Deputationsjournal“ — Журналъ депутатства, хранящаяся въ С.-Петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ.

Не я первый и, быть можетъ, не я послѣдній имѣлъ въ рукахъ **рукопись „Deputationsjournal“.**[1]) Изъ сохранившихся отзывовъ о Гадэбушѣ видно, что другъ его, обэрпалэнскій пасторъ А. В. Хупэль, знакомъ былъ (правда, очень поверхностно) съ этимъ его произведеніемъ, а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ извѣстный редакторъ журнала „Baltische Monatsschrift“ Г. Бэркхольцъ посвящаетъ особую статью довольно подробному разбору „Дневника“ Гадэбуша. Составители другихъ отзывовъ о Гадэбушѣ, смотря по времени появленія ихъ отзывовъ, слѣдуютъ то Хупэлю то Бэркхольцу. Нѣкоторые же ученые, какъ, напр., проф. Хаусманнъ, а за нимъ и проф. Форстенъ не упоминаютъ о „Дневникѣ“ и даже не считаютъ нужнымъ отмѣтить его дѣятельность какъ Депутата въ Екатерининской Комиссіи. Что касается, наконецъ, самого Гадэбуша, оставившаго намъ свою автобіографію до 1776 года, то, хотя онъ и посвящаетъ въ ней нѣсколько строкъ своему депутатству, все же о своемъ „Дневникѣ“ не говоритъ онъ ни слова.

Рукопись „Deputationsjournal“, довольно объемистая — 56 листовъ[2]) писчей бумаги (223 страницы) —

---

festes vom 14-ten December 1766 zu einem Deputirten dieser Stadt, um bei der allerhöchst verordneten Gesetzcommission in Moskow das wahre Beste derselben (т.-е. не Комиссіи, а Stadt, города Юрьева) zu beobachten, durch Balotiren erwählet“. Разрядка моя.

1) И здѣсь считаю пріятнымъ долгомъ выразить проф. Е. В. Пѣтухову свою искреннюю признательность за его хлопоты по доставленію мнѣ этой рукописи Ф. К. Гадэбуша. Только благодаря его любезности имѣлъ я возможность ознакомиться съ подлинникомъ этого интереснаго документа XVIII вѣка.

2) Въ концѣ всей рукописи имѣется надпись библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки: „Въ этой рукописи сто двѣнадцать (112) нумерованныхъ листовъ“ (вѣрнѣе было бы сказать: полулистовъ или листковъ, — нѣм.

состоитъ изъ самого „Дневника“, или „Журнала“, („Deputationsjournal“) и изъ приложеній. „Дневникъ“ занимаетъ почти 32 листа (127 страницъ), а приложенія — остальные 24 листа (96 страницъ). Приложеніями являются: I. „Plan“, т. е. планъ, проектъ законовъ объ имѣніяхъ [1]).

Blatt, вмѣсто листовъ — нѣм Bogen). 112 полулистовъ = 56 листамъ. Здѣсь приняты въ расчетъ только болѣе или менѣе заполненные листы, съ чистыми же листами (шесть полулистовъ между рукописью „Deputationsjournal“ и первымъ приложеніемъ, одинъ полулистъ между 85-мъ и 84-мъ полулистами и одинъ совершенно въ концѣ; первые семь отмѣчены карандашными маленькими кружками, а послѣдній, какъ и 1-й, 20-й, 40-й, 60-й и 100-й полулисты, снабженъ штемпелемъ: И. П. Б. — Императорская Публичная Библіотека) соединены въ одномъ переплетѣ 60 листовъ писчей бумаги не всюду равной величины (самый большой форматъ стр. 1—54, съ 55-й страницы листы на сантиметра 2 короче, а приложеніе „Bericht . .“ писано на листахъ еще меньшаго формата). Помимо нумераціи полулистовъ, нумерація страницъ имѣется только въ рукописи самого „Deputationsjournal“ 'я, при чемъ она не вполнѣ правильна, такъ какъ въ ней встрѣчаются пропуски и повторенія: 0. 1.? [Отъ перваго полулиста сохранилась только его верхняя, бо̀льшая часть, и то безъ двухъ угловъ, праваго верхняго и лѣваго нижняго; она наклеена своею оборотною, чистою стороною на другой полулистъ бумаги; по обозначенію страницъ второго полулиста рукописи „p. (т е. pagina) 2“ и „p. 3“ можно заключить, что страница поврежденнаго перваго полулиста, заполненная текстомъ служитъ 1-ю страницею рукописи; на оторванномъ правомъ верхнемъ углу перваго полулиста было, быть можетъ, написано „p. 1.“] 2—6. (7). 8 24. (25). 26—32. **32**. 33—51. (52). (53) 54—115. (116). **116**. 117—125, вмѣсто 0.1—127 [въ скобкахъ обозначены незанумерованныя страницы; приведенныя 125 (127) страницъ соотвѣтствуютъ первымъ 64 полулистамъ всей рукописи]. — Въ приложеніяхъ только нумерованы полулисты (65—112 полул., или 128—223 ненум, стран.). — Кромѣ перваго полулиста, немного поврежденъ еще 10-й полулистъ. — На страницахъ „Deputationsjournal“ 'я и бо̀льшей части приложеній имѣются небольшія поля, между тѣмъ какъ текстъ приложенія „Bericht . . .“ заполняетъ только половину страницъ, свободная же отъ текста половина страницъ служитъ для исправленій и дополненій.

1) Полулисты 65—74. Собственно говоря „Plan“ состоитъ изъ отвѣтовъ на вопросы: „1. Was unbewegliches u. bewegliches Vermögen sey? — 2 Was für ein Vermögen diese oder jene Gattung der Bürger besitzen könne? — 3. Alle Arten, wie die Güter von einem auf den andern transferiret oder gebracht werden können?“ (1. Что такое недвижимое и движимое имущество? — 2. Какого рода имуществомъ могутъ владѣть тѣ или другіе граждане? — 3.

— II. Черновикъ расписки проф. Урсинусаэ, замѣстителя Гадэбуша въ Законодательной Комиссіи, отъ 2 ноября 1767 г.[1]) — III. Черновикъ полномочія, даннаго Гадэбушемъ проф. Урсинусу 2 ноября 1767 года.[2]) — IV. „Gedanken über den Bauerstand“ — Мысли о крестьянскомъ сословіи —, соч. Ф. К. Гадэбуша, помѣченное 20 сентября 1767 года.[3]) — V. Двѣ копіи съ извлеченій изъ дневныхъ записокъ засѣданій Дирекціонной Комиссіи, предназначенныя для „Комиссіи о имѣніяхъ вообще“.[4]) — VI. Планъ уголовнаго права, составленный синдикомъ Швартцемъ и дополненный Гадэбушемъ.[5]) — VII. Отчетъ, поданный Гадэбушемъ юрьевскому магистрату по возвращеніи изъ Москвы.[6]) — Составленъ „Отчетъ“ главнымъ образомъ на основаніи „Дневника“, но

Какими способами могутъ быть передаваемы имѣнія изъ рукъ одного владѣльца во владѣніе другого?), отвѣтовъ, заключающихся въ 31 параграфѣ, и перечня законовъ объ имѣніяхъ, представляющаго собою § 32-й всего „Plan“'а; проектируемые законы раздѣлены на 27 главъ.

1) 75-й полулистъ всей рукописи.

2) 76-й полулистъ всей рукописи.

3) Полулисты 77—80.

4 Полулисты 81—83. „Litt. E. Copia translata. Extrakt aus dem Protokoll der Direktionskommission sub die 5. Sept. 1767 an die Partikulär-Güterkommission. — Copia Transl. Extrakt aus dem Protokoll der Direktionskommission sub d. 17. Sept. 1767 an die Partikulär-Güterkommission“.

5) Полулисты 84—87. „Des Hrn. Syndikus Schwarz Entwurf zu einem Kriminalrechte“. Судя по отмѣткамъ на листкѣ 85-мъ: „Hierzu habe ich folgende Verbrechen gesetzt“ и на листкѣ 86-мъ: „Noch habe ich angemerkt“, половина текста прибавлена Гадэбушемъ.

6) Полулисты 88—112. „Bericht von meiner Deputation nach Moskau zur allerhöchst verordneten Gesetzkommission an einen hochedlen und hochweisen Rath der kaiserlichen Stadt Dörpat, verfasst von Friedrich Konrad Gadebusch, der Stadt Syndikus und Deputirten“. Этотъ „Bericht“ раздѣленъ на 11 параграфовъ и помѣченъ въ концѣ 8 марта 1768 года. Судя по тексту, „Bericht“ былъ снабженъ 8 приложеніяии, обозначенными латинскими буквами A, B, C, D, E, F, G и H: A. Formular des Deputirteneides in deutscher Sprache (формуляръ присяги Депутата на нѣмецкомъ языкѣ); B. Kommissionsordnung oder Ceremoniell (Обрядъ управленія Комиссіею); C. Zeddelchen der Nakasenkommission [Расписка Комиссіи о разборѣ наказовъ и проектовъ (въ полученіи отъ Гадэбуша наказа города Юрьева)]; D. Deutsche Uebersetzung der Instruktion für d. H. Generalprokureur und d. H. Deputirtenmarschall [Нѣмецкій переводъ

рядомъ съ этимъ „Отчетъ“ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя подробности, не отмѣченныя въ „Дневникѣ“. „Deputationsjournal“ — „Дневникъ Депутата“ — представляетъ собою ежедневныя записи самаго разнообразнаго характера, и трудно сразу разобраться въ встрѣчаемомъ въ нихъ матеріалѣ; только сгруппировавъ разбросанныя однородныя сообщенія, можно прійти къ извѣстному заключенію о степени значенія „Дневника“ въ томъ или другомъ отношеніи. Такъ, для болѣе правильной оцѣнки „Дневника“, слѣдуетъ тутъ же предпослать, что содержаніе его на половину не имѣетъ ничего общаго ни съ Екатерининскою Комиссіею ни съ дѣятельностію Гадэбуша, какъ Депутата: такого рода записи указываютъ на его частныя научныя занятія, заключаютъ въ себѣ его отзывы о разныхъ сочиненіяхъ и иногда богаты дословными выписками изъ особенно заинтересовавшихъ его историческихъ, юридическихъ, философскихъ и поэтическихъ произведеній [1]); сюда же относятся разныя

инструкціи, данной г. генералъ-прокурору и г. депутатскому маршалу]; E. Instruktion, welche die Güterkommission von der Direktionskommission erhalten hatte [Инструкція, полученная Комиссіею объ имѣніяхъ отъ Дирекціонной Комиссіи]; F. Plan [Планъ законовъ объ имѣніяхъ, составленный Гадэбушемъ]; G. „Meine Erlassung... in russischer und deutscher Sprache“ [Увольненіе Гадэлуша отъ должности Депутата на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ]: H. Quittung des Prof. Ursinus [Квитанція профессора Урсинуса (въ полученіи имъ отъ Гадэбуша причитающейся ему части казеннаго депутатскаго жалованія)]. — При рукописи „Deputationsjournal“, хранящейся въ Имп. Публ. Библ. имѣются: 1) Копія съ нѣмецкаго перевода приложенія E; 2) Черновикъ приложенія F; 3) Черновикъ приложенія H, составленный, должно быть, Гадэбушемъ. Прочія приложенія и въ копіяхъ не сохранились.

1) Во время своего пребыванія въ Москвѣ Гадэбушъ читалъ преимущественно французскія и латинскія книги. Изъ нѣмецкихъ книгъ упоминаетъ онъ подъ 6 октября: „Lieder nach dem Anakreon. Mit Melodien. Berlin. 1767. Gleim ist der Verfasser,“ а подъ 25 октября въ перечнѣ книгъ о крѣпостномъ правѣ приводитъ нѣмецкія сочиненія: „Mevius vom Zustande und Abfoderung der Bauern“, „Otto von der Leibeigenschaft“ и „Heineccius, Akademische Reden über seine Elementa Juris ciuilis“; выписки на нѣмецкомъ языкѣ тоже малочисленны: изъ Heineccius'a [стр 105, 106, 107] и изъ газеты „Hamb(urgischer) Korr(espondent)“ [стр. 75]. — Французскія книги, которыя читалъ Гадэбушъ, и изъ которыхъ большею частію въ „Дневникѣ“ имѣются выписки: 1. „Recueil

сообщенія или о томъ, что ему было извѣстно, что онъ лично видѣлъ и пережилъ, или же о слышанномъ имъ отъ своихъ знакомыхъ и друзей [1]).

historiqne d'Actes, Négociations, Mémoires et Traités depuis la Paix d'Utrecht jusqu'à celle d'Aix-la-Chapelle, par Mr. Rousset". 21 томъ; мал. 8. Печ. въ Амстердамѣ и Лейпцигѣ въ 1755 году. [Стр. 18—20; 21—24; 32, 32, 33, 35, 41 (на этой страницѣ говорится объ Абоскомъ мирѣ между Россіею и Швеціею въ 1743 году, при чемъ приводится краткое содержаніе 4, 8, 9 и 10 пунктовъ, касающихся Лифляндіи); 44—49; 55, 56]. — **2**. „Exposition des droits des Dissidents, joints à ceux des Puissances intéressées à les maintenir. à St. Petersburg. Le (пропускъ въ рукописи) Décembre 1766, in 4. Der Verfasser dieser Exposition ist der russische Hofrath Aubry, römisch-katholischer Riligion". [Стр. 38, 39]. — **3**. De la Rochefoucauld. „Mélanges de maximes, de réflexions et sentences chrétiennes, politiques et morales sur la religion, la morale et la nature. A Paris 1767". [Стр. 61—64]. — **4**. Essai sur les Erreurs et les Superstitions anciennes et modernes. Par M. L. Castilhon. Nouvelle édition, revue, corrigée et considérablement augmentée. 2 Vol. in 8. A Francfort, 1766". [Стр. 65]. — **5**. „Recueil des Vertus du Duc de Bourgogne". Авторъ не названъ. [Стр. 69—74]. — **6**. „Le Voyageur Philosophe dans un pays inconnu aux habitans de la terre. Multa incredibilia vera. Multa credibilia falsa. Par Mr. de Listonnai. à Amsterdam 1761 in 8". Въ двухъ томахъ. [Стр. 79; 83, 84; 90—96]. — **7**. „Zadig ou la Destinée et le Monde comme il va. Par Mr. de Voltaire. à Freybourg 1753, in 8". [Стр. 51—53]. — Латинскія книги: **1**. „Codex legum suecicarum receptus et approbatus in comitiis Stockholmensibus Anni MDCCXXXIV ex suecico sermone in latinum versus a Christiano König, Westmanniae ac Magn. C[?]uprimont. Judice Provinciali. Holmiae 1743 in 4". [Стр. 75, 76, 77, 78; 84—86]. — **2**. „Prolegomena iuris naturalis in usum auditorum, auctore Gottfriedo Achenwall, D. Prof. Jur. naturalis et polit. publ. ordin. in acad. Georgia Augusta denuo curatius exarata, Gotting. 1763 in 8." [Стр. 88, 89]. — **3**. „Specimen collationis iuris moscouitici et communis quod praeside Georg Engelbrecht, Il-to Professore iuris publ. ordin. a. d. XXVIII Nouembr. VIII disquisitioni subiiciet Ferdinandus Lazarus Mauritius de Imhof Eques Franconicus, Helmstadii." [Стр. 102, 103, 104]. — **4**. Horaz [стр. 96—98, 99; 107, 108, 109, 110, 113, 114, 115, 116, 116, 117, 120, 121]. — Кромѣ всего этого, приводятся заглавія и другихъ латинскихъ книгъ. — Въ перечнѣ книгъ о крѣпостномъ правѣ упоминаются: „Pok(?)gieszer de statu et conditione seruorum Germaniae"; „Hertius de hominibus propriis"; „Boehmers. Dis. de libertate imperfecta rusticorum in Germania"; „Ludewigs Jus clientelare"; „Thomasius de hominibus propriis." [Стр. 106, 107].

1) Такъ. напр., сообщенія: о скачкахъ (стр. 15); о празднествѣ учрежденія ордена св. Александра Невскаго (25—28); о склонности

Другая половина содержанія „Дневника“ болѣе для насъ важная, можетъ быть раздѣлена на два отдѣла: общій, касающійся самой Комиссіи, и частный, относящійся къ личности Депутата Гадэбуша и къ его депутатской дѣятельности.

Общій отдѣлъ довольно сухъ; въ немъ отмѣчаются отдѣльныя засѣданія, очень кратко говорится о предметахъ занятій въ засѣданіяхъ Большого собранія [1]), преимущественно сообщаются результаты выборовъ въ частныя комиссіи съ перечисленіямъ ихъ членовъ и даже иногда съ приведеніемъ числа голосовъ, полученнаго тѣмъ или другимъ кандидатомъ [2]);

архіепископа Новгородскаго (митрополита Димитрія Новгородскаго) предоставить православному духовенству свободу относительно вторичнаго вступленія въ бракъ (35); о Воспитательномъ домѣ (41—43); о празднованіи дня коронаціи (53, 54); о посѣщеніи библіотеки Рэйхсъ-коллегіи (67); о разговорѣ съ г-жею Луниною относительно ея отца, т. сов. Неплюева, и изученія ею нѣмецкаго языка (87, 88); о дворцахъ графа Шереметева (4, 31); о пасторѣ Gutslef'ѣ (43, 44); о Высочайшемъ пріемѣ польскихъ пословъ (43, 44, 58); объ арендной платѣ за питейныя заведенія (60); объ обвиненіи фискаломъ Pölchau ляндрихтэра фонъ-Поля въ атеизмѣ и богохульствѣ (59); о сектѣ Андрюшки (74, 75); о матери гр. Головкина, принадлежавшей вмѣстѣ съ дѣтьми къ реформатской церкви (49, 50); о причинѣ отставки почтдиректора Экштрэма (123. Неуплата имъ 28000 рублей изъ прусскихъ денегъ, задержанныхъ во время семилѣтней войны); о московскомъ университетѣ (124. По мнѣнію проф. Урсинуса, все заведеніе незначительно, такъ какъ въ немъ не болѣе 30 студентовъ и около 9—10 профессоровъ).

1) Большимъ собраніемъ называлось собраніе всѣхъ депутатовъ въ отличіе отъ небольшихъ группъ депутатовъ, засѣдавшихъ въ частныхъ комиссіяхъ.

2) Всѣ частныя комиссіи, учрежденныя въ 1767 году, упоминаются Гадэбушемъ въ его „Дневникѣ“. I. Дирекціонная Комиссія. Когда началась баллотировка, Гадэбушъ не говоритъ; очевидно, она началась въ его отсутствіе [послѣ присяги Гадэбушъ былъ введенъ 9 августа въ засѣданіе Законодательной Комиссіи, которое было открыто уже въ 10 часовъ утра]; въ записи подъ 9 августа значится: „ . . . Hierauf fuhr man fort über die Glieder der Direktionskommission zu balotiren. Womit man bis 2 Uhr nach Mittage zubrachte“ — послѣ того продолжали баллотировку (кандидатовъ) въ члены Дирекціонной Комиссіи, чѣмъ и были заняты до 2 часовъ пополудни — [DJ. („Deputationsjournal“) стр. 9; Ber. („Bericht“) листокъ 91]. 13 августа рѣшили представить императрицѣ 15 кандидатовъ въ члены Комиссіи для выбора и утвержде-

нія положеннаго числа членовъ и кандидатовъ [DJ. стр. 12. — Ber. л. 93]. 20 августа была окончательно составлена Дирекціонная Комиссія. Изъ членовъ ея Гадэбушъ называетъ въ „Дневникѣ“ [DJ. 15] только митрополита Димитрія Новгородскаго („Erzbischof von Nowgorod Dmitri“) и графа Ивана Орлова, въ „Отчетѣ“ же [Ber. л. 94] приводитъ и прочихъ членовъ. — II. Комиссія о разборѣ наказовъ и проектовъ. Гадэбушъ называетъ ее „Kommission, welche die Desideria unter gewisse Titel bringen mögte“ [DJ. 12] или „K. w. d. D. der Deputirten u. g. T. brächte“ [Ber. л. 93], или же „Nakasenkommission“ [DJ. 13. 33. — Ber. л. 93. 97]. Баллотировка кандидатовъ въ эту Комиссію началась 13 августа и кончилась 14 августа [DJ. 13. — Ber. л. 93]. При этой баллотировкѣ Гад. отмѣчаетъ, что лифляндскіе депутаты предложили въ кандидаты ф. Клинштэдта (депутата отъ Юстицъ-коллегіи лифл., эстл. и финл. дѣлъ), но графъ Орловъ былъ того мнѣнія, что Кл. надо приберечь для болѣе важныхъ занятій: „Die liefländischen (Deputirten) schlugen hierzu den Etatsrath und Vicepresidenten v. Klingstädt vor. Graf Fedor Orlow meynete, man hätte diesen Mann zu wichtigeren Beschäftigungen sparen sollen“ [DJ. 12. 13. — Ср. Ber. л. 93]. Изъ многочисленныхъ кандидатовъ Гад. называетъ графа Романа Воронцова, графа Строганова и колл. сов. (историка) Мюллэра [DJ. 13]. 20 авг. было рѣшено подавать наказы Воронцову или Строганову [DJ. 15]. — Ш. Экспедиціонная Комиссія. Когда начали баллотировать кандидатовъ въ члены Экс. Ком. — неизвѣстно. Продолженіе баллотировки отмѣчено подъ 21 и 22 августа [DJ. 16, 17. На стр, 16 написано: „den 21. August... Hiernächst wurde mit Balotiren über die Kandidaten zur Expeditionskommission fortgefahren...“; впрочемъ въ Ber. л. 94 отмѣчено: „Am 21. August .... Hiernächst balotirete man über die Kandidaten zur Expiditionskommission“ ... Разрядка моя. — Подъ 22 авг. въ Ber. о баллотировкѣ ничего не сказано]. 27 августа перечисляются члены Экспедиціонной Комиссіи, при чемъ Козицкій названъ: Kassicki [DJ. 20. — Ber. л. 95]. — IV. Комиссія о разборѣ родовъ государственныхъ жителей. У Гад. она называется: „Kommission, die die Vorrechte des Adels, des Bürger- und Bauerstandes auseinander setzen sollte“ [DJ. 33. — Ср. Ber. л. 97]; „Departement, das die Rechte der drey Stände untersuchen sollte“ [DJ. 36]: „Ständekommission“ [Ber. л. 98, 108]. Баллотировка кандидатовъ начинается 5 сентября. [DJ. 33. — Ber. л. 97]. По записи Гадэбуша [DJ. 33, 34. Ber. л. 97, 98], къ баллотировкѣ предложили 51 кандидата, изъ коихъ лифляндскими депутатами выдвинуты фельдцейхмейстеръ ф. Вильбоа (Villebois), ляндратъ ф. Унгернштернбергъ (Ungernsternberg), синдикъ Шварцъ, ратманъ Штральборнъ (Straelborn) и синдикъ Гадэбушъ, а малороссами надв. сов. Мотонисъ и г. Полетика (послѣдній пропущенъ въ „Дневникѣ“). Закончена баллотировка 7 сентября; голосовъ получили больше всѣхъ: графъ Ѳ. Орловъ, графъ

Брюсъ, князь Голицынъ (Knäs Galiczin, но въ Ber. вѣрно: Golizin), А. Вильбоа и адмиралъ И. Чернышевъ (Tschernitschew); Шварцъ получилъ 170 голосовъ, Штральборнъ (Stralborn въ Ber., а Straelborn въ DJ.) 127, Гадэбушъ 113, Унгернъ (Landrath Ungern) 120, Мотонисъ 178 и Клингштэдтъ 123 голоса [DJ. 34. — Ber. л. 98]. Общее число депутатовъ, принимавшихъ участіе въ баллотировкѣ, не обозначено. Подъ 11 сент. отмѣчено, что вмѣсто Вильбоа назначенъ по предложенію маршала архангелъскій Депутатъ (купецъ Николай Свѣшниковъ; онъ у Гадэбуша не названъ), а вмѣсто адмирала Чернышева назначенъ по предложенію генералъ-прокурора ляндратъ Л. Ф. Унгернштернбергъ — Ludwig Freyherr von Ungernsternberg, въ Ber. просто: Landr. Ungern — [DJ. 37. — Ber. л. 99]. Князь Голицынъ беретъ себѣ въ помощники нарвскаго ратмана Штральборна (или Стральборна — Straelborn), а Унгернштернбергъ — барона фонъ Зальца [DJ. 39. — Ber. л. 99] и барона фонъ Вольфа [DJ. 69]. V. Комиссія о правосудіи (о юстиціи), называемая Гадэбушемъ „Justizdepartement“ [DJ. 37, 43, 50. — Ber. л. 99, 100, 101, 102] и „Justizkommission“ [DJ. 39, 55, 56, 67, 80. — Ber. л. 99, 102, 103, 104, 105] и „Departement zur Untersuchung des Kriminalrechtes“ [DJ. 59, 60]. Предложеніе кандидатовъ состоялось 11 сентября. Здѣсь интересно сообщеніе: лифляндскіе дворянскіе депутаты предложили ст. сов. ф. Клингштэдта; его же хотѣли предложить и представители лифляндскихъ городовъ, но, руководимые какъ просьбою Клингштэдта не предлагать его, такъ и его мнѣніемъ, что въ этой Комиссіи будутъ разбираться только русскіе законы, для лифляндскаго же законодательства будетъ учреждена особая комиссія, они, при всемъ своемъ сомнѣніи въ справедливости его словъ, замѣнили его коллежскимъ совѣтникомъ (депутатомъ отъ Главнаго магистрата) Н. Дурасовымъ [DJ. 37: „Die liefländischen Deputirten des Adels schlugen d. H. Etatsrath von Klingstädt vor. Ebendenselben wollten auch die Deputirten der Städte vorschlagen; weil ers aber verbath und der Meynung war, dass in dem itzt zu errichtenden Departemente bloss das russische Justizwesen untersuchet, zu dem liflandischen aber eine besondere Kommission gesetzet werden würde: so schlugen sie, ob man gleich an dem letzteren zweifelte, den Kollegienrath Durassow vor“. Ср. Ber. л. 99]. 17 сентября баллотировали кандидатовъ, между которыми оказались ратманъ Штральборнъ (Straelborn) и синдикъ Гадэбушъ; послѣдняго очень удивило это обстоятельство, такъ какъ онъ зналъ навѣрное, что лифл. депутаты предложили Дурасова; Стральборнъ (депутатъ отъ гражданства гор. Нарвы; въ Спискѣ Депутатамъ — Рус. Вѣстн. 1861 г. декабрь, Приложеніе — называется онъ: Штральборнъ) получилъ 148, а Гадэбушъ 120 голосовъ. [DJ. 43: „In der Versammlung der Deputirten wurde über die Kandidaten zum Justizdepartement balotiret. Darunter befanden sich auch der Rathsherr Straelborn und Syndikus Gadebusch. Ersterer hatte 148, letzterer 120 Stimmen. Ich wunderte mich, dass

ich mich unter den Kandidaten befand, weil ich gewiss wuste, dass die liefländischen Deputirten von den Städten nicht mich, sondern den Kollegienrath Durassow vorgeschlagen hatten." — Ср. Ber. л. 100: „ . . . . Letzteren befremdete es nicht wenig, sich (т.-е. Гадэбуша) unter den Kandidaten nennen zu hören, weil er gewiss wuste, dass die Deputirten der liefländischen Städte nicht ihn, sondern . . . hätten"]. Подъ 23 сентября [DJ. 55, 56. — Ber. л. 102] приводятся утвержденные члены Комиссіи: по предложенію маршала Всеволожскій (Wsewolowsky — DJ. 55, 67, 68; Ber л. 102 — Wsewolodsky въ DJ. 56), по предложенію генералъ-прокурора синдикъ Шварцъ, а по выборамъ: графъ Панинъ, сек.-майоръ Авраамъ Рашковичъ (депутатъ Новороссійской губ. отъ шляхетства Бахмутскаго полка. Въ „Bericht" ѣ: „Oberst Wachtmeister Raskowisch, Deputirter aus Neurussland"; въ DJ стр. 55: „ein Hussarenofficier aus Neuservien", а на стр. 56: „der Major Raskowisch") и фельдцейхмейстеръ Вильбоа. Насчетъ Вильбоа прибавлено, что онъ былъ боленъ, и что поговариваютъ о его отказѣ [DJ. стр. 56: „D. H. Feldzengmeister Villebois war krank, und man sagete, er würde sich davon los machen"]. Подъ 2 октября отмѣчено, что вмѣсто Вильбоа вступилъ въ Комиссію Василій Бибиковъ [DJ. 68. — Ber. л. 104]. Синдикъ Шварцъ избираетъ Гадэбуша въ свои помощники [DJ. 55. — Ber. л. 102], а графъ Панинъ ст. сов. фонъ Клингштэдта [DJ. 69]. — VI. Комиссія о имѣніяхъ вообще. Гад. называетъ ее: „(Kommission) zur Untersuchung der Rechte von beweg- und unbeweglichen Gütern" [DJ. 40. — Ber. л. 100]; „Kommission, die das bewegliche und unbewegliche Vermögen und die darüber vorhandenen Gesetze untersuchen und prüfen sollte" [DJ. 49]; „Kommission von den Rechten der beweglichen und unbeweglichen Güter" [DJ. 56]; „Güterkommission" [DJ. 82. 86, 97, 99, 100, 101, 106, 111, 112, 115, 116. — Ber. л. 101, 107, 108, 109, 112]. 13 сентября предлагали кандидатовъ въ члены, при чемъ лифл. городскіе депутаты не предложили ни одного кандидата [DJ. 40: „den 13 September . . . . D. H. Marschall trug vor, dass man Kandidaten zur Untersuchung der Rechte von beweg- und unbeweglichen Gütern vorschlagen sollte. Welches geschah. Jedoch die liefländischen Deputirten der Städte schlugen keinen Kandidaten vor. Ср. Ber. л. 100]. Когда была начата баллотировка — неизвѣстно. 19-го [DJ. 49. — Ber. л. 101], 25-го сентября [DJ. 56] продолжали баллотировку кандидатовъ. 9 октября депутатъ Мотонисъ поздравляетъ Гадэбуша съ назначеніемъ его, Гадэбуша, въ члены Комиссіи объ имѣніяхъ вообще [DJ. 82. — Ber. л. 106], но не знаетъ, маршалъ ли или генералъ-прокуроръ предложилъ его въ члены [DJ. 82]. Въ тотъ же день за обѣдомъ у Панина сообщилъ Гадэбущу о его назначеніи самъ маршалъ [Ber. л. 106]. Подъ 10 октября, когда Гад. узналъ изъ чтенія протокола засѣданія 9 октября о своемъ назначеніи въ Комиссію объ имѣніяхъ, приводятся фамиліи всѣхъ членовъ Комиссіи, при чемъ Лунинъ, Мотонисъ, Ярославцевъ были

только нѣкоторыя событія, какъ, напр., раздача депутатскихъ знаковъ, предложеніе принесенія благодарности Екатеринѣ II за созывъ Комиссіи, поднесеніе императрицѣ титуловъ: Великая, Премудрая и Мать отечества, удостоиваются болѣе или менѣе подробнаго описанія [1]); что же касается круга насто-

---

членами по выборамъ, Гадэбушъ по предложенію генералъ-прокурора, а Дурасовъ по предложенію маршала [DJ. 86. — Ber л 107]. Подъ 11 октября въ „Дневникѣ“, по случаю перваго засѣданія этой Комиссіи, приводятся снова всѣ фамиліи ея членовъ [DJ. 86, 87]. Помощникомъ Лунина былъ кол. сов. Зубовъ [DJ. 111. — Ber., л. 109], а Мотонисъ беретъ себѣ въ помощники майора Стромилова (Гад. называетъ его Somälow и Stramälow) и синдика Фрэзэ [DJ. 101. — Ber. л. 108]. — VII. Комиссія о среднемъ родѣ людей. Гадэбушъ называетъ ее „Kommission, welche die Rechte des Mittelstandes untersuchen sollte“ [DJ. 99. — Ber. л. 108]. Подъ 18 октября Гад. только сообщаетъ о ея учрежденіи и приводитъ фамиліи членовъ: графъ Мюннихъ (въ DJ.: Graf Münnich, а въ Bericht'ѣ: Graf von Münnich), князь Нарышкинъ (Knäs Nariskin), князь Вяземскій, князь Мих. Щербатовъ (Knäs Mich. Tscherbatow), купецъ Степановъ. [DJ. 99. — Ber. л. 108. Въ Bericht'ѣ прибавлено, что учрежденія этой Комиссіи требовала die Ständekommision, т.-е, Комиссія о разборѣ родовъ государственныхъ жителей]. — Въ только что разобранныхъ записяхъ Гадэбуша о частныхъ комиссіяхъ имѣютъ главнымъ образомъ мѣстный интересъ свѣдѣнія о прибалтійскихъ депутатахъ: о назначеніи ихъ въ комиссіи и о ихъ отношеніяхъ какъ къ предложенію кандидатовъ и къ самимъ выборамъ членовъ, такъ и къ комиссіоннымъ занятіямъ; но и этихъ свѣдѣній у Гадэбуша не особенно много: нѣкоторыя отмѣчены уже здѣсь, о другихъ будетъ рѣчь ниже. — О выборѣ, помимо 5 членовъ, еще 3 кандидатовъ въ каждую изъ Комиссіи (эти кандидаты участвовали въ засѣданіяхъ Комиссій) нигдѣ не упоминается у Гадэбуша. Даже избраніе синдика Фрэзэ, ревельскаго депутата, такимъ кандидатомъ въ Комиссію объ имѣніяхъ Гадэбушъ не нашелъ нужнымъ отмѣтить. Быть можетъ, что Гадэбушъ не видѣлъ особеннаго различія между помощникомъ и кандидатомъ: относительно Фрэзэ, по крайней мѣрѣ, эти понятія тожественны.

1) Привожу здѣсь цѣликомъ записи Гад., касающіяся этихъ предметовъ. Эти записи съ одной стороны пополняютъ нѣкоторыми своими подробностями свѣдѣнія, даваемыя Д. Полѣновымъ [Сб. Рус. Ист. Общ. т. IV, стр. 61—65], съ другой же стороны своими неточностями и пропусками, происшедшими отчасти отъ непониманія Гадэбушемъ русскаго языка, теряютъ значеніе безупречныхъ историческихъ документовъ. Подробности, приводимыя Гадэбушемъ, печатаются здѣсь курсивомъ, неточности же и пропуски въ текстѣ „Дневника“ отмѣчены мною примѣчаніями въ скобкахъ. Записи

„Дневника“ иногда передаются точнѣе и полнѣе въ „Отчетѣ“ Гадэбуша, на что также въ скобкахъ будетъ попутно обращаемо вниманіе читателя.

А. Раздача депутатамъ знака, упомянутаго въ манифестѣ. DJ., стр 8 и 9, подъ 9 августа: „ . . . . Wie ich in die Versammlung trat, war man beschäfftiget, den Deputirten das Zeichen auszutheilen. Dieses Zeichen bestand [въ Ber. л. 90: besteht] in einer goldenen eyrunden Medaille, auf deren ersteren Seite E II, das ist Katharina II, auf der anderen eine Pyramide stand mit einer russischen Ueberschrift des Inhalts [въ Ber.: „ . . . eine gekrönete Pyramide mit einer russischen Ueberschrift zu sehen ist, des Inhalts“]: Zum Besten eines jeden und des gemeinen Wesens [не особонно точный переводъ русской надписи: „Блаженство каждаго и всѣхъ“. Кромѣ этого какъ въ „Дневникѣ“, такъ и въ „Отчетѣ“ пропущена подпись: „1766 года Декабря 14 дня“]. *Als die liefländischen Deputirten zum Empfange dieser Medaille geruffen wurden, stellete ich mich mit ein. Weil ich aber nur an demselben Tage den Eid abgeleget hatte, wurde ich von Sr. Durchlaucht, dem Generalprokureur Fürsten Wäsemskoi, Ritter des Weissen Adlerordens, der die Medaille austheilete, erinnert, zu warten. Ich ging also wieder an meine Stelle . . . . Als nun diejenigen Deputirten, die bey Eröffnung der Kommission gegenwärtig gewesen, ihre Medaille empfangen hatten, wurden diejenigen, die hernach gekommen waren, auch herbeigeruffen, worauf ich auch eine empfing.*“ [Въ Ber. послѣднія четыре предложенія замѣнены семью словами, но зато приводятся пропущенныя въ „Дневникѣ“ данныя о цѣпочкѣ, имѣвшейся при медали: „Ich bekam gleichwie die übrigen dieses Zeichen, welches an einer kleinen goldenen Kette im Knopfloche getragen wird“]. Разрядкою обозначено пропущенное въ „Дневникѣ“ и имѣющееся въ „Отчетѣ“. — Переводъ: Когда я вошелъ въ собраніе, происходила раздача знака депутатамъ. Этотъ знакъ состоялъ [въ Ber.: состоитъ] въ золотой овальной медали, на лицевой сторонѣ которой находились (перевитыя между собою буква) Е (и римская цифра) II, т.-е. Екатерина II, на оборотной же была изображена пирамида съ русской надписью такого содержанія [въ Ber.: „ . . . видна пирамида, на которой утверждена корона, съ русской надписью такого содержанія“]: Для блага каждаго и для общаго блага [настоящая надпись гласила: „Блаженство каждаго и всѣхъ“]. *Когда лифляндскіе депутаты были вызваны для полученія медали, тогда и я явился вмѣстѣ съ ними, но, вслѣдствіе приведенія меня къ присягѣ въ тотъ же самый день, Его Сіятельство генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, кавалеръ ордена Бѣлаго Орла, раздававшій медали, замѣтилъ мнѣ, чтобы я подождалъ, почему я и отошелъ снова къ своему мѣсту . . . По полученіи медали тѣми депутатами, которые присутствовали при открытіи Комиссіи, были вызваны тѣ, которые прибыли позже, послѣ чего и я получилъ медаль.*“ [Въ Ber.: „Я полу-

чилъ подобно прочимъ этотъ знакъ, носимый на маленькой золотой цѣпочкѣ въ петлицѣ“].

Б. Предложеніе принесенія благодарности Екатеринѣ II. DJ., стр. 9, 10, подъ 9 августа: „ . . . Da alle anwesenden Deputirten mit dieser Medaille gezieret waren, trug der Herr Marschall vor [въ Ber. л. 91 вмѣсто послѣднихъ пяти словъ значится: „geschah der Antrag“], ob man nicht Ihrer Majestät der Kaiserinn den Titel: Katharina die Grosse und [въ Ber.: die Grosse, die] weiseste Mutter des Vaterlandes geben wollte, welches einhällig bewilliget wurde [въ Ber.: ward] . . . . Der Herr Marschall eröffnete sodann den Deputirten, dass sie . , . . am Sonntage sich nach Hofe zwischen 10 und 11 Uhr begeben sollten, um Ihrer Majestät für das grosse Werk des neuen Gesetzbuches allerunterthänigst zu danken“. Переводъ. По украшеніи медалью этою всѣхъ присутствующихъ депутатовъ, г. маршалъ предложилъ [въ „Отчетѣ“ вмѣсто „г. маршалъ предложилъ“ написано: „было предложено“], не поднести ли Ея Величеству Императрицѣ титулъ: Екатерина Великая и [въ „Отчетѣ“ этого „и“ нѣтъ] Премудрая Мать отечества, съ чѣмъ всѣ единодушно согласились . . . Г. маршалъ объявилъ послѣ этого депутатамъ, что они въ воскресенье между 10 и 11 час. должны отправиться ко Двору, чтобы всеподданнѣйше поблагодарить Ея Величество за великое предпріятіе, касающееся изготовленія Новаго Уложенія“.

Если бы все это не отдѣлялось у Гадэбуша всего нѣсколькими строчками отъ описанія самого поднесенія титуловъ Екатеринѣ II, сопряженнаго съ выраженіемъ благодарности за созывъ Комиссіи, то читатель, незнакомый съ дѣломъ, былъ бы въ затрудненіи признать связь между только что приведенными двумя сообщеніями. Это происходитъ оттого, что многое у Гадэбуша пропущено, да и сообщаемое имъ отчасти не вполнѣ точно. Изъ передаваемаго Д. Полѣновымъ содержанія дневной записки засѣданія 9 августа видно, что еще до открытія засѣданія депутаты совѣщались между собою относительно поднесенія импетатрицѣ того или другого титула, при чемъ многіе окружали налои держателей дневныхъ записокъ, занося свои имена въ число желающихъ говорить съ маршаломъ по поводу этого, другіе же подписывали уже готовое, или одобренное письменное предложеніе. „По окончаніи раздачи знаковъ, маршалъ ударилъ жезломъ и всѣ заняли свои мѣста. Въ это время подошли къ нему двое депутатовъ, преосвященный Димитрій и князь Михайла Волконскій. Они сказали, что депутаты просятъ, чтобъ Ея Императорское Величество благоволила удостоить ихъ принятіемъ отъ нихъ имени Великой Екатерины и Матери отечества. Маршалъ спросилъ у собранія, согласно ди оно на это приношеніе? Всѣ радостными словами изъявили свое согласіе.“ Какъ бы въ дополненіе къ этому депутатъ Андрей Нартовъ сказалъ небольшую рѣчь, а депутатъ Ѳ. Сукинъ поднесъ маршалу записку за подписаніемъ 163 депутатовъ. Въ концѣ засѣданія „Собранію предложено было,

чтобы назначенный Государынѣ титулъ поднести въ слѣдующее воскресенье во время принесенія Ея Величеству благодарности, что и было принято. Депутатъ Капорской отъ дворянства гр. Григ. Орловъ представилъ маршалу, что не лучше ли приписать Ея Величеству слѣдующій титулъ: Екатерина Великая, Премудрая Мать отечества, На это согласилось все собраніе". — Изъ сравненія этихъ отрывковъ съ записями Гадэбуша вполнѣ очевидны неточности и пропуски въ сообщеніяхъ юрьевскаго Депутата.

В, Поднесеніе императрицѣ титуловъ. DJ. стр. 10, 11: „den 12. August . . . Um 10 Uhr begab ich mich nach Hofe, wo die Deputirten in einem grossen Saale, *nach den Gouvernemenien* aufgestellet wurden [въ Ber. л. 91: „An eben gedachtem 12 August begab ich mich um 10 Uhr vor Mittage nach Hofe, wo die HHn. Deputirten in einem grossen Saale, worinn Ihre Majestät die feyerlichsten Audienzen fremden Botschaftern und Gesandten ertheilen, *nach der in der Kommissionsordnung vorgeschriebenen Weise* aufgestellet wurden"]. Als Ihre Majestät die Kaiserinn aus der Kirche kamen, begaben Sie Sich unter Vortretung der [въ Ber. прибавлено: HH. Hof-] Marschälle *mit ihren goldenen Stäben,* in diesen Saal, wo Sie Sich auf dem Throne stelleten, *und stehend den Deputirten Audienz ertheilten.* Se. Excellenz, d. H. Deputirtenmarschall [въ Ber. здѣсь прибавлено: *mit dem silbernen Stabe in der Hand*], Generalleutenant und Ritter Bibikow [этого въ Ber. нѣтъ] thaten die Anrede an I. M. die Kaiserinn [въ Ber.: an die Monarchinn], danketen derselben [въ Ber.: Allerhöchstderselben] für das unternommene [въ Ber.: angefangene] Werk eines neuen Gesetzbuches, und bathen Allerhochst-Dieselben [въ Ber.: diese grosse Prinzessin] die Titel der Grossen, der Weisesten und der Mutter des Vaterlandes allergnädigst anzunehmen. Ihre Majestät hatten zur rechten Hand den Vicekanzler Fürsten Gallizin [въ Ber.: Golizin] *zur linken Dero* [въ Ber.: den] *Generaladjutanten* [въ Ber. прибавлено: *Generalfeldmarschall und gewesenen*], *den Hetman* [въ Ber. „den" нѣтъ, а къ „Hetman" прибавлено: *von Kleinreussen*] *Grafen* [въ Ber. здѣсь прибавлено: *Kirila Grigorjewitsch*] *Rasumowski.* Hinten am Throne zur rechten stand der Oberkammerherr Graf Sezeremetow. Der Vicekanzler beantwortete die Rede des Deputirtenmarschalls, und endlich geruheten Ihre Majestät Sich also zu erklären [въ Ber. послѣ „Majestät" прибавлено: selbst], dass den Titel einer Grossen die Nachwelt entscheiden und diese Ihre Handlungen unparteiisch beurtheilen müste. Was aber den Titel der Weisesten beträfe, so käme solcher allein Gott zu. Endlich wüste Sie, dass Sie als Mutter ihre Unterthanen geliebet hätte, und sie wünschete, dass Ihre Unterthanen Sie gleichfalls lieben mögten. Darauf wurden alle Deputirten [здѣсь въ Ber. прибавлено: *knieend*] von der Kaiserinn zum Handkuss gelassen, *und Ihre Majestät, welche nebst allen Ihren Hofdamen en Robe* [въ Ber.: en robe, *oder in festlichen Kleidern*] *gekleidet* [въ Ber. этого слова нѣтъ] *waren, begaben Sich wiederum hinweg* [въ Ber. вмѣсто послѣднихъ двухъ

словъ написано: *in Dero Wohnzimmer*]. *Bei dieser Cäremonie, die bis halb 2 daurete waren auch Se Kaiserliche Hoheit der Grossfürst zugegen* [всего этого въ Вег. нѣтъ].“ Переводъ: „12 августа . . . Въ 10 часовъ отправился я ко Двору, гдѣ депутаты въ большомъ залѣ стояли *по губерніямъ* [въ Вег. л. 91: „Въ только что упомянутый день, 12 августа, отправился я въ 10 часовъ утра ко Двору, гдѣ гг. депутаты въ большомъ залѣ, въ которомъ Ея Величество совершала самые торжественные пріемы иностранныхъ посланниковъ и пословъ, стояли *въ Обрядомъ управленія Комиссіею предписанномъ порядкѣ*“]. Ея Императорское Величество, выйдя изъ церкви, прослѣдовала, въ предшествіи [въ Вег. прибавлено; гг. придворныхъ] маршаловъ *съ ихъ золотыми жезлами*, въ этотъ залъ, взошла на тронъ *и стоя приняла депутатовъ*. Его Превосходительство г. депутатскій маршалъ [въ Вег. здѣсь прибавлено: *съ серебрянымъ жезломъ въ рукѣ*], генералъ-лейтенантъ и кавалеръ Бибиковъ [этого въ Вег. нѣтъ] обратился съ рѣчью къ Ея Императорскому Величеству [въ Вег.: къ Монархинѣ], поблагодарилъ ее [въ Вег.: Ея Величество] за предпринятое [въ Вег.: начатое] дѣло изготовленія Новаго Уложенія и просилъ Ея Величество [въ Вег.: великую принцессу] всемилостивѣйше принять титулы Великой, Премудрой и Матери отечества. По правую сторону Ея Величества находился вице-канцлеръ князь Голицынъ, *по лѣвую же генералъ-адъютантъ* [въ Вег. прибавлено: *генералъ-фельдмаршалъ и бывшій*] *гетманъ* [въ Вег. прибавлено: *Малороссіи*] *графъ* [въ Вег. здѣсь прибавлено *Кирила Григорьевичъ*] *Разумовскій;* позади трона справа, стоялъ обэръ-камергеръ графъ Шереметевъ. Вицеканцлеръ отвѣтилъ на рѣчь маршала депутатовъ, и наконецъ соблаговолила Ея Величество объявить [въ Вег. послѣ слова „Величество“ прибавлено: лично], что титулъ Великой долженъ быть рѣшенъ потомствомъ, которое и обсудитъ безпристрастно эти Ея дѣла. Что же касается титула Премудрой, то таковой принадлежитъ единственно Богу, Наконецъ, Ей извѣстно, что Она какъ Мать [всегда] любила Своихъ подданныхъ, а потому желала бы, чтобы Ея подданныя равнымъ образомъ любили Ее. Затѣмъ всѣ депутаты [здѣсь въ Вег. прибавлено: *съ колѣнопреклоненіемъ*] были допущены къ рукѣ Императрицы, *и Ея Величество, бывшая со всѣми Своими придворными дамами en robe* [въ Вег.: en robe, *или въ праздничныхъ платьяхъ*], удалились въ томъ же порядкѣ изъ залы [въ Вег.: удалилась [прослѣдовала] въ Свои жилые (внутренніе) покои]. *При этой церемоніи, продолжавшейся до половины второго, присутствовалъ Его Императорское Высочество Великій Князь*“.

Слѣдствіемъ поднесенія титуловъ императрицѣ было составленіе акта обо всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся до названнаго поднесенія. По изготовленіи двухъ экземпляровъ этого акта и по подписаніи ихъ всѣми депутатами одинъ экземпляръ долженъ былъ быть переданъ въ Правительствующій Сенатъ, а другой экземпляръ долженъ былъ храниться въ Архивѣ Комиссіи. И относительно этого

ящей дѣятельности Комиссіи, т.-е. чтенія отдѣльныхъ наказовъ и разсмотрѣнія законовъ, то Гадэбушъ не идетъ далѣе краткихъ и безцвѣтныхъ отмѣтокъ [1]); но и такія отмѣтки не

событія записи Гадэбуша разнятся отъ сообщенныхъ Д. Полѣновымъ данныхъ: **1**) Только запись подъ 27 сентября [DJ. 59. — Ber. л. 103] о чтеніи и подписаніи изготовленнаго акта соотвѣтствуетъ въ общихъ чертахъ такой же въ изданіи Д. Полѣнова [Сб. Р. И. Общ., т. IV, стр. 208]; **2**) о самомъ рѣшеніи составить такой актъ, послѣдовавшемъ 13 августа [Ср. Сб. Р. И. Общ., т. IV, стр. 66 и 208] не сказано въ „Дневникѣ“ ни слова; но зато **3**) въ „Дневникѣ“ Гадэбуша имѣются сообщенія, не вошедшія въ изданіе Д. Полѣнова: **а**) подъ 21 августа [DJ. 16. — Ber. л. 94] Гадэбушъ между прочимъ пишетъ: „ . . . *Endlich wurde eine Akte verlesen, worinn die Bewegungsgründe angezeiget worden, warum man der Kaiserinn Majestät den Beynamen der Grossen und Weisesten Mutter des Vaterlandes beygeleget und gnädigst anzunehmen gebethen hätte. Diese Akte wurde von allen anwesenden Deputirten unterschrieben und sollte im Senate beygeleget werden. Darüber verzog sich die Sitzung bis um 2 Uhr nach Mittage.*“ Переводъ: „ . . . *Наконецъ былъ прочитанъ актъ, въ которомъ указывались причины, побудившія собраніе поднести Ея Императорскому Величеству титулъ Великой и Премудрой Матери отечества и просить о милостивѣйшемъ его принятіи. Этотъ актъ былъ подписанъ всѣми присутствующими депутатами и долженъ былъ быть переданъ въ Сенатъ* [приложенъ къ документамъ Сената]. *Вслѣдствіе всего этого засѣданіе затянулось до 2 час. пополудни.*“ — Какъ объяснить это сообщеніе Гадэбуша? За неимѣніемъ въ изслѣдованіи Д. Полѣнова полныхъ дневныхъ записокъ, отвѣтить точно на этотъ вопросъ невозможно; въ записи 21 августа говорится или о черновикѣ всего акта, одобреніе котораго было выражено подписями присутствовавшихъ въ засѣданіи 21 августа депутатовъ, или же объ отдѣльномъ актѣ, содержавшемъ только мотивы поднесенія титуловъ, подтвержденные 21 августа бывшими налицо депутатами. — **б**) И подъ 28 сентября [DJ. 60: „*Den 28 Herbstmonates. Wurde in der Versammlung der Deputirten, das ebengedachte Protokoll unterschrieben . . .*“ Въ „Отчетѣ“ этого нѣтъ]. Гадэбушъ говоритъ о подписаніи депутатами вышеназваннаго акта, отмѣтивъ уже подъ 27 сентября, что по недостатку времени 27 сентября подписали актъ только депутаты отъ Коллегій. [DJ. 59: „ . . . . *Man machte demnach heute mit der Unterschrift den Anfang, welche jedoch dieses Mal wegen Zeitmangels nur von den Deputirten der Kollegien geschah*“. Въ „Отчетѣ“ этого нѣтъ; здѣсь, подъ 27 сентября, просто сообщается, что протоколъ, т.-е. вышеобозначенный актъ, „von allen Deputirten unterschrieben wurde“ (Ber. л. 103)].

1) Привожу здѣсь всѣ имѣющіяся въ „Дневникѣ“ отмѣтки: I. стр. 15: „Den 20. Aug. . . . . Eine von den schon eingereichten

Nakasen wurde verlesen und von verschiedenen Deputirten Anmerkungen dazu gemachet, welche im Protokolle verschrieben wurden.“ Переводъ: „20 августа . . . Одинъ изъ подданныхъ уже наказовъ былъ прочитанъ, и по поводу его были дѣлаемы замѣчанія различными депутатами, которыя вносились въ протоколъ.“ — II. стр. 16: „Den 21. August Wurden noch mehrere Anmerkungen wider die gestern verlesene Nakase aus dem Kargopolischen Kreise öffentlich bekannt gemachet und vorgelesen, worunter eine von dem ingermannländischen oder jamburgischen Deputirten Friedrich Baron von Wolf war, imgleichen eine von dem esthnischen Deputirten, Freyherrn von Salza . . .“ Переводъ: „21 августа. Было публично оповѣщено и прочтено еще нѣсколько замѣчаній противъ прочитаннаго вчера наказа изъ Каргопольскаго уѣзда, и между ними одно отъ ингерманландскаго или ямбургскаго депутата Фридриха барона фонъ Вольфа, а также одно отъ эстляндскаго депутата, барона фонъ Зальца . . .“ — III. стр. 17: „Dem 23. August. Wurden einige Nakasen verlesen, und bey jeder der Versammlung eine halbe Stunde Bedenkzeit gelassen, ob sie darauf etwas anzubringen hätte...“ Переводъ: „23 августа. Читались нѣкоторые наказы, и по прочтеніи каждаго наказа дано было собранію полчаса на размышленіе, желаетъ ли оно замѣтить что-либо по поводу наказа . . .“ — IV. Стр. 17: „Den 24. August. Las man abermal Nakasen . . .“ Переводъ: „24 августа. Опять читали наказы . . .“ — V. Стр. 20: „Den 27. August. Wurden in der Versammlung der Deputirten Nakasen verlesen . . .“ Переводъ: „27 августа. Читались въ собраніи депутатовъ наказы . . .“ — VI. Стр. 20: „Den 28. August. Wurde in der Versammlung mit Lesung der Nakasen fortgefahren . . .“ Переводъ: „28 августа. Въ собраніи продолжалось чтеніе наказовъ . . .“ — VII. Стр. 37: „(Den 11 September) . . . . Endlich wurden diejenigen russischen Gesetze, die von den Vorzügen des Adels handeln, verlesen . . .“ Переводъ: „(11 сентября) . . . Наконецъ были прочитаны русскіе законы, трактующіе о преимуществахъ дворянства . . .“ — VIII. Стр. 39: „Den 12. September . . . Man verlas auch ferner die russischen Gesetze und Ukasen die Rechte des Adels betreffend.“ Переводъ: „12 сентября. Продолжали также чтеніе русскихъ законовъ и указовъ, касающихся правъ дворянства.“ — IX. Стр. 49: „Den 19. Herbstmonats . . . . Man las auch sehr viele Vorschläge, die Rechte des Adels betreffend, vor. D. H. Kammerherr Stroganow, der Hr. Oberster Nortow und noch ein anderer Deputirter lasen ihre Bedenken selbst vor . . .“ Переводъ; „19 сентября . . . Читали также очень много предложеній относительно правъ дворянства. Г. камергеръ Строгановъ, г. полковникъ Нортовъ и еще другой депутатъ читали сами свои мнѣнія...“ — X. Стр. 51: „Den 21. Herbstmonates . . . Es wurden verschiedene Bedenken, die Rechte des Adels betreffend, verlesen . . .“ Переводъ: „21 сентября . . . Были прочитаны различныя мнѣнія, касающіяся правъ дворянства . . .“ — XI. Стр. 59: „Den 27 Herbst-

всегда вполнѣ правильны, а иногда и вовсе отсутствуютъ: такъ Гад. говоритъ, что 27 августа „wurden . . . . Nakasen gelesen“ [1]) — „читались наказы“, а между тѣмъ въ этотъ день прочитанъ былъ всего одинъ наказъ [2]); въ засѣданіяхъ 22 и 31 августа, 3 и 7 сентября читаны были наказы [3]), но Гад. этого не отмѣтилъ; обошелъ онъ также молчаніемъ общее число прочитанныхъ наказовъ, такъ какъ выраженія „Nakasen“ (наказы) и „einige Nakasen“ (нѣкоторые наказы) крайне неопредѣленны [4]); чтеніе законовъ о правахъ дворянства съ мнѣніями и возраженіями депутатовъ заняло одиннадцать засѣданій [5]), при чемъ само чтеніе происходило въ пяти засѣданіяхъ [6]), подача же мнѣній или чтеніе ихъ, а также устныя возраженія продолжаются въ теченіе всѣхъ одиннадцати засѣданій [7]); въ „Дневникѣ“ Гадэбуша отмѣчено чте-

---

monates . . . Nachdem das Protokoll der vorigen Sitzung und einige Bedenken der Deputirten verlesen wurden . . .“ Переводъ: „27 сентября . . . По прочтеніи протокола прошлаго засѣданія и нѣкоторыхъ мнѣній депутатовъ . . .“ — Изъ всѣхъ этихъ записей въ „Отчетѣ“ („Bericht . . .“) имѣется только запись подъ 11 сентября [Ber. л. 99: „ . . . An diesem Tage (т.-е. 11 сентября), an welchem man anfing diejenigen russischen Gesetze, welche von den Rechten des Adels handeln, in der allgemeinen Versammlung vorzulesen . . . Здѣсь впервые отмѣчаетъ Гадэбушъ, что 11 сен. начали читать законы о правахъ дворянства. (Разрядка моя)].

1) См. предыдущее примѣчаніе, пунктъ V.

2) Сб. Р. И Общ., стр. 104. Въ тринадцатомъ засѣданіи, 27 августа, читались поданные голоса по поводу наказа, слушаннаго въ концѣ двѣнадцатаго засѣданія. Затѣмъ маршалъ возвратилъ одному депутату его мнѣніе, такъ какъ оно было подписано нѣсколькими депутатами, что было противно правиламъ Обряда. „Послѣ сего прочитанъ былъ наказъ, данный отъ новокрещенцевъ (мірскихъ людей) разныхъ дорогъ Уфимскаго уѣзда Ивану Андрееву, по татарски Бакаю.“

3) По одному наказу въ каждомъ засѣданіи. Сб. Р. И. Общ., т. IV, стр. 81, 113, 121, 132.

4) См. выше стр. 109, примѣчаніе, пункты III, IV, V, VI. — Только въ засѣданіяхъ 23, 24 и 28 августа было прочитано по два наказа, въ прочихъ же засѣданіяхъ по одному наказу; всего прочитали 12 наказовъ [Сб. Р. И. О., т. IV, стр. 69, 81, 86, 87, 92, 93, 104, 107, 113, 124, 132].

5) Сб. Р. И. О., т. IV, стр. XX, 137—219.

6) Тамъ же, стр. 137—147. Эти пять засѣданій происходили 11, 12, 13, 24 и 25 сентября 1767 года.

7) Тамъ же, стр. 147—219.

ніе этихъ законовъ только подъ 11 и 12 сентября, а чтеніе мнѣній по поводу нихъ — только подъ 19, 21 и 27 сентября [1]; разсмотрѣніе законовъ о купечествѣ совершенно не упоминается, между тѣмъ какъ уже 25 сентября приступили къ ихъ чтенію, т.-е. тогда, когда еще Гадэбушъ не былъ занятъ въ частныхъ комиссіяхъ [2]. О содержаніи читанныхъ наказовъ, или по крайней мѣрѣ кѣмъ были вручены читанные наказы [3], о ихъ обсужденіи, а равно и о преніяхъ, вызванныхъ разсмотрѣніемъ тѣхъ или другихъ законовъ мы почти ничего въ „Дневникѣ“ Гадэбуша не находимъ. Въ записи отъ 21 августа упоминаетъ Гад. о замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ барономъ Вольфомъ и барономъ ф. Зальца на прочитанный 20 августа наказъ, но о сущности этихъ замѣчаній не говоритъ [4]; это тѣмъ болѣе странно, что авторы неизвѣстныхъ читателю замѣчаній названы по фамиліи, чѣмъ, очевидно, Гад. хотѣлъ отмѣтить эти замѣчанія, какъ мнѣнія депутатовъ-нѣмцевъ; но тотъ же „Дневникъ“ какъ бы опровергаетъ это мое предположеніе: въ томъ же засѣданіи 21 августа по поводу того же наказа высказываетъ свое мнѣніе депутатъ отъ Медицинской коллегіи баронъ Ашъ [5], а въ засѣданіи 23 августа тотъ же баронъ Вольфъ дѣлаетъ гораздо болѣе вѣское возраженіе на другой наказъ [6], но Гад.

---

1) См. выше стр. 109, 110, примѣчаніе, пункты VII, VIII, IX, X и XI. Эта неполнота тѣмъ болѣе странна, что Гадэбуша не было только 2 октября, т.-е. въ послѣднемъ засѣданіи, касавшемся правъ дворянства.

2) Сб. Р. И. О., т. IV, стр. XX; т. VIII, стр. 1. — Не только 25 сентября [DJ. 56], но и 8 и 10 октября [DJ. 78, 86], когда чтеніе законовъ о купечествѣ продолжалось, Гад. былъ въ засѣданіяхъ Большого собранія, такъ что онъ имѣлъ возможность по поводу трехъ засѣданій сказать хоть нѣсколько словъ о чтеніи этихъ законовъ.

3) О первомъ наказѣ, прочитанномъ 20 августа [DJ. 15], Гад. только подъ 21 августа [DJ. 16] замѣчаетъ, что онъ былъ „Aus dem Kargopolischen Kreise“ — изъ Каргопольскаго уѣзда —, но и здѣсь онъ не говоритъ, что депутатъ получилъ его отъ черносошныхъ крестьянъ. Въ отмѣткахъ о прочихъ наказахъ и уѣздъ не обозначенъ [Ср. выше стр. 108, 109, примѣч. 1-е].

4) См. выше стр. 109, прим., пунктъ II.

5) Сб. Р. И. О., т. IV, стр. 76.

6) Тамъ же, стр. 84.

не только не называетъ Аша и Вольфа, но и вообще замалчиваетъ ихъ мнѣнія. — Интересна также отмѣтка Гадэбуша въ записи отъ 19 сентября: здѣсь между прочимъ говорится, что „г. камергеръ Строгановъ, г. полковникъ Нортовъ и еще другой депутатъ читали сами свои мнѣнія[1]); читатель, пожелавшій ознакомиться съ ходомъ дѣлъ въ Комиссіи только по „Дневнику“ Гадэбуша, могъ бы подумать на основаніи вышеприведенной отмѣтки, что Гад. сообщаетъ здѣсь нѣчто новое, исключительное, небывалое въ засѣданіяхъ Комиссіи, но въ такомъ случаѣ онъ сильно ошибся бы; дѣло въ томъ, что сообщеніе Гадэбуша, которое къ тому же не вполнѣ точно[2]), не представляетъ собою ничего новаго: какъ послѣ, такъ и до 19 сентября въ засѣданіяхъ Комиссіи выступали иногда депутаты съ словесными мнѣніями, возраженіями и замѣчаніями, но Гад. почему-то молчитъ объ этомъ въ своемъ „Дневникѣ“[3]). — Подъ 8 октября Гад. сообщаетъ, что генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбоа и генералъ-лейтенантъ Іоханнъ фонъ Рэнненкампфъ подали представленія относительно привилегій дворянства въ Лифляндіи и въ Эстляндіи[4]),

1) DJ., стр. 49: „ . . . D. H. Kammerherr Stroganow, der Hr. Oberster Nortow (вмѣсто Nartow) und noch ein anderer Deputirter lasen ihre Bedenken selbst vor.“ (Разрядка моя).

2) Ср. Сб. Р. И. О., т. IV, стр. 174, 179, 183, гдѣ отмѣчено, что Строгановъ „сдѣлалъ возраженіе“, Нартовъ „сказалъ слѣдующее“, а Есиповъ „возразилъ“.

3) Такъ Гад. не упоминаетъ ни единымъ словомъ **а**) подъ 20 августа о словесныхъ мнѣніяхъ гр. Р. Воронцова, гр. Г. Орлова, кн. М. Щербатова, В. Баскакова, И. Θедотьева, о рѣчи Н. Толмачева и о рѣчи С. Межанинова [Сб. Р. И. О., т. IV, стр. 73—75], **б**) подъ 22 августа о словесныхъ замѣчаніяхъ кн. М. Щербатова, вицеадмирала Нагаева, С. Межанинова [тамъ же, стр. 81, 82], **в**) подъ 24 августа о словесныхъ замѣчаніяхъ депутатовъ Есипова и Карташева [тамъ же, стр. 93], **г**) подъ 28 августа о словесномъ возраженіи Н. Дурасова, о словесныхъ замѣчаніяхъ А. Толстого и кн. М. Щербатова [тамъ же, стр. 115], **д**) подъ 31 августа о словесномъ замѣчаніи А. Толстого [тамъ же, стр 120], **е**) подъ 11 сентября о словесномъ мнѣніи кн. Мих. Щербатова [тамъ же, стр. 148], **ж**) подъ 21 сентября о рѣчи кн. М. Щербатова [тамъ же, стр. 192—194], **з**) подъ 25 сентября о словесномъ возраженіи Н Толмачева [тамъ же, стр. 204].

4) DJ., стр. 78, 79: „Den 8 Weinmonates . . , An diesem Tage war ich in der Allgemeinen Versammlung der Deputirten, wo unter andern eine Bewahrung des Hrn. Generalfeldzeugmeisters [Vil-

но ничего не говоритъ о томъ, что эти представленія были подписаны и другими дворянскими депутатами Лифляндіи и Эстляндіи [1]), и совершенно замалчиваетъ представленіе, поданное 25 октября депутатомъ отъ Лифляндскаго земства Г. Ф. фонъ Блумэномъ [2]). — Гадэбушъ сообщаетъ о выборѣ маршаломъ двухъ помощниковъ [3]), но о выборѣ генералъ-прокуроромъ себѣ помощниковъ [4]) ничего не говоритъ. — Въ „Отчетѣ“ магистрату Гад. сообщаетъ, что онъ въ письмѣ отъ 29 августа разсказалъ бургомистру суть веденія дѣлъ въ Комиссіи [5]). Что онъ писалъ бургомистру — неизвѣстно, такъ какъ письмо его не сохранилось, но въ „Дневникѣ“ только подъ 23 августа отмѣчено: „по прочтеніи каждаго наказа собранію дано было полчаса на размышленіе, желаетъ ли оно что-либо сказать по поводу наказа“ [6]), о томъ же, что читали иногда наказъ два раза [7]) и оставляли его для лучшаго ознакомленія съ нимъ на палоѣ до слѣдующаго засѣданія [8]), въ „Дневникѣ“ не упомянуто.

---

lebois] in Ansehung der Privilegien des livländischen Adels und eine Bewahrung des Hrn. Generalleutenants Johann von Rennenkampf in Ansehung der Privilegien des esthnischen Adels verlesen ward.“ Представленія эти были прочитаны въ засѣданіи Комиссіи 8 октября 1767 года.

1) Сб. Р. И. О., т. IV, стр. 219—221.

2) Тамъ же, стр. 221, 222.

3) DJ., стр. 33 [и Ber., л. 97]: „Den 4 Herbstmonats . . . An diesem Tage nahm d. H. Marschall zweene Gehülfen an, nämlich d. H. [здѣсь въ рукописи DJ. пропускъ, который въ Ber. (л. 97) пополненъ словомъ: Generalleutenant] Melgunow und den Knäsen Tscherbatow.“ Ср. Русск. Вѣстн. 1861, дек,, Приложеніе, стр. 67, въ статьѣ М. Лонгинова: „Матеріалы для исторіи Комиссіи о сочиненіи проэкта Новаго Уложенія.“

4) Сб. Р. И. О., т. IV, стр. 68, а также Русск. Вѣстн. 1861. Декабрь. Приложеніе, стр. 67. Избраніе генералъ-прокуроромъ себѣ помощниковъ состоялось 20 августа 1767 года, въ засѣданіи Комиссіи, въ которомъ былъ Гадэбушъ.

5) Ber., л. 95, 96: „Am 29-sten [August] schrieb ich an den H. Justizbürgemeister Stegemann und machte ihm eine Idee von der Gesetzkommission u. dem Verfahren, welches dabey beobachtet wird“.

6) DJ., стр. 17: „Den 23. August. Wurden einige Nakasen verlesen, u. bey jeder der Versammlung eine halbe Stunde Bedenkzeit gelassen, ob sie darauf etwas anzubringen hätte“.

7) Сб. Р. И. О., т. IV, стр. 93.

8) Тамъ же, стр. 87, 95, 115, 125, 133.

Изъ остальныхъ сообщеній Гадэбуша, которыя болѣе или менѣе касаются Комиссіи и ея дѣятельности, I., одни совершенно не имѣются въ изданіи Д. Полѣнова, II., другія же интересны по возможному сопоставленію ихъ съ таковыми же въ изложеніи Д. Полѣнова.

I. Къ первымъ принадлежатъ слѣдующія:

1. „Я узналъ, что г. коллежскій совѣтникъ Мюллеръ [1]) до открытія Законодательной Комиссіи ѣздилъ въ теченіе 4 недѣль, четыре раза въ недѣлю, къ императрицѣ [во дворецъ], гдѣ онъ оставался нѣсколько часовъ. При возвращеніи оттуда приносилъ онъ каждый разъ запечатанную пачку рукописей; за эти [свои] труды получилъ онъ отъ императрицы 8000 рублей“ [2]).
2. „У г. надворнаго совѣтника Мотониса [3]) видѣлъ я списокъ находящимся здѣсь [въ Москвѣ] депутатамъ Законодательной Комиссіи. Ихъ было 612; ходили слухи, что ожидаютъ еще больше депутатовъ [4]).
3. „[Депутаты городовъ Риги и Нарвы, г. ратманъ Шварцъ и г. ратманъ Штральборнъ] разсказали

---

1) Извѣстный историкъ Gerhard Friedrich Müller, составитель многотомнаго сочиненія „Sammlung Russischer Geschichte“, депутатъ отъ канцеляріи Академіи Наукъ.

2) DJ., стр. 55: „Den 24. Herbstmonates . . . . Ich vernahm, dass d. H. Kollegienrath Müller vor dem Anfange der Gesetzkommission 4 Wochen lang, wöchentlich 4 Mal zur Kaiserinn gefahren, wo er sich etliche Stunden lang aufgehalten. Wenn er zurückgekommen, hätte er immer ein versiegeltes Pack mit Schriften mitgebracht und für diese Bemühung von der Kaiserinn 8000 Rubel erhalten“.

3) Надворный совѣтникъ Николай Мотонисъ — депутатъ Малорос. губ. отъ шляхетства Полтавскаго, Гадяцкаго и Миргородскаго полковъ съ 28 авг. 1767 г., когда ему сдалъ свое полномочіе депутатъ В. Дунинъ-Бурковскій [Рус. Вѣстн. 1861 года. Декабрь. Приложеніе].

4) DJ., стр. 60: „[Den 27. Herbstmonates] . . . Bey d. H. Hofrathe Mothonis sah ich ein Verzeichniss der hier befindlichen Deputirten zur Gesetzkommission. Es waren ihrer 612, und man sagete, dass ihrer noch mehr erwartet würden“. Въ „Отчетѣ“ нѣсколько иначе сказано: „[Am] Nachmittage besuchte ich d. H. Hofrath von Mothonis, der mir ein Verzeichniss der in Moskow befindlichen Deputirten zur Gesetzkommission zeigete. Es waren ihrer 612 und er sagete, dass man noch mehr erwartete“ (Ber., л. 103).

мнѣ, что всѣ лифляндскіе депутаты цѣловали крестъ [при присягѣ]“ [1]).

4. „Лифляндскіе депутаты занимали очень выгодное мѣсто, а именно почти напротивъ императорскаго трона“ [2]).
5. Ярославскій депутатъ князь Щербатовъ предложилъ 22 августа 1767 года, не сохранять ли предписанные Комиссіи Ея Императорскимъ Величествомъ Большой Наказъ и Обрядъ управленія Комиссіею въ знакъ вѣчной памяти въ золотомъ ларцѣ, что и было одобрено всѣмъ собраніемъ [3]).
6. 24 августа раздавали [депутатамъ] Большой Наказъ, при чемъ запрещено было переписывать и переводить его, чтобы онъ не былъ искаженъ, такъ какъ императрица сама намѣревалась позаботиться объ изготовленіи французскаго и нѣмецкаго переводовъ [4]).

---

1) Ber., л. 89, 90: „Um 7. August . . . . Vorher war ich bey d. H. Deputirten der Städte Riga und Narva, d. H. Rathverw. Schwarz und dem Hrn. RV. Stralborn, die mir erzähleten, dass die liefländischen Deputirten alle das Kreuz geküsset hätten . . .“

2) DJ., стр. 9: „[Den 9. August] . . . . Die liefländischen Deputirten hatten [здѣсь въ Ber., л. 90, прибавлено: in der allgemeinen Versammlung] einen sehr vortheilhaften Platz, nämlich dem kaiserlichen Throne beynahe gerade gegenüber“.

3) DJ., стр. 17; Ber., л. 94, 95: „Den 22. August. Wurde von dem jaroslawischen Deputirten [въ Ber.: wurde von dem Deputirten des jaroslawischen Adels, Hrn. Kammerjunker Knäsen Michaila Tscherbatow] Knäs Tscherbatow der Antrag gethan, ob man nicht die von der Kaiserinn Majestät [въ Ber.: die von der Monarchinn] der Kommission [въ Ber.: der Gesetzkommission] vorgeschriebene Ordnung [въ Ber.: Generalinstruktion und Ordnung] in einem goldenen Kasten zum ewigen Andenken verwahren wollte. Welches von der ganzen Versammlung genehmiget wurde. [Въ Ber.: Welches von der ganzen Versammlung einhällig bejahet wurde].

4) DJ., стр. 17: „Den 24. August . . . Endlich theilete man die Generalinstruktion für die Kommission aus, mit dem Befehl, solche weder abschreiben, noch übersetzen zu lassen, damit sie nicht verstellet würde, indem die Kaiserinn davon eine französische und deutsche Uebersetzung veranstalten lassen wollte“. Въ Ber., л. 95: „Am 24. August theilete man die von der Monarchinn der Gesetzkommission vorgeschriebene und in russischer Sprache gedruckte Generalinstruktion den Deputirten aus . . . . Bey der Austheilung wurde befohlen . . . (далѣе то же, что и въ DJ.; только послѣ слова Kaiserinn

7. 31 августа показываетъ ген.-лейт. ф. Вэймарнъ [1]) Гадэбушу начало изготовленнаго имъ, Вэймарномъ, перевода Большого Наказа Комиссіи [2]), а подъ 15 сентября Гадэбушъ отмѣчаетъ въ своемъ „Дневникѣ“ слѣдующее: „Господинъ коллежскій совѣтникъ Мюллеръ сказалъ [мнѣ], что онъ вмѣстѣ съ г. тайнымъ совѣтникомъ графомъ фонъ Мюннихомъ и съ статскимъ совѣтникомъ фонъ Клингштэдтомъ перевели на нѣмецкій языкъ Императорскій Большой Наказъ Законодательной Комиссіи, при чемъ распредѣлили эту работу между собою такимъ образомъ, что г-ну графу достались первые два листа, г-ну статскому совѣтнику послѣдніе два листа, а г-ну коллежскому совѣтнику прочіе листы“ [3]).

прибавлено слово: selbst)“. Кромѣ этого, Гад. отмѣчаетъ въ „Отчетѣ“: „Ich habe sie [т.-е. die Generalinstrucktion] dem hiesigen Buchbinder übergeben, damit sie gebunden, und hernach in unserem Archive verwahret werde“. Переводъ: „Я отдалъ его [Большой Наказъ] здѣшнему [юрьевскому] переплетчику, чтобы онъ [Наказъ] въ переплетенномъ видѣ могъ быть хранимъ въ нашемъ Архивѣ“. — Согласно другой отмѣткѣ въ томъ же „Отчетѣ“ подъ 21 сентября [Ber., л. 102: „ . . . . welche (т.-е. Instruktion, данная ген.-прок. и маршалу) ich mit der Generalinstruktion zusammenbinden lassen will“.] Гад. хотѣлъ переплести вмѣстѣ съ русскимъ экземпляромъ Большого Наказа русскій же экземпляръ генералъ-прокурорскаго и маршальскаго Наказа. Этихъ документовъ въ Ю. Г. А. я не нашелъ.

1) Генералъ-лейтенантъ ф. Вэймарнъ былъ братъ депутата отъ Эзельскаго дворянства.

2) DJ., стр. 29: „Den 31. August. Fuhr ich zu Sr. Excellenz dem Hrn. Generalleutenant von Weymarn, welche . . . mir den Anfang einer Uebersetzung, welche Se. Excellenz von der Generalinstruktion für die Gesetzkommission gemachet hatten, zeigeten . . . “ Въ Ber. этого нѣтъ. — Можетъ быть, что ген.-л. фонъ Вэймарнъ переводилъ Большой Наказъ на франц. языкъ?

3) DJ., стр. 41: „[Den 15. September] . . . . Der Herr Kollegienrath Müller sagete, dass er nebst d. H. Geheimrathe Grafen von Münnich u. dem Hrn. Etatsrathe von Klingstädt die Kaiserl. Generalinstruktion für die Gesetzkommission in die deutsche Sprache übersetzt und sich dergestalt in diese Arbeit getheilt hätten, dass dem Hrn. Grafen die beyden ersten, dem Hrn. Etatsrathe die beyden letzten, und die übrigen Bogen dem Hrn. Kollegienrathe zugefallen wären“. Въ Ber. (л. 100) то же съ слѣдующими отступленіями: „ . . mir sagete, dass er, d. H. Geheimrath . . . . . u. d. H. Vicepräsident von Klingstädt, auf kaiserlichen Befehl, die Generalinstruktion in die deutsche Sprache . . . . . dem Vicepräsidenten . . . . . “

8. Въ собраніе 4 сентября явился одинъ изъ депутатовъ низшаго сословія въ нетрезвомъ видѣ, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе маршала [1]).
9. 6 сентября читали и кончили Большой Наказъ [2]).
10. Въ общемъ собраніи 21 сентября раздавали генералъ-прокурорскій и маршальскій Наказъ на русскомъ языкѣ [3]).
11. 25 сентября императрица присутствовала въ Комиссіи инкогнито, а именно въ верхней комнатѣ [4]).
12. 20 октября надворный совѣтникъ Мотонисъ показалъ Гадэбушу и Фрэзэ французскую рукопись императрицы о преимуществахъ дворянства, которую онъ [Мотонисъ] долженъ былъ перевести на русскій языкъ [5]).

---

1) DJ., стр. 33: „Den 4 Herbstmonats . . . . Es ward einer von den geringeren Deputirten in der Versammlung trunken gefunden und von d. H. Marschall in Augenschein genommen. То же и въ Ber, л. 97.

2) DJ., стр. 34: „Den 6. Herbstmonats . . . Man verlas und endigte die Generalinstruktion". Въ Ber., л. 98, словъ „und endigte" нѣтъ.

3) DJ., стр. 51: „Den 21. Herbstmonates . . . Hiernächst wurde die Instruktion für den Generalprokureur [здѣсь въ Ber., л. 102, прибавлено: und d. H. Deputirtenmarschall in russischer Sprache] ausgetheilet.

4) DJ., стр. 56: „Den 25. Herbstmonates. War die Kaiserinn incognito in der Kommission [въ Ber., л. 103: in der allgemeinen Versammlnng der Deputirten], namlich auf [въ Ber.: in] dem oberen Zimmer [въ Ber. прибавлено: aus welchem ein Fenster in den Saal geht, wo die Deputirten versammelt sind]. — Въ Сб. Р. И. О, т IV, стр. 54, упоминается о такомъ присутствіи императрицы 31 іюля 1767 года; статсъ-секретарь Козминъ писалъ между прочимъ въ своемъ письмѣ отъ 31 іюля 1767 года: „Сегодня по утру господа депутаты собрались въ Грановитую палату, гдѣ всегдашнее ихъ собраніе будетъ, и выбирали кандидатовъ въ депутатскіе предводители. Ея Императорское Величество изволила изъ сдѣланнаго надъ Грановитою палатою стариннаго такъ называемаго тайника инкогнито смотрѣть сей выборъ . . . "

5) DJ., стр. 100: „Den 20. Weinmonat[es] . . . [Am] Nachmittage war ich nebst d H Syndikus Frese [въ Ber., л. 108, прибавлено: der als Gehülfe in der Güterkommission sass], bey d. H. Hofrathe Mothonis . . . . Der Herr Hofrath zeigete uns eine Handschrift der Kaiserinn [въ Ber.: Ihrer Majestät der Kaiserinn] von dem Adel, [въ Ber.: welche von den Vorzügen des Adels handelte,] welche er ins Russische übersetzen sollte [въ Ber.: und von ihm in die russische Sprache aus der französischen gebracht werden sollte]".

13. „21 октября былъ я при Дворѣ и узналъ отъ г. коллежскаго совѣтника Мюллера, что онъ вчера отдалъ печатать нѣмецкій переводъ Большого Наказа.“ [1])

14. Свѣдѣнія о двухъ засѣданіяхъ Комиссіи о юстиціи, въ которыхъ присутствовалъ Гадэбушъ: въ засѣданіи 2 октября сначала читали Большой Наказъ и генералъ-прокурорскій Наказъ поперемѣнно графъ Панинъ и камеръюнкеръ Всеволожскій. Затѣмъ совѣщались о занятіяхъ Комиссіи и прочли предписаніе Дирекціонной Комиссіи. Василій Бибиковъ, назначенный на мѣсто выбывшаго Вильбоа, былъ того мнѣнія, что Комиссія о юстиціи должна заняться какъ гражданскимъ и уголовнымъ правомъ, такъ и порядкомъ судопроизводства. Постановлено сойтись вновь черезъ недѣлю. [2]) — Въ засѣданіи 9 октября всѣ пять членовъ читали составленные ими планы уголовнаго права. Мнѣніе графа Панина [въ планъ должны быть включены только преступленія, наказуемыя лишеніемъ жизни] было противоположно мнѣнію синдика Швартца, утверждавшаго, что въ планѣ должны быть обозначены всѣ вообще преступленія. Довольно продолжительныя

---

1) DJ., стр. 101 и Ber., л. 108: „Den 21. Weinmonates. War ich bey Hofe und erfuhr von d. H. Kollegienrath Müller, dass er gestern die deutsche Uebersetzung der Generalinstruktion unter die Presse gegeben hätte“.

2) DJ., стр. 67, 68: „Den 2. Oktober. War ich zum ersten Mal in der Justizkomission. Es waren gegenwärtig d. H. General Graf Panin, d. H. Kammerjunker Wsewolowski, d. H. Major Raskowisch u. d. H. Syndikus Schwarz. Man verlas die Generalinstruktion u. die Instruktion des Generalprokureurs, wobey d. H. Graf Panin u. d. H. Kammerjunker Wsewolowski abwechselten. Unter dessen kam Hr. Wassili Bibikow, der anstatt des Hrn, Generalfeldzeugmeisters von Villebois, welcher diese Stelle verbethen hatte, zum Mitgliede dieses Departementes ernennet worden, weil er beim Balotiren nach gedachtem Hrn. Generalfeldzeugmeister die meisten Stimmen gehabt, u. nahm Sitz in dieser Kommission. Man rathschlagete über die Geschäffte dieses Departements und las zu dem Ende die Vorschrift der Direktionskommission. Bibikow war der Meinung, dass die Justizkommission sich mit dem Jure ciuili et criminali, imgleichen mit der Processform abgeben müste. Die Zusammenkunft wurde auf 8 Tage ausgesetzt“. Въ Ber., л. 104, то же въ болѣе краткой формѣ, при чемъ мнѣніе Вас. Бибикова совершенно исключено.

пренія, въ которыхъ принималъ участіе также Гадэбушъ, не могли привести спорящія стороны къ соглашенію, вслѣдствіе чего было рѣшено, запросить мнѣніе Дирекціонной Комиссіи объ этомъ предметѣ. [1]) — Даже о самомъ первомъ засѣданіи той же Ко-

2) DJ., стр. 80. Эта запись о частной Комиссіи единственная въ своемъ родѣ: только въ ней Гадэбушъ касается довольно подробно преній, вслѣдствіе чего я привожу ее здѣсь цѣликомъ, помѣщая попутно въ скобкахъ соотвѣтствующія мѣста изъ „Отчета", тѣмъ или другимъ разнящіяся отъ текста въ „Дневникѣ": „Den 9. Oktober. War ich in der Justizkommission. Ein jeder der fünf Mitglieder, näml. Se. Excellenz d. H. General Graf Panin, d. H. Wassili Bibikow, d. H. Oberprokureur Wsewolowski, d. H. Oberstwachtmeister Raskowisch u. d. H. Syndikus Schwarz verlasen einen Plan des Kriminalrechts. [Въ Ber., л. 105: Am 9. Oktober war ich in der Justizkommission, wo die Plane des Hrn. Grafen Panin, d. H. Bibikow, des Hrn. Wsewolowski, des Herrn Raskowisch u. d. H. Schwarzens verlesen wurden]. Se. Excellenz d. H. Graf Panin behaupteten [въ Ber: Bey dem letzten entstanden allerley Einwendungen. Se. Erlaucht d. Hrn. Graf Panin behaupteten], es könnten nur solche Verbrechen hierher [въ Ber.: zum Kriminalrechte] gerechnet werden, welche mit dem Leben bestrafet würden. D. H. Syndikus Schwarz behauptete dagegen, u. mir deucht, mit gutem Grunde: man müsse alle Verbrechen in den Plan bringen, damit man erst über den Plan u. was dahin gehören sollte, einig würde. Allein der Graf wollte nichts davon wissen, sondern bestand darauf: wo kein Gesetz ist, da ist auch kein Verbrechen. Ich ergriff hierüber Gelegenheit dem Herrn Etatsrath und Vicepresidenten von Klingstädt [въ Ber. прибавлено: Sr. Erlaucht des Hrn. Grafen Panin Gehülfen], zu sagen, dass Se. Excellenz d. H. Graf [въ Ber.: Se. Erlaucht zwar] Recht hätten; nur mögte man erwägen, dass der H. Syndikus Schwarz alle dem gemeinen Wesen und dessen Theilen schädliche Handlungen der [въ Ber. прибавлено: Kaiserl.] Generalinstruktion gemäss unter vier Abtheilungen gebracht hätte; man dürfte also nur die Gränzen des Policeywesens u. des Halsgerichtes bestimmen oder wenn [въ Ber.: wenn aber] diese genaue Bestimmung zu beschwerl. wäre, oder auch leicht zu gedenkende Hindernisse finden mögte: so dürfte man nur ausmachen, welche Verbrechen das Halsgricht, u. welche Uebertretungen das Policeygericht bestrafen solle. D. H. Vicepresident schien dieses zu billigen, jedoch machte er dem Herrn Syndikus noch einige geringe Einwendungen [въ Ber.: Einwürfe]. Man stand auf; man redete über diese Widersprüche, die nichts als einen Wortstreit enthielten. D. H. Vicepresident rief mir, u. billigte alles, was d. H. Syndikus Schwarz gethan hätte [въ Ber.: billigte den Entwurf des Hrn. Syndikus Schwarz gänzlich], sagete mir auch, dass er seinen Plan ebenso gemachet hätte, dass er ihn aber ändern müsse, weil d. H. Graf es [въ Ber.

миссіи Гад. сообщаетъ со словъ синдика Швартца кое-что: предметомъ Комиссіи является уголовное право, а равно и порядокъ судопроизводства, при чемъ относительно послѣдняго не могли сговориться, вообще ли заняться порядкомъ судопроизводства или же лишь настолько, насколько онъ касается уголовнаго права [1]).

15. Краткія, большею частію несущественныя записи, касающіяся засѣданій Комиссіи объ имѣніяхъ: **а.** 11 октября состоялось первое засѣданіе. По прочтеніи инструкціи, данной Дирекціонною Комиссіею, назначили для слѣдующаго собранія ближайшій понедѣльникъ [2]); **б.** второе засѣданіе было не въ понедѣльникъ, 15 октября, но во вторникъ, 16 октября; рѣшили собираться три раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ, вторникамъ и четвергамъ [3]). — **в.**

еще: so] verlanget hätte. Er hoffe, der Graf würde davon abstehen. Indessen währete der Diskurs immer weg. D. H. Generalprokurator [въ Ber.: Generalprokureuer] kam dazu. Er redete bald mit dem Grafen Panin, bald mit dem Grafen Feodor Orlow [въ Ber. здѣсь прибавлено: welcher sich von ohngefähr in unserem Zimmer eingefunden hatte]. Ich trat endlich dazu und sagete [въ Ber. здѣсь прибавлено: Sr. Durchlaucht] dem Hrn. Generalprokureur des Hrn. Syndikus Schwarz und meine Meynung. Er schien damit völlig zufrieden zu sein. Nichtsdestoweniger beschloss man, die Direktionskommission darüber zu befragen".

1) DJ., стр. 56: „Den 25 Herbstmonates . . . Die Justizkommission setzete sich zum ersten mal . . . . d. H. Syndikus Schwarz . . . . sagete mir, dass die Justitzkommission zum Gegenstande das peinliche Recht hätte, imgleichen die Processform; aber die Glieder wären darüber uneinig, ob man die Processform überhaupt oder nur in soferne sie den peinlichen Process beträfe, vornehmen solle". Въ Ber., л. 103: „Damals [т.-е. 25 сент.] hörete ich von dem Hrn. Schwarz, dass die Justizkommission das peinliche Recht und die Processform zum Gegenstande hätte".

2) DJ., стр. 86, 87: „Den 11. Oktober. Wurde die Güterkommission eröffnet . . . (перечисляются члены Комиссіи) . . . Man verlas hierauf, nachdem die Kommission von der Direktionskommission ihre Instruktion erhalten, solche vor und setzte hierauf die Zusammenkunft bis auf den Mondtag aus. — Ср. Ber., л. 107.

3) DJ., стр. 97: „Den 16. Oktober. War ich in der Güterkommission. Man beschloss dreymal in der Woche zusammenzukommen, am Mondtage, Dingstage und Donnerstage". То же въ Ber., л. 107.

Въ 3-мъ засѣданіи, 18 октября, продолжали читать Большой Наказъ [1]). — **г.** Въ четвертомъ засѣданіи, 22 октября, присутствовали майоръ Стромиловъ и синдикъ Фрэзэ въ качествѣ помощниковъ надворнаго совѣтника Мотониса [2]). — **д.** 23 октября состоялось пятое засѣданіе Комиссіи объ имѣніяхъ [3]). — **е.** Подъ 25 октября отмѣчено шестое засѣданіе [4]). **ж.** 29 октября, въ 7-мъ засѣданіи, прочиталъ г. президентъ Лунинъ свой планъ, который перевести для Гадэбуша обѣщался майоръ Стромиловъ. Синдикъ Фрэзэ былъ боленъ. Коллежскій совѣтникъ Зубовъ явился въ Комиссію какъ помощникъ г-на президента [5]). — **з.** 30 октября всѣ члены Комиссіи, кромѣ г. надв. сов. Мотониса, были налицо. Г. генералъ-прокуроръ, узнавъ, что планъ Гадэбуша готовъ, приказалъ ему принести его на слѣдующій день для изготовленія перевода на русскій языкъ [6]). — **и.** 1 ноября, въ девятомъ засѣданіи генералъ-

1) DJ., стр. 99: „Den 18. Oktober. War die Güterkommission versammelet und fuhr fort, die Generalinstruktion zu verlesen". Въ Bericht'ѣ этого нѣтъ.

2) DJ., стр. 101: „Den 22. Weinmonates. War die Güterkommission versammlet. D. H. Oberstwachtmeister Somälow [на поляхъ: Stramälow] u. d. H. Syndikus Frese, als Gehülfen des Hrn. Hofrathes von Mothonis, fanden sich ein". То же почти дословно въ Ber., л. 108.

3) DJ., стр. 101: „Den 23. Weinmonates. War die Güterkommission wiederum beysammen". Въ Bericht'ѣ это не отмѣчено.

4) DJ., стр. 106: „Den 25. Weinmonates. War die Güterkommission beysammen". Въ Bericht'ѣ это тоже не отмѣчено.

5) DJ., стр. 111: „Den 29. Weinmonates . . . Die Güterkommission versammlete sich, u. d. H. President Lunin verlas seinen Plan, den d. H. Major [въ Ber., л. 109: und d. H. Oberstw.] Stramälow zu übersetzen versprach [въ Ber.: Stramälow versprach ihn zu meinem Behuf zu übersetzen]. D. H. Syndikus Frese war krank [въ Ber. этого нѣтъ]. D. H. Kollegienrath Subow, als Gehülfe des Hrn. Presidenten [въ Ber. прибавлено: Lunin], fand sich bey der Güterkommission ein [въ Ber.: war zum ersten Mal zugegen]".

6) DJ., стр. 111: „Den 30. Weinmonates. War die Güterkommission beysammen, d. H. Hofrath Mothonis ausgenommen [этого всего въ Ber., л. 109, нѣтъ]. D. H. Generalprokureur [въ Ber. нѣсколько иначе: Am 30-sten Weinmonates fand sich d. H. Generalprokureur bey der Güterkommission ein, und nachdem derselbe sich mit d. H. Presidenten Lunin und d. H. Kollegienrathe Durassow unter-

прокуроръ сообщилъ Гадэбушу, что его планъ уже переведенъ и переписывается набѣло [1]). — i. Въ десятомъ засѣданіи, 5 ноября, было рѣшено поручить Мотонису составить новый планъ изъ всѣхъ плановъ, которыхъ все еще не видали [вполнѣ законченными] [2]). — к. Гадэбушъ и Фрэзэ явились 6 ноября въ помѣщеніе засѣданій Комиссіи объ имѣніяхъ и узнали, что засѣданіе не состоится [3]).

II. Ко второй категоріи сообщеній принадлежатъ слѣдующія:

1. Подъ 9 августа Гадэбушъ записалъ между прочимъ: „Штральборнъ [Стральборнъ, Stralborn] разсказалъ мнѣ, что ассессоръ Вульфертъ, бургомистръ города Фридрихсхама, заставилъ занести въ протоколъ протестъ, такъ какъ онъ, по его мнѣнію, не получилъ надлежащаго мѣста“ [4]). Изъ этой записи не видно, когда занесенъ протестъ Вульферта въ протоколъ, 9 ли ав-

---

redet hatte, fragete er mich] fragete mich, ob mein Plan fertig wäre. Ich antwortete: Ja. Er fragete ferner: ob ich ihn bey mir hätte, ich antwortete: Nein, weil er noch nicht übersetzet wäre. Er befahl mir, den Plan ihm morgen frühe [въ Ber.: den folgenden Tag] zu bringen, er wolle ihn übersetzen lassen“.

1) DJ., стр. 112: „Den 1. Wintermonates. Vormittages war die Güterkommission beysammen. [Этого въ Ber., л. 109, нѣтъ]. Se. Durchlaucht d. H. Generalprokureur hatten die Gnade, mir zu sagen, dass mein Plan schon übersetzet wäre, und dass die Uebersetzung [послѣднихъ трехъ словъ въ Ber. нѣтъ] ins Reine geschrieben würde“.

2) DJ., стр. 115: „Den 5. Wintermonates. War ich theils in der Güterkommission, theils in der grossen Versammlung. Am ersteren Orte wurde beschlossen, [въ Ber., л. 110: Am 5-ten war ich in der Güterkommission, wo man beschloss], der Herr Hofrath Mothonis sollte aus allen [здѣсь въ Ber. прибавлено: von den Gliedern gemachten] Planen, die man doch noch nicht gesehen hätte, einen anderen zusammensetzen“.

3) DJ., стр. 116: „Den 6. Wintermonates . . . Ich war vorher in der Güterkommission, allein es war Niemand dort, und um halb zehen sagete der Journalist mir und dem Herrn Syndikus Frese, dass die Herren sich nicht versammeln würden“. [Въ Ber. этого нѣтъ].

4) DJ., стр. 9: „[Den 9. August] . . . Stralborn sagete mir, dass der Bürgermeister von Friederichsham, Assessor Wulfert, [въ Ber., л. 90: Hr. Rathsverwandter Stralborn sagete mir, dass der Friederichshamische Deputirte, Hr. Assessor u. Bürgermeister Wulfert, der nicht lange hernach Statthalter in Wilmanstrand wurde], im Protokoll eine Protestation verschreiben lassen, weil er, seiner Meynung nach, nicht die rechte Stelle bekommen [въ Ber. прибавлено: hätte]“.

густа или раньше, да и не мотивированъ онъ достаточтно въ записи. По сравненіи съ данными Д. Полѣнова оказывается, что подъ 9 августа ни о какомъ протестѣ не говорится, и что дѣло касается, очевидно, перваго засѣданія Комиссіи [31 іюля 1767 г.], въ которомъ „депутатъ города Фридрихсгама, Выборгской губерніи, Антонъ Вульфертъ, обратился къ генералъ-прокурору съ просьбою о предоставленіи ему высшаго мѣста передъ другимъ депутатомъ той же губерніи, основывая требованіе свое на томъ, что городъ Фридрихсгамъ пользуется особыми привилегіями. Генералъ-прокуроръ отвѣчалъ ему, что по правиламъ Обряда для управленія Комиссіею депутаты старшинство имѣютъ по губерніямъ [1]); а въ губерніяхъ тотъ имѣетъ высшее мѣсто, кто прежде явился“ [2]).

2. „21 августа одинъ депутатъ сильно напалъ на крестьянское сословіе [3]). Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ возсталъ устно и письменно

---

1) „Основаніемъ порядка губерній служилъ большой императорскій титулъ . . . Онъ представленъ былъ Екатеринѣ, и она написала на немъ внизу: «Губерніямъ сидѣть по сей титулятурѣ» . . . .“ — По этому распредѣленію, напр., Эстляндская губернія предшествовала Лифляндской губерніи. [Сб. Р. И. О., т. IV, стр. 34].

2) Сб. Р. И. О., т. IV, стр. 57. — Странно, что, сообщая о протестѣ Вульферта, Гадэбушъ обошелъ молчаніемъ протестъ синдика Швартца, оставшійся едва ли ему неизвѣстнымъ. Синдикъ Швартцъ счелъ себя, какъ депутата отъ города Риги, обиженнымъ 30 іюля 1767 года при шествіи депутатовъ въ церковь и обратно, получивъ мѣсто позади депутатовъ отъ городовъ Ревеля и Нарвы; онъ обратился съ протестомъ къ генералъ-прокурору, напирая главнымъ образомъ на то, что „Рига пользовалась всегда преимуществомъ передъ всѣми городами Лифляндіи“. Недовольный разъясненіями [основанными на Высочайше утвержденномъ распредѣленіи депутатовъ по губерніямъ, см. предыдущее примѣчаніе] генералъ-прокурора, онъ хотѣлъ пойти дальше, если бы не убѣдился въ безполезности и безрезультатности своихъ дальнѣйшихъ ходатайствъ. [См. статью Б. Холляндэра — B. Hollander — о дневникѣ Швартца въ „Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands“ за 1885 годъ, стр. 82, а также статью А. ф. Бэркхольца о I. Швартцѣ въ „Rig. Almanach“ за 1905 годъ, стр. 112].

3) Разрядка моя.

противъ этого, и депутатъ былъ вызванъ и принужденъ г-мъ маршаломъ дать объясненіе, что онъ не имѣлъ въ виду всего сословія“ [1]).

Такъ разсказываетъ Гадэбушъ. По изложенію же Д. Полѣновымъ сохранившейся дневной записки дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: „Верейскій депутатъ отъ дворянства Ипполитъ Степановъ сказалъ, что «крестьяне Каргопольскаго уѣзда лѣнивы и отягощены, утороплены (?) и упорны» . . . маршалъ вызвалъ Копорскаго депутата отъ дворянства Григорія Григорьевича Орлова, который объявилъ ему, что Верейскій депутатъ отъ дворянства г. Степановъ въ возраженіи своемъ сдѣлалъ два противорѣчія: во-первыхъ, назвалъ крестьянъ Каргопольскаго уѣзда лѣнивыми и отягощенными и, во-вторыхъ, утороплеными и упорными, каковыя свойства также одно съ другимъ не согласуются. Къ сему графъ Орловъ прибавилъ, что подобныя названія, относящіяся ко всѣмъ вообще крестьянамъ не должны быть употребляемы при обсужденіи дѣла, и онъ полагаетъ что возраженія сіи, обращенныя въ порицаніе всѣхъ крестьянъ, были помѣщены по ошибкѣ писца, а не по мнѣнію депутата. Можетъ быть, онъ хотѣлъ сказать, что нѣкоторая часть крестьянъ имѣютъ означенные недостатки, ибо между всякаго рода людьми есть хорошіе и дурные. Въ заключеніе Копорскій депутатъ сообщилъ маршалу, не прикажетъ ли онъ нужнымъ спросить у Верейскаго депутата, справедливо ли высказанное имъ предположеніе, что въ мнѣніе сего депутата вкрались ошибки писца, какъ ему это кажется . . . Все сказанное Копорскимъ депутатомъ было немедленно записано, и маршалъ, прочитавъ собранію это мнѣніе,

---

1) DJ., стр. 16: „Den 21. August . . . An diesem 21. August hatte ein Deputirter den Bauerstand sehr angegriffen. Graf Grigori Gregorjewitsch Orlow eiferten mündlich und schriftlich dawider, und der Deputirte ward von dem Hrn Marschall vorgefodert und angehalten, sich zu erklären, dass er nicht den ganzen Stand gemeynet hätte“. Ср. то же въ Bericht'ѣ, л. 94.

спросилъ у него, согласно ли оно призвать Верейскаго депутата къ объясненію. Собраніе изъявило на это свое согласіе, и г. Степановъ, по призывѣ его, отвѣчалъ, что требуемое отъ него объясненіе онъ сообщитъ письменно“ [1]).

Изъ этого сопоставленія ясно, что сообщеніе Гадэбуша, помимо своей краткости, не особенно точно.

3. О дѣлѣ депутата М. Глазова Гадэбушъ отмѣчаетъ слѣдующее: „31 августа . . . Въ этомъ засѣданіи случилось сегодня нѣчто особенное. Одинъ изъ депутатовъ [2]) въ своемъ письменномъ сочиненіи [мнѣніи, возраженіи] черезчуръ вспылилъ на другого депутата и поносилъ его. Во время чтенія этого сочиненія, прежде чѣмъ оно было кончено, маршалъ приказалъ остановиться и сказалъ, что авторъ сочиненія заслужилъ быть исключеннымъ изъ собранія. Но нашлись депутаты, которые были того мнѣнія, что достаточно будетъ заставить депутата взять обратно свой пасквиль, извиниться передъ всѣмъ собраніемъ и уплатить 5 рублей въ пользу воспитательнаго дома. Приступили къ баллотировкѣ и послѣднее мнѣніе 325 голосами противъ 105 одержало верхъ“ [3]).

---

1) Сб. Р. И. О., т. IV, стр. 76, 78 и 79. На стр. 79, въ примѣчаніи къ послѣднему предложенію, напечатано: „Объясненіе это представлено было въ засѣданіе 3-го сентября“. Д. Полѣновъ не помѣстилъ этого объясненія въ своемъ изложеніи дневной записки засѣданія 3 сентября.

2) Въ своемъ „Отчетѣ“ [Ber., л. 96] Гадэбушъ приводитъ имя депутата: „Ein Deputirter mit Namen Glasow . . .“ — „Депутатъ по имени Глазовъ . . .“

3) DJ., стр. 29: „[31. August] . . . In dieser Versammlung fiel heute etwas besonder[e]s vor. Ein Deputirter hatte in seinem schrifftlichen Aufsatz wider einen andern Deputirten gar zu sehr ausgefahren und demselben geschmähet. Als dieser Aufsatz verlesen wurde, befahl d. H. Marschall, ehe man ihn geendiget hatte, innezuhalten, und trug vor, dass der Urheber des Aufsatzes verdienete von der Versammlung augeschlossen zu werden Es gab aber Deputirte, welche dafür hielten, es wäre genug, wenn der Deputirte angehalten würde, seine Schmachschrift [Schmähschrift?] zurückzunehmen, der ganzen Versammlung Abbitte zu thun, und 5 Rubel dem Findlings-

„3 сентября . . . Сегодня присутствовалъ депутатъ Глазовъ, который 31 августа былъ осужденъ просить прощенія, но онъ выговорилъ себѣ позволеніе оправдаться“ [1]).

„4 сентября. Депутатъ Глазовъ былъ дѣйствительно осужденъ, и резолюція была объявлена, [которая состояла въ томъ], что онъ долженъ извиниться передъ всѣмъ собраніемъ депутатовъ, взять обратно свое мнѣніе съ выслушаніемъ выговора и уплатить воспитательному дому 5 рублей пени“ [2]).

„6 сентября . . . Г-нъ Глазовъ долженъ былъ поступить согласно полученной имъ резолюціи“ [3]).

Сопоставляя это изложеніе Гадэбуша съ изложеніемъ Д. Полѣнова, основанномъ на сохранившихся дневныхъ запискахъ 31 августа и 6 сентября [въ дневныхъ запискахъ 3-го, 4-го и 5-го сентября, насколько онѣ опубликованы въ изданіи Д. Полѣнова, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о дѣлѣ Глазова], оказывается: **а)** маршалъ остановилъ чтеніе возраженія Глазова вслѣдствіе порожденныхъ симъ чтеніемъ смѣха, соблазна и негодованія въ нѣкоторой части депутатовъ [4]); **б)** маршалъ, сославшись на XV статью

---

hause zu bezahlen. Man schritte also zum Balotiren, und letztere Meynung behielt mit 325 Stimmen gegen 105 die Oberhand“. Ср. то же въ Bericht'ѣ, л. 96.

1) DJ., стр. 32: „Den 3. Herbstmonates . . . An diesem Tage war der Deputirte Glasow, der am 31. August zur Abbitte verurtheilt worden, zugegen, behielt sich aber vor, sich zu vertheidigen“. Этой замѣтки въ Bericht'ѣ нѣтъ.

2) DJ., стр. 33: „Den 4. Herbstmonates. Wurde der Deputirte Glasow wirklich verurtheilt und die Resolution publiciret, dass er der ganzen Versammlung der Deputirten Abbitte thun, sein Bedenken mit einem Verweise zurücknehmen und 5 Rubel Strafe an das Fündlingshaus bezahlen sollte“. Ср. то же въ Bericht'ѣ, л. 97.

3) DJ., стр. 34; „Den 6. Herbsmonates . . . Hr. Glasow muste der erhaltenen Resolution nachkommen“. — Ber., л. 98: „Am 6-ten . . . und Hr. Glasow muste obgedachter Resolution nachkommen“. [Г-нъ Глазовъ долженъ былъ поступить согласно вышеупомянутой резолюціи].

4) Сб. Р. И. О., стр. 108: „Пятнадцатое засѣданіе, 31-го августа. По установленному порядку засѣданіе открылось чтеніемъ дневной записки прошедшаго собранія. Послѣ того маршалъ объявилъ, что будетъ читано обѣщанное возраженіе депутата отъ Обо-

Обряда, „потребовалъ мнѣнія собранія, что̀ съ депутатомъ отъ Обоянскаго дворянства учинить слѣдуетъ“ [1]); **в)** „депутатъ бергъ-коллегіи Андрей Нартовъ первый выразилъ неудовольствіе собранія, предложивъ вовсе выключить Глазова изъ числа депутатовъ. Хотя къ его голосу присоединились и другіе депутаты, но какъ общаго единогласнаго рѣшенія еще не было высказано, то маршалъ счелъ нужнымъ обратить собраніе къ обычнымъ его занятіямъ . . .“ [2]), **г)** по окончаніи обычныхъ занятій 9 депутатовъ [Картмазовъ, Брюсъ, Полетика, Скоропадскій, М. Щербатовъ, Реткинъ, Оболенскій, Тютчевъ, Тихановскій] „подошли къ маршалу и объяснили ему, что такъ какъ депутатъ Обоянскій погрѣшилъ еще въ первый разъ, то и по-

---

янскаго дворянства Михайла Глазова на голосъ депутата Елецкаго отъ однодворцевъ Михайла Давыдова. Дневная записка излагаетъ чтеніе этого возраженія слѣдующимъ образомъ: «хотя сіе возраженіе состоитъ изъ 23 большихъ страницъ, однако трудно найти въ немъ единый порядочный періодъ; вездѣ мысли спутаны и темны, каждое почти выраженіе неприлично; но сіи недостатки кажутся нечувствительны предъ прочими непристойностями, которыми избыточествуетъ оное сочиненіе. Депутатъ Обоянской бранитъ безъ малѣйшаго смягченія депутата Елецкаго, развратное ему приписываетъ мнѣніе, поноситъ всѣхъ черносошныхъ крестьянъ; наконецъ, отдалясь отъ своего предлога (предмета), ругаетъ Каргопольскій наказъ и говоритъ, что надлежитъ его сжечь, а депутата Каргопольскаго отъ черносошныхъ крестьянъ, который, истину всему предпочедъ, доказалъ, что въ послѣднемъ чинѣ можно думать благородно, желаетъ онъ лишить депутатскаго знака и всѣхъ депутатскихъ выгодъ». Конечно таковому странному возраженію свойственно было произвесть смѣхъ, соблазнъ и негодованіе, что и совершилось; но маршалъ остановилъ чтеніе на 9 страницѣ, зане въ собраніи надлежащее благочиніе могло бы совсѣмъ быть нарушено“.

1) Тамъ же, стр. 108 и 109: „За симъ маршалъ объявивъ, что такія оскорбительныя слова и изъясненія противны XV статьѣ Обряда, гдѣ предписывается, чтобы депутата, который другаго въ собраніи обидитъ, наказывать пенею или исключеніемъ изъ онаго на время или вовсе, — потребовалъ мнѣнія собранія, что̀ съ депутатомъ отъ Обоянскаго дворянства учинить слѣдуетъ“.

2) Тамъ же, стр. 109. Обычныя занятія собранія состояли въ чтеніи мнѣній, поданныхъ на наказъ Казанской губерніи старо- и новокрещенцевъ Арской и Нагайской дорогъ, выслушанный въ прошедшее засѣданіе.

ступить съ нимъ слѣдующимъ образомъ: 1) чтобы онъ просилъ у обиженныхъ при всемъ собраніи прощенія, 2) для воздержанія впредь отъ такого поступка, взыскать съ него пени 5 рублей, которые и отослать въ надлежащее мѣсто; поданный же имъ голосъ отдать ему обратно . . .“ [1]); **д)** 5 депутатовъ [Есиповъ, Плоховъ, Офросимовъ, Зубовъ, Позняковъ] „дали мнѣніе, чтобы депутата Глазова изъ собранія не выключать, а наказать его пенею“ [2]); **е)** депутатъ Лихаревъ „сказалъ, что когда поданный депутатомъ голосъ отдастся ему обратно, то и сіе онъ долженъ считать не малымъ для себя стыдомъ“ [3]); **ж)** вслѣдствіе разногласія маршалъ счелъ нужнымъ баллотировать два предложенія: 1) „исключить депутата Глазова изъ собранія“ и 2) „отдать ему возраженіе его обратно, заставить его просить у обиженныхъ прощенія при всемъ собраніи и наказать пенею“ [4]); **з)** 323 голосами противъ 105 взяло верхъ второе предложеніе [5]); **и)** была образована особая комиссія для составленія опредѣленія по случаю поданнаго Глазовымъ возраженія [6]); **і)** 6 сентября прочитано было Глазову это опредѣленіе, согласно которому „возвращено было депутату Глазову помянутое его возраженіе съ выговоромъ. Потомъ онъ просилъ у обиженныхъ имъ прощеніе, которое маршалъ точными его словами громко повторилъ, и наконецъ положилъ на налой присужденные съ него пять рублей пени“ [7]).

---

1) Тамъ же, стр. 112,
2) Тамъ же.
3) Тамъ же.
4) Тамъ же, стр. 112 и 113.
5) Тамъ же, стр 113.
6) Д. Полѣновъ упоминаетъ объ особой комиссіи въ своемъ изложеніи дневной записки засѣданія 6 сентября, гдѣ и приводитъ текстъ самаго опредѣленія [см. слѣдующее примѣчаніе]. Назначеніе или выборы членовъ этой особой комиссіи, равно и обсужденіе собраніемъ депутатовъ составленнаго ею опредѣленія происходили, должно быть, въ предшествовавшихъ засѣданіяхъ, что, впрочемъ, Д. Полѣновъ въ своемъ изслѣдованіи не счелъ нужнымъ отмѣтить.
7) Сб. Р. И. О., т. IV, стр. 131: „Девятнадцатое засѣданіе, 6-го сентября. Засѣданіе открылось въ 10-ть часовъ. По про-

Итакъ случай съ Глазовымъ въ изложеніи Гадэбуша тоже далеко не соотвѣтствуетъ описанію, сохранившемуся въ документахъ самой Комиссіи, и проф. Брикнеръ напрасно утверждаетъ, что Гадэбушъ, несмотря на свое полное незнаніе русскаго языка, точно слѣдилъ за ходомъ этого дѣла и подробно изложилъ его въ своемъ „Дневникѣ“ [1]). Ни точности, ни особенныхъ подробностей въ немногихъ строкахъ Гадэбуша, къ сожалѣнію, нѣтъ.

Изъ всего вышеизложеннаго можно вывести заключеніе, что „Deputationsjournal“ Гадэбуша въ сво-

---

чтеніи дневной записки минувшаго собранія, маршалъ вызвалъ депутата отъ Обоянскаго дворянства Михайла Глазова и предложилъ ему выслушать опредѣленіе, составленное особою комиссіею по случаю поданнаго имъ возраженія. Опредѣленіе это было слѣдующаго содержанія: «Коммиссія о сочиненіи проекта Новаго Уложенія, выслушавъ большую часть возраженія депутата Обоянскаго отъ дворянства Михайла Глазова на голосъ депутата Елецкаго отъ однодворцевъ Михайла Давыдова, разсудила, что сіе возраженіе, язвительными словами и бранью преисполненное, нарушаетъ всѣ, обществомъ принятыя, правила благочинія и справедливости, ибо не токмо въ ономъ сказано, что депутатъ Давыдовъ имѣетъ гордыню, что онъ мыслитъ превратно; но и то безъ малѣйшей причины упомянуто, что всѣмъ черносошнымъ депутатамъ почаще надлежитъ вынимать изъ кармановъ зерцало, по которому вразумляемся, будто ихъ поведеніе до сего времени не безпорочно; наконецъ депутатъ Обоянскій отъ дворянства осмѣливается предписывать строжайшія наказанія, когда онъ судить не имѣетъ права; Каргопольскій наказъ предаетъ огню; тогожъ уѣзда депутата (котораго безпристрастный поступокъ вящей похвалы достоинъ) желаетъ лишить депутатскаго знака и всѣхъ депутатскихъ выгодъ. Уважая всѣ сіи обстоятельства и слѣдуя 15-му пункту Обряда, который гласитъ: «если депутатъ депутата обидитъ во время собранія и пренія о дѣлахъ бранью, или инымъ непристойнымъ образомъ, то депутаты пенею накажутъ виноватаго по своему разсмотрѣнію, или выключеніемъ изъ собранія на время или и вовсе», — Коммиссія о сочиненіи проекта Новаго Уложенія опредѣлила: возвратить съ выговоромъ депутату Обоянскому отъ дворянства Михайлу Глазову вышеупомянутое его возраженіе, взять съ него пять рублей пени, которые въ надлежащее отослать мѣсто, да при всемъ собраніи просить ему у обиженныхъ прощеніе».

1) „Russische Revue“, томъ XX, стр. 529, въ статьѣ A. Brückner'a: „Zur Geschichte der Gesetsgebung in Russland. Die gesetzgebende Versammlung von $17^{67}/_{68}$“: „Es war selbstverständlich, dass der Zwischenfall Glasow nicht bloss im Hause Aufsehen erregen werde,

емъ общемъ отдѣлѣ, относящемся къ самой Екатерининской Комиссіи, не можетъ служить серіознымъ историческимъ документомъ. Находящіяся въ немъ свѣдѣнія о Комиссіи столь незначительны и отрывочны, что историка они удовлетворить не могутъ, а простому читателю покажутся они неинтересными или скучными. Только лица, незнакомыя съ содержаніемъ „Deputationsjournal"'я, но знавшія Гадэбуша какъ серіознаго ученаго, могли предполагать въ „Журналѣ" важный источникъ для познанія Екатерининской Комиссіи; иначе трудно объяснить себѣ замѣтку пастора Hupel'я о „Журналѣ" [1]), повторенную впослѣдствіи Meusel'емъ [2]), а также Рэккэ и Наперскимъ [3]). Но вполнѣ непонятнымъ является отзывъ доктора Винкэльманна, называющаго „Дневникъ" прямо-таки „Журналомъ совѣщаній въ Москвѣ"

---

wo selbst der Syndikus Gadebusch, welcher des Russischen nicht im Mindesten mächtig war, diesen Vorfall genau verfolgte und die Eiezelnheiten desselben in seinem „Deputationsjournal" referirte". Разрядка моя.

1) A. W. Hupel. Nordische Miscellaneen. XXVII. Stück. Riga 1791, стр. 291: „Deputationsjournal, in Fol. Es betrifft die Gesetzkommission in Moskow [разрядка моя], zu welcher der Verfasser als Deputirter von Seiten der Stadt Dörpat 1767 geschickt wurde. Es enthält nicht bloss die Reise, sondern auch die Verhandlungen. Ein künftiger Geschichtschreiber könnte doch wohl manches Faktum daraus nutzen". Переводъ: „Журналъ депутатства in Fol. Онъ касается Законодательной Комиссіи въ Москвѣ, куда былъ отправленъ авторъ въ качествѣ депутата отъ города Дэрпата въ 1767 году Онъ содержитъ не только описаніе путешествія, но и данныя относительно совѣщаній Комиссіи. Будущій историкъ все же могъ бы воспользоваться нѣкоторыми фактами [сообщаемыми въ „Журналѣ"]".

2) Joh. Georg Meusel. Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller. IV. Band. Leipzig. 1804, стр. 5: „Deputationsjournal, fol. Betrifft die Gesetzkommission in Moskau, zu welcher er als Deputirter der Stadt Dörpat geschickt wurde. Es enthält nicht bloss die Reise, sondern auch die Verhandlungen".

3) Recke und Napiersky. Schriftsteller-Lexikon. II. Bd Mitau. 1829, стр. 4: „Deputationsjournal, Fol. (Betrifft die Gesetzkommission in Moskau und enthält nicht bloss seine Reise dahin, sondern auch die dortigen Verhandlungen)".

— „Journal der Verhandlungen in Moskau“ [1]) — и считающаго „Журналъ“ законченною работою — „abgeschlossene Arbeit“ [2]); это тѣмъ болѣе непонятно, что самъ Бэркхольцъ въ своей статьѣ, на которую ссылается д-ръ Винкэльманнъ, пишетъ: „о ходѣ совѣщаній въ общемъ собраніи депутатовъ Гадэбушъ не сообщаетъ почти ничего“ [3]).

Частный отдѣлъ второй половины „Дневника“, какъ уже было упомянуто, относится къ личности Гадэбуша и къ его депутатской дѣятельности.

Прежде всего такимъ образомъ здѣсь имѣются нѣкоторыя черты, характеризующія Гадэбуша, какъ человѣка. Кромѣ отмѣченной уже мною любви Гадэбуша къ чтенію, къ занятіямъ наукою, въ „Дневникѣ“ выступаютъ еще его 1) религіозность, убѣжденная преданность лютеранству и 2) довольно замѣтное равнодушіе къ русской жизни, окружавшей его въ теченіе почти 5 мѣсяцевъ.

О первыхъ можно заключить по неоднократнымъ отмѣткамъ посѣщенія имъ лютеранскихъ церквей [4]),

---

1) Sitzungsberichte der Gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat. 1869. Dorpat. 1870. Рѣчь д-ра Винкэльманна, стр. 6: „ . . . Ueberdies enthalten jene zahlreichen Bände nicht blos Collectaneen für spätere Arbeiten, sondern vielfach abgeschlossene Arbeiten selbst [разрядка моя]. Ich nenne besonders das Journal der Verhandlungen in Moskau, welches Berkholz in dem angeführten Aufsatze benutzt hat . . .“ Переводъ: „ . . . Кромѣ этого содержатъ упомянутые многочисленные томы [т.-е. томы рукописей, оставшіеся послѣ смерти Гадэбуша] не только сборники матеріаловъ для позднѣйшихъ работъ, но даже различныя законченныя работы. Называю въ особенности Журналъ совѣщаній въ Москвѣ, которымъ пользовался Бэркхольцъ въ приведенномъ сочиненіи . . .“

2) См. предыдущее примѣчаніе.

3) Balt. Monatsschrift, томъ V, стр. 149: „Ueber den Gang der Verhandlungen in der allgemeinen Deputirtenversammlung theilt Gadebusch so gut wie gar nichts mit . . .“

4) DJ., стр. 14, 20, 31, 35, 66, 76, 90, 92, 115. Подъ 19 августа, 9 и 13 сентября Гадэбушъ передаетъ суть проповѣди, а подъ 13 и 14 октября отмѣчаетъ онъ свою исповѣдь и свое причащеніе Св. Таинъ.

а также по нѣкоторымъ другимъ записямъ [1]). — Что касается равнодушія Гадэбуша къ явленіямъ русской жизни, то подтверждается оно отсутствіемъ путевыхъ впечатлѣній, а также малымъ количествомъ замѣтокъ о Москвѣ, о ея окрестностяхъ, о ея достопримѣчательностяхъ, о нравахъ и обычаяхъ жителей и т. п., замѣтокъ, которыя, казалось бы, вполнѣ естественны со стороны человѣка, впервые посѣщающаго ту или другую мѣстность. Вопреки пастору Хупэлю [2]) и почти дословно повторяющимъ

---

1) Такъ, напр., приводя [DJ., стр. 70] разсказъ о герцогѣ Бургундскомъ, участвовавшемъ въ одной изъ католическихъ процессій и увлекшемъ своимъ благоговѣніемъ даже лютеранъ города Страсбурга до того, что они возымѣли внутреннее влеченіе присоединиться къ вѣрованію и къ обрядамъ, которыхъ придерживался герцогъ, Гадэбушъ замѣчаетъ: „Wenn dieses wahr ist, woran ich sehr zweifele, so müssen es sehr einfältige Lutheraner gewesen seyn, die sich also erkläret haben“ — „если это правда, въ чемъ я очень сомнѣваюсь, то, повидимому, это были уже очень простодушные лютеране, которые такимъ образомъ высказались“.

Въ другомъ мѣстѣ онъ записываетъ [DJ., стр. 89] свой споръ съ нѣкоимъ г. Карбонье [Carbonnier], отрицавшимъ правдивость Св. Писанія.

По поводу своей присяги онъ съ видимымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ [DJ., стр. 8]: „Man verlangete nicht von mir, dass ich das Kreuz küssen sollte“ — „отъ меня не потребовали, чтобы я поцѣловалъ крестъ“. [Въ Ber., л. 89, нѣсколько иначе: „Man hat aber weder von mir, noch von dem pernauischen Hrn. Deputirten verlangt, das Kreuz u. das Wort des Erlösers zu küssen“ — „однако, не потребовали ни отъ меня, ни отъ перновскаго г-на депутата поцѣловать крестъ и Слово Спасителя“. Непосредственно къ этому сообщенію онъ прибавляетъ: „Vorher war ich bey d. H Deputirten der Städte Riga und Narva, d. H. Rathverw. Schwarz und dem Hrn. RV. Stralborn, die mir erzähleten, dass die liefländischen Deputirten alle das Kreuz geküsset hätten, obgleich in der sub. Litt. B. befindlichen Kommissionsordnung oder Ceremoniel, § 3, ausdrücklich enthalten ist, dass die Deputirten von anderen Religionen ein jeder nach ihrem Ceremoniel den Eid ablegen sollen“. Переводъ: „Передъ тѣмъ былъ я у господъ депутатовъ отъ городовъ Риги и Нарвы, у г. ратмана Шварца и у г. ратмана Стральборна, разсказавшихъ мнѣ, что всѣ лифляндскіе депутаты поцѣловали крестъ, хотя въ находящемся подъ Лит. В. Обрядѣ Комиссіи или Церемоніалѣ, въ § 3, ясно сказано, что депутаты другихъ вѣроисповѣданій должествуютъ присягать каждый по своимъ обрядамъ“.

2) A. W. Hupel. Nord. Miscel. XXVII. Stück, стр. 291: „... Es

его мнѣніе Мэйзелю [1]) и Рэккэ и Наперскому [2]), ничего нѣтъ въ „Дневникѣ“, что бы можно было назвать путевыми впечатлѣніями. По дорогѣ въ Москву Гадэбушъ отмѣчаетъ только два происшествія: 1) неполученіе имъ лошадей въ Нарвѣ, что заставило его подать жалобу на почтоваго комиссара [3]) и 2) случай съ его ящикомъ: недалеко отъ Петербурга ящикъ Гадэбуша, опечатанный въ Юрьевской таможнѣ, оказался не въ порядкѣ, протерлась веревка; пришлось прождать лишній день, уплатить за бумагу и писцу 60 копеекъ и, не дождавшись свидѣтельства изъ Петербургской таможни, поѣхать дальше [4]). На обратномъ пути и такихъ происшествій не было. Описаніе поѣздки въ Москву занимаетъ полторы страницы, а возвращеніе свое въ Юрьевъ Гадэбушъ описываетъ въ нѣсколькихъ строчкахъ [5]). — Изъ перечисленныхъ большею частію

(das Deputationsjournal) enthält nicht blos die Reise . . .“ („Журналъ содержитъ не только путешествіе . . .“).

1) J. G. Meusel. Lexikon der v. J. 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller. IV. Band. Lpz., 1804, стр. 5: „ . . . . Es enthält nicht blos die Reise . . .“

2) Recke u. Napiersky. Schriftsteller-Lexikon. II. Bd., Mitau, 1829, стр. 4: „Deputationsjournal . . . enthält nicht bloss seine Reise dahin . . .“ („Журналъ . . . . содержитъ не только его путешествіе туда . . .“).

3) DJ., стр. 2, 3: „Den 14. Heumonates. Erreichte ich Narva, welches ich nicht eher als den 15-ten Heumonates Abends um 7 Uhr verlassen konnte, weil ich mit den Postpferden so lange aufgehalten ward, solche auch nicht eher erhielt, als bis ich mich über den Potskommissarius beschwerete“.

4) DJ., стр 3: „Den 16. Heumonates. Kam ich des Abends ganz späth in St.-Petersburg an. Ich hatte meinen Kasten in Dörpat von der Tamoschna versiegeln lassen; als man ihn auf dem Vorposten, 20 Werste von Petersburg besichtigte, fand es sich, dass das Band, woran das Siegel befestiget war, durchgescheuret worden. Man gab mir also einen Zollbedienten mit, und ich muste meinen Kasten nach dem Zollhause senden am folgenden Tage. Den 17. Heumonates wurde der Kasten besichtiget. Ehe es so weit kam, muste ich für Stämpfelpapier und Schreibgebühr 60 kop. bezahlen. Ich sollte einen Kontraattest erhalten, bekam ihn aber nicht, sondern ich wurde bis zum folgenden Tage zur Geduld verwiesen muste auch aus Petersburg abreisen, ohne ihn zu erhalten“.

5) DJ., стр. 125: „Den 21. Wintermonates. Reisete ich von

уже мною [1]) описаній и сообщеній, встрѣчающихся въ „Дневникѣ“ Гадэбуша и не касающихся Комиссіи, только нѣкоторыя основаны на личныхъ наблюденіяхъ Гадэбуша, а именно: описаніе празднованія дня учрежденія ордена св. Александра Невскаго [2]);

Moskow ab, und kam über Twer, Nowgorod, St. Petersburg und Narva am 12-ten Christmonates zu Dorpat wieder an“. — Въ „Отчетѣ“ [Ber., л. 112] вмѣсто послѣднихъ четырехъ словъ написано слѣдующее: „ . . allhier, Gott sey gelobet! ohne Gefahr, glücklich und gesund an“.

1) См. выше стр. 98, примѣч. 1.

2) Помѣщаю здѣсь полностью это описаніе, какъ самое пространное, а также потому, что вообще Гад. съ особенною любовью останавливался на подобнаго рода празднествахъ и изощрялъ на нихъ свою наблюдательность. DJ., стр. 25—28: „Den 30. August . . . Bey Hofe ward die Stiftung des Alexanderordens gefeyert. Ich begab mich dahin, um das Merkwürdige zu beobachten. Die Ritter fanden sich nach und nach ein. Sie tragen ein weisses Kleid mit silbernen Spitzen, rothe Strümpfe, die Schuhe mit einem rothen Bande gebunden, einen schwarzen sammetnen Hut mit zween Krempen, worauf eine rothe und weisse Feder, die in die Höhe steht, mit einer weissen Schleife. Endlich tragen sie einen rothen Mantel mit einem weissen Kragen. Ich wurde gewahr, dass einige Ritter einen sammetnen, andere einen Mantel von Gros de Tours trugen. Ich fragete, was das zu bedeuten hätte. Man antwortete mir: Ihro Majestät die Kaiserinn hätten Sich vor einiger Zeit vernehmen lassen, wie Sie gerne sähen, dass die Ritter in einem sammetnen Mantel erscheinen mögten. Daher hätten sich einige einen solchen machen lassen, andere aber hätten solches nicht gethan, weil sie geglaubet, dass es wider die Gesetze des Ordens wäre, und also durch einen ausdrücklichen Befehl diese Veränderung bekannt gemachet werden müste. Ihro Majestät hätten auch befohlen, dass alle in der Residenz anwesenden Ritter, die dem Feste itzt und künftig nicht beywohnen würden, sie mögten krank oder gesund seyn, jedesmal 30 Rubel bezahlen sollten; welches sowohl von diesem, als auch von dem Andreasfeste zu verstehen wäre. Diese Strafgelder sollten zum Bau einer gewissen Kirche in St.-Petersburg verwendet werden. Nichtsdestoweniger wären dieses mal nur etliche und dreyzig Ritter zugegen. Ich lernte den Chevaliergarde von Brömsen, einen Enkel des Hrn. Landrichters kennen. Gegen 12 Uhr nahm die Procession ihren Anfang. Ein Mann mit einem gemeinen Stabe, der Cärimoniemeister, ging voraus. Darauf folgeten die Ritter paarweise mit dem Hute auf dem Kopfe, also dass die jüngsten vorangingen. Darauf folgeten Se. Kaiserl. Hoheit der Grossfürst, im Ordenshabite und zu Dero linken der Geheimrath Panin. Alsdenn kamen zweene Marschälle mit goldenen Stäben und gleich hernach Ihro Majestät die Kaiserinn im Or-

denshabite. Die Schleppe trugen sechs Kammerherren. Die Hofdamen waren en Robe und folgeten ihrer Majestät in die grössere Hofkirche. Eben so kam man aus der Kirche zurück. Gegen 2 Uhr ging man auf obgedachte Weise zur Tafel, welche in dem grossen Audienzsaale vor dem Throne gedeckt war. Man saget bey Hofe, die Kaiserinn speise auf dem Throne. Allein die Kaiserinn sass vor dem Throne auf einem grünen sammetnen, mit silbernen Spitzen besetzten Stuhle, ohne Arme. Auf eben einem solchen Stuhle sassen Se. Kaiserl. Hoheit der Grossfürst. Jedoch war derselbe etwas kleiner. Die Ritter sassen auf gewöhnlichen Stühlen. Sobald I. Majestät Sich niedergelassen und das Kreuz gemachet hatten, nahm in beyden in diesem Saale erbaueten Orchestern die vortreffliche Vokal- und Instrumentalmusik ihren Anfang. Ihro Majestät assen ziemlich stark, imgleichen Se. Kaiserl. Hoheit, der Grossfürst; und sprachen im Anfange gar nicht hernach aber desto mehr, zuerst mit dem Grossfürsten, hernach mit dem Grafen Solms, der ihr gegenüber an der Tafel sass, und anderen. Ueberaus gnädig bezeugeten Sich Ihro Majestät indem Sie bey dem Gesundheittrinken das Haupt bald auf die eine bald auf die andere Seite wandten, öfters auch diejenigen, welche auf das höchste Wohl derselben trinken sollten, zuvorkamen. Wie die Kaiserinn trank, stunden alle auf. Von den Rittern stand nur derjenige auf, welcher trank. Dieser bückte sich so tief als möglich, sowohl vor als nach dem Trinken, nahm aber den Hut nicht ab. Die Ritter speiseten demnach vom Anfang bis zum Ende mit bedecktem Haupte. Jedoch habe ich bemerket, dass derjenige Ritter, welcher der Kaiserinn am nächsten sass, einmal, indem er der Monarchinn einen Teller reichete, den Hut abnahm. Ihro Majestät wurden von Kammerherren, die Ritter von Hoflackayen bedienet. Der aufwartende Kammerherr hatte zweene Edelknaben zu seiner Unterstützung. Wenn der Kammerherr Ihrer Majestät etwas reichete: so schlug sie es selten ab, sondern, wenn sie etwa nicht essen wollte: gab sie den Teller dem Grossfürsten . . . Des Abends war Bal und grosse Tafel. Ich bin aber nicht wieder nach Hofe gekommen. Um 5 Uhr langete ich in meinem Quartiere an . . .“ — Переводъ: „30 августа... При Дворѣ праздновали день учрежденія ордена [св.] Александра [Невскаго]. Я отправился туда, чтобы быть свидѣтелемъ замѣчательнаго празднества. Кавалеры съѣжались мало-по-малу. Они носятъ бѣлое платье съ серебряными кружевами, красные чулки, при чемъ башмаки завязаны красною лентою, большую черную бархатную шляпу съ двумя загибами, на которой прикрѣплены концами вверхъ красное и бѣлое перо съ бѣлымъ бантомъ. Наконецъ имѣется у нихъ красная мантія съ бѣлымъ воротникомъ. Я замѣтилъ, что у нѣкоторыхъ кавалеровъ была бархатная, у другихъ же изъ Gros de Tours [крѣпкая шелковая матерія, изготовляемая въ городѣ Турѣ] мантія. Я спросилъ, что̀ могло бы это значить. Мнѣ отвѣтили: Ея Величество Императрица недавно объявила, что Ей пріятно было бы видѣть кавалеровъ въ бархатной мантіи. Вотъ почему нѣкоторые [кавалеры] заказали себѣ таковую, другіе же сочли

это противорѣчащимъ законамъ ордена, а потому это измѣненіе и должно было бы быть оповѣщено именнымъ повелѣніемъ. Ея Величество повелѣла также, что всѣ находящіеся въ столицѣ кавалеры, въ случаѣ ихъ неприсутствія при нынѣшнемъ или послѣдующихъ торжествахъ, будь кавалеры больны или здоровы, должны уплачивать каждый разъ 30 рублей; это [повелѣніе] касается какъ Александровскаго, такъ и Андреевскаго праздника. Эти штрафныя деньги должны быть употреблены на постройку извѣстнаго храма въ С.-Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе нынче присутствовало кавалеровъ 30. Я познакомился съ кавалергардомъ фонъ Брэмзеномъ внукомъ г-на ляндрихтэра Около 12 часовъ шествіе двинулось. Церемоніймейстеръ съ простымъ жезломъ шелъ впереди. За нимъ слѣдовали попарно кавалеры въ шляпахъ, такъ что самые молодые шли впереди. Затѣмъ слѣдовалъ Его Высочество Великій Князь въ орденскомъ одѣяніи, а по лѣвую его сторону тайный совѣтникъ Панинъ. Затѣмъ шли два маршала съ золотыми жезлами въ рукахъ и непосредственно за ними слѣдовала Ея Величество Императрица въ орденскомъ облаченіи. Шлейфъ несли шесть камергеровъ. Придворныя дамы, въ праздничныхъ платьяхъ, послѣдовали за Ея Величествомъ въ большую придворную церковь. Такимъ же образомъ всѣ вернулись изъ церкви. Около 2 часовъ въ вышеупомянутомъ порядкѣ шествіе направилось къ столу, накрытому передъ тономъ въ большомъ пріемномъ залѣ. По словамъ придворныхъ, Императрица кушаетъ на тронѣ. Но Императрица сидѣла передъ тономъ на зеленомъ бархатномъ серебряными кружевами обитомъ стулѣ безъ ручекъ. На такомъ же, немного меньшемъ, стулѣ сидѣлъ Его Императорское Высочество Великій Князь. Кавалеры сидѣли на обыкновенныхъ стульяхъ. Какъ только Ея Величество опустилась на стулъ, осѣнивъ Себя крестнымъ знаменіемъ, тотчасъ же раздались съ двухъ построенныхъ въ залѣ оркестровъ первые звуки превосходной вокальной и инструментальной музыки. Ея Величество кушала довольно много, равно и Его Императорское Высочество Великій Князь; [Ея Величество] вначалѣ вовсе не разговаривала, но потомъ тѣмъ болѣе, сперва съ Великимъ Княземъ, впослѣдствіи съ графомъ Зольмсомъ, сидѣвшимъ за столомъ напротивъ Нея, а также съ другими [лицами]. Чрезвычайно милостивою оказалась Ея Величество при здравицахъ, поворачивая голову то въ одну то въ другую сторону, часто даже предупреждая тѣхъ, которые должны были пить за здоровье Ея Величества. Когда Императрица осушала бокалъ, то всѣ вставали. Изъ кавалеровъ вставалъ только тотъ, который провозглашалъ тостъ. Онъ кланялся возможно низко, какъ до, такъ и послѣ осушки бокала, но не снималъ шляпы. Итакъ кавалеры кушали съ начала до конца съ покрытою головою. Все же я замѣтилъ, что кавалеръ, сидѣвшій ближе всѣхъ къ Императрицѣ, однажды, подавая Монархинѣ тарелку, снялъ шляпу. Ея Величеству прислуживали камергеры, а кавалерамъ придворные лакеи. Прислуживавшему камергеру помогали два пажа. Когда камергеръ что-либо

описаніе празднованія дня коронаціи [1]); описаніе Высочайшаго пріема польскихъ пословъ [2]); замѣтка о царскомъ садѣ [3]); сообщеніе о Воспитательномъ домѣ [4]); замѣтка о библіотекѣ Рэйхсъ-

подавалъ Императрицѣ, Она рѣдко отказывалась, но если Она не желала кушать, то передавала тарелку Великому Князю . . . Вечеромъ былъ балъ и торжественный ужинъ. Но я не вернулся больше ко Двору. Въ 5 часовъ я прибылъ въ свою квартиру".

1) DJ, стр. 53, 54. Описаніе это занимаетъ не болѣе страницы. Кромѣ нарядовъ, наградъ и повышеній, Гад. отмѣчаетъ здѣсь впервые, что въ придворной часовнѣ въ присутствіи императрицы была произнесена проповѣдь: „In der kleinen Hofkapelle, wo I. M. den Gottesdienst abwarteten, wurde geprediget".

2) DJ., стр. 44. Описаніе очень кратко; сути рѣчей Гадэбушъ не передаетъ, а обращаетъ, напр, вниманіе на то, что пословъ привезли и увезли въ придворныхъ экипажахъ.

3) DJ., стр. 36. Гадэбушъ гуляетъ въ саду, осматриваетъ мѣсто, гдѣ стоялъ сгорѣвшій въ 1749 году деревянный императорскій дворецъ и прибавляетъ, что садъ не отличается ничѣмъ замѣчательнымъ: „Der kaiserliche Garten hat nichts merkwürdiges".

4) DJ., стр. 41—43. — Воспитательный домъ, въ то время своего рода достопримѣчательность Москвы, былъ удостоенъ особеннаго вниманія со стороны юрьевскаго депутата, а потому и привожу здѣсь цѣликомъ довольно обстоятельное сообщеніе Гадэбуша о немъ: „[Den 15. September] . . . Nachmittages fuhr ich, nach der mit d. H. Professor Ursinus getroffenen Verabredung, nach dem Findelhause. D. H. Rath Wackerhagen, ein verdorbener Kaufmann, ist Oberaufseher desselben und geniesst 1500 Rubel jährlicher Besoldung. Er führete uns in demselben herum. Die Anstalten schienen vortrefflich zu seyn. Ein jedes Kind hat sein eigenes Bette. das von Eisen ist, und kostet der Krone jährlich etwa 30 Rubel. D. H. Rath sagete, dass itzt etwa 600 Kinder da wären. Man wolle aber bis 8000 aufnehmen. Ein jedes Kind hat seine Amme oder Wärterinn so lange es nothwendig ist. Wenn sie aber schon völlig gehen können, hat eine Wärterinn zwey Kinder. Ueber jede Stube ist eine Aufseherinn. Das Findelhaus hat seinen eigenen Arzt und Apotheker. Sobald ein Kind krank wird, oder den geringsten Ausschlag bekömmt. wird es aus diesem Hause in ein anderes so lange gethan, bis es völlig gesund wird. D. H. Rath Wackerhagen zeigete mir einen kleinen Knaben, dem die Kaiserinn bey ihrem Besuche 300 Dukaten geschenket hätte, weil er sich gegen die Monarchinn besonders freundlich bewiesen hätte. Sobald die Kinder erwachsen, werden sie unterrichtet. Bey diesem Findelhause ist auch eine besondere Wohnung, worinn Ehefrauen und geschwächte Porsonen ihre Wochen haben können. Als wir alles gesehen und hierauf bey d. H. Rathe Wackerhagen Kaffe getrunken hatten, begaben wir uns zu dem Bau eines neuen viel grösseren in Form eines Vierecks aufzuführenden

коллегіи [1]); замѣтки о загородныхъ вотчинахъ графа Шереметева „Останкино“ и „Кусково“ [2]); сообщеніе о скачкахъ 20 августа [3]); замѣтка объ

Findelhauses. D. H. Prof. Ursinus sagete mir, dass dieses nur die Hälfte wäre, wenn solche fertig wäre, würde man noch ein eben so grosses Gebäude aufführen“. — Переводъ: „[15 сентября] . . . Послѣ обѣда я поѣхалъ, условившись съ профессоромъ Урсинусомъ, въ Воспитательный домъ. Г-нъ совѣтникъ Ваккэрхагэнъ, неудавшійся купецъ, главный его смотритель и получаетъ 1500 р. годового жалованья. Онъ водилъ насъ по помѣщеніямъ дома. Устройство казалось превосходнымъ. У каждаго ребенка своя собственная желѣзная кровать, и стоитъ казнѣ [ребенокъ] олоко 30 рублей въ годъ. Г-нъ совѣтникъ сказалъ, что въ домѣ въ настоящее время 600 дѣтей. Но хотятъ принять до 8000. Каждое дитя имѣетъ свою мамку или няньку до тѣхъ поръ, пока это необходимо. Когда же дѣти могутъ уже ходить, то на одну няньку приходятся двое дѣтей. Въ каждой комнатѣ имѣется одна надзирательница. Въ Воспитательномъ домѣ свой собственный врачъ и аптекарь. Какъ только заболѣетъ ребенокъ или получаетъ малѣйшую сыпь, тотчасъ же переводятъ его изъ этого дома въ другой, пока онъ совершенно не выздоровѣетъ. Г-нъ совѣтникъ Ваккэрхагэнъ показалъ намъ маленькаго мальчика, которому подарила императрица при своемъ посѣщеніи 300 дукатовъ за то, что онъ былъ особенно ласковъ къ монархинѣ. Какъ только дѣти достаточно подрастутъ, начинаютъ имъ обучать [грамотѣ]. При этомъ Воспитательномъ домѣ есть также особая квартира, гдѣ жены и обольщенныя дѣвушки могутъ рожать. Осмотрѣвши все и напившись кофе у г-на совѣтника, мы отправились на мѣсто, гдѣ строился новый, гораздо большій, имѣющій видъ четырехугольника, воспитательный домъ. Г-нъ профессоръ Урсинусъ сказалъ мнѣ, что это только половина дома, по окончаніи каковой будетъ возведено еще такой же величины зданіе“.

1) DJ., стр. 67. Здѣсь перечисляетъ Гадэбушъ нѣкоторыя книги. Гадэбушъ взялъ съ полки одинъ томъ и прочелъ заглавіе. Тогда одинъ изъ служителей сдѣлалъ замѣчаніе другу Гадэбуша за то, что онъ показывалъ ему книги. „Я“, прибавляетъ Гадэбушъ, „вслѣдствіе всего этого закрылъ книгу и ушелъ“.

2) DJ., стр. 4, 31. Гадэбушъ называетъ эти вотчины „Stankawa“ (стр. 4) или „Stankowa“ (стр. 13) и „Koskara“ (стр. 31), что доказываетъ, какъ мало онъ заботился о приведеніи вѣрныхъ русскихъ наименованій.

3) DJ., стр. 15. Въ скачкахъ участвовали 3 англійскія лошади гр. А. Г. Орлова и 3 казацкія лошади атамана Войска Донского С. Д. Ефремова. Двѣ англійскія лошади пробѣжали 30 верстъ въ 48 минутъ; одна казацкая лошадь достигла флага 3 минутами позже. Гр. Орловъ выигралъ пари и получилъ 3000 дукатовъ. Въ числѣ зрителей былъ Е. И. В. Великій Князь.

обѣдѣ у графа Панина [1]); замѣтка объ обѣдѣ у Лунина [2]).

---

1) DJ., стр. 82, 83. Гадэбушъ перечисляетъ гостей и отмѣчаетъ серебряную посуду, золотые ножи, вилки, ложки, а также, какъ нѣчто особенное, бургундское вино. Упоминаетъ онъ еще о венгерскомъ винѣ и о какомъ-то „kapischen Wein“.

2) DJ., стр. 87, 88. Замѣтка эта представляетъ нѣкоторый интересъ, вслѣдствіе чего я и помѣщаю ее полностью: „[Den 11. Oktober] . . . Se. Excellenz d. H. President Lunin nöthigten mich zum Speisen und stelleten mich Ihrer Gemahlinn dar, welche ich nach der Landesgewohnheit küssen muste. D. H. President redeten bloss Russisch. Die Frau Presidentinn redeten deutsch, und hatten die Gnade mir zu sagen, dass dero Herr Vater der Geheimrath Neplüjew, ein alter 75 jähriger Greis und ehemals als Russischkaiserl. Gesandter 15 Jahre in Konstantinopel gewesen wären, in welcher Zeit d. H. Geheimrath den Frieden zwischen Russland und der Pforte geschlossen hätten. Die Frau Presidentinn wären in Konstantinopel geboren, aber nur zwey Jahre da gewesen. Als Sie neun Jahre alt gewesen, sind Sie von dero Herrn Vater gezwungen worden, deutsch zu lernen. Sie führeten hierbey an, dass Sie keinen Abscheu vor die Sprache gehabt hätten, allein der Lehrmeister, ein alter abgedankter Unterofficier hätte keine Methode gehabt. Indessen freueten Sich Ihro Excellenz, welche 5 Söhne hatten, dass ihre drei jüngsten Söhne, fertig deutsch redeten. Bey Tische hatte ich die Ehre bey der Frau Presidentinn zu sitzen; Se. Excellenz d H. President trunken auf die Einigkeit der Glieder der Kommission, und liessen mir, weil ich allein wäre, durch dero Frau Gemahlinn dero Tisch anbieten. Die Frau Presidentinn hatten die Gnade und wiederholeten dieses Erbieten drey bis viermal auch noch bey dem Weggehen dergestalt, dass ich über die Gnade und Höflichkeit dieser mir ganz fremden Personen beschämet und zum Lobe Gottes ermuntert ward, welcher auch in der Fremde die Herzen der Menschen zu uns lenket“. — Переводъ: „[11 октября] . . . Его превосходительство г. президентъ Лунинъ [онъ былъ предсѣдателемъ въ Комиссіи объ имѣніяхъ] принудилъ меня отобѣдать у него и представилъ меня своей супругѣ, которую я по обычаю страны долженъ былъ поцѣловать. Г-нъ президентъ разговаривалъ только по-русски. Г-жа президентша говорила по-нѣмецки и соблаговолила сказать мнѣ, что ея отецъ тайный совѣтникъ Неплюевъ, 75-лѣтній старецъ, и что онъ былъ въ свое время въ теченіе 15 лѣтъ русско-императорскимъ посломъ въ Константинополѣ и заключилъ миръ между Россіею и Портою. Г-жа президентша сообщила также, что она родилась въ Константинополѣ, но пробыла тамъ всего два года. Будучи 9 лѣтъ, она была принуждаема отцомъ обучаться нѣмецкому языку. При этомъ она замѣтила, что она не чувствовала отвращенія къ языку, но что учитель ея, старый отставной унтеръ-офицеръ, не придерживался никакой методы. Ея превосходительство однако была очень рада, что

Всѣ прочія сообщенія записаны Гадэбушомъ со словъ другихъ лицъ. Изъ нихъ особенно интересны и довольно обстоятельны: сообщеніе о питейныхъ домахъ [1]) и сообщеніе о сектѣ Андрюшки [2]); кромѣ

изъ пяти сыновей ея трое младшихъ свободно говорили по-нѣмецки. За столомъ имѣлъ я честь сидѣть возлѣ г-жи президентши; его превосходительство г. президентъ пилъ за согласіе членовъ Комиссіи [объ имѣніяхъ] и предложилъ черезъ свою супругу мнѣ, какъ одинокому человѣку, обѣдать у нихъ. Г-жа президентша соблаговолила повторить это предложеніе три-четыре раза, равно и при моемъ уходѣ въ такой формѣ, что я былъ смущенъ милостію и вѣжливостію этихъ мнѣ совершенно чужихъ особъ и почуствовалъ влеченіе къ восхваленію Господа Бога, Который и на чужбинѣ возбуждаетъ въ сердцахъ людей сочувствіе къ намъ". — Нельзя не замѣтить здѣсъ же, что Гад., несмотря на отличное впечатлѣніе, произведенное, очевидно, на него хлѣбосольнымъ русскимъ семействомъ, не воспользовался предложеніемъ г-дъ Луниныхъ. Въ его „Дневникѣ" нѣтъ больше указаній на дальнѣйшія посѣщенія имъ Луниныхъ, нѣтъ даже отмѣтки о его прощальномъ визитѣ.

1) DJ., стр. 60, 61: „Den 28. Herbstmonates . . . Des Mittages speisete ich bey dem Hrn. Syndikus Schwarz, wo ein rigischer Kaufmann, mit Namen Berends war, dessen Handelsgenoss Interessent von der Trinkhäuserpacht war. Von demselben vernahm ich, dass die Pacht der Trinkhäuser, die man vor diesem Kabacken nannte, in Moskow u. St. Petersburg der Krone jährlich 1200 tausend Rbl. eintrüge; ohne den Branntwein, den die Pächter von der Krone nehmen u. bezahlen müsten Dahingegen trüge der Verkauf den Pächtern bloss in Moskow monatlich 100 bis 120 tausend Rubel ein. Aller Behutsamkeit ungeachtet aber, welche die Pächter anwendeten der Verfälschung des Branntweins vorzubeugen, könnte man doch solche nicht verhindern". Переводъ: „28 сентября . . . Обѣдалъ я у г-на синдика Шварца, гдѣ былъ рижскій купецъ по имени Бэрэндсъ; его товарищъ по торговлѣ былъ участникомъ въ дѣлѣ откупа питейныхъ домовъ. Отъ него я узналъ, что откупа питейныхъ домовъ, которые прежде назывались кабаками, приносятъ казнѣ въ Москвѣ и въ Петербургѣ ежегодно 1200 тысячъ рублей, не считая водки, которую откупщики должны брать у казны и за которую они должны ей платить. Напротивъ того, получаютъ откупщики отъ продажи водки въ одной Москвѣ ежемѣсячно отъ 100 до 120 тысячъ рублей. Несмотря на всю осмотрительность откупщиковъ въ дѣлѣ предохраненія водки отъ поддѣлки, все же нельзя [окончательно] помѣшать ея появленію".

2) DJ, стр. 74, 75: „[Den 5. Weinmonates] . . . Als ich bey demselben [т.-е. у синдика Шварца] war, vernahm ich dass die Fr. Oberkammerherrinn Gräfin Sczeremetow heute begraben war. Sie war eine Czirkaski. Ihre Mutter war von der Sekte des Andruschka. Dieser Mensch war Bandurist bey dem Fürsten Odujewski, und wohl-

того, подъ 25 окт. Гад. при перечнѣ сочиненій о

gebildet. Er kam auf den Einfall Eingebungen vorzugeben und eine besondere Gemeinde zu sammeln, die hier in Moskow in einem Garten zusammenkam, wo die Czirkaski eine besondere Kapelle zu den Versammlungen bauen liess, welche noch stehet Seine Anhänger waren mehrentheils vom weiblichen Geschlechte, jedoch soll er auf 60 Jünger gehabt haben. Er that allerley Wunder nach seiner Art. Z. E. [т.-е. Zum Exempel] er ging bey harter Kälte nackt u mit blossen Füssen auf dem Schnee. Er trieb seine Gaukeleyen 3 bis 4 Jahre von 1748 bis 52. Er machte sich endlich an eine schöne junge Frau des Fabrikanten Grebäschnikow, die verrieth ihn, wie man meynet, aus Eifersucht. Die Untersuchung währete 3 Jahre. Man schickte ihn nach dem baltischen Port". Переводъ: „[5 октября] . . . Будучи у него [у синдика Шварца], я узналъ, что сегодня хоронили г-жу обэръ-камергершу графиню Шереметову. Она была рожденная Чиркаски [должно быть, Черкасская]. Ея мать принадлежала къ сектѣ Андрюшки. Этотъ человѣкъ, статный [wohlgebildet означаетъ также: благовоспитанный] мужчина, былъ бандуристомъ у князя Одуевскаго [д. б., Одоевскаго]. Вспало ему на умъ разсказывать о вдхоновеніяхъ свыше и собирать особенное общество, которое сходилось здѣсь, въ Москвѣ, въ одномъ саду, въ которомъ Чиркаски велѣла построить для собраній отдѣльную часовню, существующую еще нынче. Приверженцами его были большею частію лица женскаго пола, но говорятъ, что онъ насчитывалъ до 60 учениковъ Онъ совершалъ всевозможныя чудеса въ своемъ родѣ. Такъ, напр., ходилъ онъ голый въ сильный морозъ босикомъ по снѣгу. Морочилъ онъ людей 3—4 года съ 1748 до 1752 года. Наконецъ онъ началъ ухаживать за красивой молодой женой фабриканта Гребэшникова, которая его выдала, какъ полагаютъ, изъ ревности. Слѣдствіе продолжалось три года. Сослали его въ Балтійскій Портъ". — Упоминаемый здѣсь Андрюшка не былъ основателемъ секты, а принадлежалъ къ сектѣ хлыстовъ и игралъ въ ней важную роль; въ изслѣдованіяхъ объ этой сектѣ называется онъ „Андреюшка", „Андреянъ Петровъ", „Андрей Петровъ". Подробности: служба его у князя Одоевскаго въ качествѣ бандуриста, приводимое число учениковъ, ухаживаніе за красивой молодой женой фабриканта Гребэшникова, а также выдача его властямъ этою же Гребэшниковою совершенно не имѣются, напр., въ новѣйшемъ трудѣ магистра богословія К. К. Грасса о сектѣ хлыстовъ [Mag. theol. Karl Konrad Grass. Die russischen Sekten. I. Die Gottesleute oder Chlüsten. 1907. Трудъ этотъ помѣщенъ въ видѣ приложенія въ Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Юрьевскаго Университета за 1907 годъ.] Дѣятельность А. Петрова относится къ 1740 (даже 1735) —1745 годамъ [см. трудъ маг. Грасса, стр. 38, 40, 41, 46], а не къ 1748—1752 годамъ, какъ сообщаетъ Гадэбушъ. Арестованъ онъ былъ въ 1745 году, и дѣло его продолжалось до 1752 года [Тамъ же, стр. 40, 41, 43, 44].

крестьянахъ и о крѣпостномъ правѣ [См. выше стр. 97, 98, прим. 1] отмѣчаетъ частые разговоры о свободѣ крестьянъ и о крѣпостномъ правѣ: „Da itzt sehr viel von der Freyheit der Bauren geredet wird, imgleichen von der Leibeigenschaft, so merke man sich folgende Schriften . . . . “ [DJ., стр. 106].

Перехожу къ передачѣ данныхъ „Дневника“, рисующихъ намъ Гадэбуша, какъ Депутата, вступившаго въ отправленіе своихъ обязанностей.

Какова же была московская дѣятеленость перваго Юрьевскаго Депутата? Не особенно настроенный въ пользу отправки Депутата отъ города Юрьева [1]), Гадэбушъ выѣзжаетъ въ Москву 12 іюля 1767 года исключительно вслѣдствіе настоятельнаго требованія генералъ-губернатора [2]), но при этомъ задается, какъ выше уже сказано [3]), цѣлію, единственно ясною для него: имѣть въ виду истинное благо города [4]). Въ Москву прибылъ онъ 1 августа, и въ тотъ же день отдалъ перевести на русскій языкъ свое полномочіе [5]), которое онъ вмѣстѣ съ переводомъ получилъ обратно 3 августа для предъявленія его въ Сенатъ; такъ какъ въ Сенатѣ пріемъ прекратился, то Гадэбушъ отправился на домъ въ коллежскому совѣтнику Приклонскому, котораго онъ засталъ только 5 августа; Приклонскій, записавъ полномочіе и отдавъ его обратно, назначилъ 7 августа, когда Гадэбушъ

1) Ср. выше, стр. 89, 90.

2) Сб. Уч.-Лит. Общ., т. XIII, стр. 200.

3) См. выше, стр. 93.

4) Ber., л. 88, § 1: „ . . . das wahre Beste derselben [т.-е. der Stadt] zu beobachten“.

5) DJ., стр. 3: „Den 1. August kam ich in Moskau an, und gab dem Herrn Titulärrathe und Sekretär der Tutelkanzeley meine Vollmacht, um dieselbe in die russische Sprache zu übersetzen“. — Странно, что понадобилось переводить полномочіе на русскій языкъ: образецъ полномочія былъ вѣдь приложенъ къ манифесту, и нужно было только вписать въ него имя и фамилію депутата. Быть можетъ, что русскій текстъ манифеста съ приложеніями не былъ присланъ въ Юрьевъ, или же текстъ самого полномочія подвергся большимъ измѣненіямъ со стороны юрьевскаго магистрата. Копія съ полномочія не сохранилась.

долженъ былъ явиться въ Кремль, чтобы дать присягу [1]). 7 и 8 ѣздитъ Гадэбушъ въ Кремль, но, вслѣдствіе незнанія имъ русскаго языка и за неимѣніемъ наготовѣ нѣмецкаго текста присяги, онъ былъ приведенъ къ присягѣ только 9 августа [2]).

---

1) DJ, стр. 3 и 4: „Den 3. August. Erhielt ich die Vollmacht, nebst der russischen Uebersetzung zurück und fuhr nach dem Senate, um solche dem Hrn. Kollegienrathe Priklonskoy zu übergeben. Er war aber nicht da und man sagete mir, dass die Vollmacht dort nicht mehr angenommen würde. — Den 4. August fuhr ich nach des Herren Kollegienrathes Priklonskoy Behausung, um ihm meine Vollmacht abzugeben. Er war aber nicht zu Hause. — Den 5. August War ich bey dem Herren Kollegienrathe und Heroldmeister [оказалось впослѣдствіи — см. DJ., 13 —, что П. не герольдмейстеръ] Priklonskoy und übergab ihm meine Vollmacht, die er produktirete und mir zurückgab, mit der Anweisung, ich sollte mich damit am 7. Aug. um 8 Uhr im Kremelin einfinden, und den Deputirteneid ablegen".

2) DJ., стр. 5—8. Приведеніе свое къ присягѣ и всѣ связанныя съ нимъ обстоятельства Гадэбушъ счелъ нужнымъ описать очень подробно, вслѣдствіе чего и привожу я это не лишенное нѣкотораго интереса описаніе здѣсь дословно: „Den 7. August. Fand ich mich zu gesetzter Zeit im Krmel [sic] ein. Man führete mich nebst einigen anderen Deputirten in die beym Schlosse zur linken gelegene russische Kirche, wo wir den Deputirteneid in Gegenwart des Landmarschals Sr. Exellenz des Hrn. Generalleutenantes Bibikow ablegen sollten. Ich sagte zu dem Hrn. Landmarschall: dass ich nicht ein Wort Russisch könnte. Se Excellenz antworteten: Es ist derselbe Eid, der im Deutschen ist; Sie werden ihn wohl nachsprechen können. Auch das kann ich nicht, erwiederte ich. So haben Sie ein wenig Geduld, versetzte d. H. Landmarschall, welcher, da die übrigen ihren Eid abgelegt hatten, wiederum nach dem Schlosse ging. Ich folgete ihm dahin, zeigete mich auch dem Heroldmeister, welcher, da er mich ansichtig wurde, fragete: haben Sie schon geschworen. Ich antwortete: Nein, denn ich verstehe nicht ein einziges Wort Russisch. Er zuckete die Achseln, ging davon, und sagete mir nicht ein Wort weiter, ob er gleich oft aus der Kommissionsstube kam und mich sehr wohl sah Nach zwölfen, als die Deputirten auseinander gegangen waren, und Se. Excellenz d H Generalfeldzeugmeister von Villebois im Vorbeygehen mich gefraget hatten, ob ich schon lange in Moskau wäre, fragete ich den Senatstranslateur Kurtschenino, was ich zu thun hätte. Er meynete, ich sollte morgen wiederkommen. Es schien, dass sie kein deutsches Eidesformular hatten. Den 8. August . . . . fuhr ich wiederum nach dem Kremmelin, wo ich mich dem Herren Deputirtenmarschall zeigete: Er sagete mir: man habe nachgeschickt; vermuthlich nach einem deutschen Eidesformular. Bald darauf frug er mich: Verstehen Sie denn kein Wort Russisch? Nein, sprach ich. Warum hat man Sie denn zum Deputirten er-

wählet? fragete er ferner, und ich erwiederte, dass ich solches nicht wüste, es hätten mich die meisten Stimmen getroffen. Es stand dabey ein Herr in einem rothen Kleide, mit einem blauen Bande, den ich nicht kannte, von dem man mir aber hernach sagete, dass es der Graf Gregor Gregorjewitsch Orlow gewesen. Dieser fragete auch: nicht ein Wort? Ich sagete: Nein. Wo sind Sie denn her? Ich antwortete: aus Dörpat. Beyde Herren verliessen mich hierauf und gingen nach der Kommissionsstube. Gegen 12 sagete mir der Translateur Kurtschenino, dass der Herr Generalprokureur schon das Formular erhalten hätte. Ich wartete bis 1 Uhr vergeblich und fuhr sodann zu Tische. — Den 9. August. Fuhr ich wiederum nach dem Kreml, wo ich endlich, nebst dem Herren Kammerherren und Ritter Grafen Stroganow und dem pernauischen Deputirten, dem Schneider Hanf, meinen Eid ablegete. Man gab mir nämlich ein deutsches Eidesformular in die Hand und liess mich die Finger in die Höhe recken. Ich wollte den Eid in deutscher Sprache nachsprechen; alleine man gab mir zu verstehen, dass es nicht nöthig wäre. Als Graf Stroganow seinen Eid abgeleget hatte, fragete man mich, ob ich den Eid gelesen hatte. Ich antwortete, ja. Man verlangete nicht von mir, dass ich das Kreuz küssen sollte". Переводъ: „7 августа прибылъ я въ опредѣленное время въ Кремль. Меня повели вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими депутатами въ русскую церковь, которая находится по лѣвую сторону отъ дворца, и въ которой должны мы были присягнуть въ присутствіи ляндмаршала [по ошибкѣ вмѣсто: депутатскаго маршала; ср. запись подъ 8 августа, а также изложеніе въ „Отчетѣ"], его превосходительства г-на генералъ-поручика Бибикова. Я заявилъ г-ну ляндмаршалу, что я ни слова не знаю по-русски Его превосходительство отвѣтилъ: присяга та же самая, что и на нѣмецкомъ языкѣ: Вы вѣдь будете въ состояніи повторять читаемыя Вамъ слова присяги? И это мнѣ невозможно, возразилъ я. Въ такомъ случаѣ подождите немного, сказалъ г. ляндмаршалъ, который, по приведеніи къ присягѣ прочихъ депутатовъ, снова пошелъ во дворецъ. Я послѣдовалъ за нимъ, показался на глаза также герольдмейстеру, который, замѣтивъ меня, спросилъ: Вы уже присягнули? Я отвѣтилъ: Нѣтъ, такъ какъ я ни одного слова не понимаю по-русски. Пожавъ плечами, онъ ушелъ и не сказалъ мнѣ больше ни слова, хотя онъ часто приходилъ изъ комиссіонной комнаты и меня прекрасно видѣлъ. Послѣ двѣнадцати, когда депутаты разошлись, и его превосходительство г. генералъ-фельдцейхмейстеръ фонъ Вильбоа, проходя мимо, спросилъ меня, давно ли я уже въ Москвѣ, обратился я къ сенатскому переводчику Курченино [съ вопросомъ], что мнѣ дѣлать. Онъ былъ того мнѣнія, что я долженъ завтра снова прійти. Казалось, что у нихъ не было нѣмецкаго текста присяги. — 8 августа . . . снова отправился я въ Кремль, гдѣ я показался на глаза депутатскому маршалу. Онъ сказалъ мнѣ: послали; [я подумалъ:] вѣроятно, за нѣмецкимъ текстомъ присяги. Вскорѣ послѣ того спросилъ онъ меня. Развѣ Вы не понимаете

ни одного слова по-русски? Ни одного, сказалъ я. Почему же выбрали Васъ въ депутаты? спросилъ онъ далѣе, а я возразилъ, что я этого не знаю, что я получилъ большинство голосовъ. При этомъ стоялъ господинъ въ красномъ мундирѣ съ голубою лентою, котораго я не зналъ, но о которомъ мнѣ потомъ сообщили, что это былъ графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ. Онъ тоже спросилъ: ни одного слова? Я сказалъ: ни одного. Откуда же Вы? Я отвѣтилъ: изъ Дэрпата. Оба господина оставили меня послѣ этого и пошли въ комиссіонную комнату. Около 12 [часовъ] сказалъ мнѣ переводчикъ Курченино, что г. генералъ-прокуроръ уже получилъ формуляръ [т.-е. нѣмецкій текстъ присяги]. Прождавши напрасно до 1 часа, поѣхалъ я обѣдать. — 9 августа я снова поѣхалъ въ Кремль, гдѣ, наконецъ, вмѣстѣ съ г. камергеромъ и кавалеромъ графомъ Строгановымъ и перновскимъ депутатомъ, портнымъ Ханфомъ, я далъ присягу. Вручили мнѣ нѣмецкій текстъ присяги и велѣли поднять вверхъ пальцы. Я хотѣлъ повторять присягу на нѣмецкомъ языкѣ, но мнѣ дали понять, что этого не нужно. Послѣ того, какъ графъ Строгановъ присягнулъ, спросили меня, прочелъ ли я присягу. Я отвѣтилъ: да. Отъ меня не потребовали поцѣловать Крестъ". [Ср извлеченія изъ нѣм описанія у Бэркхольца: Balt. Mon., т. V, стр. 146].

Въ „Отчетѣ" [Bericht, л. 89] изложено все дѣло гораздо короче: „Am 7-ten [August] fand ich mich zu gesetzter Zeit im Kreml ein. Man führete mich nebst einigen anderen Deputirten in die beym Schlosse, oder Granawita Palata, worinn die allgemeine Versammlung war, zur linken gelegene griechische Kirche, wo wir in Gegenwart des Deputirtenmarschalls, Sr. Excellenz, des Hrn. Generalleutenanten, zweyten Oberstwachtmeisters von der ismailowischen Leibwache u. Ritters Alexanders von Bibikow, den Deputirteneid ablegen sollten. Ich sagete Sr. Excellenz, dass ich nicht ein Wort Russisch verstünde, und folglich den Eid in dieser Sprache nicht ablegen könnte. Ich wurde also wiederum nach dem Schlosse beschieden, und brachte daselbst etliche Tage nach einander vergeblich zu, bis ich endlich am 9. August in Gesellschaft des Kammerherren u. Ritters, Hrn. Grafen Stroganow u. des pernauischen Deputirten Hrn. Hanfs den Deputirteneid, u. zwar in deutscher Sprache ablegete, wovon das Formular sub Litt A. befindlich ist. Man hat aber weder von mir, noch von dem pernauischen Hrn. Deputirten verlangt. das Kreuz u. das Wort des Erlösers zu küssen". — Переводъ: „7 августа прибылъ я въ опредѣленное время въ Кремль. Меня повели вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими депутатами въ греческую [т.-е. православную] церковь, которая находится по лѣвую сторону отъ дворца, или Грановитой Палаты, гдѣ происходили общія собранія [депутатовъ]; въ этой церкви должны мы были дать присягу въ присутствіи депутатскаго маршала, его превосходительства г-на генералъ-поручика, второго старшины лейбъ-гвардейскаго Измайловскаго полка и кавалера Александра фонъ Бибикова. Я сказалъ его превосходительству, что я не понимаю ни одного слова по-русски и что слѣдова-

Въ тотъ же день Гадэбушъ былъ введенъ въ засѣданіе Большого Собранія и получилъ мѣсто возлѣ Штральборна, депутата отъ города Нарвы [1]).

Легко представить себѣ положеніе Гадэбуша въ первомъ же засѣданіи: онъ ничего не понималъ, что говорилось, и только

тельно не могу присягать на этомъ языкѣ. Потому направили меня вновь во дворецъ, гдѣ я пробылъ напрасно нѣсколько дней подъ рядъ, пока я не присягнулъ 9 августа вмѣстѣ съ камергеромъ и кавалеромъ г-номъ графомъ Строгановымъ и съ перновскимъ депутатомъ г-номъ Ханфомъ; далъ я присягу на нѣмецкомъ языкѣ, каковой текстъ приложенъ мною подъ лит. А. Но ни отъ меня ни отъ перновскаго г-на депутата не потребовали поцѣловать Крестъ и Слово Спасителя".

Въ записяхъ „Дневника" о присягѣ особенно интересны: 1) неоднократное заявленіе Гадэбуша, что онъ ни одного слова не знаетъ по-русски; 2) удивленіе, порожденное въ маршалѣ, въ Приклонскомъ и въ Орловѣ этимъ его заявленіемъ; 3) то обстоятельство, что Гадэбушъ, очевидно, былъ единственнымъ депутатомъ изъ Прибалтійскаго края, вполнѣ незнакомымъ съ русскимъ языкомъ: по крайней мѣрѣ изъ словъ Гадэбуша не видно, что Ханфъ тоже далъ присягу на нѣмецкомъ языкѣ [о Хассингѣ, депутатѣ отъ города Вендэна, пріѣхавшемъ еще позже, Гад. въ этомъ отношеніи тоже ничего не сообщаетъ]; 4) вопросъ маршала [„Почему же выбрали Васъ въ депутаты?"] и отвѣтъ Гадэбуша [Не знаю, я получилъ большинство голосовъ!]; вопросъ маршала обусловленъ самимъ манифестомъ, не допускающимъ въ депутатѣ полнаго незнанія русскаго языка (въ § 13 Положенія о депутатахъ сказано: „Депутатамъ . . . ., кои довольно Россійскаго языка не знаютъ (разрядка моя), надобно привести съ собою толмачей"]; отвѣтъ же Гадэбуша доказываетъ или чрезмѣрную наивность депутата [трудно ее допустить въ умномъ и хитромъ Гадэбушѣ], или же прямо-таки сознательное [но, разумѣется, съ намѣреніемъ туманно выраженное и какъ бы другимъ въ вину вмѣненное] несоблюденіе, а также превратное толкованіе Высочайшихъ предписаній, не соотвѣтствующихъ, по его мнѣнію, мѣстнымъ особенностямъ; 5) благопріятныя для Гадэбуша слѣдствія его заявленія: онъ присягаетъ на нѣмецкомъ языкѣ, и маршалъ, ограничившись своимъ вопросомъ, не идетъ далѣе и не требуетъ замѣны Гадэбуша болѣе подходящимъ къ предписаніямъ манифеста депутатомъ; 6) проглядывающее во всѣхъ дѣйствіяхъ и словахъ Гадэбуша сознаніе своего достоинства и полное отсутствіе какого-либо недовольства самимъ собою по поводу возникшихъ затрудненій.

1) DJ., стр. 8: „[Den 9. August] . . . . Hierauf erhielt [ich] die Nr. 355, wurde in die Versammlung der Deputirten geführet und bekam meine Stelle neben dem narvischen Deputirten, d. H. Rathsverwandten Stralborn . . ." [Въ Вер., л. 90, второй половины нѣтъ].

отрывочныя сообщенія его сосѣда, депутата Штральборна, слегка знакомили его съ ходомъ дѣла [1]). Но, несмотря на это, онъ и впослѣдствіи не прекращаетъ аккуратно посѣщать общія собранія Комиссіи, о чемъ свидѣтельствуютъ его записи въ „Дневникѣ“ [2]). Эти посѣщенія не только входили въ кругъ обязанностей депутата, но они были также обусловлены личнымъ желаніемъ Гадэбуша ознакомиться хотя бы съ внѣшнимъ характеромъ дѣятельности Комиссіи и имѣть всегда сношенія съ другими депутатами изъ Прибалтійскаго края. Кромѣ всего этого, Гадэбушъ довольно долгое время не пользуется своимъ правомъ передачи полномочій рижскому депутату или особенному опекуну, правомъ, возвѣщеннымъ имъ въ началѣ „Дневника“ и выставленнымъ какъ бы единственнымъ поводомъ къ его поѣздкѣ въ первопрестольную столицу, и остается въ Москвѣ потому, что онъ хотѣлъ лично вручить, кому слѣдуетъ, полученный имъ отъ избирателей наказъ. Этотъ наказъ [Гад. называетъ его „Desideria der kaiserlichen Stadt Dörpat“] былъ переданъ имъ въ

---

1) DJ, стр. 8: „. . . Alles wurde in russischer Sprache verhandelt. Stralborn sagete mir bisweilen den Inhalt des Vortrages, den der Deputirtenmarschall, mit dem silbernen Marschallstabe in der Hand, that“. Переводъ: „. . . Всѣ пренія велись на русскомъ языкѣ. Стральборнъ сообщалъ мнѣ иногда содержаніе рѣчи, которую произносилъ депутатскій маршалъ, держа въ рукѣ серебряный маршальскій жезлъ“. — Ber., л. 90: „. . . Alles wurde in russischer Sprache verhandelt, also dass ich von allem, was vorging, nicht das allergeringste gewust hätte, wenn nicht Hr. RV. Stralborn mir bisweilen den Inhalt des Vortrages gesaget hätte“. Переводъ: „. . . Всѣ пренія велись на русскомъ языкѣ, такъ что изъ всего, что происходило, я не понялъ бы ровно ничего, если бы ратманъ Стральборнъ не сообщалъ мнѣ иногда содержанія рѣчи“.

2) Посѣтилъ Гадэбушъ всего 29 собраній: 11 августовскихъ, начиная съ 9 августа; всѣ сентябрьскія, а также собранія 8 октября, 10 октября и 5 ноября. Многія записи снабжены ясными указаніями на его присутствіе. Съ началомъ занятій въ частныхъ комиссіяхъ прекращаются отмѣтки объ общихъ собраніяхъ. Только подъ 18 октября сообщаетъ онъ со словъ одного изъ знакомыхъ [начинается запись словами: „Ich vernahm . . .“ — я слышалъ . . .] о состоявшемся въ общемъ собраніи учрежденіи „Комиссіи о среднемъ родѣ людей“ и объ объявленномъ тамъ же составѣ ея членовъ.

Комиссію о разборѣ наказовъ и проектовъ всего лишь 3 сентября [1]). Только изъ „Отчета“ можно отчасти узнать, почему Гад. такъ долго держалъ у себя наказъ. 22 августа сообщилъ онъ бургомистру, что онъ „хотя и привелъ въ порядокъ пространныя пожеланія этого города, но русскаго перевода еще не получилъ“ [2]). Къ сожалѣнію, ни въ „Дневникѣ“ ни въ „Отчетѣ“ Гадэбуша нѣтъ объясненія страннымъ словамъ „привелъ въ порядокъ“, относящимся къ готовому, на мѣстѣ избирателями подписанному наказу. Разгадку ихъ слѣдуетъ искать въ статьѣ Б. Холляндэра „Записки ратмана І. Х. Швартца о его дѣятельности въ Законодательной Комиссіи въ Москвѣ съ 1767—1768 г.“. Здѣсь сообщаетъ авторъ со словъ Швартца объ особомъ воззрѣніи лифляндскихъ и эстляндскихъ депутатовъ на составленіе и передачу депутатскихъ наказовъ. Прибалтійскіе депутаты желали, вопреки п. IV Обряда Управленія Комиссіею [3]), передать Комиссіи вмѣсто подлинныхъ наказовъ, полученныхъ ими отъ избирателей, свои собственныя записки, составленныя на основаніи этихъ наказовъ; маршалъ же, несмотря на всѣ доводы депутатовъ требовалъ передачи подлинныхъ наказовъ и возвращалъ депутатскія записки. Дѣло дошло до того, что генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбоа отказался исполнить требованіе маршала впредь до полученія отъ Государыни особаго

---

1) DJ., стр. 33: „[den 3. Herbstmonates] . . . . An diesem Tage übergab ich die Desideria der kaiserlichen Stadt Dörpat bey der Nakasenkommission“. Переводъ: „[3 сентября] . . . Въ этотъ день передалъ я пожеланія императорскаго города Дэрпата въ Наказную комиссію“. Въ Ber., л. 97, кромѣ этого, упоминается полученіе имъ расписки.

2) Ber., л. 95: „[Am 22. Aug.] . . . . gab ich heute dem Hrn. Justizbürgemeister Nachricht . . . . dass ich die weitläuftigen Desideria dieser Stadt zwar in Ordnung gebracht, allein die russische Uebersetzung noch nicht erhalten hätte“. [Разрядка моя].

3) П. С. З. Р. И., т. XVIII, стр. 185: „IV . . . Выбранный Маршалъ приметъ всѣ указы и сочиненія, изготовленные къ прочтенію въ большомъ собраніи, также и наказы отъ Депутатовъ, для чего и опредѣляются при немъ потребные для письменной должности служители по разсмотрѣнію“.

приказанія; Высочайшее повелѣніе послѣдовало, и депутаты должны были ему подчиниться[1]). Вотъ это сообщеніе и вы-

1) B. Hollander. „Die Aufzeichnungen des Rathsherrn J. C. Schwartz über seine Thätigkeit in der Gesetzes - Commission su Moskau 1767—1768". Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1885. Riga. 1886. Стр. 80—90. Сообщеніе о наказахъ находится на стр. 83 и 84: „Die erste Differenz zwischen den estländischen und livländischen Deputirten einerseits und dem präsidirenden Marschall andererseits bezog sich auf die Uebergabe der Instructionen. Jeder Deputirte sollte von seinen Wählern bestimmte Instructionen — Cahiers, wie sie Professor Brückner bezeichnet — miterhalten, in welchen die Wünsche derselben der Gesetzes-Commission zur Kenntniss gebracht werden sollten. Die Instructionen wurden verlesen und dann besprochen. Unsere Deputirten wollten nicht die Original-Instructionen übergeben, da sie nur kurz und bündig gehalten waren, sondern ihre eigenen ausführlichen, auf Grund der Instructionen ausgearbeiteten Aufsätze, mit welchen sie der Sache besser nützen zu können meinten. Schwartz ging in dieser Angelegenheit ausserordentlich vorsichtig zu Werke. Bevor irgend welche Schritte ergriffen wurden, wurde das Terrain durch Gespräche mit maassgebenden Persönlichkeiten sondirt. Da dieselben in günstiger Weise ausfielen, überreichten mehrere der Abgeordneten die von ihnen verfertigten Aufsätze, erhielten dieselben aber mit dem Verlangen nach den Original-Instructionen zurück. Es half ihnen nichts, dass sie nun ihre Beweggründe ausführlich darlegten. Sie wiesen darauf hin, dass die Instructionen eigentlich nur Privatdocumente wären, welche die Deputirten und deren Auftraggeber angingen; dass die Deputirten, welche wider den Inhalt ihrer Instructionen handelten, solches nicht sowohl vor der Commission, sondern vor ihren Committenten zu verantworten hätten; dass die Instructionen kurz und allgemein abgefasst worden, da sie in der Voraussicht einer weiteren Ausarbeitung ertheilt worden wären; und schliesslich, dass die Instructionen meistentheils eine Clausel enthielten, nach welcher die Deputirten beauftragt würden, auch ausser den angeführten Punkten alles Dasjenige in der Commission zur Sprache zu bringen, was sie zum Besten ihrer Committenten für erforderlich halten würden. Als man trotzdem bei dem Verlangen nach den Original-Instructionen blieb und alle weiteren Einwände nichts fruchteten, erklärte der livländische Deputirte General-Feldzeugmeister Villebois kurz, er würde seinen Aufsatz nicht eher zurücknehmen und seine Instruction nicht eher einliefern, «als bis es der ausdrückliche Wille der Kaiserin wäre». Dieser wurde ihm am andern Tage eröffnet, und nun mussten sich die Livländer fügen. — Schwartz hatte unterdessen noch mit der Eingabe seiner Instruction gezögert; er wollte erst abwarten, wie die obige Angelegenheit verlaufen würde, aber trotz des ungünstigen Ausganges beschloss er, noch weitere Schritte zu versuchen. Er verhandelte (am 6 September) mit dem

General-Procureur, aber konnte von demselben trotz aller Vorstellungen nur das Zugeständniss erlangen, dass er, wenn in der Commission die rigaschen Angelegenheiten zur Sprache kommen sollten, seine Erklärungen dazu vortragen könnte. Trotz dieser letzten Entscheidung berichtet Schwartz doch einige Tage später (am 11. September), dass er seine Original-Instruction nebst dem russischen Translat seines eigenen, nach dem Inhalt derselben bearbeiteten Aufsatzes bei der Commission eingereicht habe, und dass beides von dem Protokollisten entgegengenommen sei . . .“ — Переводъ: „Первое разногласіе между эстляндскими и лифляндскими депутатами съ одной стороны и предсѣдательствующимъ маршаломъ съ другой относилось къ передачѣ наказовъ. Каждый депутатъ долженъ былъ получить съ собою отъ своихъ избирателей опредѣленные наказы — Cahiers, какъ ихъ обозначаетъ проф. Брюкнеръ — въ которыхъ сообщались Законодательной Комиссіи пожеланія избирателей. Наказы прочитывались и потомъ обсуждались. Наши депутаты не желали передавать подлинные наказы, набросанные только вкратцѣ, но намѣревались передать свои собственныя подробныя, на основаніи наказовъ обработанныя сочиненія, которыми они думали лучше помочь дѣлу. Швартцъ дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи крайне осторожно. Прежде чѣмъ предпринять что-либо, старались узнавать все необходимое путемъ разговоровъ съ вліятельными лицами. Такъ какъ результатъ этихъ разговоровъ былъ благопріятенъ, то нѣсколько депутатовъ передали изготовленныя ими записки, но имъ вернули ихъ обратно съ требованіемъ подлинныхъ наказовъ. Ничего не помогла имъ подробная мотивировка передачи записокъ. Они (т.-е. депутаты) указывали на то, что наказы собственно только частные документы, касающіеся депутатовъ и ихъ поручителей; на то, что депутаты, дѣйствующіе вопреки наказамъ, должны отвѣчать за свои поступки не столько передъ Комиссіею, сколько передъ своими поручителями; на то, что наказы кратки и общи, такъ какъ предполагалось подвергнуть ихъ при врученіи болѣе подробной обработкѣ; и, наконецъ, на то, что большая часть наказовъ была снабжена примѣчаніемъ, по которому поручалось депутатамъ кромѣ имѣющагося въ наказахъ затрогивать въ Комиссіи все то, что могло бы оказаться полезнымъ ихъ довѣрителямъ. Такъ какъ, несмотря на все это, маршалъ продолжалъ требовать подачи подлинныхъ наказовъ, и всякія дальнѣйшія возраженія не имѣли успѣха, то лифляндскій депутатъ генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбоа прямо заявилъ, что онъ не возьметъ своей записки и не отдастъ своего наказа, «пока не выяснится, что требованіе это составляетъ точную волю Императрицы». На другой день было объявлено ему Высочайшее повелѣніе, и лифляндцы должны были подчиниться [этому повелѣнію]. Швартцъ между тѣмъ еще медлилъ съ подачею своего наказа; онъ хотѣлъ обождать, чѣмъ кончится вышеупомянутый случай [съ Вильбоа], но вопреки неблагопріятному исходу онъ рѣшилъ еще попытаться [достигнуть цѣли]. Онъ совѣщался [6 сентября] съ генералъ-прокуроромъ, но,

ясняетъ намъ смыслъ словъ Гадэбуша „привелъ въ порядокъ“: очевидно, и Гадэбушъ, по примѣру прочихъ лифляндскихъ депутатовъ, не желалъ передать Комиссіи своего подлиннаго наказа, а съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Москвѣ занимался приведеніемъ въ порядокъ пространныхъ пожеланій города, т.-е. работалъ надъ своего рода объяснительной запиской, въ которой систематически излагались пожеланія юрьевскаго мѣщанства, и которую онъ намѣревался передать Комиссіи вмѣсто подлиннаго наказа; вслѣдствіе неблагопріятнаго исхода пререканій господъ лифляндцевъ съ маршаломъ, Комиссія о разборѣ наказовъ и проектовъ получила отъ Гадэбуша, какъ уже извѣстно, „пожеланія“ города Юрьева 3 сентября; удалось ли ему, какъ Швартцу, приложить свою записку — неизвѣстно. Очень жаль, что Гадэбушъ и въ этомъ мѣстѣ своего „Дневника“ слишкомъ лакониченъ.

Въ приведеніи въ порядокъ городскихъ пожеланій; въ составленіи о нихъ особой записки, оказавшейся, быть можетъ, лишнею; въ посѣщеніи вліятельныхъ лицъ какъ по поводу этихъ пожеланій [1]), такъ и по поводу другихъ дѣлъ-

---

несмотря на всѣ свои доводы, былъ онъ въ состояніи добиться отъ него единственной уступки, заключавшейся въ томъ, что онъ, Швартцъ, при обсужденіи рижскихъ дѣлъ въ Комиссіи могъ бы дать свои объясненія. Вопреки этому послѣднему рѣшенію сообщаетъ Швартцъ нѣсколько дней спустя [11 сентября], что онъ передалъ Комиссіи свой подлинный наказъ вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ своей собственной записки, составленной на основаніи наказа, и что протоколистъ принялъ отъ него какъ наказъ, такъ и записку . . .“

1) Съ этою цѣлью, очевидно, посѣтилъ онъ 11 августа генералъ-прокурора. DJ., стр. 10: „Den 11. August. War ich des Morgens bey dem Generalprokureur Fürsten Wäsemskoy . . . . Ich empfahl die Stadt Dörpat und meine geringe Person seiner hohen Protektion“. Переводъ: „11 августа. Утромъ былъ я у генералъ-прокурора князя Вяземскаго . . . . Я поручилъ его высокому покровительству городъ Дэрпатъ и свою незначительную особу“. — Ber., л. 91: „Am 11-ten August machte ich Sr. Durchlaucht, dem Hrn. Generalprokureur, Fürsten Alexander Alexejewitsch Wäsemskoi, Ritter des weissen Adlerordens, meine unterthänige Aufwartung,

взятыхъ имъ съ собою [1]) или присланныхъ ему впослѣдствіи [2]); наконецъ, въ разговорахъ съ другими балтійцами о провинціальныхъ дѣлахъ [3]) — вотъ въ чемъ выражалась дѣятель-

---

um denenselben die Stadt und mich zum hohen Schutze zu empfehlen: welches Se. Durchlaucht sehr gnädig aufnahmen und mit der freundlichsten Miene beantworteten. Wovon ich unterm 12. August an d. H. Justizbürgemeister Nachricht ertheilt habe". Сообщая здѣсь о томъ же, Гад. прибавляетъ, что князь принялъ его слова очень милостиво и отвѣтилъ ему самымъ любезнымъ образомъ. Обо всемъ этомъ извѣстилъ онъ бургомистра 12 августа.

1) По дѣлу золотыхъ дѣлъ мастеровъ посѣщаетъ онъ Нордштэдта для полученія русскаго перевода прошенія [DJ., стр. 35], оберъ-секретаря Дэна для передачи ему ихъ прошенія [DJ., стр. 40]; 3 октября ѣдетъ онъ въ Сенатъ по тому же дѣлу [DJ., стр. 69].

2) Въ сентябрѣ хлопочетъ Гад. по дѣлу гильдій относительно депутатскихъ расходовъ, а также по дѣлу пивоваровъ относительно акцизныхъ сборовъ [П. к. № С. 105, стр. 382]; въ 20-хъ числахъ сентября бургомистръ проситъ Гадэбуша повременить съ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы до прибытія нужныхъ бумагъ, которыя должны быть еще переписаны [тамъ же, стр. 403]. -- 17 октября посѣщаетъ Гад. графа Григорія Орлова для передачи ему прошенія города Юрьева [Гад. получилъ прошеніе по почтѣ] по поводу городскихъ мѣстъ, отчужденныхъ для крѣпости. Гр. Орловъ обѣщаетъ отчасти исполнить просьбу и выражаетъ желаніе получить нѣмецкій текстъ прошенія, такъ какъ русскій переводъ ему не особенно понятенъ [DJ., стр 98].

3) Изъ представителей Прибалтійскаго края были съ Гадэбушемъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ: Швартцъ, депутатъ отъ города Риги, Штральборнъ или Стральборнъ, депутатъ отъ города Нарвы и Фрэзэ, депутатъ отъ города Ревеля; съ другими велъ Гад. бесѣды гораздо рѣже. Разговоры со всѣми этими лицами касались несомнѣнно болѣе всего дѣлъ Прибалтійскаго края. Къ сожалѣнію, существеннымъ недостаткомъ „Дневника" является отсутствіе даже краткой передачи сути разговоровъ Гадэбуша со Швартцемъ и съ другими депутатами изъ Прибалтійскаго края. Единственнымъ исключеніемъ въ „Дневникѣ" можетъ служитъ подробная запись сообщенія барона Унгернъ-Штернберга подъ 1-мъ сентября. Въ „Отчетѣ" находятся еще двѣ интересныя отмѣтки. — I. **DJ., стр. 30**: „Den 1. Herbstmonates. Besuchte ich den Herren Landrath Freyherren von Ungernsternberg, Deputirten des lettischen Distriktes, der sich mit seiner Fr. Gemahlin und 2 Söhnen allhier eingefunden hatte. Er sagete mir, dass er bald nach seiner Ankunft eine Audienz bey Ihrer Majestät der Kaiserinn gehabt hätte. wobey die Monarchinn ihm rund aus erkläret hätte, welchergestalt Liefland bey seinen Gesetzen nicht bleiben könnte, sondern nothwendig das neue zu verfertigende Gesetz annehmen müste. Wobey Se. [вм. I.] Majestät ihm befohlen,

ность Гадэбуша сообразно съ намѣченной имъ заранѣе программой: имѣть въ виду истинное [по понятіямъ, разумѣется, магистрата, душою котораго былъ Гадэбушъ] благо города.

---

solches seinen Landesleuten und übrigen Deputirten zu hinterbringen. Der Herr Landrath sagete mir, dass er solches dem revalischen und rigischen Deputirten gesagt hätte; diese aber hatten mir nichts davon entdecket, und es befremdete mich, da ichs heute zum ersten mal vernahm". Переводъ: „1-го сентября. Посѣтилъ я г-на ляндрата барона фонъ Унгернштернберга, депутата отъ дворянства летскаго дистрикта, который прибылъ сюда [въ Москву] съ супругою и съ двумя сыновьями. Онъ сообщилъ мнѣ, что вскорѣ послѣ своего пріѣзда [пріѣхалъ онъ 27 іюля] былъ онъ принятъ Ея Величествомъ Императрицею, при чемъ Монархиня откровенно объяснила, какимъ образомъ Лифляндія не можетъ оставаться при своихъ законахъ, а неминуемо должна принять Новое Уложеніе, имѣющее быть изготовлено. Ея Величество также приказала ему сообщить это своимъ землякамъ и прочимъ депутатамъ. Г-нъ ляндратъ сказалъ мнѣ, что депутаты отъ городовъ Ревеля и Риги уже извѣщены имъ; слыша впервые все это сегодня, я очень удивился, что ни Швартцъ ни Фрэзэ не сообщили мнѣ объ этомъ ни слова". Въ Ber., л. 96 и 97, почти дословно то же самое. — II. **Ber., л 100**: „[Am 13. September] . . . . Nachmittages besuchte ich die Hrn. Deputirten der Städte Riga und Narva, um das gemeinschaftliche Interesse zu überlegen". Переводъ: „[13 сентября] . . . Послѣ обѣда посѣтилъ я господъ депутатовъ отъ городовъ Риги и Нарвы, чтобы обсудить, что всѣмъ полезно". Въ DJ., стр. 40, цѣль посѣщенія не обозначена. — III. **Ber, л 103 и 104**: „ . . . . habe ich . . . . dem Herren Justizbürgermeister . . . . in letzterem Briefe [отъ 1 окт.] gemeldet, dass die liefländischen Deputirten sehr beruhiget worden, nachdem Ihre Majestät gegen Se. Excellenz, d. H. Kammerherren und Ritter von Polmann, Deputirten des harrischen Adels allergnädigst erkläret hätten, dass die liefländischen Privilegien in keinem Stücke geschmälert werden sollten. Da nun unsere Gesetze gleichfalls ein Privilegium wären: so würden wir auch die behalten. Diese Hoffnung wäre desto gegründeter, weil Ihre Majestät sehr wohl erwogen hätten, dass nicht alle Provinzen des russischen Reiches nach einerley Gesetzen regieret werden könnten". Переводъ: „. . . я сообщилъ . . . г-ну бургомистру юстиціи . . . . въ послѣднемъ письмѣ [отъ 1 окт.], что лифляндскіе депутаты очень успокоились послѣ того, какъ Ея Величество въ бесѣдѣ съ камергеромъ и кавалеромъ фонъ Польманномъ, депутатомъ отъ гарскаго дворянства, всемилостивѣйше объявила, что лифляндскія привилегіи ни въ чемъ не будутъ ограничены. Такъ какъ наши [т.-е. города Юрьева] законы тоже составляютъ привилегію, то и ихъ мы удержимъ. Эта надежда тѣмъ болѣе основательна, что Ея Величество очень правильно разсудила, что не всѣ провинціи русскаго государства могутъ быть управляемы одними и тѣми же законами.

Свою же депутатскую дѣятельность, въ болѣе широкомъ смыслѣ [1]), Гадэбушъ хотѣлъ, очевидно, ограничить однимъ исполненіемъ внѣшнихъ формальностей, какъ напр., посѣщеніемъ общихъ засѣданій и офиціальныхъ празднествъ. Шесть первыхъ недѣль прошли для него вполнѣ благополучно; но съ половины сентября балтійскіе депутаты обращаются къ нему съ просьбами просмотрѣть, дополнить или составить тотъ или другой проектъ, а также начинаютъ носиться слухи о привлеченіи его къ болѣе общеполезнымъ занятіямъ, что его серіозно безпокоитъ и даже пугаетъ. Такъ Гад., повидимому, доволенъ своимъ незнаніемъ русскаго языка, давшимъ ему возможность 12 сентября отказаться отъ должности помощника [2]) барона Унгернъ-Штернберга, выбраннаго въ

---

1) Въ манифестѣ 14 декабря 1767 сказано, что депутаты созываются „не только для того, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но и допущены они быть имѣютъ въ Комиссію, которой дадимъ наказъ и обрядъ управленія для заготовленія проэкта новаго Уложенія къ поднесенію Намъ для конфирмаціи“. — Въ „образцѣ присягѣ, по которой всѣ собравшіеся къ выбору Депутата или повѣреннаго изъ своихъ собратьевъ къ сочиненію проэкта новаго Уложенія присягать должны“, мы читаемъ: „. . . . клянуся . . . выбрать изъ моихъ сего города собратьевъ такого, котораго нахожу способнѣйшимъ и чистыя совѣсти, и отъ котораго я надѣюсь что онъ въ возлагаемомъ на него семъ общемъ дѣлѣ окажетъ себя вѣрнымъ рабомъ Ея Императорскаго Величества, усерднымъ сыномъ отечества и гражданиномъ ревнительнымъ о общемъ благѣ, во исполненіе высочайшія воли Ея Императорскаго Величества; если же при семъ выборѣ инако поступлю, то подвергаю себя, какъ нерадивый о пользѣ и благѣ всего отечества, въ которомъ и мое собственное заключается, въ нынѣшней жизни всеобщему своихъ согражданъ презрѣнію, а въ будущей предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ отвѣту . . .“ [П. С. З. Р. И., т. XVII, стр. 1093 и 1103. — Разрядка моя].

2) По Обряду управленія Комиссіею [П. С. З. Р. И., т. XVIII, № 12948, п. VII, стр. 184] позволялось каждому члену частныхъ комиссій брать себѣ въ помощь одного или двухъ человѣкъ изъ числа депутатовъ. Князь Голицынъ, членъ Комиссіи о юстиціи взялъ себѣ въ помощники Штральборна, а баронъ Унгернъ-Штернбергъ барона фонъ Зальца и барона фонъ Вольфа, Швартцъ — Гадэбуша, а графъ Панинъ — фонъ Клингштэдта; кромѣ того, депутатъ отъ

члены [1]) Комиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей [2]). — 16 сентября читаетъ ему Штральборнъ, помощникъ князя Голицына, свой планъ, касающійся правъ мѣщанскаго сословія, и Гадэбушъ оставляетъ планъ у себя для просмотра и для указанія на возможныя дополненія [3]). — 19 сентября [4])

города Архангельска совѣтовался съ лифл. депутатами о правахъ мѣщанъ [DJ., стр. 39, 49, 55, 69].

1) Екатерина II предписала „стараться депутатамъ внушать, чтобъ они и лифляндцевъ и эстляндцевъ посадили въ разныя частныя комиссіи“, а также чтобы маршалъ и генералъ-прокуроръ въ случаѣ надобности сами означали способныхъ кандидатовъ въ члены частныхъ комиссій [Сб. Рус. Ист. Общ., т. X, стр. 233]. Изъ 7 комиссій, учрежденныхъ въ 1767 году, въ трехъ находились балтійскіе депутаты: въ Комиссіи объ имѣніяхъ Гад. состоялъ членомъ, а Фрэзэ кандидатомъ; въ Комиссіи о юстиціи Швартцъ — членомъ; въ Комиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей Унгернъ-Штернбергъ — членомъ. Гадэбушъ, Швартцъ и Унгернъ-Штернбергъ были включены въ число членовъ названныхъ комиссій по предложенію генералъ-прокурора [Русскій Вѣстн. 1861 года, дек., Приложеніе].

2) DJ., стр. 39: „Den 12. September . . . D. H. Landrath von Ungern fragete mich, ob ich Russisch verstünde, und gab zu verstehen, dass er gesonnen wäre mich zu seinem Gehülfen zu wählen. Ich antwortete ihm der Wahrheit gemäss mit Nein“. Переводъ: „12 сентября . . . Г-нъ ляндратъ фонъ Унгернъ спросилъ меня, знаю ли я по-русски, и далъ понять, что онъ намѣренъ избрать меня въ свои помощники. Я отвѣтилъ ему поистинѣ: нѣтъ“. Ср. то же въ Ber., л. 99.

3) DJ., стр. 43: „Den 16. September. War Hr. Rathverwandter Straelborn bey mir und kommunicirete mir den Plan, den er von den Rechten u. Vorzügen des mittleren oder Bürgerstandes gemacht hatte. Ich fand, dass derselbe sehr wohl eingerichtet war, behielt mir aber vor, im Fall ich etwas zuzuthun finden würde, solches zu erinnern“. Переводъ: „16 сентября. Былъ у меня г. ратманъ Штральборнъ [Стральборнъ] и сообщилъ мнѣ составленный планъ правъ и преимуществъ средняго или мѣщанскаго сословія. Я нашелъ, что планъ очень хорошо изготовленъ; все же я оставилъ за собою право указать на тѣ дополненія, которыя показались бы мнѣ необходимыми“. Ср. то же въ Ber., л. 100.

4) DJ., стр. 49: „Den 19. Herbstmonats . . . . Gegen Abend besuchete mich d. H. Oberstwachtmeister Baron von Salza, Deputirter des jarwischen Kreises und verlangete von mir ein Bedenken über die Rechte des Bauerstandes. Dem Hrn. Landrathe von Ungern, dessen Gehülfe der Freyherr von Salza war, war diese Arbeit zu Theil geworden . . .“ Переводъ: „19 сентября . . . . Подъ вечеръ осѣтилъ меня г-нъ майоръ баронъ фонъ Зальца, депутатъ ярв-

майоръ баронъ ф. Зальца, помощникъ ляндрата ф. Унгернъ-Штернберга, проситъ Гадэбуша составить соображеніе насчетъ правъ крестьянскаго сословія; этой работы Гад. старается избѣжать заявленіемъ, что у него нѣтъ съ собою необходимыхъ книгъ, но, вслѣдствіе настойчивыхъ просьбъ барона, онъ ограничивается своими свѣдѣніями по этому предмету [1]) и вручаетъ барону, быть можетъ, уже 20 сентября свою статьи „Мысли о крестьянскомъ сословіи“ — „Gedanken über den Bauerstand“ [2]). — Въ тотъ же день, 20 сен-

---

скаго крейса, и потребовалъ отъ меня соображенія насчетъ правъ крестьянскаго сословія. Г-ну ляндрату фонъ Унгерну, помощникомъ котораго былъ баронъ фонъ Зальца, досталась эта работа...“

1) Въ Ber., л. 101, Гад. прибавляетъ къ тому, что какъ уже извѣстно изъ DJ. по предыдущему примѣчанію, еще слѣдующее: „Ich entschuldigte mich gegen den Freyherren von Salza, dass ich, aus Mangel der erforderlichen Hülfsmittel, welche ich bey der kurz vor meiner Abreise von dem Generalgouvernemente getroffenen Einrichtung zurücklassen müssen, nichts gründliches und zuverlässiges aufsetzen könnte, weil er aber darauf bestand: so versprach ich ihm, dasjenige aufzusetzen, was mir mein Gedächtniss an die Hand geben würde, indem ich nicht ein einziges Buch hätte, wozu ich meine Zuflucht nehmen könnte“. Переводъ: „Я извинился передъ барономъ фонъ Зальца въ томъ, что я, за недостаткомъ необходимыхъ пособій, оставленныхъ мною [дома] вслѣдствіе незадолго до моего отъѣзда состоявшагося распоряженія генералъ-губернскаго правленія, не могу написать ничего основательнаго; но такъ какъ онъ [ф. Зальца] настаивалъ на исполненіи своей просьбы, то я обѣщалъ ему изложить то, на что укажетъ моя память, такъ какъ у меня нѣтъ ни одной книги, къ помощи которой я могъ бы прибѣгнуть“.

2) Изъ словъ, помѣщенныхъ подъ статьею, находящеюся между приложеніями въ рукописи „Дневника“: „Aufgesetzt am 20 Sept. 1767“ [Составлено 20 сентября 1767 года] видно, что она была окончена 20 сентября. Ни въ „Дневникѣ“, ни въ „Отчетѣ“ Гад. не отмѣтилъ, когда онъ вручилъ ее барону; составивъ ее такъ быстро, Гад., должно быть, тотчасъ же и отдалъ ее депутату ф. Зальца. На эту статью обратилъ вниманіе Георгій Бэркхольцъ. „Was den Inhalt dieses Aufsatzes betrifft, пишетъ Б. [Balt. Mon., т. V, стр. 149], so macht Gadebusch nur leise, sehr leise Andeutung zur Verbesserung des Rechtsstandes der Leibeigenen, z. B. dass es in irgend einer Hinsicht nützlich sein möchte, sie als Eigenthümer ihrer beweglichen Habe anzuerkennen. Bekanntlich galt damals ein solches Eigenthumsrecht auch in Livland noch nicht“. Переводъ: „Что касается содержанія этого сочиненія, то Гадэбушъ только осторожно, очень осторожно намекаетъ на улучшеніе правового положенія крѣпостныхъ,

напр , на то, что было бы въ нѣкоторомъ отношеніи полезно признать ихъ собственниками своего движимаго имущества. Какъ извѣстно, такое право собственности еще не существовало въ то время и въ Лифляндіи". — Помѣщаю здѣсь полный текстъ этой статьи Гадэбуша съ присоединеніемъ возможно точнаго русскаго перевода. Статья Гадэбуша не только интересна сама по себѣ, но интересна она, быть можетъ, также по отношенію къ опубликованнымъ [Сб. И. Р. И. О , т. XXXVI] проектамъ крестьянскихъ правъ, изъ которыхъ одинъ составленъ бар. Унгернъ-Стернбергомъ, а другой подписанъ всѣми членами Комиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей. — Находится эта статья въ рукописи „Deputationsjournal", хранящейся въ Спб. Императорской Публичной Библіотекѣ, на листкахъ 77—80, въ видѣ IV приложенія къ „Дневнику" : „Gedanken über den Bauerstand. § **1**. Man betrachtet den Bauren, als ein Glied einer menschlichen, oder bürgerlichen Gesellschaft, welche an eine gewisse Verfassung und Vorschriften, die man Gesetze nennet, gebunden ist. § **2**. In dieser Absicht ist der Bauer entweder frey oder ein Knecht und Sklave eines anderen Menschen und Bürgers oder Mitgliedes dieser Gesellschaft. Wie weit man in beyderley Fällen von dem Stande des Bauren Gesetze geben könne, wird das folgende zeigen. Ich setze dabey billig voraus, dass man die Gesetze ohne Noth nicht vervielfältigen müsse. § **3**. Wenn er also Knecht ist: so haben zwar in den älteren Zeiten die gesittetsten Völker dem Herren ein unumschränktes Recht über des Knechtes erworbenes Vermögen, Leib und Leben gegeben. Man hat aber bald, bey dem Misbrauche dieses Rechtes, Ursache gefunden, die Herren in Ansehung desselben einzuschränken, und ihrer Gewalt Gränzen zu setzen. Daher ich in ganz Europa kein Land weis, worinn der Herr schlechterdings und bloss willkührlich Recht über das Leben seines Knechtes hätte. Wie denn auch an den meisten Orten die Gesetze der Landesoberkeit die Befugniss des Herren, in Ansehung des Leibes und Vermögens seines Knechtes, in bestimmte Schranken gesetzet haben. § **4**. In Ansehung des Leibes giebet es Länder, wo der Herr seinen Knecht nicht weiter als mit Ruthen, oder auch wohl nur mit einem Stecken, oder mit einem gewissen Zucht-Gefängniss bestrafen kann. Weil aber das letztere, welches man Temnitz nennet, in Ansehung seines Inhaltes, sehr misgebrauchet worden, also, dass mancher Bäuer dadurch mehr, als durch Ruthen und Steckenschläge gelitten: so hat man auch die Weise, eine Temnitz zu bauen, vorgeschrieben, dergestalt nämlich, dass ein Mensch darinn stehen und liegen könne. Wegen dieses Misbrauches sind auch die sogenannten Postronken in einem benachbarten Reiche abgeschaffet worden, als welche darinn bestunden, dass man dem Verbrecher mit einem dicken oder zusammengeflochtenen Strick oder Tau auf den Hintertheil des Leibes eine bestimmte Anzahl Schläge gab, welches aber, bey dem erwähnten Misbrauche, oft die üble Folge hatte, dass der Uebelthäter nach der Strafe bald oder langsam starb, oder es doch seine übrige Lebenszeit durch empfand. § **5**. So weis ich auch,

dass in einigen Ländern die Ruthen- und Steckenstrafe bestimmet ist; und wenn gleich der Herr die völlige Gerichtsbarkeit auf seinem Gute hat: so ist er doch schuldig in schweren Verbrechen, insonderheit, wenn dieses Verbrechen wider ihn selbst begangen, oder von dem Beschuldigten geläugnet worden, also dass es auf Beweis und Gegenbeweis ankömmt, das Gericht einem in rechtlichen Händeln erfahrenen Manne oder verschiedenen Männern zu übergeben, welcher oder welche das Gericht in des Herren Namen hegen und den Verbrecher entweder lossprechen oder verdammen. § 6. Was die Arbeit betrifft, welche die Knechte ihren Herren leisten: so sind solche gleichwie die übrigen Gerechtigkeiten oder Abgaben in den meisten Ländern, so viel ich weis, und mich itzt erinnere, bestimmt, welches jedoch nur von den wöchentlichen Arbeiten, und jährlichen Abgiften zu verstehen ist. Die ausserordentlichen Arbeiten, nämlich in der Pflug-Düng- und Aerntezeit, lassen sich nicht, ohne des Herren merklichen Schaden, bestimmen. Ueber die vorgeschriebene ordentliche Arbeit und Abgaben aber darf der Herr nicht gehen, oder er muss solche, wenn er derselben bedarf, bezahlen: welche Bezahlung auch regulirt ist. An einigen Orten muss der Bauer dem Herren zum Hausbau, zur Hochzeit und bey anderen Gelegenheiten einen Beytrag thun. § 7. Das Heurathen unter den Bauren, welches ehemals des Herren Willkühr überlassen war, wie die noch üblichen Trauscheine darthun, darf von ihm heutiges Tages auf keine Weise verhindert werden. Zwar weis ich, dass in einigen Ländern, der Bauer, wenn er ausserhalb seines Herren Gebieth heurathete, schuldig war, dem Herren, dessen Magd er zur Ehe nahm, dafür eine Erkenntlichkeit von 10 bis 20 oder mehr Thalern zu geben. Man ging hierinn so weit, dass wenn ein Herr zwey Güter hatte, und der Bauer des einen Gutes eine Magd des anderen Gutes zu seinem Eheweibe begehrete, der Bräutigam dem Herren beregte Erkenntlichkeit erlegen musste. Ob solche Gewohnheit noch statt findet, kann ich mit Gewissheit nicht sagen. Weil sie aber der Bevölkerung im Wege stehet: so verdienet sie, nirgend eingeführet, und wo sie ist, abgeschaffet zu werden. § 8. Eine wichtige Frage hierbey ist. Wie kömmt der Knecht von der Herrschaft seines Herren los. oder wie wird er frey? In vielen Ländern kann er nicht anders, als mit dem freyen Willen seines Herren die Freyheit erlangen. Der Herr schätzet solche so hoch, wie er will. Und dieses scheinet an sich billig zu seyn, weil der Knecht zum Eigenthum seines Herren gehöret. Da aber im Gegentheil die Landesoberkeit, wenn sie sich nicht ihres Rechtes durch Privilegien und Verträge begeben hat, ihren Unterthanen Regeln, wornach sie ihr Eigenthum verwalten und dessen geniessen sollen, vorschreiben kann, und solches um so viel billiger und nöthiger ist, wenn es die allgemeine Wohlfahrt erfordert: so hat man auch hier und da den Preis bestimmt, wofür der Knecht seine Freyheit von seinem Herren, auch wider seinen Willen erkaufen kann. Bald giebet er für eine jede zu seiner Familie gehörige Seele etwas gewisses, z. E. für eine Mannsperson 20 Thaler, für eine Weibesperson 10 Rthaler, für ein Kind

5 Thaler; bald giebet er ein gewisses Theil seines Vermögens, den 3. 4. 5. Theil; bald giebet er beydes, da denn nach Proportion weniger bezahlet wird. Man sieht leicht, dass alles dieses in solchen Ländern, wo der Bauer gar Nichts eigenes hat, nicht Raum finden könne. Daher man, wenn man den Bauren emporbringen will, ihn nothwendig zum völligen Herren seiner beweglichen Güter machen muss. § **9**. Nach erlangter Freyheit kömmt noch eine wichtige Frage vor, womit der Freygelassene sein Brod erwerben [kann]? Es ist bekannt, dass ein solcher Freygelassene und seine Kinder zu allem greifen können. Nur bey Gilden und Zünften und Aemtern setzt es Schwierigkeiten. In Deutschland werden sie zwar angenommen; allein die daselbst wohnenden Wenden, Slaven und Kassuben sind davon ausgeschlossen. Um diesen Leuten aber einigermaszen zu helfen, hat man wenigstens in den brandenburgischen Ländern, ein Gesetz gemachet, dass ein solcher. wenn er deutsch lesen und schreiben und sprechen lernet, und seine vorige Kleidung mit der deutschen verwechselt, aller Aemter, Innungen und Zünfte fähig seyn soll. Es scheint, dass ein jeder, dessen Vater die Freyheit erlangen hat, der Aemter und Zünfte fähig seyn müste. § **10**. Es ist nur noch übrig, ein Wort von dem freyen Bauren zu sagen. Dieser ist entweder in Ansehung seiner Person frey, und in Ansehung des Landes, welches er bewohnet, ausser der Landesoberkeit, noch einem anderen Herren verbunden. Oder er ist nicht nur in Ansehung seiner Person, sondern auch in Betrachtung seines Landes frey. Bey der ersteren Klasse kömmt alles auf einen Vertrag an, den er mit dem Herren des Landes machet. Weiter werden hier keine Gesetze erfordert. Hingegen sind dergleichen Gesetze unumgänglich nöthig, wenn der Landesherr, wie es in den europäischen Ländern und zuletzt, wenn ich nicht irre, 1702, in Dännemark geschehen ist, auf einmal den in seinen Landen befindlichen Knechten die Freyheit schenken will; zu dem Ende, damit das Land nicht, aus Unverstand, von Einwohnern und Ackersleuten entblösst und die vornehmste Quelle aller Reichthümer, der Ackerbau, verstopfet werde. Hingegen sind in Ansehung desjenigen Bauren, dessen Person und Land frey ist, keine besondere Gesetze nöthig, maszen er alle Rechte hat, wovon er durch die Vorzüge des Adels und des Bürgerstandes nicht ausgeschlossen ist. Einen einzigen Fall nehme ich aus, wenn nämlich ganze Dörfer in Ansehung sowohl ihrer Personen als auch ihrer Ländereyen frey sind, denen man eine gewisse Gerichtsbarkeit, wenigstens in geringen Rechtshändeln, ertheilen könnte, damit der Bauer nicht nöthig hätte über der rechtlichen Entscheidung den Ackerbau zu versäumen. F. K. Gadebuch. Aufgesetzt am 20 Sept. 1767". Переводъ: „Мысли о крестьянскомъ сословіи. § **1**. На крестьянина смотрятъ, какъ на члена человѣческаго общества, которое подчинено извѣстному порядку и предписаніямъ, называемымъ законами. § **2**. Въ этомъ отношеніи крестьянинъ или свободенъ или батракъ и рабъ другого человѣка и гражданина или члена этого общества. Какъ далеко можетъ распространяться въ обоихъ случаяхъ положенія крестьянина изданіе

законовъ, покажетъ нижеслѣдующее. При этомъ я по справедливости предполагаю, что не слѣдуетъ умножать безъ нужды законы. § **3**. Если онъ слѣдовательно рабъ, то, хотя въ древнія времена самые цивилизованные народы и предоставляли пріобрѣтенное рабомъ имущество и самого раба въ полное распоряженіе его господину, все же скоро нашли поводъ, при злоупотребленіи этимъ правомъ, сдерживать въ этомъ отношеніи господъ и положить предѣлъ ихъ власти. Вотъ почему я во всей Европѣ не знаю страны, гдѣ бы господинъ распоряжался по полному своему произволу жизнію своего раба. По этому самому почти всюду правительственные законы извѣстнымъ образомъ ограничили власть господина по отношенію къ тѣлу и къ имуществу его раба. § **4**. По отношенію къ тѣлу есть страны, гдѣ господинъ можетъ наказать своего раба только розгами, или только палкою, или же заключеніемъ въ извѣстнаго рода тюрьму. Но такъ какъ тюрьмою, называемою Temnitz [темницею], злоупотребляли относительно ея объема, такъ что иной крестьянинъ страдалъ въ ней больше чѣмъ отъ розогъ или отъ палочныхъ ударовъ, то предписывалась также сама постройка темницы, а именно строить слѣдовало ее такъ, чтобъ человѣкъ могъ въ ней стоять и лежать. Вслѣдствіе такого же злоупотребленія были отмѣнены въ сосѣднемъ государствѣ такъ называемые Postronken [польск. postronek, русск. постромка и постронка]. Состояли они въ томъ, что преступнику наносли толстою или сплетенною веревкою или канатомъ по задней части тѣла извѣстное число ударовъ, что однако при упомянутомъ злоупотребленіи имѣло часто плохія послѣдствія: преступникъ послѣ наказанія скоро или медленно умиралъ, или же во всю послѣдующую жизнь страдалъ отъ послѣдствій наказанія. § **5**. Также мнѣ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ странахъ опредѣлено наказаніе розгами и палками; и, хотя господинъ вмѣстѣ съ тѣмъ и судья въ своемъ имѣніи, все же обязанъ онъ при тяжкихъ преступленіяхъ, особенно когда преступленіе совершено противъ него самого, или же когда преступленіе отрицается обвиняемымъ [обвиняемый не сознается въ совершеніи преступленія], такъ что дѣло зависитъ отъ приведенія доказательствъ съ обѣихъ сторонъ, передать судейскую власть опытному въ дѣлахъ лицу или опытнымъ лицамъ, которое или которыя и производятъ судъ отъ имени господина и оправдываютъ или осуждаютъ преступника. § **6**. Что касается работъ, исполняемыхъ рабами, для своихъ господъ, то онѣ, какъ и прочія преимущества или повинности въ большей части странъ, насколько мнѣ извѣстно, и насколько мнѣ въ настоящее время помнится, опредѣлены, что однако касается только еженедѣльныхъ работъ и ежегодныхъ повинностей. Чрезвычайныя работы, а именно во время бороньбы, удобренія и жатвы, не могутъ быть опредѣлены безъ замѣтнаго ущерба для господина. За предѣлы же предписанныхъ обыкновенныхъ работъ и податей господинъ переходить не имѣетъ права, или же долженъ онъ, въ случаѣ надобности, за это платить, размѣръ каковой платы тоже упорядоченъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

крестьянинъ обязанъ барину вносить свою долю на постройку дома, на свадьбу и при другихъ случаяхъ. § 7. Вступленію въ бракъ между крестьянами, которое во время оно было предоставлено на произволъ барина, какъ это доказываютъ употребительныя еще свидѣтельства о бракосочетаніи, не можетъ онъ нынѣ никоимъ образомъ воспрепятствовать. Правда, я знаю, что въ нѣкоторыхъ странахъ крестьянинъ, если онъ женился внѣ владѣній своего господина, былъ обязанъ уплатить господину, дѣвку котораго онъ взялъ въ жены, отъ 10 до 20 и больше талеровъ. Доходило дѣло въ такихъ случаяхъ до того, что, если баринъ владѣлъ двумя имѣніями, а крестьянинъ одного имѣнія просилъ себѣ въ жены дѣвку изъ другого имѣнія, женихъ долженъ былъ уплатить упомянутый взносъ. Существуетъ ли еще такой обычай, я не могу съ увѣренностію сказать. Но такъ какъ онъ служитъ населенію помѣхою, то его не слѣдуетъ нигдѣ вводить, а гдѣ онъ существуетъ, тамъ долженъ онъ быть отмѣненъ. § 8. Важный вопросъ при этомъ: Какъ можетъ избавиться рабъ отъ власти своего господина, или: какимъ образомъ можетъ онъ стать свободнымъ? Во многихъ странахъ можетъ онъ пріобрѣсти свободу не иначе, какъ по доброй волѣ своего господина. Господинъ цѣнитъ свою добрую волю такъ высоко, какъ онъ хочетъ. И это кажется само по себѣ вполнѣ правильнымъ, такъ какъ рабъ составляетъ имущество господина. Но такъ какъ, съ другой стороны, правительство, если оно раздачею привилегій и заключеніемъ условій не отказалось отъ своихъ правъ, можетъ предписывать своимъ подданнымъ правила, какъ они должны управлять и пользоваться своимъ имуществомъ, что особенно тогда справедливо и необходимо, когда этого требуетъ общее благополучіе; то кой-гдѣ и была опредѣлена сумма, за которую рабъ могъ откупиться отъ своего госнодина и помимо его желанія. То даетъ онъ за каждую къ его семейству принадлежащую душу нѣчто опредѣленное, напр., за мужчину 20 талеровъ, за женщину 10 рэйхстал., за ребенка 5 талеровъ; то даетъ онъ извѣстную часть своего имущества, 3-ю, 4-ю, 5-ю часть; то даетъ онъ то и другое, такъ какъ въ такомъ случаѣ пропорціонально уплачивается меньше. Вполнѣ понятно, что все это въ странахъ, гдѣ мужикъ ничѣмъ не владѣетъ, не можетъ быть примѣнимо. Вслѣдствіе этого, если желаютъ поднять благосостояніе крестьянина, необходимо обратить его въ полнаго собственника его движимаго имущества. § 9. По пріобрѣтеніи свободы еще является важный вопросъ: чѣмъ можетъ вольноотпущенный зарабатывать свой хлѣбъ? Извѣстно, что такой вольноотпущенный и его дѣти могутъ взяться за все. Только поступленіе въ гильдіи и въ цехи сопряжено съ затрудненіями. Въ Германіи хотя они и принимаются, но живущіе тамъ венды, славяне и кашубы изъяты изъ этого правила Чтобы этимъ людямъ хоть нѣсколько помочь, издали по крайней мѣрѣ въ брандэнбургскихъ земляхъ законъ, по которому такой житель [т.-е. вендъ, славянинъ и кашубъ], если онъ научится читать, писать и говорить по-нѣмецки и прежнюю свою одежду замѣнитъ нѣмецкою, получаетъ

тября, въ разговорѣ съ барономъ Унгернъ-Штербергомъ Гад. узнаетъ, что, несмотря на полученное имъ, Гадэбушемъ, малое количество шаровъ [1]), онъ все же будетъ посаженъ въ Комиссію о юстиціи; „это послѣднее извѣстіе“, пишетъ онъ въ „Дневникѣ“, „меня ошеломило до такой степени, что я не могъ ничего болѣе отвѣтить и только молча поклонился“ [2]),

---

право поступать во всѣ общества и цехи. Кажется, что всякій, отецъ котораго получилъ свободу, долженъ былъ бы имѣть право на поступленіе въ общества и въ цехи. § **10**. Остается сказать пару словъ о свободномъ крестьянинѣ. Такой крестьянинъ или свободенъ относительно своей личности, относительно же земли, на которой онъ живетъ, находится въ зависимости, помимо верховной власти, отъ другого господина; или же свободенъ онъ какъ по отношенію къ своей личности, такъ и по отношенію къ своей землѣ. У крестьянина перваго разряда все дѣло въ условіи, заключаемомъ имъ съ владѣльцемъ земли. Другихъ законовъ здѣсь не нужно. Напротивъ того, такіе законы крайне необходимы, если государь, какъ это случилось въ европейскихъ странахъ и наконецъ, если я не ошибаюсь, въ 1702 году въ Даніи, захочетъ сразу освободить всѣхъ находящихся въ его государствѣ рабовъ; [необходимы такіе законы] для того, чтобы земли, по неразумію, не были лишены жителей и земледѣльцевъ, и чтобы не изсякъ главный источникъ всякаго богатства, состоящій въ земледѣліи. Что же касается того крестьянина, личность и земля котораго свободны, то тутъ не нужны особенные законы, такъ какъ онъ обладаетъ всѣми правами, которыхъ его не лишаютъ преимущества дворянства и мѣщанства. Только въ одномъ случаѣ я признаю исключеніе, а именно, если цѣлыя деревни свободны и въ отношеніи къ своимъ личностямъ и относительно земель своихъ, то имъ можно было бы предоставить, по крайней мѣрѣ въ маловажныхъ дѣлахъ, нѣкоторую судейскую власть, чтобы не приходилось крестьянину запускать сельскія работы изъ-за судебнаго разбирательства дѣлъ. Ф. К. Гадэбушъ. Составлено 20 сентября 1767 года“.

1) Ср. выше стр. 99 [101], примѣч. 2, п. V. Уже то обстоятельство, что его баллотировали, крайне удивило Гадэбуша, такъ какъ онъ зналъ, что лифл. депутаты не выставили его въ качествѣ кандидата.

2) DJ., стр. 50: „Den 20. Herbstmonates . . . Unter andern sprach ich mit d. H. Landrathe Freyherren von Ungernsternberg. Dieser fragete mich, wie es mit der Gesetzkommission stünde. Ich fragete ihn, ob er das Justizdepartement meynete? Ja, war seine Antwort. Ich erwiederte, dass d. H. Feldzeugmeister Villebois und d. H. General Panin die meisten Stimmen hätte(n). Sie werden gewiss hineinkommen, fuhr er fort, wie viel Stimmen haben Sie? Ich versetzte, 120. Nun das schadet nichts. Die Kaiserinn hat mit mir

а въ „Отчетѣ“, сообщая мнѣніе барона, онъ прибавляетъ: „я удивился и не мало испугался этой новости“ [1]). Слова Унгернъ-Штернберга не вполнѣ оправдались: членомъ Комиссіи о юстиціи Гад. не былъ назначенъ, но депутатъ Швартцъ просилъ Гадэбуша быть его помощникомъ [2]). От-

gesprochen und verlanget, dass ich ihr eine Idee von dem dörpatischen Deputirten machen sollte; ich habe gesaget, dass er ein würdiger, geschickter Mann und ein guter Christ wäre. Die Kaiserinn hatte gefraget: was verstehen Sie durch einen guten Christen? Einen, der die römischen Rechte studiret hat? Er hat nicht nur die römischen Rechte, sondern auch das Gesetz der Natur studiret, hätte er, d. H. Landrath versetzet. Kurz, sagete er, Sie werden eben so, wie ich, hineingesetzet werden. Dieser letzte Umstand betäubete mich also, dass ich weiter nicht, als mit stummen Verbeugungen antworten konnte . . .“ Переводъ: „20 сентября . . . . Между прочимъ разговаривалъ я съ г. ляндратомъ барономъ фонъ Унгернштернбергомъ. Онъ спросилъ меня, какъ обстоятъ дѣла Комиссіи законовъ. Я спросилъ его, имѣетъ ли онъ въ виду Департаментъ юстиціи? Да, отвѣтилъ онъ. Я возразилъ ему, что г. фельдцейхмейстеръ Вильбоа и г. генералъ Панинъ получили большинство голосовъ. Вы непремѣнно войдете [въ составъ Комиссіи], продолжалъ онъ; сколько у васъ голосовъ? Я отвѣтилъ: 120. Ну, это ничему не повредитъ. Императрица говорила со мною и потребовала, чтобы я ей далъ понятіе о дэрпатскомъ депутатѣ; я сказалъ, что онъ достойный, ловкій человѣкъ и хорошій христіанинъ. Императрица спросила: что Вы поиимаете подъ хорошимъ христіаниномъ? Человѣка, изучавшаго римское право? Онъ изучалъ не только римское право, но и естественный законъ, отвѣтилъ г. ляндратъ. Однимъ словомъ, сказалъ онъ, Вы будете такъ же посажены въ Комиссію, какъ и я. Это послѣднее обстоятельство ошеломило меня до такой степени, что я не могъ ничего болѣе отвѣтить и молча поклонился . . .“ — Въ болѣе краткой редакціи этого сообщенія, помѣщенной въ „Отчетѣ“ [Ber., л. 102], послѣдняя фраза нѣсколько полнѣе: „Dieser letzte Umstand betäubete mich bey den Bedingungen, unter welchen ich in Moskow war, dermassen, dass ich nicht anders als mit einer Verbeugung antworten konnte“. Переводъ: „Это послѣднее обстоятельство при условіяхъ, на какихъ я находился въ Москвѣ, такъ меня ошеломило, что я не иначе какъ поклономъ могъ отвѣтить [на его слова]“. — Ср. Balt. Mon., т. V, стр. 151.

1) Ber., л. 102: „Am 20-sten [September] . . . . d. H. Landrath Ungern sagete mir ich würde in das Justizdepartement gesetzt werden. Ich wunderte mich und erschrack nicht wenig über diese Neuigkeit“.

2) DJ., стр. 55: „Den 24. Herbstmonats . . . Noch vormittages, als ich aus der Versamlung hinwegging, bath mich d. H. Syn-

казать своему хорошему знакомому онъ не рѣшился тѣмъ болѣе, что эта должность ничуть не связывала его свободы, и онъ, соглашаясь, не скрылъ отъ Швартца возможности скораго прекращенія этихъ занятій вслѣдствіе своего намѣренія вернуться домой [1]). Гад. участвовалъ въ двухъ засѣданіяхъ Комиссіи о юстиціи [2]) и былъ принужденъ составить планъ порядка судопроизводства [3]). а также просмотрѣть и дополнить составленный Швартцемъ планъ уголовнаго права [4]). Избраніе Гадэбуша въ члены „Комиссіи о

---

dikus Schwarz sein Gehülfe zu werden". То же и въ Ber., л. 102, только отмѣчено это подъ 23 сентября.

1) Ber., л. 102 и 103: „. . . . Ich versprach ihm solches, jedoch verbarg ich ihm nicht, dass ich, wenn ich nicht besser, wie bisher vorsorget würde, bald wieder nach Hause reisen müste: welches er für unmöglich hielt". Переводъ: „. . . . Я обѣщалъ [Шварцу быть его помощникомъ], но не скрылъ отъ него того обстоятельства, что я принужденъ буду скоро отправиться домой, если мнѣ не назначатъ лучшаго содержанія".

2) Въ засѣданіяхъ 2 октября [DJ., стр. 67] и 9 окт. [DJ., стр. 80]. Ср. выше стр. 118, прим. 2; стр. 119, примѣчаніе.

3) DJ., стр. 68: [Den 2. Oktober] . . . D. H. Syndikus Schwarz bath mich, den Plan zu einer Processform zu entwerfen". И при этомъ случаѣ высказываетъ Гад. свое неудовольствіе по отношенію къ лифл. генералъ-губерн. правленію, которое своими распоряженіями яко бы помѣшало Гадэбушу взять необходимыя книги: „Gegen fünf Uhr kam ich in mein Quartier zurück voll Verdruss, dass ich durch die Anstalten des liefländischen Generalgouvernementes verhindert worden war, meine Bücher aus Dörpat. wie ich mir vorgenommenn hatte, mitzunehmen" [DJ., стр. 69]; DJ., стр. 69: „. . . . Den 4. Weinmonates . . . Fing ich an, an dem Entwurf zu einer Processform zu arbeiten" — „4 октября . . . началъ я работать надъ планомъ порядка судопроизводства"; DJ., стр. 73: „[Den 5. Weinmonates] . . . An diesem Tage fuhr ich fort mit dem Entwurfe zu einer Processform. Wie ich ihn geendiget übergab ich ihn d. H. Syndikus Schwarz" — „[5 октября] . . . я продолжалъ составлять планъ порядка судопроизводства. По окончаніи передалъ я его г-ну синдику Шварцу".

4) DJ., стр. 75: „[Den 5. Weinmonates] . . . D. H. Syndikus Schwarz gab mir seinen Plan zum Kriminalrechte. Ich nahm ihn mit mir und erweiterte ihn". — Ber., л. 105: „§ 9. [День не обозначенъ]. Nachdem ich meinen Entwurf zu einer Processform geendiget, gab ich ihn dem Hrn. Syndikus Schwarz, welcher mir wieder seinen Plan zum Kriminalrechte mittheilete, welchen ich erweiterte, gleichwie er zu dem Meinigen etwas hinzuzusetzen für nöthig fand". Пере-

имѣніяхъ вообще“ [1]) положило предѣлъ занятіямъ его, какъ помощника Шварца. Съ 11 октября по 5 ноября онъ аккуратно посѣщаетъ 10 засѣданій этой Комиссіи и по примѣру прочихъ членовъ изготовляетъ „планъ законовъ объ имѣніяхъ“, который былъ взятъ генералъ-прокуроромъ и переведенъ на русскій языкъ въ его канцеляріи [2]). Помимо по-

---

водъ: „§ 9. Когда я окончилъ свой планъ порядка судопроизводства, отдалъ я его Шварцу, вручившему мнѣ затѣмъ свой планъ уголовнаго права, который я дополнилъ такъ же, какъ онъ къ моему плану счелъ нужнымъ кое-что прибавить“.

1) DJ., стр. 82: „[Den 9. October] . . . . Ehe diese Session zum Ende war, kam d. H. Hofrath Mothonis und gratulirete mir, dass ich ein Mitglied in der Güterkommission geworden wäre . . . .“ Переводъ: „[9 октября] . . . Еще до окончанія этого засѣданія [т.-е. засѣданія Комиссіи о юстиціи] явился г. надворный совѣтникъ Мотонисъ и поздравилъ меня съ тѣмъ, что я сдѣлался членомъ Комиссіи объ имѣніяхъ . . .“ Въ Ber., л. 106, кромѣ этого, имѣется еще слѣдующее: „. . . .Des Mittages speisete ich bey dem Hrn General Grafen Panin. wo ich eben diese Nachricht aus dem Munde des Hrn. Deputirtenmarschalls vernahm“. Переводъ: „. . . Обѣдалъ я [9 октября] у г. генерала графа Панина, гдѣ я то же извѣстіе услышалъ изъ устъ г-на депутатскаго маршала“.

2) О засѣданіяхъ Комиссіи и разговорѣ генералъ-прокурора съ Гадэбушемъ по поводу плана см. выше стр. 120—122. Въ хранящейся въ Имп. Публ. Библ. рукописи „Deputationsjournal“ занимаетъ „Планъ“ листки 65—74. — § 10 этого „Плана“ касается крестьянъ: „Noch wird bey Beantwortung der II-ten Frage vorausgesetzt, dass dieses Reich ins künftige a) aus dem Adel, b) aus dem Mittel- oder eigentlichen Bürger- und c) aus dem freyen Bauerstande bestehen werde. Denn wenn der Bauer nicht frey, sondern ein Sklav ist, so muss man ihm besondere Gesetze geben. Als Sklav ist er im rechtlichen Verstande keine Person; sein Wille ist dem Willen seines Herren völlig unterworfen; also kann er für sich Nichts erwerben, sondern erwirbt alles seinem Herren, und der Herr ist seinem Sklaven weiter nichts als Nahrung und Kleidung schuldig. Diesen Stand aufzuheben, oder doch zu verbesseren, werden besondere Gesetze erfodert, wobey bedacht und ausgemachet werden muss, ob der bisherige Sklav ganz frey, oder ob ihm seine Sklaverey nur versüsset, gelindert, und er seiner Leibeigenschaft ungeachtet berechtiget werden soll, etwas NB. für sich zu erwerben“. Переводъ: „При отвѣтѣ на II вопросъ [поставленный Дирекціонною Комиссіею: Какого рода имѣніями можетъ владѣть тотъ или другой разрядъ гражданъ?] предполагается также, что это государство въ будущемъ будетъ состоять a) изъ дворянства, b) изъ средняго или собственно мѣщанскаго сословія и c) изъ свободнаго крестьян-

сѣщенія 12 засѣданій частныхъ комиссій, Гад. посвятилъ за время съ 16 сентября до 24 октября всего дней девять на просмотръ и дополненіе чужихъ проектовъ, а также на изготовленіе своихъ плановъ [1]). Появленіе Гадэбуша 6 ноября въ комнатѣ засѣданій Комиссіи объ имѣніяхъ, гдѣ онъ узнаетъ, что засѣданіе не состоится [2]), было послѣднимъ выраженіемъ

скаго сословія. Если же крестьянинъ не свободный человѣкъ, а рабъ, то слѣдуетъ ему дать особенные законы. Будучи рабомъ, онъ не есть личность въ правовомъ смыслѣ; его воля вполнѣ подчинена волѣ его господина; такимъ образомъ не можетъ онъ ничего пріобрѣтать для себя, а все пріобрѣтаетъ для своего господина; господинъ же не обязанъ ему давать ничего, кромѣ пищи и одежды. Для уничтоженія или для улучшенія такого положенія понадобятся особые законы, при чемъ придется сообразить и рѣшить, долженъ ли прежній рабъ быть совершенно освобожденъ, или же его рабство должно быть только улучшено и ослаблено, и онъ, несмотря на свою крѣпостную зависимость долженъ получить право пріобрѣтать кое-что NB. для себя лично".

1) На просмотръ проекта Штральборна Гад. удѣлилъ, должно быть, не болѣе одного дня. — То же самое можно сказать и насчетъ проекта Швартца [DJ., стр. 75]. — „Мысли о крестьянскомъ сословіи", судя по отмѣткѣ подъ самимъ сочиненіемъ, были изготовлены въ одинъ день. — Что касается „плана порядка судопроизводства", то онъ былъ составленъ въ два дня [DJ., стр. 69, 74. 75]. — Наконецъ, на изготовленіе „плана законовъ объ имѣніяхъ" Гад. употребилъ дня 3—4: 20 октября Гад. совѣщается о немъ съ Мотонисомъ и Фрэзэ, а 23 октября уже читаетъ законченный планъ депутату Фрэзэ [DJ., стр. 100, 112], — Объ одномъ изъ плановъ Гадэбуша имѣется интересный отзывъ Екатерины II, который проф. Брюкнеръ [„Russische Revue" за 1883 годъ, стр. 507] относитъ къ „плану порядка судопроизводства", не находящемуся въ числѣ приложеній къ „Дневнику". Отзывъ Екатерины въ видѣ письма къ генералъ-прокурору, кн. Вяземскому, гласитъ слѣдующее: „Князь Александръ Алексѣевичъ! Читала я Гадебушево сочиненіе, которое не токмо весьма дурно переведено, но сверхъ того все выписано изъ Юстиніянова права и многое вовсе въ Россійской имперіи не въ порѣ будетъ, а очень и вредно; лутче бы они поболѣе смотрѣли въ большой Наказъ. Я прежде понедѣльника пришлю вамъ свои примѣчанія о семъ планѣ. Есть либъ Римскія правы столько безпорочны были и къ статѣ, то бы я однимъ словомъ ихъ приняла, но всѣ на нихъ жалуются. Я много сіе приписываю Лифляндской замашкѣ чтобъ быть нашими законодавцами, а не отъ насъ получить хотятъ узаконеній". [Осмнадцатый Вѣкъ. Историч. сборникъ, изд. П. Бартеневымъ. Кн. 3-я. М. 1869, стр. 388].

2) DJ., стр. 116. — Ср. также выше, стр. 122.

его дѣятельности въ качествѣ Депутата Екатерининской Комиссіи. Подъ 6 ноября уже внесенъ въ списокъ депутатамъ проф. Урсинусъ[1]), которому Гад. передалъ свое полномочіе.

1) См. Русск. Вѣстн. за 1861 г., кн. XI., Приложеніе, Списокъ господамъ депутатамъ, подъ № 327: „Синдикъ Фридрихъ Гадебушъ; 6-го ноября 1767 года сдалъ профессору Якову Урзинусу". — Что касается самого проф. Урсинуса, то точныхъ свѣдѣній о немъ я, къ сожалѣнію, не нашелъ. Въ „Азбучн. указат. именъ русск. дѣят. для Русск. Біогр. Словаря, ч. II, М—Ѳ," помѣщенномъ въ LXII томѣ Сб. И. Р. И. О., читаемъ слѣдующее: „Урзинусъ, Яковъ, профессоръ дерпт. унив., деп. въ Ком. пр. Нов. Улож. 1767 г. отъ гражд. гор. Дерпта. лифл. губ." [стр. 373]; въ предисловіи къ XXXII тому Сб. И. Р. И. О. тоже упоминается „депутатъ Урсинусъ, профессоръ дерптскаго университета" [стр. XVII]; Бэркхольцъ въ своей статьѣ о Гадэбушѣ называетъ его замѣстителя „Moskauer Professor Ursinus" [Balt. Mon., т. V, стр. 150]. Изъ „Дневника" Гадэбуша видно только,что Урсинусъ жилъ въ Москвѣ, былъ хорошій знакомый Гадэбуша, часто съ нимъ видѣлся, ѣздилъ по дѣламъ въ Тулу [DJ. стр. 32] совершилъ какую-то купчую крѣпость съ юрьевскимъ столяромъ Хэллэвадомъ [DJ., стр. 31, 113], но данныхъ о его происхожденіи и профессорской дѣятельности нѣтъ никакихъ. Только въ отвѣтѣ юрьевскаго магистрата генералъ-губернатору [лифл. ген.-губ., вслѣдствіе предписанія изъ С.-Петербурга, спрашивалъ магистратъ объ Урсинусѣ, отъ котораго требовало Госуд. Казначейство или возвращенія золотого депутатскаго значка или же уплаты за него 67 р. 89 к.] отъ 26 мая 1804 года между прочимъ говорится, что проф. Урсинусъ никогда не жилъ въ Юрьевѣ и былъ родомъ изъ Финляндіи — „dass gedachter Professor Ursinus nie allhier in Dorpat etablirt gewesen . . . dass . . . Gadebusch . . . einem Deputirten aus Finnland, der der Herr Professor Ursinus gewesen, die Vollmacht ertheilt . . ." [Книга исходящихъ бумагъ — Missiv-Buch — № C. c. 98, бум. № 566. См. также П. к. № C. 152, запись подъ 20 мая]. На основаніи этихъ данныхъ можно предположить, что Урсинусъ былъ до своего поселенія въ Москвѣ профессоромъ Абоскаго университета. Что касается его депутатской дѣятельности, то онъ, охотно согласившись замѣстить Гадэбуша и удовольствовавшись вознагражденіемъ въ размѣрѣ казеннаго депутатскаго жалованія [П. к. № C. 105, стр. 576 и 577. Рукопись „Deputationsjournal", л. 75, приложеніе 2-е; Вег., л. 111], очень усердно исполняетъ свои обязанности, а въ дѣлахъ города Юрьева, повидимому, точно придерживается оттуда получаемыхъ предписаній [П. к. за 1768 г. № C. 106, стр. 35, 52, 65, 71. — Къ сожалѣнію, письма Урсинуса и Гадэбуша, а также инструкція, составленная для него Гадэбушемъ не сохранились]. Свободно владѣя русскимъ языкомъ, Урсинусъ часто принималъ участіе въ преніяхъ Законодательной Комиссіи. Уже 13 ноября 1767 года говоритъ онъ о ярмаркахъ, а 15 ноября

Хлопоты и исполненіе разныхъ формальностей по дѣлу своего увольненія началъ Гадэбушъ 2 ноября, а закончилъ ихъ 13 ноября [1]). Послѣдніе дни своего пребыванія въ Москвѣ упо-

---

читаетъ онъ свое мнѣніе о векселяхъ [Сб. И. Р. И. О., т. VШ, 256, 269—273]. Въ 1768 году состоялъ Урсинусъ членомъ „Комиссіи о училищахъ и призрѣнія требующихъ“ [Русск. Вѣстн. 1861 г., XII. Приложеніе]. Проф. Брюкнеръ, со словъ проф. С. Соловьева, сообщаетъ: „Депутатъ города Дерпта, Урсинусъ, въ подробной запискѣ требовалъ составленія учебниковъ по разнымъ предметамъ, отмѣны тѣлеснаго наказанія въ училищахъ, точнаго опредѣленія платы за посѣщеніе школъ и особенныхъ правилъ надзора надъ преподаваніемъ и пр.“ Интересны также приводимыя проф. Брюкнеромъ [Ж. М. Н. П. 1881 г., стр. 208] слова англійскаго посланника Каскарта: „Мнѣ говорили, что часто вопросы не проходятъ, часто голоса раздѣляются на самыя мелкія партіи, и что одинъ членъ (по имени Урсинусъ, профессоръ изъ Лифляндіи) не соглашается почти ни на одно предложеніе . . .“

1) 2 ноября передаетъ Гад. свое полномочіе проф. Урсинусу для замѣщенія его, Гадэбуша, въ Законодательной Комиссіи: „Den 2. Wintermonats. Habe ich die Vollmacht dem Hrn. Professor Jakob Johann Ursinus gegeben, um meine Stelle bey der Gesetzkommission zu vertreten“. [DJ., стр. 113. Ср. Ber., л. 110]. — 3 ноября посѣщаетъ Гад. вмѣстѣ съ проф. Урсинусомъ депутатскаго маршала и проситъ о своемъ увольненіи: „Den 3. Wintermonates. War ich nebst dem Herren Professor Ursinus bey dem Herren Deputirtenmarschall und bath um meine Erlassung“ [DJ., стр. 115. Ср. Ber., л. 110]. — 5 ноября Гад. вручаетъ въ общемъ засѣданіи депутатскому маршалу выданное имъ, Гадэбушемъ, проф. Урсинусу полномочіе; маршалъ самымъ вѣжливымъ образомъ проситъ его подождать отвѣта до завтрашняго дня: „Den 5. Wintermonates. War ich theils in der Güterkommission, theils in o grossen Versammlung . . . Am letzteren [Orte] übergab ich die von mir dem Hrn. Professor Ursinus ertheilte Vollmacht dem Hrn. Deputirtenmarschall, welcher auf das Höflichste von mir verlangete dass ich bis morgen warten sollte“ [DJ., стр. 115, 116. Ср. Ber., л. 110]. — 6 ноября получаетъ онъ отъ Комиссіи свое увольненіе: „Den 6. Wintermonates. Erhielt ich von der Gesetzkommission meine Erlassung“ [DJ., стр. 116. Ср. Ber, л. 110: „Am 6-ten (des Weinmonates) trug der Marschall meine Erlassung vor, welche genehmiget ward“]. — 8 ноября передаетъ Гадэбушъ профессору Урсинусу медаль, то-есть депутатскій значокъ: „Den 8. Wintermon. Gab ich dem Herren Ursinus die Medaille ab“ [DJ., стр. 117. — Ber., л. 110]. — 10 ноября Гад. дѣлаетъ прощальный визитъ депутатскому маршалу, который его увѣрилъ, что увольненіе свое получитъ онъ письменно въ понедѣльникъ [12 ноября]: „Den 10. Wintermonates. Empfahl ich mich dem Herren Deputirtenmarschall und erhielt die Versicherung, dass ich meine Erlassung schriftlich am Montage erhalten sollte“

[DJ., стр. 119. — Ber. л. 110]. — 11 ноября выплачиваетъ Гад. причитающуюся Урсинусу сумму изъ полученнаго имъ, Гадэбушемъ, депутатскаго годового казеннаго жалованія: „Am 13-ten [Wintermonats] . . . . Zweene Tage vorher zahlete ich dem Hrn. Professor Ursinus das Salarium, welches die hohe Krone Deputirten bestehet, pro rata aus, und erhielt von ihm die Quittung sub Litt. H.“ [Ber. л. 111; въ DJ., это не отмѣчено]. Приложенный къ рукописи „Deputationsjournal“ черновой набросокъ расписки Урсинуса помѣченъ 2 ноября. Гадэбушъ выплатилъ ему казенное жалованье за время съ 16 октября 1767 г. по 16 марта 1768 года. Въ этой же распискѣ сказано, что Урсинусъ замѣщаетъ Гадэбуша съ условіемъ полученія казеннаго депутатскаго жалованія. Черновикъ расписки Урсинуса занимаетъ 75-й листокъ рукописи „Deputationsjournal“: „Demnach ich die Stelle eines Deputirten der kaiserlichen Stadt Dörpat bey der hochverordneten kaiserl. Gesetzkommission an statt d. H. Syndikus Friedrich Konrad Gadebusch unter der Bedingung übernommen habe, dass ich ins künftige die von der hohen Krone den StadtDeputirten bestandene Besoldung geniessen solle, und d. H. Syndikus mir sothane Besoldung von 16-ten Oktober 1767 bis zum 16-ten März 1768 ausgezahlet hat: so bescheinige ich solches hiermit durch meines Namens Unterschrift und gewöhnliches Petschaft. Moskow am 2-ten Novem. 1767“. — 13 ноября получаетъ Гад. отъ Комиссіи свой паспортъ [свое увольненіе]: „Den 13. Wintermonates. Bekam ich meinen Pass aus der Kommission“ [DJ., стр. 121]. „Am 13-ten erhielt ich meine Erlassung, welche ich in russischer und deutscher Sprache sub. Litt. G anbeuge“ [Ber.. л. 111. — Это увольненіе не сохранилось, почему и трудно рѣшить, употреблены ли Гадэбушемъ слова „Pass“ въ „Дневникѣ“ и „Erlassung“ въ „Отчетѣ“ въ одномъ и томъ же значеніи, или же подразумѣвалъ онъ въ „Отчетѣ“ подъ „Erlassung“ только особое свидѣтельство объ увольненіи его отъ депутатства, полученіе котораго (свидѣтельства) было возвѣщено маршаломъ Гадэбушу 10 ноября. Интересно, что въ сохранившемся мнѣніи бургомистра Клэйна (Журналъ — Journal — № С. 152, за 1804 годъ, подъ 20 мая), послужившемъ основаніемъ для отвѣта юрьевскаго магистрата на запросъ изъ Риги о проф. Урсинусѣ, говорится одновременно объ „Entlassung“ и о „Reise-Pass“: „. . . . der damalige Herr Syndikus Fr. Conr. Gadebusch . . . . mittelst Briefes vom 15-ten Novbr. 1767 dem derzeitigen Justiz-Bürgermeister Stegemann gemeldet, dass er als Deputirter dieser Stadt von der Gesetzcommission seine Entlassung mündlich erhalten habe und ihm ein Reise-Pass von d. H. Deputirten-Marschall ertheilet worden sey . . . .“ — (Переводъ:) „. . . . Тогдашній г. синдикъ Фр. Конр. Гадэбушъ . . . письмомъ отъ 15 ноября 1767 года сообщилъ Штэгеманну, бывшему въ то время бургомистромъ юстиціи, что онъ (Гадэбушъ), какъ депутатъ этого города, получилъ отъ Законодательной Комиссіи устно свое увольненіе, и что паспортъ для (обратнаго) путешествія былъ выданъ ему г. депутатскимъ маршаломъ . . .“ (Раз-

требляетъ Гад. на частные [1]) и официальные визиты. Изъ его официальныхъ визитовъ слѣдуетъ отмѣтить посѣщенія генералъ-лейтенанта фонъ Дица, начальника Военной коллегіи, и генералъ-прокурора князя Вяземскаго, связанныя, главнымъ образомъ, съ нуждами города Юрьева и ознаменованныя тѣмъ, что Гадэбушъ поручаетъ высокому покровительству какъ генералъ-лейтенанта, такъ и генералъ-прокурора благополучіе своего города [2]). Выѣхавъ 21 ноября изъ Москвы, Гадэбушъ

рядка всюду моя). — Провѣрить слова Клэйна, въ особенности по отношенію къ „устному“ увольненію, нельзя, такъ какъ упоминаемое письмо Гадэбуша въ Юрьевск. Гор. Арх. не сохранилось].

Что касается полномочія Гадэбуша, врученнаго имъ проф. Урсинусу, то черновой набросокъ его сохранился [см. хран. въ Имп. Публ. Библ. рукопись „Deputationsjournal“ л. 76]. Въ ней Гад., какъ „депутатъ отъ города Дэрпата въ Лифляндскомъ герцогствѣ“, не приводя никакихъ причинъ своего отъѣзда, ссылается на § 23 Приложенія Г къ манифесту 14 дек. 1766 г., по которому депутатъ имѣетъ право сдать свое полномочіе другому, назначаетъ своимъ замѣстителемъ проф. Урсинуса и надѣется, что Законод. Комиссія утвердитъ этотъ его выборъ, такъ какъ онъ, Гад., особенно довѣряетъ Урсинусу, обладающему всѣми требуемыми отъ депутата качествами: „Kraft der im 23-sten § Ihro Kaiserlichen Majestät hohen Manifestes von 14 December 1766 Litt. C. ertheilten Freyheit, habe ich als Deputirter der Stadt Dörpat im Herzogthum Liefland hiermit meine Vollmacht dem Herren Professor Jakob Johann Ursinus, zu dem ich ein besonderes Vertrauen gefasst habe, welcher von untadelhaftem Wandel ist und sonst alle zu einem Deputirten erfoderliche Eigenschaften besitzet, übertragen wollen, in der Hoffnung, eine hochverordnete kaiserl. Gesetzkommission werde dieses gnädiglich genehmigen. Zu welchem Ende ich diese meine Vollmacht eigenhändig unterschrieben und mit meinem gewöhnlichen Petschier besiegelt habe. Moskow am 2-ten November 1767“.

1) За это время и немного раньше Гад. посѣтилъ историка Мюллера [отъ него узналъ Гад., что нѣм. переводъ Большого Наказа еще не вполнѣ напечатанъ; М. обѣщаетъ прислать ему въ Юрьевъ одинъ экземпляръ] ляндрата ф. Унгерна, синдика Фрэзэ, синдика Швартца, обэръ-секретаря ф. Дэна, Нордштэдта [секретаря Опекунской канцеляріи, главнаго повѣреннаго города Юрьева въ Петербургѣ], проф. Урсинуса и надв. сов. Мотониса. Рядомъ съ балтійскими депутатами Н. Мотонисъ, депутатъ отъ шляхетства Полтавскаго, Гадяцкаго и Миргородскаго полковъ, былъ единственный изъ прочихъ депутатовъ, который познакомился и близко сошелся съ Гадэбушемъ. Онъ между прочимъ много разсказывалъ Гадэбушу о правахъ украинцевъ [DJ., стр. 120, 122, 123, 124; 34].

2) У ген.-лейт. ф. Дица Гадэбушъ узнаетъ, что комендантомъ

прибылъ въ Юрьевъ 12 декабря [1]), а 18 декабря, разсказавъ въ засѣданіи магистрата вкратцѣ о своемъ увольненіи, обѣщалъ подать подробный отчетъ о своей депутатской дѣятельности [2]), что и исполнилъ 11 марта 1768 года [3]). [См. прим. 3 на стр. 172].

города Юрьева будетъ назначенъ лифляндскій уроженецъ. Его же проситъ Гад. посодѣйствовать освобожденію города отъ расходовъ по найму и содержанію дома коменданта: „Den 14 Wintermonates. War ich bey Sr. Excellenz dem Hrn. Generalleutenant von Diez und empfahl denenselben das Beste der Stadt. Ich erfuhr, dass eine Generalsperson aus Liefland die Kommandantenstelle in Dörpat bekommen würde. Ich nahm Gelegenheit Sr. Excellenz vorzustellen, dass die Stadt schon 4 Jahre das Kommandantenhaus bezahlet hätte, da doch in anderen Festungen die Kommandantenhäuser von der Krone unterhalten würden. Se. Excellenz hatten die Gnade mir zu sagen, die Stadt mögte nur ein wenig Geduld haben. Es würde die Sache wegen der Kommandantenhäuser in der Kriegeskommission untersuchet" [DJ., стр. 121, 122; Ber., л. 111]. — Князя Вяземскаго посѣщаетъ Гад. безъ опредѣленной цѣли, но, должно быть, только потому, что хочетъ заручиться его расположеніемъ въ виду будущихъ возможныхъ опасностей для города. Ген.-прокуроръ желаетъ ему счастливаго пути и увѣряетъ его въ своемъ благоволеніи къ городу Юрьеву: „[Am 17. Wintermonates] . . . Wie ich in das Zimmer trat, näherten Sich Se. Durchlaucht und frageten mich auf die gnädigste Art: was zu meinen Diensten wäre. Ich antwortete: dass ich . . . . itzt mich nicht nur bey Sr. Erl. beurlauben, sondern auch die Wohlfahrt der Stadt Dörpat Denenselben zur hohen Protektion unterthänigst empfehlen wollte . . . . Nun . . . . (сказалъ князь), so wünsche ich Ihnen eine recht glückliche Reise, und Sie können die Stadt meines Wohlwollens versichern".]Ber., л. 112; въ DJ. этого нѣтъ].

1) DJ., стр. 125. — Ber., л. 112.

2) П. к. № С. 105, стр. 576, 577: „d. d. 18 Decbr. 1767. [Всѣ присутствовали за исключеніемъ Tiehl'я и Flach'a]. D. H. Syndikus Gadebusch der Deputation wegen. D. H. Syndikus Gadebusch trug E. Edl. Rath vor, wie Er nach dem hohen Manifest, von der hohen Gesetz-Commission, als Deputirter auf diese Art entlediget, dass er d. Hrn. Professor Joh. Jacob Ursinus an seine Stelle willig gemacht, der, nach dem von ihme erhaltenen Scheine, mit dem Salario, was die hohe Crone bestehet, zufrieden sey; So Er so wohl als seinen Rück-Pass von Sr. Excell. d. Hrn. General-Lieutenant und Ritter v. Bibikow, und von seiner aufgehabten Deputation noch schriftliche Relation abstatten wolte". — Со времени своего возвращенія въ Юрьевъ Гадэбушъ начинаетъ сноситься съ проф. Урсинусомъ по дѣламъ города и составляетъ для него инструкцію [П. к. № С. 106,

Настоящія причины нежеланія Гадэбуша быть долѣе Депутатомъ выясняются отчасти изъ архивныхъ данныхъ, а главнымъ образомъ изъ „Отчета“ [„Bericht“] Гадэбуша, куда, въ отличіе отъ „Дневника“, включены краткіе пересказы содержанія его писемъ къ бургомистру города Юрьева. Что касается печатныхъ источниковъ, то въ нихъ или ничего нѣтъ объ этомъ, или приводятся невѣрныя данныя, или же имѣются неполныя извлеченія изъ рукописи Гадэбуша. Къ послѣдней категоріи принадлежитъ статья Бэркхольца [1]), а къ первой Сборники Имп. Русск. Ист. Общ.; невѣрныя же данныя сообщаются, напр., въ автобіографіи Гадэбуша и во французскомъ Біографическомъ словарѣ. Въ

стр. 35, 52, 65, 71]. Въ 1769 году даетъ онъ необходимыя для Законод. Ком. свѣдѣнія о городѣ, руководствуясь при этомъ вопросами генералъ-прокурора [П. к. № С. 107, стр. 806, 826, 840, 844, 912, 996]. Въ спискахъ членовъ магистрата Гадэбушъ почему-то вплоть до 1772 года числится также въ качествѣ Депутата Законод. Комиссіи. Въ 1773 году является уже Гадэбушъ Городскимъ Головою или Городскимъ Старостою [К. к. № С. с. 58, бум. № 55], а не Штэгеманъ, который занималъ эту должность съ 1767 до 1773 г. [о его выборахъ см. К. к. № С. с. 52, бум. № 48; № С. с. 54, бум. №№ 2 и 3; № С. с 55, бум. № 34].

3) П. к № С, 106, стр. 95: „[d. d. 11. März 1768] Eod. Der H. Syndikus Gadebusch verlas den versprochenen Bericht von seiner abgehaltenen Deputation zur Gesetzcommission in Moscau. [Постановлено:] Solle ordenl. eingebunden und im Archive nebst denen Beyl: verwahrlich beygelegt werden“. Этотъ „Bericht“, какъ уже выше было сказано, въ Юрьевскомъ Городскомъ Архивѣ, къ сожалѣнію, не сохранился. Имѣется черновой экземпляръ въ Спб. Имп. Публ. Библ. при рукописи Гадэбуша „Deputationsjournal“, листки 88—112.

1) О причинахъ отъѣзда Гадэбуша Бэркхольцъ пишетъ слѣдующее: „Gadebusch wartete das Ende der Versammlung nicht ab. Da seine Unterhaltsmittel sich zu gering erwiesen und auf seine wiederholten Vorstellungen, die Stadt Dorpat möge ihm wenigstens 1200 Rubel jährlich ausmachen, «nichts heilsames, nichts zuverlässiges folgete», so richtete er an den Deputirtenmarschall das Gesuch, entlassen zu werden“. [Balt. Mon., томъ V, стр. 150]. — Переводъ: „Гадэбушъ не дождался конца Собранія. Такъ какъ его средства содержанія оказались слишкомъ ничтожными, а на его неоднократныя представленія, чтобы городъ Дорпатъ назначилъ ему по крайней мѣрѣ 1200 рублей въ годъ, «не послѣдовало ничего благотворнаго, ничего надежнаго», то онъ обратился къ депутатскому маршалу съ просьбою уволить его“.

послѣднемъ говорится, что намѣченный самою императрицею Екатериною II въ Законодательную Комиссію, Гадэбушъ принялъ столь почетное назначеніе; „но", продолжаетъ авторъ статьи S—l, „кажется, что онъ [т.-е. Гадэбушъ] убѣдился въ безрезультатности этого собранія, пышно оповѣщеннаго въ то время, когда вся Европа говорила о судебныхъ реформахъ и о необходимости участія народа въ составленіи законовъ: онъ удалился [изъ Комиссіи] къ концу того же самаго года . . ." [1]). Такого рода мнѣнія Гад. не высказываетъ ни въ „Дневникѣ" ни въ „Отчетѣ"; не сочувствовалъ же онъ Комиссіи не вслѣдствіе ея безполезности для всего государства [этимъ вопросомъ онъ не занимался, да и врядъ ли желалъ заняться вопросомъ, мало его интересовавшимъ], а вслѣдствіе той опасности, которая грозила со стороны Комиссіи привилегіямъ и особенностямъ Прибалтійскаго края. — Въ печатной автобіографіи своей объясняетъ Гад. свой отъѣздъ изъ Москвы необходимостію точнаго исполненія предписанія мѣстнаго лифляндскаго начальства [2]). Рескриптъ гене-

1) [G. Michaud]. Biographie universelle, ancienne et moderne... A Paris. 1816, томъ XVI, стр. 237: „. . . L'impératrice Catherine, qui savait distinguer le mérite partout où il se trouvait, le désigna, en 1767, comme un des membres de la commission législative qu'elle avait établie à Moscou. Gadebusch accepta une mission si honorable: mais il paraît qu'il se convainquit bientôt que cette assemblée, annoncée avec pompe à une époque où toute l'Europe parlait de la réforme de la jurisprudence. et de la nécessité de faire participer le peuple à la confection des lois, n'aurait pas de résultat; car il s'en retira vers la fin de la même année . . ."

2) F. K. Gadebusch. Livländische Bibliothek. I. Th. Riga. 1777. Стр. 386: „. . . . Ob er nun gleich in eine der abgesonderten Kommissionen als ein ordentliches Mitglied gesetzet und hierzu von dem Generalprokureur ernennet wurde, folgete er doch seiner aus der livländischen Landesregierung erhaltenen Anweisung, übergab seine Vollmacht dem Professoren Jakob Johann Ursinus und trat nachdem er am 13-ten Wintermonates seine Erlassung aus der Gesetzkommission erhalten hatte, am 21-sten die Rückreise nach Dörpat an, wo er am 12-ten Christmonates ebendesselben 1767-sten Jahres eintraf". Переводъ: „. . . . хотя онъ [т.-е. Гадэбушъ] и былъ посаженъ въ качествѣ дѣйствительнаго члена въ одну изъ частныхъ комиссій и былъ на эту должность назначенъ генералъ-про-

ралъ-губернатора, на который ссылается Гад., къ сожалѣнію, не сохранился, но изъ всего вышеизложеннаго едва ли можно предположить, чтобы генералъ-губернаторъ издалъ или даже былъ въ состояніи издать такого рода обязательное предписаніе; въ своемъ рескриптѣ генералъ-губернаторъ, повидимому, указалъ только на возможность сдачи полномочія въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ самимъ манифестомъ 14 декабря 1766 года. Самымъ лучшимъ опроверженіемъ подобнаго рода болѣе чѣмъ наивнаго заявленія ех-Депутата послужитъ изложеніе хода всего дѣла на основаніи нѣкоторыхъ архивныхъ данныхъ и собственныхъ сообщеній Гадэбуша въ „Дневникѣ" и въ „Отчетѣ".

29 августа 1767 года пишетъ Гад. письмо къ бургомистру [1]), а 11 сентября [повидимому, на основаніи этого письма] докладываетъ бургомистръ юстиціи въ засѣданіи магистрата, что необходимо подумать объ улучшеніи депутатскаго содержанія, такъ какъ мѣсячный расходъ Гадэбуша равняется почти 100 рублямъ, хотя онъ ѣстъ только одинъ разъ въ день [2]). — Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 1 сентября, сообщая бургомистру со словъ барона Унгернъ-Штернберга заявленіе императрицы, что Лифляндія не можетъ оставаться при своихъ законахъ [3]), Гад. проситъ прямо отвѣтить ему,

---

куроромъ, все же, повинуясь полученному имъ отъ лифляндскаго генералъ-губернскаго правленія предписанію, передалъ свое полномочіе проф. Якову Іоханну Урсинусу и, получивъ увольненіе отъ Законодательной Комиссіи 13 ноября, предпринялъ свое обратное путешествіе въ Дэрпатъ 21 ноября, и прибылъ туда 12 декабря того же года".

1) DJ., стр. 24: „[Den 29. August] . . . Ich schrieb an d. H. Bürgemeister Stegemann". Ср. Ber., л. 95.

2) П. к. № C. 105, стр. 391: „d. d. 11. Sept. 1767. Gesetz-Commission. Dns. Consul Just. ppte: Er habe ein Schreiben von dem H. Syndico Gadebusch aus Moscau erhalten, worinnen er unter andern meldet, dass er bey einmahl essen des Tages, bey 100 Rubl. monathl. Aufwand habe, dahero auf Verbesserung seines Gehalts zu denken sey. [Постановляютъ:] Solle der löbl. Bürgerschafft communiciret und nachdem Em. Erl. Hochv. Kays. Gen. Gouv. unterleget werden".

3) См. выше стр. 152, прим. 3.

Гадэбушу, оставаться ли ему дольше въ Москвѣ или нѣтъ [1]); въ своемъ же письмѣ отъ 10 сентября онъ проситъ, чтобы городъ Юрьевъ, если онъ, Гадэбушъ, долженъ дольше оставаться въ Москвѣ, позаботился о его достаточномъ содержаніи [2]). — Извѣстіе барона Унгернъ-Штернберга о возмож-

1) Ber., л. 97: „[Den 1-sten Herbstmonates . , .] . . . Hiervon gab ich d. H. Justizbügemeister Nachricht, und bath um eine kathegorische Antwort, ob ich bleiben sollte, oder nicht". Въ DJ. этого нѣтъ.

2) DJ., стр. 36: „Den 10. Sept. Schrieb ich an meine Frau und an d. H. Bürgemeister Stegemann". Ber., л. 98: „Am 10-ten schrieb ich an d. H. Bürgemeister Stegemann, und bath, dass die Stadt, wenn ich länger in Moskow bleiben sollte, für mein redliches Auskommen sorgen mögte". — Письма отъ 29 августа, 1-го и 10 сентября, а также, должно быть, письмо, посланное Гадэбушемъ 4 сентября [DJ., стр. 34] читались въ засѣданіи „пяти человѣкъ" 21 сентября 1767 года. Они должны были обсудить вопросы, затрогиваемые Гадэбушемъ въ этихъ письмахъ: вопросъ о содержаніи депутата, вопросъ о его возвращеніи и вопросъ о присылкѣ свѣдѣній по дѣлу пожеланій города. Насчетъ послѣдняго бургомистръ-Голова заявилъ, что онъ писалъ Гадэбушу остаться еще въ Москвѣ, такъ какъ нужныя бумаги должны быть переписаны. По поводу содержанія депутата и его возвращенія рѣшили запросить мѣщанство о его мнѣніи въ этихъ вопросахъ. Только 5 октября дало мѣщанство отвѣтъ, который и былъ прочитанъ въ засѣданіи 9 октября. Суть отвѣта мѣщанства, а также рѣшеніе пяти мужей и магистрата не внесены въ протоколъ. Все это, вкратцѣ изложенное, имѣется въ слѣдующихъ протокольныхъ записяхъ: I. П. к. № С. 105, стр. 403: „d. d. 21. Septbr. 1767. Gesetz-Commission. Hatte das Oberhaupt Dns. Consl. Justitiae die fünf Männer, neml. d. H. RV. Tiehl, H. Aelterm. Peucker, Kramer-Aelterm. Schlichting, Aeltesten Schumann, Dockmann Neumann, convociren lassen, um mit denenselben, wegen derer Deputations-Kosten, nach Inhalt d. H. Syndici Gadebuschi Schreiben, welcher meldet, dass er 100 RuBl. monathl., bey aller Menage benöthiget wäre, zu deliberiren. — Die Briefe dieser wegen, sowohl, als wegen seiner Zurückkunfft, und was d. Hr. Syndicus, und Deputatus, zu denen desideriis von nöten hat etc. verlesen. Dns. Consl. habe d. Hn. Deputirten, mit der letzten Post gemeldet, noch allda zu verweilen, weilen die begehrten Sachen erstl. abgeschrieben werden müssen. — Ratione der Kosten möchten die Herren der Bürgerschafft Meynungen einziehen, auch über den punct seiner Abreise". — II. Тамъ же, стр. 421: „[d. d, d 5. Oct. 1767] . . . . Gesetz-Commission,]Представители гильдій] Legten auch verlangte Erklärung auf die Extracte aus des H. Syndici Gadebusch Schreiben ein. — Blieb ausgesetzt: pag. 431. — III. Тамъ же, стр 431: „[d. d. 9. Oct. 1767] . . , Dns. Consl. Just.

номъ назначеніи Гадэбуша въ Комиссію о юстиціи ошеломляетъ Гадэбуша главнымъ образомъ потому, что онъ себѣ не можетъ представить дальнѣйшаго своего пребыванія въ Москвѣ при условіяхъ, на какихъ онъ тогда находился [1]), то-есть, другими словами, при тѣхъ средствахъ, какими онъ въ то время располагалъ. Далѣе, при сообщеніи просьбы Швартца быть его помощникомъ Гад. замѣчаетъ: „я обѣщалъ ему это, но не скрылъ отъ него того обстоятельства, что, если я не получу бо̀льшаго содержанія, чѣмъ до сихъ поръ, я принужденъ буду вернуться домой“ [2]). — Въ письмѣ къ бургомистру отъ 3 октября пишетъ Гад., что въ настоящее время [на основаніи разговора Екатерины II съ депутатомъ Польманномъ [3]] не грозитъ опасности балтійскимъ привилегіямъ, и что рижскій депутатъ будетъ постоянно заботиться о сохраненіи рижскихъ законовъ. „Если же“, замѣчаетъ далѣе Гад., „городъ, несмотря на все это, захочетъ, чтобы я продолжалъ жить въ Москвѣ, и согласится дать мнѣ то, что необходимо, то-есть 1200 рублей въ годъ, то я только изъ любви къ городу готовъ тамъ остаться. Принудить меня никто не въ состояніи. Увольненіе депутата всецѣло зависитъ отъ Законодательной Комиссіи, и если она согласна, то дѣло кончено. Только истинная любовь къ городу и уваженіе къ моимъ товарищамъ по службѣ и къ моимъ согражданамъ могутъ меня побудить остаться еще дольше въ Москвѣ и пренебречь своею истинною выгодою“ [4]).

---

brachte derer Gilden Einlage von voriger Session (p. 421) auf des H. Deputirten Schreiben, in Vortrag. Ward verlesen“. Больше нѣтъ ничего. Хотя и оставлено свободное мѣсто, но его такъ и не заполнили.

1) Ber., л. 102: „. . . . Dieser letzte Umstand betäubete mich bey den Bedingungen, unter welchen ich in Moskau war . . .

2) Тамъ же: „. . . Ich versprach ihm solches, jedoch verbarg ich ihm nicht, dass ich, wenn ich nicht besser, wie bisher versorget würde, bald wieder nach Hause reisen müste . . .“ Въ DJ. этого нѣтъ, а только сообщается просьба Швартца подъ 24 сентября, между тѣмъ какъ въ Ber. день не обозначенъ.

3) См. выше стр. 153, прим.

4) Ber., л. 104, 105: „Unterm 3. Oktober stattete ich dem Hrn. Justizbürgemeister von allem Bericht ab und fügete hinzu, dass da-

§ 11 „Отчета“ начинается слѣдующими словами: „Такъ какъ на мои неоднократныя представленія о назначеніи мнѣ достаточнаго содержанія, по крайней мѣрѣ 1200 руб. въ годъ, ничего благотворнаго, ничего надежнаго не послѣдовало, а профессоръ Урсинусъ хотѣлъ непремѣнно знать, при чемъ онъ, то я ему вручилъ 2 ноября полномочіе для замѣщенія меня въ Законодательной Комиссіи“ [1]).

Изъ всѣхъ этихъ выписокъ явствуетъ, что одною изъ главныхъ причинъ отъѣзда Гадэбуша изъ Москвы было его недостаточное матеріальное обезпеченіе со стороны города. Неполученіе Гадэбушемъ изъ Юрьева согласія на улучшеніе его содержанія, минованіе опасности для балтійскихъ привилегій, настоятельное требованіе проф. Урсинуса рѣшительнаго отвѣта, а также, очевидно, близость срока полнаго израсходованія данныхъ ему мѣщанствомъ денегъ [2]) ускорили начало хлопотъ по увольненію.

---

mals kein Anschein wäre, dass unsere Privilegien würden geschmälert werden. Der rigische Deputirte würde für die Beybehaltung des rigischen Gesetzes unablässig sorgen. Wolle die Stadt aber nichtsdestoweniger, dass ich in Moskow bleiben sollte, und erkläre sich, mir dasjenige zu geben, was ich nöthig hätte, nämlich jährl. 1200 Rbl. so wollte ich bloss aus Liebe zur Stadt dort bleiben. Zwingen könte mich Keiner. Ueber die Ablassung eines Deputirten hätte Niemand, als die Gesetzkommission selbst zu urtheilen, und wenn die darin willigte: so wäre die Sache ausgemacht. Nicht anders, als eine wahre Liebe zur Stadt, und die Hochachtung für meine HHn. Amtsgenossen und meine Mitbürger, hätten mich bewegen können, noch länger in Moskow zu bleiben, und meinen wahren Nutzen hintanzusetzen“ — Въ DJ. только отмѣчено, что 3 окт. Гад. писалъ къ бургомистру.

1) Ber., л. 109, 110: „§ 11. Da auf meine öftere Vorstellungen, dass man mir einen zureichenden Unterhalt, und wenigstens 1200 Rubel jährlich ausmachen mögte, nichts heilsames, nichts zuverlässiges folgete, d. H. Professor Ursinus aber schlechterdings wissen wollte, woran er wäre: so gab ich ihm am 2-ten Wintermonates Vollmacht, um meine Stelle bey der Gesetzkommission zu vertreten“. — Только конецъ этого предложенія имѣется въ DJ., на стр. 113.

2) Повидимому, уже при отъѣздѣ изъ Юрьева Гад. рѣшилъ согласно поданной имъ смѣтѣ, что врученные ему мѣщанствомъ 550 рублей [по мнѣнію генералъ-губернатора, на годъ] должны хватить ему въ крайнемъ случаѣ на $5\,^1/_2$ мѣс. [съ 12 іюля до 26 декабря]. Вотъ почему въ началѣ ноября онъ и не находитъ

Судя по протоколамъ магистрата отъ 6 и 8 ноября 1767 года [1]), еще до передачи полномочія проф. Урсинусу,

---

возможнымъ откладывать хлопоты по увольненію отъ должности депутата. Эти хлопоты заняли почти двѣ недѣли; другія дѣла задержали его еще на 8 дней, и онъ возвращается въ Юрьевъ ровно 12 декабря, то-есть по прошествіи 5 мѣсяцевъ. Если и остались у него 50 рублей, то онъ ихъ не отдаетъ мѣщанству, которое и не требуетъ ихъ отъ него. Во всякомъ случаѣ ни въ „Дневникѣ“, ни въ протоколахъ, ни въ „Отчетѣ“ не отмѣчены никакіе денежные расчеты между Гадэбушемъ и мѣщанствомъ.

1) П. к. № С. 105, стр. 492: „[d. d. 6. Nov. 1767] . . . H. Deputatus. Dns. Consl. Just. proponirte: wie aus d. Hr. Syndici und Deputirten Schreiben zu ersehen wäre, dass Er in Arbeit geflochten würde, so der Stadt nichts anginge, als z. E. die Rechte Güther zu besitzen etc.: So sehe man nicht ab, warum die Stadt mit grossen Kosten, einen Deputirten allda halten solle: Er wolle die 5 Männer auf den 8. hujus convociren lassen, um über dessen rappell zu deliberiren“. Переводъ: „[6 ноября 1767 года] . . . Г. депутатъ. Г-нъ консулъ юстиціи доложилъ: Такъ какъ изъ писемъ г-на синдика и депутата видно, что онъ будетъ вовлеченъ въ работу, ничуть не относящуюся къ городу [т.-е. Юрьеву], какъ напр. изготовленіе проекта правъ владѣнія имѣніями и т. п., то непонятно, для чего нужно городу содержаніе тамъ депутата, сопряженное съ большими расходами. Онъ [т.-е. консулъ] желаетъ созвать 5 мужей 8 ноября, чтобы обсудить отозваніе депутата“. — Тамъ же, стр. 494: „d. d. 8. Novbr. 1767. Gesetz-Commission, Deputatus. Eod. waren von dem StadtsHaupte, H. Bürgermeister Stegemann, die 5 Männer convociret und waren gegenwärtig [перечисляются; отсутствовалъ Thiel, ob advers. valetud. abs.] . . . Dns. Consul Just. ppte: Wie d. H. Syndicus und Deputatus Gadebusch gemeldet, dass er in Arbeit verwickelt werden würde, die der Stadt gar nichts anginge, und daher, besonders da er der Stadt desideria gehörig eingereichet, um seinen Rappel Anerinnerung [? слово не особ. разборчиво написано] gethan; dessen Schreiben wurden verlesen. — Da d. H. Syndicus selbst einsiehet und meldet, dass er der Stadt keine Dienste mehr allda leisten könne, die Kosten auch sehr gross wären, so ginge dererselben einstimmige Meynung dahin, dass d. H. Syndicus je eher je lieber rappelliret werde, nach dem Manifeste. — Dns. Consl. hohlte durch einen Umlauft der RathsGlieder Meynungen darüber ein, welche alle auf den Rappell stimmeten. — Das ABruffs-Schreiben wurde [, von] allen membris Senatus [unterschrieben,] unter d. 11. Novbr. abgesandt. № 139“. Переводъ: „8 ноября 1767 года. Законодательная Комиссія, депутатъ. Въ этотъ день были созваны Городскимъ Головою, г-номъ бургомистромъ Штэгеманномъ, 5 мужей . . . [перечисляются; отсутствовалъ Тиль по болѣзни]. Г-нъ консулъ юстиціи доложилъ: г. синдикъ-депутатъ Гадэбушъ сообщилъ, что онъ будетъ вовлеченъ въ работу, которая

пишетъ Гадэбушъ къ юрьевскому бургомистру письма[1]), въ

совершенно не касается города, а потому, тѣмъ болѣе что пожеланія города переданы куда слѣдуетъ, напомнилъ о своемъ отозваніи; письма его [т.-е. Гадэбуша] были прочитаны. [Постановили:] Такъ какъ г. синдикъ самъ сознаетъ и сообщаетъ, что приносить пользу городу онъ тамъ [въ Москвѣ] болѣе не въ состояніи, расходы [по содержанію депутата] также очень велики, то ихъ [5 мужей и Головы] единогласное мнѣніе сводится къ тому, что г. синдикъ долженъ быть какъ можно скорѣе отозванъ, согласно манифесту [или: при соблюденіи предписаній манифеста]. — Г-нъ консулъ собралъ циркулярно мнѣнія членовъ магистрата, которые всѣ подали свои голоса за отозваніе депутата. — Отзывная грамота была [послана] всѣмъ членамъ Сената [для подписанія, а] 11 ноября [была она] отправлена. № 139". — Отзывная грамота находится въ видѣ копіи въ К. к. № С. с. 52, подъ № 139: „HochEdelgebohrner, hochgelahrter Herr Syndicus und Deputirter! Da Ew. Hoch Edelgeb. dem Just. Bürgermeister Stegemann, als StadtsHaupt einberichtet, dass Dieselben der Stadt wegen alles dasjenige bey der hohen Gesetz-Commission incaminiret, was nach der instruction geschehen sollen und können, mithin nichts im Wege, Dieselben zu rappelliren; So ist sowohl von Seiten des Stadts-Hauptes und der 5 Männer, als auch von Em. Edl. Rath einhellig beschlossen worden, Ew. HochEdelgeb. mittelst diesem Schreiben zurücke zu berufen, und Dieselben zu ersuchen, die Rückreise so balde es mögl. anzutreten, jedoch vorhero alles der Stadt wegen also einzurichten, dass durch Dero Abwesenheit der Stadt und Bürgerschafft kein Nachtheil zuwachsen möge. Die wir übrigens verbleiben Ew. HochEdelgeb. Dienstergebenste Diener [подъ посл. двумя словами приписано:] war von allen Raths-Gliedern unterschrieben. — Dorpat, d. 11. Novbr. 1767". Переводъ: „Высокоблагородный, Высокоученый Господинъ Синдикъ и Депутатъ! Такъ какъ Ваше Высокоблагородіе сообщили бургомистру юстиціи Штэгеманну, какъ Городскому Головѣ, что Вы относительно города направили въ Законодательную Комиссію все то, что должно и могло быть совершено согласно наказу, и слѣдовательно ничего не препятствуетъ Вашему возвращенію; то послѣдовало единогласное рѣшеніе какъ со стороны Городского Головы и 5 мужей, такъ и со стороны Благороднаго Магистрата отозвать Ваше Высокоблагородіе посредствомъ этой грамоты и просить Васъ какъ можно скорѣе пуститься въ обратный путь, устроивъ однако предварительно городскія дѣла такимъ образомъ, чтобы Ваше отсутствіе не повредило ни городу ни мѣщанству. Затѣмъ остаемся Вашего Высокоблагородія всегда готовые къ услугамъ . . . [подъ послѣдними словами приписано:] было подписано всѣми членами магистрата. — Дорпатъ, 11 ноября 1767 г."

1) Въ „Дневникѣ" и въ „Отчетѣ", отмѣчено только, что Гадэбушъ писалъ къ бургомистру Штэгеманну 17 октября 1767 года [DJ., стр. 99. — Вег., л. 107].

которыхъ указываетъ, что поводомъ къ его отозванію изъ Москвы могутъ служить: назначеніе его членомъ въ Комиссію объ имѣніяхъ, вовлеченіе его въ работу, ничего общаго неимѣющую съ благомъ города и исполненіе имъ возложенныхъ на него городомъ обязанностей, т.-е. состоявшаяся уже передача пожеланій города. Городской Голова съ 5 мужами, а также магистратъ рѣшили единогласно отозвать Гадэбуша, для чего и послали ему 11 ноября официальную отзывную грамоту, въ которой приводилось, какъ единственный поводъ къ возвращенію Депутата, исполненіе имъ изложенныхъ въ данномъ ему наказѣ порученій. [Этотъ документъ не понадобился однако Гадэбушу, такъ какъ задолго до его полученія Гад. былъ уже уволенъ общимъ собраніемъ депутатовъ отъ исполненія депутатскихъ обязанностей].

Итакъ возвращеніе Гадэбуша въ Юрьевъ было обусловлено цѣлымъ рядомъ весьма важныхъ, по его мнѣнію, обстоятельствъ, при чемъ ни въ письмахъ Гадэбуша, ни въ протоколахъ, ни въ отзывной грамотѣ магистрата не упоминается ни о какомъ предписаніи генералъ-губернатора. Но какъ бы ни были важны для Гадэбуша и его единомышленниковъ перечисленныя обстоятельства, все же ни одно изъ нихъ не могло бы служить официальнымъ поводомъ къ его увольненію.

Чѣмъ объяснилъ Гадэбушъ официально свое нежеланіе оставаться Депутатомъ? И въ этомъ отношеніи какъ „Отчетъ“, такъ и „Дневникъ“ даютъ цѣнное указаніе. Передавъ 2 ноября проф. Урсинусу свое полномочіе, Гадэбушъ отправляется съ нимъ 3 ноября къ депутатскому маршалу. „Я представилъ ему“, разсказываетъ Гад., „г-на профессора и вручилъ ему выданное мною на имя г-на Урсинуса полномочіе. Г. маршалъ прочиталъ его и спросилъ меня: почему хотите Вы насъ покинуть? Я отвѣтилъ: Вашему Превосходительству извѣстно, что я не понимаю русскаго языка, вслѣдствіе чего при всемъ моемъ добромъ желаніи встрѣчаю непреодолимыя пре-

пятствія. Въ такомъ случаѣ, сказалъ г. маршалъ, я доложу объ этомъ общему собранію“ [1]). Въ „Дневникѣ“ подъ 17 ноября записано слѣдующее: „У г-на надворнаго совѣтника Мотониса встрѣтилъ я его сіятельство графа Володиміра Григорьевича Орлова, который былъ столь милостивъ сказать мнѣ два раза, что онъ слышалъ обо мнѣ много хорошаго. Я убѣдилъ его сіятельство, что незнаніе русскаго языка мѣшаетъ моему искренному желанію слѣдовать приказаніямъ Монархини. Его сіятельство удивился, что лифляндцы такъ рѣдко изучаютъ русскій языкъ, и ему было очень пріятно, когда я сказалъ, что они съ нѣкотораго времени начинаютъ прилагать стараніе къ изученію этого языка“ [2]). Потерявъ всякую надежду на увеличеніе своего содержанія, не желая согласно своей программѣ чѣмъ бы то ни было приносить пользу общему дѣлу и рѣшивъ во что бы то ни стало вернуться въ Юрьевъ, Гадэбушъ, какъ человѣкъ умный, вполнѣ правильно разсчиталъ, что не мнимое предписаніе лифляндскаго генералъ-губернатора, не причины частнаго характера, а одно незнаніе русскаго языка обезпечитъ ему увольненіе; вспомнилъ онъ

1) Ber., л. 110: „Ich stellete ihm den Hrn. Professor vor und übergab ihm die dem Hrn. Ursinus ertheilte Vollmacht. D. H. Marschall las sie durch und fragete mich: warum wollen Sie uns verlassen? Ich erwiederte: Ew. Excellenz wissen, dass ich die russische Sprache nicht verstehe, und daher bey allem meinen guten Willen unübersteigliche Hindernisse finde. So will ich es, sagete d. H. Marschall, der allgemeinen Versammlung vortragen“. Въ „Дневникѣ“ этого нѣтъ. — Разрядка моя.

2) DJ., стр. 124: „[Den 17. Wintermonates] . . . Bey d. H. Hofrathe Mothonis traf ich Se. Erl. Grafen Wolodimer Grigorjewitsch Orlow an, welche die Gnade hatten mir zweymal zu sagen, dass Sie viel gutes von mir gehöret hätten. Ich überzeugete Se. Erlaucht, dass der Mangel der russischen Sprache mich hinderte, dem guten Willen, den ich hätte um Befehlen der Monarchinn nachzuleben, Genüge zu thun. Se. Erlaucht verwunderten Sich, dass die Liefländer sich so selten auf die russische Sprache legeten, und höreten es sehr gerne, da ich sagete, dass man seit einiger Zeit anfinge, sich dieser Sprache zu befleissigen“. — Разрядка моя.

также, вѣроятно, знаменательный вопросъ маршала 8 августа: Почему же выбрали Васъ въ депутаты [если Вы ни слова не понимаете по-русски]? Какъ тогда маршалъ былъ въ правѣ задать такой вопросъ, такъ теперь онъ не могъ не согласиться съ доводами самого Гадэбуша, и поспѣшилъ исполнить его желаніе. Незнаніе русскаго языка сослужило хорошую службу строптивому въ душѣ Депутату: оно дало ему возможность при присягѣ стать въ исключительное положеніе сравнительно съ другими депутатами; благодаря ему онъ былъ въ состояніи вполнѣ законно держаться вдали отъ общерусскихъ дѣлъ; наконецъ, оно же помогло ему въ удобный для него, разумѣется, моментъ съ притворнымъ сожалѣніемъ и вѣрноподданническимъ чувствомъ на устахъ освободиться отъ навязанныхъ и непріятныхъ ему занятій.

Этимъ заканчиваю я свое изложеніе отношеній города Юрьева Лифляндской губерніи къ Высочайшему манифесту 14 декабря 1766 года [1]).

---

1) Говоря о сочиненіяхъ, касающихся отношеній Прибалтійскаго края къ Екатерининской Комиссіи [Сб. Уч.-Лит. Общ., т. XII, стр. 136], я, къ сожалѣнію, пропустилъ трудъ молодого, рано скончавшагося ученаго Р. Хассэльблятта [R. Hasselblatt. Род. въ 1863 г.; среднее и высшее образованіе получилъ въ Юрьевѣ; магистрандъ исторіи; авторъ нѣсколькихъ статей по исторіи Прибалтійскаго края; въ концѣ 80-хъ годовъ приводилъ въ порядокъ Юрьевскій Городской Архивъ; занималъ должность помощника университетскаго библіотекаря; † 3 сентября 1890 года]. О намѣреніи его написать статью по поводу опубликованныхъ въ 1889 году [Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 68-й] прибалтійскихъ дворянскихъ наказовъ я слышалъ, но о напечатаніи этой статьи [„Balt. Monatsschrift“, томъ XXXVII, за 1890 годъ, стр. 668—693] послѣ его смерти я узналъ только въ февралѣ 1909 года отъ юрьевскаго городского архиваріуса канд. ист. Т. Христіани [T. Christiani]. Пополняю здѣсь этотъ пробѣлъ. Статья Р. Хассэльблятта [„Die Instructionen der baltischen Ritterschaften für die Gesetzgebende Commission von 1767“ — Наказы балтійскихъ рыцарствъ для Законодательной Комиссіи 1767 г.] передаетъ довольно подробно содержаніе дворянскихъ прибалтійскихъ наказовъ, попутно выясняя и обосновывая несочувствіе прибалтійскаго рыцарства къ цѣлямъ созыва Екатерининской Комиссіи. Въ вступительной части этой статьи для меня особенно интересна замѣтка о юрьевскихъ выборахъ, основанная на хранящихся въ Архивѣ сообщеніяхъ 1767 года, чѣмъ и является Р. Хассэльбляттъ

моимъ предшественникомъ въ дѣлѣ изслѣдованія этого архивнаго матеріала. Привожу здѣсь эту замѣтку полностью: [послѣ общаго разсужденія о томъ, что Обрядъ выборовъ, приложенный къ манифесту 14 декабря 1766 года, слишкомъ обстоятеленъ и сложенъ въ особенности для Прибалтійскаго края, авторъ продолжаетъ:] „Nach den mir vorliegenden Berichten über die Wahlen in Dorpat [Rathsprotokolle von 1767] lässt sich der Verlauf der Wahlen in dieser Stadt deutlich übersehen. Nach mehrfachen Publicationen vom Rath und *von den Kanzeln* aus trat *die gesammte Bürgerschaft* auf dem Rathhause zusammen und begann zunächst das Ballotement über das zu wählende Stadthaupt. Gemäss der Wahlordnung wurde auch zuerst über jedes einzelne Mitglied des Rathes *von sämmtlichen Hausbesitzern* ballotirt, aber als nun nach dem Gesetz in derselben Weise über jeden einzelnen Hausbesitzer abgestimmt werden sollte, zeigte es sich klärlich, dass auf diese Art die Wahl endlos dauern müsse. Daher traten die Gilden ab und schlugen vor, dass sie je vier Candidaten zur Abstimmung vorstellen dürften, was dann auch vom Rathe acceptirt wurde. Derselbe Modus wurde einige Tage nachher bei der Wahl des Deputirten, die auf Gadebusch fiel, angewendet; dagegen *sah man beim Entwurf der Instruction von vornherein ganz von der Wahlordnung ab* und berieth statt in den vorgeschriebenen vier Gruppen [т.-е., по мнѣнію автора: „Familienväter, Kinderlose. Wittwer und Unverheiratete“ — стр. 671 —], die ja die heterogensten Elemente zu einer Einheit unmöglich vereinen konnten, sogleich nach Gilden und Aemtern, deren Vorschläge darauf vom Rathe combinirt und überarbeitet wurden“ [Balt. Mon., томъ XXXVII, стр. 672]. — Переводъ: „По лежащимъ предо мною сообщеніямъ о выборахъ въ Дорпатѣ [протоколы магистрата за 1767 годъ] можно получить ясное представленіе о производствѣ выборовъ въ этомъ городѣ. Послѣ многократныхъ объявленій со стороны магистрата и *съ каѳедръ церковныхъ* собралось *все мѣщанство* въ ратушѣ и начало прежде всего баллотировку имѣвшаго быть избраннымъ Городского Головы. Согласно Обряду выборовъ сперва и былъ баллотированъ *всѣми домовладѣльцами* каждый членъ магистрата въ отдѣльности, но, когда приступили по закону къ баллотировкѣ каждаго домовладѣльца, стало яснымъ, что такого рода выборы будутъ длиться безконечно долго. Вслѣдствіе этого гильдіи, по совѣщаніи, предложили представить [отъ себя] для баллотировки по четыре кандидата, что и было принято магистратомъ. Тотъ же способъ былъ примѣненъ нѣсколько дней спустя къ выборамъ Депутата, которымъ оказался Гадэбушъ; напротивъ того, *при составленіи наказа съ самого начала совершенно не обратили вниманія на Обрядъ выборовъ*, и обсуждалось оно тотчасъ же не предписанными четырьмя группами [домовладѣльцевъ, т.-е., по мнѣнію автора: отцами семейства, бездѣтными, вдовцами и неженатыми — стр. 671 —], которыя ничуть не могли соединить самые разнородные элементы въ нѣчто цѣльное, но гильдіями и цехами, предложенія которыхъ были впослѣдствіи сгруппированы и переработаны магистратомъ“. — Со-

Общій выводъ. Несмотря на большіе пробѣлы въ матеріалахъ, сохранившіяся, порою краткія и отрывочныя, свѣдѣнія объ интересовавшемъ меня вопросѣ были достаточны для полученія болѣе или менѣе положительныхъ результатовъ. Прослѣдивъ, насколько было возможно, шагъ за шагомъ исполненіе городомъ Высочайшей воли, выносишь впечатлѣніе, что манифестъ 14 декабря 1766 года порядочно-таки озадачилъ нашъ городокъ и породилъ въ немъ опасенія, недовольство и наконецъ понятное желаніе, если не избавиться вовсе отъ манифеста [это было положительно немыслимо], то все же возможно болѣе ослабить или видоизмѣнить Высочайшія предписанія. Крайне самонадѣянно и поспѣшно было утвержденіе Георга Бэркхольца: „сопротивленіе по отношенію къ предписанію отправить депутатовъ въ Государственное Собраніе навѣрное въ то время у

поставляя эту замѣтку съ подробно разобраннымъ мною архивнымъ матеріаломъ, нельзя не прійти къ заключенію, что она не вполнѣ ясна, точна и не вездѣ соотвѣтствуетъ содержанію сохранившихся документовъ. Курсивомъ отмѣчены мною нѣкоторыя изъ такихъ погрѣшностей.

Примѣчаніе, въ которомъ помѣщена статья Гадэбуша „Gedanken über den Bauerstand“ [см. выше стр. 156—162] необходимо дополнить слѣдующимъ мнѣніемъ В. И. Семевскаго [см. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“. Соч. В. И. Семевскаго. Томъ I. Спб. 1888. Стр. 135] объ этой статьѣ: „Записка Гадебуша, написанная подъ заглавіемъ: «Мысли о крестьянскомъ сословіи», сохранилась въ приложеніи къ его неизданному дневнику. Она весьма не велика: въ ней можно найти нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній о положеніи крестьянъ въ западной Европѣ, но, вслѣдствіе недостатка подъ руками источниковъ, его показанія весьма неопредѣленны, а своихъ желаній объ измѣненіи быта крестьянъ онъ высказываетъ мало. Однако, несмотря на краткость его записки, онъ включилъ въ нее требованіе, чтобы крѣпостнымъ дано было право собственности на движимое имущество, чтобы имъ предоставлено было жениться, на комъ они хотятъ, безъ уплаты выводныхъ денегъ, такъ какъ это препятствуетъ увеличенію народонаселенія, и наконецъ, чтобы опредѣлена была сумма, за которую крѣпостной могъ бы выкупаться на свободу . . . . Проектъ Вольфа и записка Гадебуша послужили до нѣкоторой степени матеріалами для Унгерна-Штернберга при составленіи его собственнаго проекта . . . .“

лифляндцевъ не проявлялось“ [1]). Что касается города Юрь-

1) Balt. Mon., томъ V, стр. 153, примѣчаніе; „Renitenz gegen die Beschickung der Reichsversammlung ist damals bei den Livländern gewiss nicht vorgekommen“. —

[Не мѣшаетъ привести здѣсь мнѣніе R. Hasselblatt'a объ отношеніяхъ балтійскикъ рыцарствъ къ Законодательной Комиссіи („Balt. Monatsschrift“, т. XXXVII, стр. 676: „Die Stellung der baltischen Ritterschaften gegenüber diesem Project (т.-е. „Herstellung eines allgemeinen Gesetzbuches“) war eine ausserordentlich schwierige. Eine directe Ablehnung der Theilnahme, wie sie in Kleinrussland versucht wurde, hätte unvermeidlich den Zorn der Kaiserin und vielleicht die schlimmsten Folgen für die Ostseeprovinzen nach sich gezogen, aber wie konnten, wie sollten sie sich an der Abfassung betheiligen? Sollten sie das durch Jahrhunderte lebendige, heiss vertheidigte Landrecht kalten Blutes fallen lassen? Und mehr als das, sollten sie die ganze Verfassung, den ganzen historischen Bau der Landesverfassung, die festen Grundlagen des Güterbesitzes und des Abgabenwesens aufs Spiel setzen? Und das Alles zu Gunsten eines Reichsgesetzbuches, das erst entstehen sollte, über dessen Zukunft nur das Eine klar war, dass den baltischen Ständen nur ein verschwindender Bruchtheil von Einfluss auf seine Gestaltung zufallen konnte! In diesem Dilemma blieb den Ritterschaften kaum ein anderer Weg offen, als jener, den sie thatsächlich einschlugen: von vornherein principielle Ablehnung des Gesetzbuches für die Provinzen, aber Mitarbeit der Provinzen zu Gunsten des Reichs mit der Hoffnung, Misstände der Verwaltung in Bezug auf die Provinzen hierbei abstellen, durch die Privilegien gewährleistete, aber nicht erfüllte Desiderata durchsetzen zu können...“ Переводъ: „Положеніе балтійскихъ рыцарствъ по отношенію къ этому проекту (т.-е. „къ составленію общаго Уложенія“) было чрезвычайно затруднительное. Прямой отказъ отъ участія, что попыталась сдѣлать Малороссія, вызвалъ бы несомнѣнно гнѣвъ императрицы и, быть можетъ, самыя непріятныя послѣдствія для Остзейскихъ Провинцій, но въ какой степени могли они, въ какой степени должны были они участвовать въ (его) составленіи? Должны ли были они хладнокровно отказаться отъ пережившаго столѣтія и горячо отстаиваемаго провинціальнаго права? И еще того болѣе, должны ли были они подвергать опасности весь строй страны, все историческое развитіе распорядка Провинцій, твердыя основанія владѣнія имѣніями, взиманія и платежа податей? И все это въ пользу (какого-то) общегосударственнаго Уложенія, которое только еще зарождалось, о будущности котораго было извѣстно только то, что балтійскимъ сословіямъ досталась бы самая ничтожная доля вліянія на его составленіе! При такихъ обстоятельствахъ едва ли оставался рыцарствамъ какой-либо другой путь, чѣмъ тотъ, который они дѣйствительно избрали: безъ всякихъ разсужденій принципіальное отклоненіе (общегосударственнаго) Уложенія въ его распространеніи на Провинціи, но (вмѣстѣ съ тѣмъ) сотрудничество

ева, то разобранные и приведенные выше документы опровергаютъ его слова. Сопротивленіе проявилось, отступленія отъ предписаній манифеста были довольно значительны, и лифляндцы-юрьевцы вполнѣ оправдали мнѣніе современныхъ имъ малороссійскихъ шляхтичей, тоже энергично противившихся манифесту [они, какъ бы въ оправданіе своего непослушанія, „тщеславились“, по словамъ гр. Румянцева[1]), „много тѣмъ, что Лифляндцы имъ единонамѣренны въ удерживаніи старыхъ своихъ правъ и вольностей“], мнѣніе, вызвавшее вышеприведенное скороспѣлое утвержденіе Бэркхольца. Проводить параллель между лифляндцами и малороссами не

Провинцій (въ составленіи этого Уложенія) на пользу государства, надѣясь тѣмъ самымъ имѣть возможность устранить недостатки управленія Провинціями, (а также) провести (хотя и) обезпеченныя привилегіями, но (все еще) не исполненныя пожеланія (тѣхъ же Провинцій)“, — Въ другомъ мѣстѣ (стр. 692) авторъ говоритъ: „Durch das Bestreben, formell die Befehle der Kaiserin einzuhalten und sich an den Arbeiten der Gesetzgebenden Commission zu betheiligen, sachlich aber die gewährleistete Sonderstellung aufrecht zu erhalten, waren die Ostseeprovinzen in eine widerspruchsvolle Stellung gerathen. Das Gesetzbuch, an welchem sie selbst mitarbeiteten. verwarfen sie von vornherein für sich, und doch verlangten sie von eben der Commission, gegen deren Competenz als Gesetzgeberin der Ostseeprovinzen sie protestirten, eine Bestätigung ihres historischen Rechts“. Переводъ: „Стремясь (только) формально слѣдовать повелѣніямъ императрицы и принимать участіе въ работахъ Законодательной Комиссіи, въ сущности же стремясь сохранить свое обезпеченное привилегіями, исключительное положеніе, Остзейскія Провинціи (тѣмъ самымъ) впали въ явное противорѣчіе. Уложеніе, надъ которымъ онѣ сами работали, онѣ ничуть не признавали по отношенію къ себѣ (къ Провинціямъ), и все же требовали онѣ утвержденія своихъ историческихъ правъ отъ той самой Комиссіи, противъ компетентности которой какъ законодательницы Остзейскихъ Провинцій онѣ (Провинціи) протестовали“. — Только что приведенное мнѣніе Р. Хассэльбляття какъ бы ближе опредѣляетъ, по крайней мѣрѣ относительно балтійскихъ рыцарствъ, вышеупомянутыя слова Г. Бэркхольца. Р. Хассэльбляттъ признаетъ только несвоевременнымъ явное сопротивленіе велѣніямъ Екатерины II, но не отрицаетъ его необходимости при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, а потому вполнѣ сочувствуетъ вызванной обстоятельствами обходной политикѣ своихъ земляковъ].

1) Русск. Вѣстн. за 1861 г., окт., стр. 330, въ статьѣ С. Соловьева: „Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка 1767 годъ“.

входитъ, разумѣется, въ рамки настоящаго моего изслѣдованія, все же нельзя не замѣтить, что не только „въ удерживаніи старыхъ своихъ правъ и вольностей“, но и въ отношеніяхъ тѣхъ и другихъ къ манифесту 14 декабря 1766 года имѣется много сходнаго [1]). Различіе же между сопротивленіемъ

---

1) Интересно, что С. Соловьевъ уже въ 70-хъ годахъ XIX столѣтія, имѣя передъ собою донесенія эстляндскаго и лифляндскаго генералъ-губернаторовъ, назвалъ извѣстія изъ прибалтійскихъ областей наравнѣ съ извѣстіями изъ Малороссіи „странными“: „Выборы этихъ депутатовъ происходили повсюду спокойно и правильно; ошибки немедленно исправлялись; только изъ двухъ украйнъ, западной и южной, изъ прибалтійскихъ областей и изъ Малороссіи приходили странныя извѣстія“ [Ист. Россіи съ древнѣйш. временъ, т. XXVII. М. 1877. Стр. 42]. — Напротивъ того, проф. А. Брюкнеръ, касавшійся довольно подробно въ своихъ сочиненіяхъ Прибалтійскаго края, нашелъ возможнымъ упомянуть только о сопротивленіи малороссійскаго шляхетства: „Систематической оппозиціи противъ всего предпріятія мы нигдѣ не встрѣчаемъ, за исключеніемъ Малороссіи“ [см. статью А. Брюкнера „Большая комиссія“ въ Ж. М. Н. П., т. 217, стр. 280]; а по поводу статьи В. Авсѣенка [„Малороссійское шляхетство въ 1767 году. Новые матеріалы для исторіи XVIII столѣтія“. Русск. Вѣстн. за 1863 г., т. 46-й, стр. 498—524], гдѣ авторъ старается защитить малороссійское шляхетство отъ нападокъ проф. С. Соловьева, проф. А. Брюкнеръ, признавая важность опубликованнаго матеріала, замѣчаетъ: „Напрасно, однако, авторъ [т.-е. В. Авсѣенко] не признаетъ въ дѣйствіяхъ малороссійскаго шляхетства стремленій, соотвѣтствовавшихъ сепаратизму“ [Ж. М. Н. П., т. 217, стр. 16].

На основаніи разобраннаго мною матеріала привожу здѣсь одинъ только примѣръ сходства въ отношеніяхъ малороссійскаго шляхетства и лифляндцевъ къ манифесту 14 декабря 1766 года. Графъ Румянцевъ доносилъ императрицѣ о малороссійскомъ шляхетствѣ между прочимъ слѣдующее: „отзывы же у всѣхъ одни: за чѣмъ бы намъ тамъ [т.-е. въ Законод. Ком.] и быть? наши законы весьма хороши, а буде депутатамъ быть конечно уже надобно, только развѣ бъ искать правъ и привилегій подтвержденія . . . .“ [Рус. Вѣстн. за 1861 г.. окт., стр. 324]. — Эти „отзывы“ очень напоминаютъ выраженія лифляндцевъ города Юрьева: 1) „. . . мы не знаемъ ничего такого, въ чемъ желательно было бы малѣйшее измѣненіе . . . мы скорѣе всепокорнѣйше просили бы о Всемилостивѣйшемъ оставленіи намъ нашихъ привилегій, законовъ и учрежденій . . .“ [Сб. У.-Л. О., т. XII, стр. 155, въ Инструкціи, составленной Гадэбушемъ для Эссена]; 2) „ . . . ни онъ [т.-е. магистратъ] ни мѣщанство не знаютъ ничего такого, о чемъ можно было бы войти съ представленіемъ въ Законодательную Комиссію

малороссовъ и сопротивленіемъ лифляндцевъ состояло не столько въ самой сущности сопротивленія, сколько во внѣшнихъ, болѣе или менѣе обнаруживавшихъ или прикрывавшихъ его обстоятельствахъ. Къ такимъ обстоятельствамъ принадлежали: 1) отношеніе мѣстнаго высшаго начальства къ Высочайшему манифесту: между тѣмъ какъ графъ Румянцевъ все время строго придерживался его, графъ Браунъ только вначалѣ настаивалъ на точномъ исполненіи манифеста, потомъ же самъ почему-то допустилъ отступленія; 2) характеръ самихъ донесеній: между тѣмъ какъ Румянцеву посылали точныя донесенія, да и онъ самъ подробно извѣщалъ обо всемъ императрицу, Браунъ избѣгалъ по возможности всякихъ подробностей, тѣмъ болѣе что и самъ онъ многаго не зналъ, такъ какъ въ сообщеніяхъ, ему доставленныхъ, многое умалчивалось [ср., напр., донесенія о юрьевскихъ выборахъ Головы и Депутата]; 3) способъ проявленія оппозиціи: въ Малороссіи горячились, шли противъ предписаній открыто, высказывали ясно, подчасъ несдержанно, необдуманно свои мнѣнія; лифляндцы же придерживались совершенно своеобразнаго способа сопротивленія: они дѣйствовали крайне осторожно, политично, скрытно, не выносили на улицу своего недовольства, наивничали, просили или умѣло избѣгали разъясненій, писали слезныя прошенія, при чемъ пользовались иногда преувеличеніями, тотчасъ же подчинялись офиціальнымъ настоятельнымъ требованіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ упорно втайнѣ преслѣдовали намѣченную цѣль, которой и достигали въ большинствѣ случаевъ. — Эти-то обстоятельства и способствовали главнымъ образомъ тому, что предвыборныя и выборныя дѣла въ Малороссіи сравнительно съ такими же въ Прибалтійскомъ краѣ

. . . . нашъ Депутатъ ничего не могъ бы внести въ только что названную Комиссію . . . но . . . принужденъ былъ бы только всеподданнѣйше умолять Ея Императорское Величество о всемилостивѣйшемъ сохраненіи и державной защитѣ дарованныхъ всемилостивѣйше утвержденныхъ привилегій города Дорпата . . . .“ [Сб. У.-Л. О., т. XIII, стр. 194, 195, въ представленіи магистрата отъ 24 мая 1767 года].

получили окраску, столь неблагопріятную для малороссійскаго шляхетства.

Моя работа основывается преимущественно на документахъ, сохранившихся въ Юрьевскомъ Городскомъ Архивѣ, и нельзя не пожелать, чтобы и другіе мѣстные архивы Прибалтійскаго края были изслѣдованы относительно документовъ по исторіи Законодательной Комиссіи, этого, по словамъ проф. Сергѣевича, величайшаго событія екатерининскаго царствованія, не только для выясненія далекаго, интереснаго, выдающагося прошлаго, но и, быть можетъ, для лучшаго уразумѣнія болѣе близкихъ, весьма важныхъ, современныхъ явленій въ жизни одной изъ западныхъ окраинъ Россійской Имперіи.

І. Змигродскій.

Поправки.

Стр.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
92	33 снизу	о сочиненія	о сочиненіи
93	4 сверху	къ отправкѣ	по отправкѣ
96	1 „	Урсинусаэ,	Урсинуса,
106	13 снизу	Sezeremetow	Sczeremetow
112	18 сверху	Рэнпэнкампфъ	Рэннэнкампфъ
115	27 снизу	„Um 7. August . . .	„ . . . am 9. August . . .
117	19 „	namlich	nämlich
119	41 „	2) DJ.,	1) DJ.,
120	26 „	Generalprokureuer	Generalprokureur
148	20 сверху	депутатовъ	депутатовъ,
151	20 „	дѣлъ-	дѣлъ,
154	12 снизу	отечества, нъ	отечества, въ
155	1 „	осѣтилъ	посѣтилъ
156	32 „	что какъ уже	что уже
„	14 „	въ рукописи	къ рукописи
160	26 „	нанесли	наносили
163	1 „	Versamlung	Versammlung
175	40 „	Justizbügemeister	Justizbürgemeister

Очерки изъ исторіи новой русской литературы [1]).

I.

Баснописецъ Иванъ Ивановичъ Хемницеръ.

Родъ Хемницеровъ былъ нѣмецкій. Отецъ баснописца Іоганнъ Адамъ Хемницеръ былъ уроженецъ Фрейбурга и переселился въ Петербургъ, по сообщенію Сахарова, въ царствованіе Петра Великаго. Фамилія эта происходитъ отъ наименованія города Хемницъ (искаженное славянское Каменецъ) въ Саксоніи, извѣстнаго своими каменоломнями. Иванъ Ивановичъ родился 5 января 1745 года въ Енотаевской крѣпости (нынѣ городъ Енотаевскъ), откуда въ томъ же году вся семья переселилась въ Астрахань. Родители шутя научили его читать и писать по нѣмецки; мальчикъ оказался очень способнымъ и любознательнымъ; дѣтскихъ игръ онъ избѣгалъ, игрушекъ никогда не любилъ: ломалъ и бросалъ ихъ. Всего больше нравилось ему садить растенія въ горшкахъ и пускать змѣи. До лакомствъ онъ былъ не охотникъ и предпочиталъ имъ черный хлѣбъ. Отецъ впослѣдствіи составилъ о немъ біографическую записку, гдѣ говорится, что онъ не помнитъ за сыномъ ни одной такой шалости, за которую бы можно было разсердиться. Обучивши сына нѣмецкой грамотѣ, отецъ сталъ преподавать ему латинскій языкъ и начальную ариѳметику, а потомъ отдалъ его къ пастору Нейбауеру. Когда мальчику было около шести лѣтъ, отецъ

---

1) Этотъ посмертно появляющійся трудъ безвременно погибшаго автора приготовленъ къ печати профессоромъ Е. А. Бобровымъ.

пріискалъ ему человѣка, который научилъ его по-русски. Въ это же время одинъ знакомый инженеръ давалъ ему уроки ариѳметики и геометріи. Самоучкой мальчикъ выучился рисовать.

Въ 1755 году отецъ Хемницера отправилъ свою семью въ Петербургъ. По дорогѣ юный Хемницеръ, отошедши въ темнотѣ отъ повозки, чуть не заблудился въ степи и былъ насилу найденъ калмыцкимъ конвоемъ. Въ Петербургѣ мать отдала его къ школьному учителю. Отецъ, прибывшій туда же черезъ годъ, помѣстилъ его у учителя латинскаго языка при врачебномъ училищѣ; здѣсь онъ бралъ уроки исторіи, географіи и латинскаго языка. Сблизившись съ лучшими учениками школы, онъ въ подробности узналъ отъ нихъ остеологію. Отецъ готовилъ сына къ медицинскому поприщу, но онъ распорядился собою совсѣмъ иначе.

Съ юношей произошло нѣчто такое, что въ наши дни кажется невозможнымъ и невѣроятнымъ, и что могло навѣки погубить и искалѣчить его физически и нравственно. Послушавшись совѣтовъ и повѣривши обѣщаніямъ какого то офицера, онъ на 13-мъ году отъ роду поступилъ въ солдаты пѣхотнаго Нотебургскаго полка. Можно представить себѣ, говоритъ отецъ, каково было положеніе юноши при такомъ суровомъ образѣ жизни безъ покровительства и помощи, при большой чувствительности и благородствѣ души. Офицеръ, который сулилъ ему золотыя горы, оказался обманщикомъ и негодяемъ. Но на счастье полковникъ полюбилъ мальчика-солдата, сталъ его повышать, хотя означенный офицеръ и тутъ старался вредить ему.

Отецъ тогда же выступилъ въ походъ, сопровождая армію въ званіи штабъ-лѣкаря и въ силу этого совершенно потерялъ сына изъ виду. Только черезъ два года суждено имъ было встрѣтиться въ Эльбингѣ. „Я долженъ“, пишетъ отецъ, „искренно похвалить его скромность въ отношеніи къ его гонителю, о поступкахъ котораго я имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія отъ офицеровъ. Когда я заводилъ о томъ рѣчь, онъ только

отвѣчалъ: „И, батюшка, слава Богу, что я опять съ Вами". — Полковникъ, напротивъ того, не могъ нахвалиться имъ".

Но военная служба не удовлетворила молодого Хемницера такъ же, какъ и анатомическій театръ, отъ котораго онъ бѣжалъ. Поэтому въ 1769 г., черезъ 12 лѣтъ онъ вышелъ въ отставку въ званіи поручика Копорскаго пѣхотнаго полка. Изъ аттестата, выданнаго ему, видно, что „въ баталіяхъ онъ не участвовалъ, а въ посылаемыхъ по командѣ спискахъ показывался въ должности званія своего прилеженъ и никакихъ пороковъ не имѣетъ, почему . . . къ повышенію чина достоинъ".

Богатыя способности Хемницера позволяли ему отправлять и спеціальную службу по горному вѣдомству, куда онъ поступилъ, благодаря протекціи Н. А. Львова, родственника М. Ѳ. Соймонова, тогдашняго оберъ-прокурора Сената, управлявшаго бергъ-коллегіею, и перваго директора Горнаго училища (нынѣшняго Горнаго института). Любовь къ минералогіи была, вѣроятно, наслѣдственною у Хемницеровъ, благодаря ихъ происхожденію изъ саксонскихъ горъ; такъ и отецъ Ивана Ивановича былъ большимъ знатокомъ этого дѣла. Отставной поручикъ получаетъ сначала чинъ гиттенфервальтера, а затѣмъ производится въ маркшейдеры (что̀ соотвѣтствуетъ по табели о рангахъ чину капитана или титулярнаго совѣтника).

Личность Львова играетъ важную роль въ біографіи Хемницера. Оба они были связаны между собою тѣсною дружбою, ни разу не прерывавшейся до самой кончины баснописца. Львовъ былъ и самъ литераторомъ, и душою писательскаго кружка, къ которому принадлежали Державинъ, Капнистъ, авторъ „Ябеды", Храповицкій и А. С. Хвостовъ. Первоначально Львовъ служилъ въ Измайловскомъ полку, а потомъ перешелъ въ иностранную коллегію, гдѣ, благодаря своимъ способностямъ, сталъ быстро повышаться, такъ что подъ конецъ былъ приближеннымъ и даже другомъ князя Безбородка. Дружба Хемницера со Львовымъ не умалилась и оттого, что оба они были влюблены въ одну и ту же дѣ-

вушку, Марію Алексѣевну Дьякову, сестры которой вышли замужъ: одна — за Капниста, а другая — за Державина. Львовъ предупредилъ своего друга, сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе. Это событіе еще тѣснѣе связало Хемницера со Львовымъ и его женою.

Въ концѣ 1776 г. Соймоновъ для поправленія здоровья отправился за границу и взялъ съ собою Хемницера и Львова. Хемницеръ велъ по-нѣмецки дорожный дневникъ. Путешественники довольно быстро проѣхали черезъ Дрезденъ, Лейпцигъ, гдѣ они осмотрѣли памятникъ Геллерту, многія басни котораго были впослѣдствіи переведены Хемницеромъ на русскій языкъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Кёльнъ и затѣмъ черезъ Голландію и Бельгію прибыли въ Парижъ, гдѣ пробыли около трехъ мѣсяцевъ. Здѣсь молодые люди часто посѣщали театръ, гдѣ однажды Хемницеръ, пораженный величественнымъ видомъ актера Лекена, по забывчивости всталъ и поклонился ему, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе всего театра. Изъ парижской жизни Хемницера можно упомянуть еще два случая. Цѣлую недѣлю онъ подстерегалъ Жанъ-Жака Руссо, имѣвшаго обыкновеніе выходить изъ дому только рано поутру, пока наконецъ не видѣлъ его. Тамъ же онъ увлекся какой то самозванкою-графинею, которую оставилъ только тогда, какъ та его начисто обобрала. Изъ Парижа черезъ Аахенъ путешественники прибыли въ Спа, откуда Львовъ возвратился въ Петербургъ. Въ Спа Соймоновъ и Хемницеръ пили воды. Какъ тамъ проводилъ время Хемницеръ, показываютъ его шуточные стихи:

Кто пить желаетъ воды,
Оставить долженъ моды
И попросту ходить,
Немного ѣсть, немного пить,
Отъ всѣхъ красавицъ удаляться,
Въ шестомъ часу вставать, поранѣй спать ложиться,
Всѣ грусти позабыть, нимало не вздыхать,
Оставить чтеніе и болѣе гулять.

Пробывъ въ Спа три мѣсяца, Хемницеръ со своимъ начальникомъ возвратился въ Петербургъ. По дорогѣ, въ Дюссельдорфѣ, они осмотрѣли картинную галлерею произведеній Рубенса.

Возвратившись въ Петербургъ, Хемницеръ снова принялся за свою службу. При Горномъ училищѣ, основанномъ въ 1773 году, было „Ученое собраніе“, въ числѣ членовъ котораго состоялъ и Хемницеръ. Несмотря на кратковременное существованіе „Ученаго собранія“ (всего 5 лѣтъ), Хемницеръ въ немъ успѣлъ обнаружить обширную дѣятельность и принималъ во всѣхъ его совѣщаніяхъ горячее участіе. Такъ, онъ перевелъ книгу о цвѣтныхъ камняхъ, перевелъ также или почти самъ написалъ другую подъ заглавіемъ „Кобальтословіе или описаніе красильнаго кобальта“, просматривалъ и исправлялъ чужія сочиненія по минералогіи. Когда „Ученое собраніе“ рѣшило составить горный словарь, то Хемницеръ, носившій тогда уже чинъ оберъ-бергмейстера (подполковника), предложилъ переводить иностранные научные термины на русскій языкъ. „Россійскій языкъ“, восторженно говоритъ онъ въ своей докладной запискѣ, найденной въ его бумагахъ, „надо всѣми прочими языками возвышающійся основаніемъ своимъ, всѣ къ сооруженію превосходнѣйшаго зданія части содержитъ и требуетъ только, чтобы таковыя собрать, и тогда сооруженіе совершится такое, которое, конечно, красотою своею состязаться можетъ съ другими“.

Хемницеръ не ограничивался одною ученою дѣятельностью, и вслѣдъ за его минералогическими сочиненіями въ 1779 г. появилось первое изданіе его басенъ подъ заглавіемъ: „Басни и сказки N. N.“. Эти басни и сказки содержали явные намеки на современную жизнь. Хемницеръ долго не рѣшался пустить ихъ въ свѣтъ, и сдѣлалъ это только послѣ упрашиваній друзей. Изданіе было посвящено М. А. Дьяковой, которая, прочитавъ ихъ, отвѣтила слѣдующими стихами:

По языку и мыслямъ я узнала,
Кто басни новыя и сказки сочинялъ:

Ихъ истина располагала,
Природа разсказала,
Хемницеръ написалъ.

Хемницеръ отвѣчалъ:

Чувствительно Вы похвалили
Того, кто басни написалъ,
Сказавъ, что авторъ ихъ природѣ подражалъ;
Но больше похвалой своею научили,
Какъ надобно писать,
Когда хотѣть природѣ подражать.

Между тѣмъ въ управленіи Горнымъ училищемъ готовились важныя перемѣны, что побудило Соймонова выйти въ отставку въ 1781 году. Вслѣдъ за нимъ покинулъ службу и Хемницеръ. Не имѣя собственнаго состоянія, нашъ поэтъ долженъ былъ искать себѣ другого мѣста, каковое и нашелъ по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ. Львовъ просилъ Безбородку, который далъ Хемницеру мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ. Здѣсь онъ послужилъ года полтора и умеръ въ мартѣ 1784 года, не достигнувъ и до 40 лѣтъ, погибъ жертвою дурного климата и глубокого уныніа, овладѣвшаго имъ въ его совершенномъ одиночествѣ на далекой азіатской чужбинѣ.

Съ грустью и тяжелыми предчувствіями сѣлъ бѣдный поэтъ въ Херсонѣ на яхту, назначенную для перевозки его въ Константинополь. Мѣстоположеніе и природа этого города поразили и нѣсколько утѣшили Хемницера. Но его гнела забота о трудностяхъ важнаго дипломатическаго поста, къ которому онъ не имѣлъ ни подготовки, ни влеченія, — и вдобавокъ въ тяжелый моментъ обостренныхъ отношеній между обѣими націями. Между тѣмъ Хемницера стѣсняли въ содержаніи; его не выдавали Хемницеру аккуратно.

За свою консульскую должность Хемницеръ взялся съ усердіемъ и неослабною энергіею, несмотря на всѣ затрудненія, неизбѣжныя при разнообразномъ и разнохарактерномъ населеніи края. Нерѣдка была всеобщая и взаимная рѣзня.

Хемницеръ сильно отстаивалъ интересы русскаго правительства и русскихъ подданныхъ, боролся за православіе, заботился о построеніи православныхъ церквей, собиралъ свѣдѣнія о цѣнахъ на товары, предметы ввоза и вывоза.

Другіе консулы давали взятки турецкимъ чиновникамъ. Хемницера стали сами турки подкупать, но безуспѣшно: только и твердили, что „московъ“ трогать ненужно. Впрочемъ, надо сказать, что по сравненію съ другими народностями, греками, армянами, даже французами Хемницеръ всетаки предпочиталъ турокъ.

Литературная производительность Хемницера на этомъ посту совершенно прекратилась. Единственною отрадой служила ему переписка съ друзьями. Но житьё въ Смирнѣ становилось ему все тяжелѣе и невыносимѣе. Одиночество страшно тяготило его. Одолѣвали его и тяжкія тѣлесныя болѣзни. Мечталъ онъ объ отставкѣ съ пенсіею. Послѣднее письмо его писано за три недѣли до смерти. Онъ сознавалъ, что смирнская жизнь не въ „сутерпъ“ и что ему нѣтъ спасенія, кромѣ, какъ на родинѣ. Увидѣть отчизну ему уже не удалось: онъ умеръ 26 марта 1784 г., не успѣвъ сдѣлать многаго, что̀ могъ бы совершить. Въ ранней кончинѣ Хемницера, говоритъ Гротъ, мы видимъ печальный примѣръ суетности большинства человѣческихъ разсчетовъ. Хемницеръ хотѣлъ составить себѣ въ Смирнѣ честнымъ путемъ безбѣдное состояніе, но потерялъ тамъ самую жизнь.

Не задолго до смерти — 24 февраля онъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи.

Хемницеръ достоинъ жить въ памяти потомства (по словамъ Грота) уже и однѣми своими баснями; но мы позволяемъ себѣ думать, что онъ пріобрѣтаетъ на это еще болѣе права теперь, когда образъ его, какъ человѣка и писателя, яснѣе и полнѣе прежняго возстановляется передъ нами изъ подлинныхъ его бумагъ и переписки. Получивши скудное домашнее образованіе, онъ самъ до конца жизни заботился о своемъ умственномъ развитіи и, благодаря энергіи и любозна-

тельности, достигъ цѣли; его слѣдуетъ назвать однимъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ русскихъ писателей того времени. Послѣ него осталось и библіотека разнообразнаго содержанія, и тетрадь, писанная его собственною рукою подъ заглавіемъ: „Выписки изъ писемъ Эйлеровыхъ о разныхъ физическихъ и филозофическихъ матеріяхъ“.

Крайне застѣнчивый, нерѣчистый и нѣсколько разсѣянный, онъ сначала чуждался общества; но потомъ, послѣ путешествія онъ полюбилъ его. Вполнѣ непринужденно онъ велъ себя только среди друзей и въ семейномъ кругу, гдѣ не было ему необходимости класть каждое слово „на вѣски“, какъ самъ онъ выражается, гдѣ онъ могъ высказывать все, что̀ у него было на душѣ. Онъ свободно обсуждалъ произведенія своихъ друзей-писателей. Державинъ самъ сознаётся, что онъ много былъ обязанъ Хемницеру за совѣты.

Въ своей семьѣ Хемницеръ былъ почтительнымъ сыномъ и любящимъ братомъ. Еще въ раннихъ лѣтахъ онъ обнаруживаетъ заботы относительно сестеръ: въ свободное время онъ давалъ имъ уроки по разнымъ предметамъ. Къ этимъ качествамъ примѣшивается какая то почти дѣтская довѣрчивость, которая не разъ дѣлала его предметомъ разныхъ насмѣшекъ и обмановъ.

Черезо всю жизнь Хемницера въ качествѣ отличительныхъ чертъ его характера проходятъ искренность, прямота, честность, трудолюбіе и энергія. Въ отношеніи своихъ служебныхъ обязанностей онъ былъ постоянно исполнительнымъ, аккуратнымъ и вполнѣ безкорыстнымъ человѣкомъ. Онъ отвергалъ подарки, дѣлаемые даже изъ чувства признательности или расположенія къ нему.

Въ Смирнѣ онъ является въ новомъ свѣтѣ; въ немъ нѣтъ и тѣни прежней поэтической разсѣянности. Прежде патріотизмъ его по преимуществу выражался въ басняхъ, т. е. въ словѣ, которымъ онъ хотѣлъ исцѣлять общество отъ разныхъ его тяжкихъ недуговъ. Въ Турціи его горячая любовь къ Россіи проявляется дѣятельностью не менѣе серьезной, а именно политическою.

Своимъ энергическимъ, непоколебимымъ и неподкупнымъ характеромъ онъ приводитъ въ смущеніе своевольныхъ туземныхъ жителей и достигаетъ того, что вселяетъ въ послѣднихъ невольное уваженіе къ русскимъ. „Такимъ образомъ“, пишетъ Хемницеръ Львову, „имя россійское защитою служитъ теперь и прочимъ“. Онъ съ достоинствомъ и пониманіемъ своего положенія занимаетъ отвѣтственный постъ русскаго консула и умираетъ на чужбинѣ вдали отъ Россіи, которой посвятилъ всего себя. Весь вѣкъ онъ провелъ въ непрерывныхъ трудахъ на различныхъ поприщахъ. Въ очень характерномъ двухстишіи скромный Хемницеръ такъ изображаетъ свою жизнь:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился,
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Отъ Хемницера человѣка обратимся къ Хемницеру писателю.

Первымъ напечатаннымъ литературнымъ произведеніемъ Хемницера была „Ода на славную побѣду, одержанную арміей Ея Императорскаго Величества надъ непріятелемъ при городѣ Журжѣ и на завладѣніе онаго города Февраля 4 дня 1770 года.“ Эта ода представляетъ подражаніе Ломоносову и несовершенна какъ по содержанію, такъ въ особенности по языку и формѣ. Послѣ оды былъ напечатанъ въ 1774 г. его переводъ: „Письма Барнвеля къ Труману изъ темницы“ соч. Дора, который посвященъ Львову и по языку не превосходитъ предыдущаго произведенія. Но въ стихосложеніи замѣтенъ уже рѣшительный успѣхъ. Въ исторіи русской литературы Хемницеръ болѣе извѣстенъ, какъ баснописецъ.

Басня, благодаря блестящему успѣху Лафонтена, получила большое распространеніе во всѣхъ европейскихъ литературахъ и долгое время вмѣстѣ съ одою господствовала въ мірѣ поэзіи. У насъ, какъ и на Западѣ, въ то время рѣдкій стихотворецъ не былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и баснописцемъ. На Руси имѣлись уже неудачныя „притчи“ Сумарокова, басни

В. Майкова, Хераскова, но настоящая русская басня впервые родилась подъ перомъ Хемницера. Очарованный баснями француза Лафонтена и въ особенности нѣмца Геллерта, онъ не могъ не поддаться общему теченію, такъ какъ обладалъ при этомъ и необходимыми для баснописца свойствами: наблюдательнымъ умомъ и богатымъ житейскимъ опытомъ. Успѣхъ басенъ Хемницера былъ громадный, а число изданій ихъ очень велико: онѣ перепечатывались около 40 разъ. По поводу одного изданія „Литературная Газета“ (1840 г. № 40) заявляетъ: „Мы не успѣваемъ извѣщать о новыхъ изданіяхъ басенъ Хемницера, которыя появляются, если не еженедѣльно, то, по крайней мѣрѣ, ежемѣсячно... Стало быть, на нихъ есть требованіе, есть расходъ. Гдѣ же эти басни расходятся? Нѣтъ сомнѣнія, между читателями низшаго класса, въ простомъ народѣ“. Въ 18-мъ нумерѣ того же года названная газета говоритъ: „Еще изданіе басенъ Хемницера. Сколько же ихъ всѣхъ было? Мы и счетъ потеряли.“ Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1840 г. (№ 12) читаемъ: „Неужели у него (Хемницера) столько почитателей, что почти каждый мѣсяцъ надобно готовить новое изданіе?... О, нѣтъ! — Тутъ разсчетъ совершенно другой: не требованіе предшествуетъ книгѣ, но книга возбуждаетъ требованія.“

Съ шестидесятыхъ годовъ истекшаго XIX вѣка изданія басенъ Хемницера становятся рѣже. Слава басенъ Хемницера стала затмѣваться славою басенъ Крылова. Но если общество стало забывать Хемницера, то не забудетъ о немъ исторія литературы: она постоянно будетъ относить его къ числу наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ писателей.

Басни Хемницера (числомъ 91) дѣлятся на переводныя и оригинальныя. Изъ Лафонтена имъ переведено 5 басенъ, изъ Геллерта — 18 и по одной изъ Вольтера, Дора и Ножана, итого переводныхъ басенъ 26, а остальныя, составляющія слишкомъ $^2/_3$ всего количества, — оригинальныя. Въ своихъ заимствованіяхъ Хемницеръ слѣдовалъ подлиннику только въ общемъ ходѣ разсказа, а подробности часто пропу-

скалъ. Характерная особенность басенъ Геллерта (ему Хемницеръ подражалъ чаще, чѣмъ другимъ) состоитъ въ томъ, что онъ напиралъ болѣе всего на нравоученіе, которое иногда занимало у него бо́льшую половину разсказа. Хемницеръ сумѣлъ счастливо избѣжать этого недостатка: сокращалъ мораль и прямо предоставлялъ дѣлать выводы самимъ читателямъ,

Иноземная цивилизація въ XVIII столѣтіи была привита къ русской жизни насильственно. Безо всякой исторической подготовки русское общество должно было встать на одинъ уровень съ западной Европой. Такое поспѣшное и ускоренное развитіе должно было породить не мало уродливыхъ явленій, достойныхъ стать предметомъ сатиры. Многіе патріоты, искренно любившіе отечество, сознавая общественные недостатки, старались литературнымъ путемъ: съ одной стороны, пробудить въ обществѣ здоровыя идеи и съ другой, — подвергая осмѣянію пороки и недостатки, держать ихъ „смѣхомъ и стыдомъ въ уздѣ.“ Главнымъ средствомъ для этого служили сатира и басня, какъ видъ ея. Къ числу такихъ образованныхъ патріотовъ-литераторовъ принадлежалъ и Иванъ Ивановичъ Хемницеръ. Увлеченный блестящимъ успѣхомъ сатиры его современника, Капниста, Хемницеръ написалъ на судей и подъячихъ двѣ довольно обширныя сатиры, которыя совершенно не отдѣланы; онѣ написаны, по всей вѣроятности, между 1774 и 1779 годами, т. е. прежде басенъ. Содержаніе и языкъ этихъ произведеній обнаруживаютъ близкое знакомство съ сатирами Сумарокова, изъ которыхъ одна носитъ подобное заглавіе „О худыхъ судьяхъ.“ Сатиры Хемницера найдены послѣ смерти въ его бумагахъ и при жизни автора не были напечатаны.

Апогеемъ творчества Хемницера являются его басни, имѣющія громадное историческое и общественное значеніе, но и замѣчательныя въ чисто литературномъ отношеніи. Въ нихъ подъ самой простою, „доходящей даже до наивности“, невидной оболочкою находимъ мы важныя истины, касающіяся общественнаго быта и государственныхъ вопросовъ.

Въ баснѣ: „Паукъ и мухи“ паукъ, не довольствуясь мелкими мухами, попадавшими въ паутину, изъ желанія поймать большую муху раскидываетъ „пошире паутину“, но своей цѣли онъ не достигаетъ и этимъ средствомъ.

Прорвется и сама (муха) и паутину мчитъ.

Изъ разсказа вытекаетъ слѣдующее нравоученіе:

А это и съ людьми бываетъ,
Что маленькимъ, куда
Ни обернись, бѣда:
Воръ, напримѣръ, большой хоть въ кражѣ попадётся,
Выходитъ правъ изъ-подъ суда;
А маленькій наказанъ остаётся.

Басня „Лѣстница“ доказываетъ, что начинать сметать соръ съ нижней ступени не стóитъ, ибо „съ верхней соръ опять на нижнюю спадётъ.“ Затѣмъ Хемницеръ прибавляетъ:

На что бы походило,
Когда въ правленіи какомъ бы то ни бы́ло
Не съ высшихъ ступеней, а съ нижнихъ начинать
Порядокъ наблюдать.

Это довольно ѣдкій намекъ на всегдашнее стремленіе русской администраціи того времени — искоренять взятки и акциденціи въ низшихъ ступеняхъ іерархіи.

Часто оцѣниваютъ лѣнивца и тунеядца наравнѣ съ трудолюбивымъ. Эту общественную черту Хемницеръ отмѣтилъ въ баснѣ „Лѣнивые и ретивые кони“.

Ретивому коню всегда работы вдвое,
А тотъ же кормъ, какой лѣнивому даютъ.

Нерѣдко люди, занимающіе высокія мѣста, хвалятся трудами своихъ подчененныхъ, приписывая ихъ себѣ. У Хемницера они уподобляются стрѣлкѣ на башенныхъ часахъ, которая расхвасталась тѣмъ, что она указываетъ людямъ время ихъ дѣйствій.

Другія части отвѣчали:

Знай, если бы не мы тобою управляли,
Тебя бы, собственно, ни во́ что не считали.

Ты хвастаешь собой,
Какъ часто хвастаетъ и человѣкъ иной,
Который за себя работать заставляетъ,
А тамъ себя другихъ трудами величаетъ.

По идеѣ эта басня сходна съ другою подъ заглавіемъ: „Конь верховой.“ Еще задолго до появленія „Недоросля“ Фонвизина въ баснѣ: „Волчье разсужденіе“ у Хемницера затронутъ весьма важный вопросъ того времени о безчеловѣчномъ обращеніи помѣщиковъ со своими крѣпостными. Господа, подобно хищному волку, требовали отъ своихъ крестьянъ непосильныхъ трудовъ и для достиженія своей цѣли употребляли не менѣе жестокія мѣры, чѣмъ сдираніе кожи съ овецъ.

Увидя, волкъ, что шерсть пастухъ съ овецъ стрижетъ,
„Мнѣ мудрено,“ сказалъ: „и я не понимаю,
Зачѣмъ пастухъ совсѣмъ съ нихъ кожи не сдеретъ.
Я, напримѣръ, такъ я всю кожу съ нихъ сдираю,
И то жъ въ иныхъ дворахъ господскихъ примѣчаю.
Зачѣмъ бы и ему не такъ же поступать?“

На что волкъ получаетъ практическій отвѣтъ:

Съ тебя, да и съ господъ иныхъ примѣры брать,
Не будетъ наконецъ съ кого и шерсть снимать.

Въ баснѣ: „Земля хромоногихъ и картавыхъ“ Хемницеръ осмѣиваетъ молодцовъ, которые переняли лишь внѣшніе признаки европеизма, и указываетъ на то, какъ часто человѣкъ, заботящійся объ искорененіи общественныхъ недостатковъ, не достигаетъ никакой цѣли.

И мода тамъ была такая,
Которой каждый подражалъ,
Что не было ни человѣка,
Который бы по обычаю вѣка,
Прихрамывая, ни ходилъ,
И не картавя, говорилъ.

Одинъ проѣзжій, удивившись „модѣ той“, задумалъ „такую глупость выводить“. Тогда закричали всѣ:

Тебѣ ли насъ учить?

Что на него смотрѣть? Ребята, всё пустое!
Хоть худо ль, хорошо ль умѣемъ мы ходить и говорить:
Однако, не ему ужъ насъ перемудрить:
Да кстати ли теперь повѣрье отмѣнить
Старинное такое?

Екатерина II поручила Вольтеру написать исторію Петра Великаго. Не имѣя надлежащихъ источниковъ и не желая даромъ брать денегъ или огорчить Императрицу отказомъ, Вольтеръ слишкомъ переусердствовалъ, что̀ произвело весьма непріятное впечатлѣніе въ русскомъ обществѣ. Это неудовольствіе выразилось въ эпиграммѣ Хемницера, ѣдкость которой замѣчательна.

Вольтера всѣ бранятъ, поносятъ
И гнусный на него такой поступокъ взносятъ,
Что много онъ въ своей „Исторіи“ налгалъ.
Ну, виноватъ ли онъ, когда его дарили
И просили,
Чтобъ вмѣсто правды ложь онъ иногда писалъ?

Подъ „Привязанной собакой“ въ баснѣ того же названія надо разумѣть современныхъ автору сатириковъ, которые въ либеральный періодъ царствованія Екатерины пользовались почти полною свободою слова; но они захотѣли бо̀льшаго и въ послѣдовавшую затѣмъ реакцію подверглись репрессаліямъ. Насильственными мѣрами ничего не добьешься.

Собака привязи избавиться хотѣла
И привязь стала-было рвать;
Не рвется привязь: грызть ее . . . и переѣла,
Но тою жъ привязью опять,
Которой связанны концы короче стали,
Короче прежняго собаку привязали.

Нѣкоторыя басни носятъ характеръ полемическій. Къ послѣднимъ относится басня: „Черви“, направленная противъ плохихъ писакъ, раздраженныхъ сатирою К а п н и с т а и вооружившихся противъ него за это нападеніе.

Сатирой тронь дурныхъ писцовъ,
Не оберешься бранныхъ словъ!

Крайне любопытны политическіе взгляды Хемницера, высказанные имъ въ басняхъ: „Домъ“ и „Два льва-сосѣда“.

Въ концѣ XVIII в. правительства старались увеличить свои земли новыми владѣніями, забывая ту истину, что гораздо лучше хорошо управлять малымъ государствомъ, чѣмъ дурно большимъ. Противъ этого стремленія направлена басня: „Домъ“.

А сколько государствъ, которыя упали,
Когда безмѣрное пространство получали.

Въ другой баснѣ высказывается та мысль, какъ ненадежно народонаселеніе вновь завоеванныхъ земель.

Вотъ какова война: родное потеряй,
А что завоевалъ, своимъ не называй.

Не станемъ говорить о его столь популярномъ „Метафизикѣ“, который извѣстенъ всякому школьнику и встрѣчается въ любой хрестоматіи. Бѣлинскій сказалъ въ обзорѣ исторіи русской басни: „Наконецъ явился талантливый Хемницеръ и написалъ своего превосходнаго „Метафизика“, который и донынѣ, и всегда будетъ превосходенъ, какъ ловко написанная эпиграмма“.

Хемницеру, какъ человѣку, вышедшему изъ бѣдной и не чиновной семьи, пришлось самому испытать и пережить многое. Тяжкіе жизненные опыты доставили ему пониманіе людей и свѣта. Къ насмѣшкамъ надъ общественными пороками примѣшивается иногда горькое чувство самого автора, и басня носитъ тогда характеръ элегическій. Такъ въ баснѣ: „Гадатель“ одинъ „дѣтина молодой“, желая узнать, какова будетъ его жизнь, призываетъ гадателя.

Гадатель былъ старикъ и строго честь любилъ;
Онъ зналъ людей и въ свѣтѣ жилъ;
Дѣтинѣ этому печально отвѣчаетъ:
„Немного жизнь твоя добра предвозвѣщаетъ;
Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
Ты честенъ, другъ, да ты жъ уменъ“.

— — — — — — — — — — — — —

Должно быть, тотъ же дѣтина спрашиваетъ совѣта старика („Совѣтъ старика“):

„Чтобъ знатнымъ сдѣлаться, за что бы мнѣ приняться?“
„Будь храбръ, дружокъ“, отвѣчаетъ старикъ, „отложи покой и забавы, трудомъ пріобрѣтай себѣ честь и славу; отличайся отъ другихъ глубокимъ знаніемъ“ . . . .

„Мнѣ кажется | говоритъ дѣтина |, что ты ужъ слишкомъ судишь строго;
Полегче бы чего нельзя ли присудить?“ —
„Ужъ легче нѣтъ того, какъ дуракомъ прожить:
А и глупцовъ чиновныхъ много!“

Печальная доля ума и блаженство глупости нашла себѣ мѣсто и въ баснѣ: „Умирающій отецъ“. Отецъ, умирая, завѣщаетъ все свое имѣніе умному, а

„О братѣ нечего“, сказалъ отецъ, „тужить,
Дуракъ ужъ вѣрно сыщетъ средство
Счастливымъ въ свѣтѣ быть“.

Печальный личный опытъ продиктовалъ Хемницеру и слѣдующія строки („Богачъ и бѣднякъ“):

Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье:
„Возможно-ль“, говоритъ ему,
„Что такъ людей богатство ослѣпляетъ
Достоинство того, кто бѣденъ, получаетъ,
А кто богатъ, того пороки прикрываетъ?
Куда какъ это огорчаетъ“. —
„Дивишься ты чему!“
Другой на это отвѣчаетъ:
„Достоинствъ вѣдь взаймы не ищутъ никогда,
А денегъ завсегда!“

Торжество и блаженство глупости и богатства, бѣдствіе ума и бѣдности изображаются и во многихъ другихъ басняхъ,

которыя, можно сказать, служатъ вѣрнымъ отраженіемъ характера и жизни Хемницера.

Цѣльность міровоззрѣнія баснописца, его патріотическія стремленія и общее гуманное направленіе его литературной дѣятельности | въ этомъ отношеніи Хемницеръ нерѣдко превосходитъ Крылова |, естественность басенъ, рѣдкое остроуміе, вѣрное и живое изображеніе дѣйствительности не остались безъ достойной оцѣнки. Сочиненія Хемницера завоевали себѣ широкую и продолжительную извѣстность въ русскомъ образованномъ обществѣ.

Но что всего замѣчательнѣе: басни Хемницера распространялись и среди простого народа, чутье котораго всегда откликается въ тѣхъ рѣдкихъ пока случаяхъ, когда оно найдетъ что-нибудь родственное себѣ. Хемницеръ попалъ „въ народную жилку, какъ выразился Ершовъ о своемъ „Конькѣ-Горбункѣ“. Образованные современники особенно высоко цѣнили Хемницера за п р о с т о т у, которою его басни рѣзко и выгодно отличались отъ „твореній“ тогдашнихъ писателей.

Очень характерна въ этомъ отношеніи надпись подъ портретомъ Хемницера:

Въ природѣ, въ простотѣ онъ истину искалъ;
Какъ видѣлъ, такъ ее писалъ.

Популярность басенъ видна изъ того, что нѣкоторые стихи изъ нихъ, такъ же какъ, напримѣръ, и стихи Грибоѣдова, вошли въ обыденную рѣчь и повторялись въ видѣ пословицъ. Такой успѣхъ обусловливается замѣчательною для того времени н а р о д н о с т ь ю сюжетовъ и языка.

И въ исторіи образованія русскаго языка Хемницеръ играетъ замѣтную и почтенную роль.

Нашъ литературный языкъ былъ созданъ Л о м о н о с о в ы м ъ: онъ первый постарался опредѣлить взаимныя отношенія языковъ русскаго и церковнославянскаго и установилъ для литературнаго языка новыя правила | теорія о трехъ штиляхъ |. Но послѣдователи его не поняли смысла раздѣленія: они стали злоупотреблять высокимъ „штилемъ“, пере-

полняя свою рѣчь „славянщизною“. Они писали большими періодами, на подобіе латинскихъ и нѣмецкихъ. Рѣчь ихъ выходила высокопарною и надутой. Отсюда проистекали довольно курьёзныя явленія: одинъ и тотъ же авторъ сразу писалъ двумя штилями въ одномъ сочиненіи, когда дѣло шло о матеріяхъ разной важности. Герои романовъ въ любовныхъ признаніяхъ употребляли церковнославянскія реченія, вродѣ: дондеже, доселѣ, паче, колико | „колико для тебя чувствительно“! | и т. д. Славянщизною нѣкоторые писали вплоть до 20-хъ годовъ девятнадцатаго столѣтія, пока не была принята всѣми реформа Карамзина, требовавшаго, чтобы писали такъ, какъ говорятъ, т. е. вводившаго въ литературный языкъ слова обыденнаго разговора.

Тѣмъ въ бо́льшую заслугу надо поставить Хемницеру, что онъ рѣшился на неслыханное тогда нововведеніе и сталъ употреблять слова „подлыя“. Не слѣдуетъ забывать, что басни Хемницера появились | 1779 г. | раньше „Душеньки“ Богдановича и „Недоросля“ Фонвизина.

Изъ приведенныхъ выше отрывковъ можно замѣтить, что рѣчь его басенъ течетъ гладко, непринужденно. Искаженіе языка въ угоду риѳмѣ и стиху встрѣчается сравнительно рѣдко. Языкъ у Хемницера живой, разговорный, обильный чисто народными выраженіями и оборотами. Такъ басню „Умирающій отецъ“ Хемницеръ начинаетъ на манеръ народныхъ сказокъ:

„Жилъ-былъ отецъ,
И были у него два сына“ . . . .

Употребленіе уменьшительныхъ и ласкательныхъ существительныхъ именъ и нарѣчій, которое, какъ извѣстно, составляетъ особенность нашихъ народныхъ произведеній, попадается у Хемницера почти на каждомъ шагу. „Къ тому же, дитятко, у насъ ты одинъ сынъ“ . . . „Ахъ, кумушка, бѣды!“ . . . „Ты ошибаешься, мой свѣтъ!“ . . . „Точнехонько, и хвостъ твой также выступаетъ“ . . . „Хлѣбъ этотъ помаленьку сжать“ . . . „А вы частёхонько живете клеветой“ . . . и др.

Хемницеръ часто употребляетъ поговорки и пословицы: „Лиха бѣда начало“. „Худой миръ лучше доброй ссоры“. „Что многіе умѣютъ мягко стлать, да жестко спать“. „И отъ добра добра не ищутъ“. „Заставь дурака молиться, дуракъ и лобъ разобьетъ“. „Святое мѣсто пусто не будетъ“. Иногда Хемницеръ и отъ себя составляетъ выраженія на подобіе народныхъ пословицъ: „Кто ползать родился, тому ужъ не летать“. „Говорятъ, сѣдло коровѣ не пристало“. „И лжетъ душа, покуда въ тѣлѣ“. „Иному и въ дѣлахъ лужайка — океанъ“. Встрѣчается множество словъ, составляющихъ исключительную принадлежность просторѣчья: „Чужого не замай, а береги свое“. „А лошадь шла порожнякомъ“. „И подлинно суда искали, пока всѣ животы судьямъ перетаскали“. „То денегъ сто рублевъ“. „Провалъ бы эту ношу взялъ“. „Шалунъ и бѣдокуръ такой“. „Куды теперь, куды несчастный“. „Безпрокаго коня кормить“ . . .

Можно указать на довольно живую картину, изображенную словами, заимствованными изъ обыденной простой рѣчи | „Два сосѣда“ |.

„Собакъ, собакъ сюда!“ домашніе кричали;
Изъ избъ всѣ люди побѣжали,
И свинью ну травить,
Швырять ее, гонять и бить:
Полѣньями ее, метлами, кочергой,
Тотъ шапкою швыркомъ, другой ее ногой.
| Обычай на Руси такой! |
Тутъ лай собакъ и визгъ свиной,
И крикъ людей и стукъ побой,
Такую кашу заварили.“ . . . .

Превосходная степень прилагательныхъ и обиліе чего-нибудь у Хемницера выражается черезъ префиксъ п р е: „камней и мелей премножество“ . . „премудрая муха“ . . . „престрашный возъ“ . . .

Стоитъ вниманія также употребленіе глагольныхъ формъ: н е о п р е д ѣ л е н н а г о и п о в е л и т е л ь н а г о наклоненій.

„Они никакъ не отставать“.

„Старикъ еще ихъ унимать“.

Въ баснѣ: „Вдова“ читаемъ:

Жена, лишась супруга,
„Лишилась“, вопіетъ она, „тебя я, мила друга,
И полно мнѣ самой на свѣтѣ больше жить!“
Жена терзаться, плакать, рваться,
Жена не спать, ни ѣсть, ни пить.

Иной разъ неопредѣленное наклоненіе встрѣчается съ частицей ну: „Воронье стадо ну кричать“. „Ну муравей тащить, трудиться“.

Иногда попадается чисто народная форма дѣепричастія на чи: „Левъ, со своимъ народомъ живучи“ . . . „и ѣдучи купецъ съ милордомъ доказали“.

Особенностью языка Хемницера служитъ также употребленіе отглагольныхъ нарѣчій и междометій:

„Такъ, знать, чего-нибудь я стою“.

„И для того я ихъ, спасибо, не имѣю“ . . .

„Скажи, пожалуй мнѣ“.

Для обозначенія быстроты движенія Хемницеръ употребляетъ отглагольное междометіе, напримѣръ, скокъ. „Ежъ скокъ за зайцемъ еще съ пригорка на долъ“.

Этихъ указаній, думаемъ, вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе объ языкѣ басенъ Хемницера. Достойно удивленія и уваженія, что человѣкъ, вышедшій изъ нѣмецкой семьи и не знавшій русскаго языка почти до 11-няго возраста, такъ овладѣлъ имъ. Знакомству Хемницера съ народнымъ языкомъ и бытомъ, конечно, способствовали его военная служба, съ одной стороны, а съ другой, вліяніе его друзей Капниста, Державина и въ особенности Львова.

Въ исторіи нашей литературы за Хемницеромъ навсегда останется одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Хемницеръ создалъ тотъ типъ настоящей басни, который мы находимъ и у Крылова. „Не съ Сумарокова“, говоритъ Галаховъ, „а съ Хемницера слѣдуетъ вести начало искусственной басни“.

Если отзывъ Полевого, который ставитъ Хемницера наравнѣ съ Крыловымъ и даже выше его, безъ сомнѣнія, преувеличенъ, то всетаки Хемницеръ имѣетъ свои преимущества. У него мы не встрѣчаемъ ни Парнассовъ, Авроръ, Фебовъ, Зевсовъ, Геркулесовъ, Плутоновъ, ни реторическихъ, напыщенныхъ, высокопарныхъ фразъ, какія мы подчасъ видимъ у Крылова, особенно въ его раннихъ басняхъ. Нельзя упускать изъ виду, что Крыловъ былъ сперва сознательнымъ приверженцемъ ложноклассической школы, участвовалъ въ Шишковской „Бесѣдѣ“, самъ писалъ ходульныя трагедіи и лишь впослѣдствіи, благодаря своему великому таланту и чутью, выбрался на широкій путь народности. Но если мы справедливо дивимся Крылову, какъ нашему пророку народности въ русской литературѣ девятнадцатаго столѣтія, то тѣмъ болѣе насъ обязываетъ историческая справедливость преклониться передъ Хемницеромъ, нѣмцемъ по происхожденію и русскимъ націоналистомъ въ своей политической и литературной дѣятельности, обратившагося къ народности еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ, — еще въ ту пору, когда о народности почти никто и не думалъ, когда при дворѣ и въ обществѣ господствовала французская культура, когда самый русскій народъ и его языкъ почитались „подлыми“ . . . . .

II.

Второй Державинъ, оберъ-священникъ Иванъ Семеновичъ Державинъ.

(1755—1826.)

Вмѣстѣ съ именемъ „пѣвца Фелицы“, Гавріила Романовича Державина, въ лѣтописяхъ русской литературы сохраняется имя его однофамильца и современника, оберъ-священника Ивана Семеновича Державина. Извѣстна стихотворная полемика, будто бы разгорѣвшаяся между обоими Державиными.

Еще ранѣе насъ высказывались сомнѣнія въ подлинности отвѣта священника Державина; предполагали, что отвѣтъ писанъ не имъ, а другимъ лицомъ. Въ бумагахъ покойнаго казанскаго поэта Саввы Андреевича Москотильникова (1768—1852) намъ удалось открыть доселѣ никому неизвѣстный, подлинный отвѣтъ Ивана Семеновича Державина. Отвѣтъ этотъ мы приводимъ ниже, предпосылая ему краткія свѣдѣнія о причинахъ мнимой распри и о жизни оберъ-священника Державина. Поводомъ къ столкновенію послужилъ слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто въ 1808 году. Оба Державина, и поэтъ, и священникъ, жили по сосѣдству: Гавріилъ Романовичъ въ собственномъ домѣ на Фонтанкѣ, у Измайловскаго моста (домъ нынѣ принадлежитъ римско-католическому духовному вѣдомству), а Иванъ Семеновичъ на углу Обуховскаго проспекта и 2-й роты Измайловскаго полка. Однажды швейцаръ поэта по ошибкѣ принялъ пакетъ, адресованный на имя оберъ-священника Державина. Слѣдствіемъ этого обстоятельства было появленіе шуточнаго „Приказа (посланія) моему привратнику“, составленнаго поэтомъ Державинымъ. Въ бумагахъ Москотильникова есть списокъ этого посланія; послѣднее уже напечатано Гротомъ съ собственной тетради поэта въ полномъ собраніи его сочиненій, на стр. 420—424 тома III-го. Поэтому мы не станемъ здѣсь приводить „Приказа“ цѣликомъ, но сдѣлаемъ только нѣкоторыя извлеченія, насколько это необходимо для пониманія возникшей изъ-за него полемики. Въ началѣ стихотворенія поэтъ говоритъ, что онъ глубоко заблуждался, думая, будто онъ лишь одинъ носитъ фамилію „Державинъ“. Такъ какъ, оказывается, существуетъ другой, еще одинъ Державинъ, то для руководства своему швейцару поэтъ и перечисляетъ тѣ признаки и примѣты, по которымъ его слуга можетъ безошибочно отличать своего барина и принимать письма и пакеты, адресованные на имя поэта. Эти отличія слѣдующія: священникъ младъ, но съ бородою, съ длинными волосами, на немъ скуфья; а поэтъ — „старъ — юнъ духомъ“ и „голъ головою“, которую

онъ прикрываетъ парикомъ; священникъ — въ рясѣ длинной и широкой, а на поэтѣ „фракъ кургузъ и полубокой“; Державинъ 2-ой — „оберъ-попъ“, пастырь, „чадъ отецъ духовный“, поетъ молебны, панихиды, кропитъ водой, куритъ кадиломъ, „тянетъ руку дамъ къ устамъ“ (т.-е., благословляя, даетъ дамамъ цѣловать свою руку), молитъ небеса о мирѣ, „тайны сердца исповѣстъ“, „ѣстъ кутью“, „громокъ многими псалмами“, а поэтъ былъ раньше слугою Марса и Ѳемиды, былъ правителемъ народа, нынѣ же (въ 1808 г.) онъ — „отставной поэтъ“, „ктиторъ и пресвитеръ музъ“; героевъ славитъ онъ на лирѣ, за честь онъ чтитъ самому „тянуться съ рыломъ“ цѣловать ручки дамамъ и „скрывать шашни“, ѣстъ салму и „въ день шепчетъ по одному псалму“. Однимъ словомъ, священникъ не сходенъ съ поэтомъ ни видомъ, ни ростомъ, ни лицомъ, ни обычаями. Поэтъ — „подлинникъ“, а священникъ — „списокъ“ его. „Душой, быть можетъ, (священникъ) благороденъ“, но „гербомъ — не Державинъ онъ“.

Въ моемъ рука звѣздой держима,
А имъ клюка иль трость носима,
Онъ можетъ четки взнесть въ печать,
Я лирою златой блистать.

Державинъ родъ съ потопа влекся;
Онъ въ семинарьи имъ нарекся
Лишь сходствомъ ріѳмъ моихъ и стопъ.
Мой дѣдъ — мурза, его дѣдъ — попъ.

Стихотвореніе Г. Р. Державинъ заключаетъ приказомъ своему привратнику: почталіоновъ, его (т.-е. священника) носящихъ письма поэту,... съ честью провожать позлащенной булавой со двора: „державу съ митрой различай!“

Даже по краткой передачѣ этого стихотворенія можно видѣть, что Г. Р. Державинъ не имѣлъ въ виду оскорбить оберъ-священника, и что въ сущности оно представляетъ шуточное безобидное посланіе. Но, къ сожалѣнію, не на всѣхъ этотъ „Приказъ“ произвелъ такое впечатлѣніе. Послѣдній

вызвалъ будто бы отъ имени Ивана Семеновича Державина въ высшей степени обидный „Отвѣтъ. Приказъ моему секретарю“. Изъ содержанія „Отвѣта“ ясно, что авторъ его, оскорбившись „Приказомъ“ Г. Р. Державина, въ отместку задумалъ жесточайшимъ образомъ оскорбить поэта; и дѣйствительно, оскорбленія настолько рѣзки, что подчасъ переходятъ въ глумленія и брань. Академикъ Я. К. Гротъ высказываетъ предположеніе, что „Отвѣтъ“ написанъ вовсе не оберъ-священникомъ Державинымъ, а священникомъ Г. А. Пакатскимъ[1]): это мнѣніе основывается на томъ, что еще между современниками Державиныхъ была распространена молва, называвшая авторомъ этого „Отвѣта“ Пакатскаго. Мы имѣемъ возможность теперь вполнѣ подтвердить догадку Я. К. Грота, что „Отвѣтъ“ написанъ вовсе не И. С. Державинымъ.

Изъ подробнаго пересмотра „прескверная пасквиля“ на поэта Г. Р. Державина мы можемъ убѣдиться, какъ далеко зашелъ въ своей ярости неизвѣстный авторъ (по всей вѣроятности, Пакатскій), писавшій отъ лица оберъ-священника И. С. Державина. Нѣсколько неосторожныхъ словъ русскаго потомка татарскаго мурзы Багрима, будто бы выражавшихъ убѣжденіе въ превосходствѣ дворянства надъ духовнымъ чиномъ и понятыхъ, какъ „убавка“ всему „чину“ или сословію, вызвали въ его антагонистѣ цѣлую бурю. Поэтъ выражался общими фразами. Его противникъ старался выискивать и поражать личность поэта и всѣ его слабыя стороны: задолженность, пристрастіе къ женщинамъ; съ презрѣніемъ относится авторъ къ поэтическому дарованію („риѳмѣ“) Гавріила Романовича и не жалѣетъ брани, не щадитъ ничего въ поэтѣ, даже его брачнаго алькова... Какъ и слѣдовало ожидать, месть достигла своей цѣли: живого и впечатлительнаго поэта „Отвѣтъ“ поразилъ до глубины души; онъ не могъ себѣ представить, какъ можно „за шутку“ такъ „злобно колоть“.

---

1) Подробности о Пакатскомъ см. въ моей статьѣ „Изъ нашей культурной и литературной старины“. **Е А. Б.**

Это свое душевное настроеніе выразилъ онъ въ небольшомъ стихотвореніи:

„Отвѣтъ попу Державину на ругательство".

Что дать въ отвѣтъ на брань святого мнѣ отца?
Всякъ правъ иль виноватъ считается дѣлами.
Пойдемъ на судъ къ людямъ своими мы стихами:
Увидитъ всякъ изъ нихъ, кто волкъ, и кто овца.
Мнѣ должно ль говорить, гдѣ злобно мéня колютъ?
Избыткомъ сердца лишь уста у насъ глаголютъ.

(Т. III, стр. 430.)

Этотъ отвѣтъ затѣмъ былъ Г. Р. Державинымъ переработанъ и принялъ слѣдующій видъ:

Отзывъ на пасквиль.

Ужель мнѣ отвѣчать
На то, что такъ меня за шутку злобно колютъ?
Благоразумнѣе молчать:
Избыткомъ лишь сердецъ уста у насъ глаголютъ.

(Тамъ же.)

Какъ видно изъ самаго заглавія стихотворенія Г. Р. Державина: „Отвѣтъ попу Державину на ругательство", поэтъ, повидимому, не сомнѣвался въ томъ, что авторомъ „Приказа моему секретарю" былъ не кто иной, какъ оберъ-священникъ И. С. Державинъ. Но до сихъ поръ еще не знали, что, кромѣ ругательнаго „Отвѣта", написаннаго не самимъ Державинымъ 2-мъ, существовалъ его собственный отвѣтъ поэту, нами нынѣ найденный и печатаемый.

Иванъ Семеновичъ Державинъ, сынъ священника, былъ воспитанникомъ новгородской семинаріи, гдѣ раньше носилъ фамилію Покровскаго[1]). Перейдя въ классы риторики и

1) Свѣдѣнія о жизни И. С. Державина имѣются у Я. К. Грота въ его изданіи сочиненій Г. Р. Державина (томъ III, стр. 321—335), у Филарета Гумилевскаго (Обзоръ русской духовной литературы, изд. 1884, стр. 432), у И. Чистовича (Исторія С.Петербургской академіи, стр. 86—87), у А. Боголюбова (Очерки изъ исторіи

поэзіи, за свое увлеченіе произведеніями поэта Державина онъ и самъ былъ переименованъ въ Державина. По окончаніи курса въ новгородской семинаріи въ 1775 г., двадцати лѣтъ отъ роду, онъ былъ назначенъ въ ней же преподавателемъ низшаго информаторскаго класса. Послѣ преобразованія Александро-Невской семинаріи въ Главную И. С. Державинъ былъ въ 1788 г. приглашенъ преподавателемъ въ классъ поэзіи, потомъ риторики, а затѣмъ переведенъ въ классъ краснорѣчія и прославился своими проповѣдями. Въ 1790 году И. С. принялъ священство при Вознесенской церкви въ Петербургѣ и занималъ разныя епархіальныя должности, а въ 1798 г. произведенъ въ протоіереи. Въ 1807 г. былъ назначенъ членомъ Святѣйшаго Сѵнода и оберъ-священникомъ арміи и флота. Затѣмъ въ слѣдующемъ году И. С. былъ назначенъ членомъ „комитета о преобразованіи и усовершенствованіи церковныхъ училищъ“, а послѣ переименованія послѣдняго въ 1808 г. въ комиссію духовныхъ училищъ оставленъ постояннымъ ея членомъ, вмѣстѣ со своими учениками: Ѳеофилактомъ (Русановымъ) и М. М. Сперанскимъ. За свою усердную службу онъ былъ награжденъ митрою. По отзывамъ современниковъ, И. С. былъ человѣкъ даровитый и, обладая твердымъ, независимымъ характеромъ, игралъ видную роль въ Сѵнодѣ. Онъ умеръ 3-го марта 1826 года и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ, внутри церкви.

Послѣ протоіерея И. С. Державина остались рѣчи, произнесенныя имъ передъ войсками въ 1812, 1813 и 1814 г. Онѣ носятъ слѣдующія наименованія: 1) Слово о должности воина (1812), хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ, 2) Рѣчь къ военнослужащимъ по случаю пожалованія георгіевскихъ знаменъ (1813) и 3) Рѣчь на случай возвращенія воинства изъ Франціи (1814).

Въ новооткрытомъ „Отвѣтѣ“ священникъ объясняетъ

управленія военнымъ и морскимъ духовенствомъ въ біографіяхъ главныхъ священниковъ его за время съ 1800 по 1901 годъ, изд. 1901 г., стр. 27—41); тамъ же и портретъ И. С. Державина.

своему однофамильцу-поэту, что сходствомъ фамилій онъ обязанъ своему восхищенію сочиненіями поэта, и свидѣтельствуетъ ему свое глубочайшее уваженіе. „Отвѣтъ“ Державина по содержанію и тону совершенно отличается отъ „Приказа“ Пакатскаго. Въ немъ нѣтъ ни одного колкаго слова, а наоборотъ И. С. высоко ставитъ поэтическій талантъ Державина, считаетъ его первымъ поэтомъ своего времени и говоритъ, что онъ „нелестно чтитъ его душевно“, что Г. Р. „лирой славу безсмертну получилъ“. Не безъ нѣкоторой грусти этотъ бывшій профессоръ поэзіи и краснорѣчія замѣчаетъ, что Гавріилъ Романовичъ своими твореніями заслужилъ себѣ безсмертную славу, а онъ, такъ тонко чувствующій всѣ поэтическія красоты, едва вышелъ въ священники. Вліятельный членъ Святѣйшаго Сунода не только не кичится своимъ саномъ и „чиномъ“, но позволяетъ себѣ лишь со скромностію заявить, что существуетъ сходство между обоими Державиными не только по фамиліи, а еще и по душѣ.

Вотъ настоящій отвѣтъ И. С. Державина, открытый нами въ бумагахъ С. А. Москотильникова. Стихотвореніе писано собственною рукою Москотильникова и въ его тетради слѣдуетъ непосредственно послѣ „Приказа“ поэта.

Отвѣтъ

Гавріилу Романовичу Державину.

Одинъ есть Богъ, — Державинъ не одинъ.
Пѣвецъ Всесильнаго, пѣвецъ благой „Фелицы“,
Почтенный господинъ!
Ты звукомъ сладостнымъ своей златой цѣвницы
Державина другого произвелъ.
Внемли, какъ случай мнѣ назваться имъ велѣлъ.
Я прежде по отцѣ Покровскимъ назывался;
Когда же въ школу записался
И въ классъ риторики, поэзіи вошелъ,
Тутъ строфы одъ твоихъ въ примѣрахъ я нашелъ,
Нашелъ и цѣлый томъ Державина твореній,

Безсмертна генія безсмертныхъ сочиненій.
О, сколь я ими восхищался,
Стихами сильными часъ отъ часу плѣнялся,

Въ которыхъ „Бога“ ты, „Фелицу“ воспѣвалъ,
И русскихъ подвиги героевъ прославлялъ.
Я ихъ вытверживалъ, я ихъ на всемъ писалъ:
На книгахъ, на столахъ,
Въ тетрадяхъ, на стѣнахъ,

На всемъ безсмертными строфами я блисталъ,
И дома ихъ твердилъ, и въ классахъ, и вездѣ;
Твоими бредилъ я стихами и во снѣ.
Меня Державинымъ хвалили,
Меня Державинымъ дразнили,

Меня Державинымъ бранили —
И имя лестное въ фамилью обратили.
Итакъ, не гнѣвайся, что я то званье получилъ:
Таланты чтя твои, его я заслужилъ.
Повѣрь, что и теперь всегда скуфью скидаю,

Когда твой „Богу“ гимнъ преславный я читаю;
Служитель Божеска священна алтаря,
Всегда предъ нимъ молю
О здравіи твоемъ Всевышняго Царя:
Нелестно чту тебя душевно и хвалю.

Ни ростомъ я съ тобой не сходенъ, ни лицомъ;
Но разность бо́льшая есть въ томъ,
Что лирой славу ты безсмертну получилъ
И лиру съ именемъ въ храмъ славы заключилъ,
Что первый ты поэтъ теперь у насъ остался, —

А мнѣ и санъ попа едва въ удѣлъ достался.
Вотъ разность между насъ; но сходственъ я съ тобой
Фамиліею здѣсь, а въ вѣчности душой.

Державинъ 2-ой.

Сообщивъ выше о смѣшеніи личностей обоихъ Державиныхъ, о посланіи, написанномъ Гавріиломъ Романовичемъ Ивану Семеновичу, и опубликовавъ подлинный отвѣтъ протоіерея знаменитому поэту, теперь на основаніи тѣхъ же бумагъ Москотильникова я намѣренъ коснуться еще одного обстоятельства, связаннаго со смѣшеніемъ двухъ Державиныхъ.

Съ именемъ Державиныхъ связана одна резолюція въ стихахъ на стихотворное же прошеніе Государю нѣкоего черниговскаго протопопа. По свидѣтельству Я. К. Грота, резолюція и прошеніе были очень распространены въ публикѣ, такъ что Я. К. получилъ три сходные между собою и современные дѣлу списка. Молва эту резолюцію приписывала Г. Р. Державину-поэту, бывшему въ то время министромъ юстиціи. Но замѣтка Вас. Григ. Анастасевича излагаетъ дѣло иначе. „Одинъ попъ“, говоритъ Анастасевичъ, „просилъ въ стихахъ мѣсто протопопа. Сдѣлана справка, и онъ найденъ достойнымъ. Государь поручилъ оберъ-священнику отвѣчать просителю стихами же“ (Соч. Державина, томъ IX, стр. 278). Слѣдовательно, если вѣрить Анастасевичу, то ходячая молва опять смѣшала обоихъ Державиныхъ, и резолюція на прошеніе протопопа черниговскаго написана не Гавріиломъ Романовичемъ, а оберъ-священникомъ И. С. Державинымъ. Найденный мною въ бумагахъ Москотильникова списокъ отличается отъ другихъ тѣмъ, что подъ нимъ стоитъ и по нынѣ существующее имя: протопопа черниговской губерніи Корбелицкаго, а не вымышленныя и не небывалыя фамиліи Конебевскаго, Колебецкаго или Кораблецкаго, какъ въ спискахъ Грота. Помѣченъ онъ, какъ и одинъ изъ списковъ Грота, 4-ымъ мая 1803 года. Приводимыя мною ниже прошеніе и резолюція представляютъ мою сводную редакцію по тремъ спискамъ Грота (томъ III, стр. 581 и сл.) и по списку Москотильникова, при чемъ подъ строкою приведены мною варіанты съ указаніемъ, откуда они взяты: *М.* обозначаетъ — автографъ С. А. Москотильникова, *Г.* — редакція Я. К. Грота, *В.* — приводимые имъ варіанты.

Прошеніе Государю.

Премудрый Александръ, Россіи Государь!
Прости, что предъ тобой пищать дерзнулъ комаръ.
Самодержавія тебѣ дана власть свыше:
Всесильный, поступать вели со мной потише.

Я — протопопъ, ношу Тобой мнѣ данный крестъ,
Но такъ умаленъ, какъ въ рукахъ мизинный перстъ.
Отъ восьмисотаго до нынѣшняго года
По сану моему не получилъ прихода.
Сѵнодъ повелѣвалъ, и дважды я просилъ —

Владыка не давалъ... просить нѣтъ больше силъ.
И дать мнѣ мѣсто вновь Сѵнодъ повелѣваетъ,
Но архипастырь мой сего не исполняетъ.
И тако повели, Всеавгустѣйшій Царь,
Меня, презрѣнную отъ сильной власти тварь,

Возставить, посадить на протопопскомъ мѣстѣ,
Илѝ же въ пенсіонъ мнѣ дать рублей хоть двѣстѣ.
Тогда жена моя и четверо дѣтей,
Пришедъ со мною въ храмъ, произнесутъ гласъ сей:
„Да будетъ Александръ, Его Елизавета

Надъ нами царствовать на многи, многи лѣта!“
Протопопъ Корбелицкій, Черниговской губерніи.
1803 года
Маія 4 дня.

---

4. ....велѣлъ со мною тише. *М*.....велѣлъ надъ мною тише. *В*.
5. ....Тобою данный крестъ. *М*. и *В*.
7. ....Отъ восемьсотаго... *М*.
8. ....не получалъ прихода. *В*. ....не вижу я прихода. *Г*.
9. ....Святой Сѵнодъ повелѣвалъ. *М*. (но самъ *М*. предполагаетъ: либо „Сѵнодъ повелѣваетъ“, либо „Святой Сѵнодъ велѣлъ“).
10. ....Епископъ не давалъ. *М*. (но предлагаетъ *М*. „Владыка“). ....Архіерей не далъ.. *В*.
13. ....Всемилостивый царь. *Г*. ....Всеавгустѣйшій. *В*.
14. ....отъ нашей власти. *Г*.
20. счастлѝво многи лѣта. . *Г*. ... царствовать премногия лѣта. *В*

Отвѣтъ, данный по Всевысочайшему повелѣнію отъ министра юстиціи Г. Р. Державина(?)

Царево повелѣнье вѣсте[1]):

Велѣлъ васъ посадить на протопопскомъ мѣстѣ.

Очевидно, что подача прошеній въ стихахъ изъ желанія примѣнить „поэзію“ для достиженія разныхъ житейскихъ цѣлей была во нравахъ тогдашняго русскаго общества. Около того же времени еще одно подобное прошеніе было подано поэтомъ, княземъ Иваномъ Михайловичемъ Долгорукимъ (см. М. А. Дмитріевъ, Кн. Иванъ Михайловичъ Долгорукій и его сочиненія. Изд. 2-ое, М. 1863 г., стр. 45—46). Кн. Долгорукій, сочтя себя обойденнымъ по службѣ чиномъ, и не дождавшись отвѣта на посланное имъ Государю Александру I-му по этому поводу письмо, рѣшился поднести Императору въ началѣ 1801 года слѣдующее четверостишіе, un quatrain:

Великій Государь! Ты благъ и правосуденъ.
Я двадцать лѣтъ служу; невинно обойденъ.
Тронись и дай мнѣ чинъ! Сей даръ тебѣ не труденъ!
Двѣ строчки напиши — и буду я блаженъ!

Какъ признаётся самъ князь И. М. Долгорукій, Государь, по словамъ Мясоѣдова, выразилъ Трощинскому при докладѣ стиховъ свое негодованіе на то, что прошенія подданныхъ присылаются въ стихахъ. Ходатайство кн. Долгорукаго не увѣнчалось ни малѣйшимъ успѣхомъ, и въ этомъ отношеніи протоіерей Корбелицкій, какъ видно, былъ счастливѣе его.

Другой, подобный же примѣръ стихотворной просьбы находимъ въ „Запискахъ сенатора К. И. Фишера“ („Историческій Вѣстникъ“ за 1908 г., февраль, стр. 457). Нѣкая Овцова вышила подушку съ изображеніемъ овцы и поднесла Павлу Первому съ приколотыми стихами:

Я вышила овцу
И подношу Отцу

1) Цареву волю вѣсте. *Г.* Царево повелѣнье вѣсте. *М.* и *В.*

Изъ самыхъ тѣхъ причинъ,
Чтобъ мужу дали чинъ.

Императоръ Павелъ отвѣчалъ Овцовой:

Хоть я народу и отецъ,
Но чиновъ не даю за овецъ!

Есть еще и другіе примѣры. Въ „Русской Старинѣ“ за 1900 г., т. 104, стр. 398 напечатано длинное посланіе тоже въ стихахъ о пособіи.

Ср. „Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки“ за 1900—1901 годы, стр. 173, гдѣ упоминается, что въ рукописи библіотеки, Сборникѣ „Разныя сочиненія“, начатой въ 1793 году (F XVII № 80), есть также Всеподданнѣйшее прошеніе въ стихахъ поручика Василія Анненкова объ уплатѣ долговъ.

III.

Два часто смѣшиваемыя слова.

Еще въ предварительной замѣткѣ своей: „Chobot oder robyt“ въ „Архивѣ“ Ягича, т. 25, за 1903 г., стр. 158—159 я высказалъ сомнѣніе въ правильности употребленія этого слова у И. И. Лажечникова, неоднократно въ своихъ романахъ и комедіяхъ ставившаго странное выраженіе „такимъ-то хоботомъ“. Этотъ необычный оборотъ не ушелъ отъ вниманія современниковъ, и А. С. Пушкинъ, съ любовью изучавшій русскій языкъ, заинтересовался „хоботомъ“. Въ письмѣ къ Лажечникову отъ 23 ноября 1835 г. (первое Морозовское изданіе, т. VII, стр. 389, № 436), онъ между прочимъ освѣдомлялся: „позвольте сдѣлать вамъ филологическій вопросъ, коего разрѣшеніе для меня *важно:* въ какомъ смыслѣ упомянули вы слово „хоботъ“ въ послѣднемъ вашемъ твореніи (т. е. въ „Ледяномъ Домѣ“) и по какому нарѣчію?“

Очевидно, Пушкинъ усумнился въ „хоботѣ“. Однако, Лажечниковъ стоялъ на своемъ и писалъ въ своемъ отвѣтѣ на письмо Пушкина (Бумаги А. С. Пушкина, изд. Бартенева, вып. I, М. 1881, Письма къ Пушкину, № 3, стр. 127) отъ 22 ноября 1835 г. изъ Твери: „Теперь объясню вамъ, почему я употребилъ слово „хоботъ“ въ „Ледяномъ Домѣ“ и, кажется, еще въ „Послѣднемъ Новикѣ“. Всякій лихой сказочникъ вмѣсто того, чтобы сказать: „такимъ-то образомъ“, „такимъ-то путемъ“ пощеголяетъ выраженіемъ „такимъ-то хоботомъ“. Я слыхалъ это, бывало, отъ моего стараго дядьки, слыхалъ потомъ не разъ въ московскомъ народѣ, слѣдственно, по нарѣчію великороссійскому“.

Мы не знаемъ, удовлетворился ли Пушкинъ этимъ явно недостаточнымъ объясненіемъ Лажечникова. Но странно то, что никто изъ издателей сочиненій и Пушкина, и Лажечникова не далъ себѣ труда растолковать этотъ загадочный „хоботъ“ — и до сего дня „хоботъ“ фигурируетъ въ новыхъ изданіяхъ Лажечникова; издатели же Пушкина ограничиваются лишь ссылкою на неудачное разъясненіе Лажечникова.

По нашему мнѣнію, Лажечниковъ ослышался и смѣшалъ два совершенно различныя слова, не имѣющія между собою ничего общаго: „побытъ“ съ „хоботомъ“. У разсказчиковъ въ устахъ было „такимъ-то побытомъ“, а не „хоботомъ“. У Даля (Толковый Словарь, ч. III, М., 1867, стр. 126, 1) обозначено слово „побытъ“, какъ употребляющееся на востокѣ, и толкуется такъ: *побытъ* — бытъ, родъ жизни, обычай и образъ | нравы | или родъ дѣйствія, порядокъ, способъ; послѣдовательность событій: „Въ нашемъ побытѣ такъ водится“. „Такимъ-то побытомъ мы и пустились въ путь“. „Какимъ ты побытомъ тутъ очутился?“

Слово „побытъ“ теперь постоянно употребляется въ новой малороссійской литературной рѣчи; оно встрѣчается и у старыхъ малороссійскихъ писателей, какъ-то у Котляревскаго. Напр., въ VI пѣснѣ „Энеиды“ мы читаемъ:

Хытрытъ лукавая Ютурна,
Якымъ бы побытомъ ій Турна
Спасты отъ смертнаго одра . . .

и далѣе:

Якымъ же побытомъ (Турну) спастыся?
Трохы не лучше уплестыся?

Въ „Наталкѣ-Полтавкѣ“ Возный говоритъ: *Якымъ же побытомъ* — тее якъ его — Терпылыха зъ дочкою опынылыся въ нашемъ сели?“ и далѣе Выборный говоритъ: „*Зъ якого же побыту* мени васъ обманюваты?“

Ср. еще примѣры у Квитки-Основьяненка въ малорусскихъ его сочиненіяхъ (Драматическія сочиненія“, изд. Великанова, 1862, стр. 26, пьеса „Шельменко-волостной писарь“): „Та винъ таки будучи й не зна, *якимъ се побытомъ*, стало быть, робитца“.

Слово „побытъ“ употреблялось и въ великорусскомъ литературномъ языкѣ, особенно, писателями-малоруссами. Напр., тотъ же Квитка-Основьяненко въ своемъ разсказѣ: „Татарскіе набѣги“ (вошло въ серію „Сказка за сказкой“, т. IV, С.-Пб., 1844, стр. 124—125) пишетъ: *По сему побыту* имѣютъ немедленно палить изъ пушекъ“... „*Таковымъ только побытомъ* достойно явится благодареніе за милость, вновь даруемую“.

„Побытъ“ нашли мы и въ великорусской рѣчи XVIII столѣтія. Въ комедіи придворнаго актера И. С. „Судейскія имянины“ („Россійскій Ѳеатръ“, ч. 35, комедій ч. 17, С.-Пб. 1790) Корыстолюбовъ говоритъ: „За Вашу щедрость премного доволенъ, только *никоимъ побытомъ* нельзя“. На стр. 99 тотъ же Корыстолюбовъ оправдывается: „Меня его Высокородіе подучалъ и давалъ наставленіе, *какимъ побытомъ* получить и чтобъ барышъ мнѣ съ нимъ дѣлить пополамъ“.

Еще болѣе замѣчателенъ другой примѣръ изъ современной и притомъ великорусской рѣчи, у Ю. В. Жадовской: въ ея романѣ „Въ сторонѣ отъ большого свѣта“, т. II, ч. I (въ „Полномъ Собраніи Сочиненій“), гл. III, стр. 59, мы чи-

таемъ: „Да вѣдь, радость моя, нельзя же все такъ жить: *однимъ побытомъ* вѣкъ не проживешь!“

Что касается „хобота“, то онъ вошелъ въ рѣчь еще одного писателя тридцатыхъ годовъ, а именно Александра Ѳомича Вельтмана, отлично знавшаго старый русскій языкъ. Въ примѣчаніяхъ къ своему сочиненію: „Кощей Безсмертный“, Москва, 1833, къ тому III, стр. 262 онъ толкуетъ „хоботъ“, какъ *хвостъ*, и употребляетъ въ этомъ значеніи его на стр. 101 — „у поганой Яновны *хоботъ* въ двѣ пяди“, а затѣмъ также на стр. 52: „разъѣзжаются добрые молодцы по чистому полю, кидаютъ *хоботы* (?) по темнымъ лѣсамъ“. Такъ какъ въ этомъ случаѣ изображается борьба богатыря съ Полконемъ (Полконь = Полканъ, по мнѣнію Вельтмана[1]), или Кентавромъ, то, очевидно, здѣсь имѣются въ виду лошадиные хвосты. Но чрезвычайно часто въ томъ же томѣ употребляется слово „хоботъ“ еще въ другомъ смыслѣ: „а мы за нимъ *хоботомъ*“, т. е. слѣдомъ. Какъ хвостъ, толкуется „хоботъ“ у Вельтмана еще въ примѣчаніяхъ къ первой части его романа „Святославичъ, вражій питомецъ“, М., 1835, стр. 22.

Какъ мы видимъ, литературные примѣры не совсѣмъ подтверждаютъ указаніе Даля (взятое имъ, быть можетъ, изъ говоровъ и личнымъ наблюденій), будто бы (см. выше) побытъ употребляется на востокѣ. Наши примѣры указываютъ на употребленіе его на югѣ и въ центральныхъ губерніяхъ (Ю. В. Жадовская по говору своему относилась къ Ярославской и Костромской губерніямъ).

---

1) Вельтманъ пріурочиваетъ Полкана къ миѳологіи и считаетъ его славянскимъ Кентавромъ. Но мы теперь уже знаемъ, что Полканъ не Полконь, а *Пуликане*, заимствованный изъ сѣверно-французскаго романа о *Бовѣ*.

IV.

Георгій Конисскій, архіепископъ бѣлорусскій.

Среди русскихъ святителей XVIII вѣка, такъ или иначе причастныхъ отечественной литературѣ, особеннаго вниманія заслуживаетъ, безспорно, Георгій Конисскій, бѣлорусскій архіепископъ. Жизнь и личность его своеобразны и богаты, судьба его удивительна и представляетъ собой одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ русской исторіи за указанное столѣтіе.

Георгій Конисскій родился 20 ноября 1717 года въ Нѣжинѣ въ старинной дворянской семьѣ и въ міру былъ названъ Григоріемъ. Получивши домашнюю подготовку, онъ на 11-омъ году поступилъ въ Кіевскую Академію. Тамъ онъ обучался богословію, философіи, краснорѣчію, стихотворству, исторіи и физикѣ. Кромѣ латинскаго и польскаго языковъ, обязательныхъ въ Академіи, онъ основательно познакомился съ греческимъ, еврейскимъ и нѣмецкимъ. Руководителемъ въ его занятіяхъ былъ студентъ Іенскаго университета и ученикъ извѣстнаго профессора Михаэлиса Симеонъ Тодорскій, который былъ впослѣдствіи преподавателемъ Закона Божьяго при Императрицѣ Екатеринѣ II. Окончивъ пятнадцатилѣтній курсъ ученія съ отличіемъ, Григорій Конисскій на 27 году жизни поступилъ въ монахи и названъ былъ Георгіемъ въ честь патрона города Нѣжина. Въ 1745 году онъ былъ опредѣленъ преподавателемъ поэзіи и стихотворства въ самой Академіи. Къ этому времени надо отнести его первыя стихотворенія на русско-славянскомъ, латинскомъ и польскомъ языкахъ. Для майскихъ каникулъ онъ написалъ нѣсколько духовныхъ драмъ. Такъ въ библіотекѣ графа Ѳ. Толстого была найдена рукопись подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Воскресеніе мертвыхъ, обще убо всѣмъ будущее, но страждущимъ неповинно въ вѣцѣ семъ блаженно, а обидящимъ гибельно; въ пяти дѣйствіяхъ, въ пользу чающимъ онаго, показанное въ Кіевской Академіи 1747 года трудомъ іеромонаха Конис-

скаго". Въ 1747 году Георгій получилъ должность префекта Академіи и былъ переведенъ на философскую каѳедру. Особенностью Конисскаго въ преподаваніи этого предмета было то, что онъ, какъ истый богословъ, философскія мысли подтверждалъ мнѣніями Отцовъ церкви. Черезъ два года онъ былъ избранъ ректоромъ Академіи и профессоромъ богословія, а въ слѣдующемъ году архимандритомъ Кіево-братскаго училищнаго монастыря. Во время управленія Академіей, онъ улучшилъ порядокъ въ преподаваніи наукъ и пополнилъ академическую библіотеку.

Послѣ смерти бѣлорусскаго епископа Іеронима Волчанскаго и духовными, и свѣтскими чинами единогласно былъ избранъ въ преемники ему Георгій, какъ „природный дворянинъ, мужъ ученый и житія честнаго". Король польскій Августъ III прислалъ Георгію подтвердительную грамоту на Бѣлорусскую епископію, со всѣми издавна принадлежавшими къ ней отчинами и угодьями. 20-го августа 1755 года по указу Св. Сунода Георгій былъ посвященъ въ санъ епископа митрополитомъ Тимоѳеемъ и двумя епископами, Іоанномъ и Иракліемъ. Георгій заранѣе зналъ, что́ ему предстоитъ; но будучи одаренъ проницательнымъ умомъ и непоколебимымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и осторожнымъ характеромъ, онъ смѣло вступилъ въ борьбу съ противниками православія.

Со времени введенія въ Бѣлоруссіи уніи, тамошніе православные стали испытывать разныя притѣсненія. Несмотря на то, что вновь избранный король Августъ III, по примѣру своихъ предшественниковъ, торжественной присягою подтвердилъ на сеймѣ 1734 года свою обязанность охранять православныя церкви во всей цѣлости ихъ правъ и неприкосновенности достоянія, католическое и уніятское духовенство и польскіе магнаты не переставали угнетать православныхъ. Много тысячъ народу либо прельщеніемъ, либо насиліемъ принуждены были принять унію. Болѣе двухсотъ церквей и пять монастырей перешли къ уніятскому архіепископу. За-

прещено было ветхіе храмы возобновлять и на освободившіяся мѣста вновь поставлять священниковъ безъ особаго на то соизволенія самого короля. Своеволіямъ помѣщиковъ-католиковъ не было границъ. Они били батогами и изгоняли твердыхъ въ вѣрѣ священниковъ, которые принуждены были скитаться съ семействами безъ крова и пропитанія; никто не смѣлъ дать имъ пріюта изъ боязни и на себя навлечь мщеніе. Но еще болѣе поруганія и своеволія дозволяли себѣ евреи, которые въ качествѣ арендаторовъ не щадили ни священниковъ, ни прихожанъ, ни самыхъ церквей. Они присваивали себѣ церковную утварь, земли (въ мѣстечкѣ Радзивиловѣ и Кривечѣ), заключали священниковъ въ оковы, клеветали на нихъ передъ правительствомъ, какъ на мятежниковъ. „Молчу“, говоритъ Георгій въ одномъ словѣ, „о пастыряхъ бѣдныхъ, священствѣ нашемъ. Сколь многіе изъ нихъ изгнаны изъ домовъ, сколь многіе въ тюрьмахъ, въ ямахъ глубокихъ, въ псарняхъ вмѣстѣ со псами заперты были, гладомъ и жаждою моримы, сѣномъ кормлены; сколь многіе биты и изувѣчены, а нѣкоторые и до смерти убиты“.

Не меньшимъ гоненіямъ подвергались и прихожане. „Дворянству“, говоритъ Георгій, „прегражденъ входъ къ чинамъ и достоинствамъ; жалуемыхъ за службу отчинъ недостойными осуждены. Граждане изъ уряду гражданскаго выключены; излишними податями и другими тягостями неравно обременены, за тѣмъ всѣ обще до послѣдней нищеты пришли. Духовные, властію и силою мірскою укрѣпляясь, гонятъ православный народъ, какъ овецъ, не имущихъ пастыря, или до костеловъ, или до уніятскихъ церквей, гонятъ не точію изъ домовъ, но и самыхъ церквей нашихъ. И есть ли поселяне или граждане слушать ихъ ученія, и отъ вѣры своей отступить не хотятъ, тутъ они чинятъ ужасныя угроженія и страхованія, ставятъ висѣлицы, вкапываютъ столбы, возгнѣщаютъ костры; розги, тернія и другія мучительныя орудія представляютъ. Многіе разореніе домовъ и побои мучительные, другіе самую смерть претерпѣли“.

Но что́ всего удивительнѣе, даже святительскій санъ не ограждалъ отъ оскорбленій и насилій. Архіереи обязательно должны были быть дворянскаго происхожденія; слѣдовательно, они могли имѣть связи въ обществѣ. Но и это, какъ мы видимъ, мало помогало. Такъ оршанскіе шляхтичи нѣсколько разъ по дорогѣ нападали на бѣлорусскаго преосвященнаго Сильвестра, поносили его, грабили, угрожали смертью. Одинъ изъ нихъ (Петръ Святскій) дважды ранилъ его саблей въ руку. Кавецкій, слуга Зенкевича, ругая скверными словами преосвященнаго Іеронима, предшественника Конисскаго, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но къ счастію въ него не попалъ. Другіе святители принуждены были искать спасенія въ сосѣднихъ русскихъ епархіяхъ. Ко всему этому надо прибавить дѣйствія католическихъ и уніятскихъ проповѣдниковъ. Послѣдніе являлись отъявленными извергами. Они насильно загоняли въ свои церкви православныхъ, а въ случаѣ сопротивленія наказывали ихъ розгами и даже смертью. Съ оружіемъ въ рукахъ они не разъ нападали на беззащитныхъ и безоружныхъ поселянъ. Какъ извѣстно, западное духовенство дозволяло себѣ принуждать къ вѣрѣ и насильственно спасать души (августиново cogе intrare). Припомнимъ только ужасы инквизиціи. Меченосцы прибѣгали къ тому же способу въ распространеніи христіанскихъ идей среди латышей и эстовъ. Между католическими проповѣдниками въ тогдашней Бѣлоруссіи особенно отличался своимъ неистовствомъ и даже богохульствомъ доминиканскій ксендзъ, миссіонеръ Овлочинскій. Собравъ около себя буйныхъ шляхтичей и жолнеровъ, онъ заставлялъ православныхъ носить на себѣ тяжелые кресты, съ вѣнцами на головѣ и съ веревками на шеѣ, угрожалъ розгами, висѣлицей и кострами. Даже мертвыя тѣла христіанъ предавались поруганіямъ. Этотъ доминиканецъ, опираясь на сочувствіе духовныхъ и свѣтскихъ властей, безбоязненно бродилъ изъ города въ городъ и угрозами принуждалъ простодушный народъ принимать унію. Не разъ смѣялся онъ надъ наивностью вновь обращенныхъ. Такъ

среди проповѣди онъ однажды неожиданно разсыпалъ народу съ каѳедры баранки, выдавая ихъ за чудесно ниспосланный Богомъ хлѣбъ небесный. Другой случай его безстыдства имѣлъ мѣсто въ Полоцкѣ. Согнавъ уніатовъ и православныхъ, онъ представлялъ изъ себя Судію міра: однихъ поставилъ по правую сторону, другихъ по лѣвую, называя уніятовъ овцами, а православныхъ козлищами. Своими поступками Овлочинскій возбудилъ негодованіе даже среди католиковъ.

Русскіе Монархи сочувственно относились къ своимъ единовѣрцамъ. Петръ Великій, Екатерина I, Анна Іоанновна, Елизавета Петровна черезъ своихъ уполномоченныхъ и министровъ требовали отъ польскихъ королей возвращенія прежнихъ правъ и привиллегій для православныхъ. Но что могли сдѣлать короли при такихъ подданныхъ? Гордые и сильные магнаты мало обращали вниманія на приказанія своихъ повелителей. Виленскій бискупъ на требованіе Августа III оставить въ покоѣ православныхъ грубо ему отвѣтилъ, что онъ де суется не въ свое дѣло.

Въ такомъ положеніи Георгій засталъ свою бѣлорусскую епархію. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на просвѣщеніе духовенства и нашелъ его на весьма низкой степени. Отлично понимая, что просвѣщеніе духовенства должно предшествовать образованію народному, онъ въ 1757 году основываетъ въ Могилевѣ семинарію. По причинѣ недостатка въ учителяхъ и средствахъ открыты были только низшіе классы. Русское правительство охотно отозвалось на это благое дѣло и назначило на содержаніе наставниковъ и учениковъ ежегодное пособіе. Заботясь объ юношахъ, Владыка Георгій въ то же время старался поучать и священнослужителей. Для этой цѣли онъ устроилъ при архіерейскомъ домѣ типографію. Первой напечатанною книгой былъ „Катехизисъ или Сокращенное Христіанское ученіе“ Ѳеофана Прокоповича съ дополненіями самого Конисскаго. Катехизисъ былъ разосланъ по всей епархіи при особой грамотѣ, въ которой пастырь убѣждалъ духовенство поучать народъ истинамъ Христовой

вѣры и вести богоугодную жизнь. „Знайте“, писалъ онъ, „что поучать народъ есть первѣйшее и главное дѣло пастырское... Притомъ же не токмо учити, но и дѣлами ученіе свое показывать долженствуете.“

Пользуясь общею тревогой и смятеніемъ, католики и уніяты старались захватить въ свои руки письменные документы на церковныя угодья, безъ которыхъ нечего было и думать о возвращеніи отнятаго. Поэтому Георгій устроилъ особый архивъ, куда и собралъ много старинныхъ актовъ въ подлинникахъ и спискахъ. Эти акты представляютъ богатый матеріалъ въ филологическомъ и историческомъ отношеніяхъ.

Несмотря на всевозможныя опасности, Георгій въ 1759 году пожелалъ лично осмотрѣть епархію и отправился въ Оршу, чтобы, какъ онъ самъ пишетъ Сѵноду, „не показать себя не только передъ бѣдными гонимыми паствы своей людьми, но и передъ самыми нападателями наемникомъ, видящимъ волка грядуща, и бѣгающимъ.“ Доминиканецъ Овлочинскій, узнавъ о его прибытіи, задумалъ не много, не мало, какъ убить Георгія. При въѣздѣ Преосвященнаго въ городъ онъ, окруженный толпой шляхтичей и миссіонеровъ, сопровождалъ его насмѣшками и ругательствами; онъ же запретилъ звонить въ колокола и разогналъ городскіе цехи, вышедшіе съ хоругвями встрѣчать своего Архипастыря. Во время богослуженія Овлочинскій съ мятежниками ворвался въ церковь, выгналъ оттуда народъ и преслѣдовалъ его до Кутеинскаго монастыря. Георгій едва спасся отъ смерти. Прикрывши навозомъ, его вывезли изъ монастыря въ крестьянской телѣгѣ.

Прибывши въ Могилевъ, Георгій тотчасъ донесъ обо всемъ Сѵноду: Императрица Елизавета въ 1759 году потребовала черезъ своего варшавскаго посланника Воейкова „скорѣйшаго прекращенія безпорядковъ“. Литовскій канцлеръ князь Чарторижскій обѣщался исполнить волю Государыни. Но съ этимъ обѣщаніемъ притѣсненія не прекратились. Іезуитъ Снарскій привелъ насиліемъ цѣлыя селенія въ уніатство. Су-

пруга пана Сапѣги въ мѣстечкѣ Дубровнѣ отдала православную церковь со всѣми угодьями и прихожанами уніатскому попу Корзуну. Но жители откупились отъ него 100 талерами. Ивановскій въ мѣстечкѣ Костюковичахъ продалъ какому то уніату православную церковь за 200 ефимковъ. Когда же священникъ Василій Проскурка и прихожане отказались переходить въ уніатство, то Ивановскій созвалъ миссіонеровъ и шляхтичей и, вооруживши ихъ и даже пустивши въ дѣло пушку, принудилъ православныхъ исполнить его волю. Георгій поспѣшилъ и объ этомъ донести Сѵноду съ прибавленіемъ, что нѣкоторые изъ пресвѵтеровъ его паствы, „малодушные и малосовѣстные“, готовы сдѣлаться вѣроотступниками. Но вскорѣ Георгію пришлось перенести гораздо большія бѣдствія и въ самомъ Могилевѣ.

Тамошній плебанъ Зеновичъ, желая скорѣе получить бискупскую „инфулу“ (митру), задумалъ однимъ мановеніемъ сдѣлать всѣхъ жителей католиками и уніатами. Поэтому онъ велѣлъ сгонять изъ окрестныхъ селеній православныхъ въ костелы, заставлялъ исповѣдываться у миссіонеровъ, и непослушныхъ наказывалъ розгами и заключалъ въ темницу. Одну православную дѣвушку онъ приказалъ терзать шиповными прутьями и жечь горячимъ желѣзомъ. Жену отставного русскаго солдата Ѳеодору Марковскую онъ полгода держалъ въ тюрьмѣ съ грудным ребенкомъ, который тамъ и умеръ; а мужа, просившаго освободить жену, засѣкъ плетьми до смерти. Этими неистовствами онъ не ограничился: онъ задумалъ посягнуть на жизнь самого Пастыря. Съ согласія іезуитовъ и ихъ префекта Бадовскаго, самъ Зеновичъ, предводительствуя толпой воспитанниковъ, которыхъ онъ вооружилъ саблями и ружьями, ворвался въ архіерейскій домъ и семинарію. Нѣсколько учениковъ-семинаристовъ, монаховъ и служителей были поранены. Преосвященный принужденъ былъ искать себѣ спасенія въ сырыхъ подвалахъ своего дома. Послѣ этого случая Императрица Елизавета черезъ своего посла Воейкова требовала отъ короля, чтобы безпокойный пле-

банъ Зеновичъ былъ немедленно удаленъ отъ должности. Но польское правительство, разумѣется, не сдѣлало ничего.

Тѣ же притѣсненія продолжались при вступленіи на престолъ Петра III, который написалъ въ Варшаву, къ своему резиденту Ржичевскому: „Намъ не остается иного способа, какъ противъ такихъ самовольныхъ и Намъ недоброжелательныхъ, употребить со временемъ такія мѣры, что имъ могутъ быть тягостными. О семъ имѣете Вы, кому надлежитъ, внушить.“

Но спасти единовѣрныхъ суждено было лишь Екатеринѣ II. Георгій отправился въ Москву на ея коронацію и тамъ передъ Императрицей произнесъ трогательную рѣчь, въ которой изобразилъ бѣдствія своей паствы. „Сквозь слезы утѣшаемся,“ говорилъ онъ между прочимъ, „и въ горести души торжествуемъ, и въ послѣднемъ утѣсненіи. Надежда избавленія нашего веселитъ насъ: или бо не можеши сего намъ творити, или не соблаговолиши? Могла въ немощи, можешь въ силѣ. Молимъ Ваше Императорское Величество, не посрами насъ. Надежда наша — въ чаяніи нашемъ; спаси насъ десницею твоею!“ Государыня, дѣйствительно, приняла горячее участіе въ судьбѣ и пастыря, и паствы. При вступленіи на польскій престолъ Станислава, императрица дала Георгію рекомендательное письмо, въ которомъ просила короля утвердить за русскою епископіей всѣ прежнія привиллегіи. Георгій произнесъ передъ королемъ на латинскомъ языкѣ рѣчь, въ которой защищалъ православіе и изобразилъ цѣлую картину гоненій и страданій его православныхъ подданныхъ. Король обошелся съ нимъ очень милостиво и спросилъ: „Много ли такихъ, какъ Вы, умныхъ людей въ Россіи?“ — „Я самый послѣдній“, смиренно отвѣчалъ Преосвященный. Благоволеніе короля къ русскому архіерею не понравилось подозрительнымъ магнатамъ.

Вскорѣ Георгію пришлось услышать о новыхъ насиліяхъ. Въ селеніи Осмоловичахъ ксендзъ Терлецкій отнялъ православный храмъ, а прихожанъ передалъ уголовному суду. Устрашенные приговоромъ смертной казни, они спрятались въ

лѣсахъ и болотахъ, но тамъ были найдены ловчими, которые преслѣдовали ихъ, какъ дикихъ звѣрей, съ оружіемъ и собаками.

Въ 1764 году Екатерина II и прусскій король потребовали полной свободы въ исповѣданіи вѣры и предоставленія православнымъ правъ, наравнѣ съ прочими подданными. Но сеймъ рѣшилъ лишить ихъ и свободы въ вѣрѣ, и правъ гражданскихъ.

Узнавъ о такомъ рѣшеніи сейма, Екатерина II велѣла своимъ войскамъ двинуться внутрь польскихъ областей, и русскіе полки окружили Варшаву. Тогда въ Слуцкѣ составилась конфедерація, въ числѣ первыхъ членовъ былъ Георгій. Диссиденты энергично отстаивали свои права, а вельможи и папскій нунцій ругались и угрожали. Князь Репнинъ, нашъ посланникъ въ Варшавѣ, отдалъ приказъ захватить главныхъ польскихъ мятежниковъ и отправилъ ихъ въ Калугу.

Собранъ былъ чрезвычайный сеймъ, на которомъ рѣшено было возвратить православнымъ всѣ прежнія права. Вслѣдствіе трактата о вѣчной дружбѣ, заключеннаго между Россіей и Польшей, былъ учрежденъ смѣшанный судъ для рѣшенія спорныхъ дѣлъ о чинахъ и имуществахъ не-уніятовъ. Георгій былъ членомъ этого суда. Какъ мы видимъ, Георгій принималъ очень дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ. Своимъ благоразуміемъ, опытностью и безпристрастіемъ онъ снискалъ себѣ общее уваженіе и довѣренность. Такъ Львовскій уніатскій епископъ Леонъ Шептицкій однажды откровенно сказалъ Конисскому: „Мы за вами еще живемъ; когда католики васъ догрызутъ, то примутся и за насъ“. И тутъ же передалъ ему, что они (уніатскіе архіереи), оставивъ папскую надъ собой юрисдикцію, хотятъ опять присоединиться къ греко-россійской церкви, о чемъ представили королю и письменный меморіалъ.

Враждебные Станиславу магнаты распространяли слухи, что Екатерина II съ согласія короля намѣрена истребить римско-католическую вѣру. Папскій нунцій въ возваніяхъ къ духовенству, а послѣднее въ поученіяхъ народу проповѣды-

вали крестовый походъ на Россію. Французскій министръ Шоазель, недовольный нашимъ союзомъ съ Пруссіею, возбуждалъ Польшу, Швецію и Турцію къ войнѣ съ Екатериною Великой. Барскіе конфедераты, замышляя свергнуть Станислава и перемѣнить коренные уставы, составляли сильные военные отряды. Турція обѣщалась придти на помощь Польшѣ. Изъ Франціи посылались офицеры и золото сыпалось щедрою рукой. Но русское оружіе одержало верхъ надъ поляками и турками. Эти побѣды были какъ бы наградой русскимъ за заступничество угнетенныхъ. Въ 1772 году Екатерина II, Марія-Терезія и Фридрихъ произвели первый раздѣлъ Польши. Бѣлоруссія съ 1,360,000 жителей послѣ долгаго и тяжелаго плѣна возвратилась опять къ Россіи, къ своей отчизнѣ. Провинціи: Могилевская, Оршанская и Мстиславская составили Бѣлорусскую епархію, которая и была оставлена за Георгіемъ.

Съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи къ Россіи и безпорядки прекратились; наступила повсюду тишина. Георгій, пріѣхавъ въ Петербургъ, чтобъ выразить благодарность Императрицѣ, въ придворной церкви произнесъ рѣчь. „Тяжкія узы наши расторгнуты повелѣніемъ твоимъ“, сказалъ онъ, „и уже плѣнники толпами къ Сіону, къ матери своей — церкви, веселы текутъ. Нынѣ настали намъ времена прохладныя. Укротились свирѣпѣвшіе, примирились и содружились съ гонимыми гонившіе. Пасется у насъ нынѣ, какъ Пророкъ предсказалъ, вкупѣ волкъ съ овцой . . . Мы и въ восторгъ приходимъ и недоумѣваемъ, сонъ ли се сладкій намъ, или истинное событіе“.

Въ 1774 году Императрица за ревностное служеніе Георгія возвела его Бѣлорусскую епархію въ разрядъ второклассныхъ и увеличила его окладъ. Теперь преосвященный всецѣло предается устройству своей епархіи, а часы досуга посвящаетъ ученымъ трудамъ. По порученію Св. Сунода, онъ вмѣстѣ со смоленскимъ преосвященнымъ Парѳеніемъ сочинилъ книгу „о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“; занимался онъ также исторіей Малоруссіи и Бѣлоруссіи. Кромѣ проповѣдей, поученій и словъ, послѣ него осталось

нѣсколько стихотвореній, большею частію духовнаго содержанія. Сочиненія Конисскаго, помимо своего содержанія, интересны еще и со стороны языка и построенія рѣчи.

Особенно много заботился онъ о благосостояніи своей епархіи. Георгій успѣлъ возвратить многіе церкви и приходы, отнятые уніатскимъ и католическимъ духовенствомъ. Такъ поступилъ снова въ его вѣдѣніе Мозалевскій дѣвичій монастырь, которымъ уніаты владѣли болѣе 40 лѣтъ.

Среди заботъ объ устройствѣ своей епархіи, преосвященный не забывалъ и объ юношествѣ. Онъ построилъ въ 1780 году новое огромное зданіе для семинаріи, вызвалъ изъ Кіевской Академіи нѣсколько студентовъ и устроилъ каѳедры не только для богословскихъ и философскихъ наукъ, но и для языковъ греческаго, еврейскаго и польскаго. На содержаніе ея правительство выдавало ежегодно 2500 рублей.

Въ томъ же 1774 году Императрица предприняла путешествіе въ Бѣлоруссію съ цѣлью осмотрѣть ее. Въ Могилевѣ на ступеняхъ крыльца каѳедральнаго собора встрѣтилъ ее Георгій и сказалъ привѣтственную рѣчь.

Въ 1783 г. Георгій за полезную свою дѣятельность получилъ санъ архіепископа и былъ назначенъ членомъ Св. Сѵнода.

Въ послѣдній разъ архіепископъ видѣлся съ Императрицей въ Мстиславѣ при проѣздѣ ея въ Тавриду. Георгій произнесъ по этому случаю знаменитую свою рѣчь. „Оставимъ“, говорилъ онъ, „астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается: наше солнце вкругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ. Исходиши, Милосердая Монархиня, яко женихъ отъ чертога своего; радуешься, яко исполинъ, теши путь. Отъ края моря Балтійскаго до края Евксинскаго шествіе твое, да тако ни единъ изъ подданныхъ твоихъ не укрыется благодѣтельныя теплоты твоея. Хотя же мы и покоимся твоимъ безпокойствіемъ, и не негорькими хожденіями твоими сидимъ сладко, всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, якоже Израиль во дни Соломона: однако солнечнику-цвѣту

подобясь, туда и очи и сердца наши обращаемъ, аможе теченіе твое.

Тецы убо, о солнце наше, спѣшно; тецы исполинными стопами во всѣхъ твоихъ благонамѣреніяхъ. Къ западу только жизни твоея не спѣши. Въ семъ бо случаѣ, якоже Іисусъ Навинъ, и руки, и сердца наша простирая къ небу, вопіемъ: „стой, солнце, и не движись!“, дондеже вся, великимъ Твоимъ намѣреніемъ противная, торжественно подвижиши“.

Екатерина, щедро одаривъ своего любимаго пастыря, достоинства котораго она высоко цѣнила, уѣхала въ Крымъ.

Въ это время Георгію было уже 70 лѣтъ. Строгая умѣренность въ пищѣ и питьѣ, простая жизнь поддерживали его силы, надорванныя долгою борьбой съ противниками православія. Несмотря на свои преклонныя лѣта, преосвященный не переставалъ поучать священнослужителей и народъ.

Въ 1795 году 13-го февраля, въ 11 часовъ утра Георгій Конисскій умеръ послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни и былъ погребенъ во храмѣ св. Спаса, за правымъ клиросомъ.

Біографъ, протоіерей Григоровичъ, такъ его характеризуетъ. Жизнь и дѣяніе Георгія въ различныхъ отношеніяхъ представляютъ различныя его достоинства. Въ Церкви и на паствѣ своей онъ былъ ревностный пастырь, стражъ и наставникъ. Въ святилищѣ наукъ — отецъ и другъ питомцевъ. При дворѣ Царскомъ — смѣлый защитникъ правоты и истины. Въ Судебной Палатѣ — строгій блюститель святости законовъ. Подвиги вѣры и служенія стяжали ему безсмертную славу, не только въ Россіи, отъ признательныхъ соотечественниковъ, но и въ странахъ чуждыхъ, отъ иноплеменниковъ, самыхъ враговъ православія.

Онъ плѣнялъ, восхищалъ всѣхъ простотою своею и искренностью въ обращеніи, добротою души, бесѣдами поучительными, совѣтами полезными, отеческими. Не зная самъ роскоши, довольствуясь простою пищею и небогатою одеждою, онъ былъ благотворителенъ какъ роднымъ, такъ и чужимъ.

Память его доселѣ священна въ паствѣ его, и самое имя Георгія произносится тамъ всѣми съ какимъ-то благоговѣніемъ".

А самъ Георгій Конисскій такъ изображаетъ свою жизнь въ сочиненной имъ эпитафіи.

Колыбель — Нѣжинъ, Кіевъ мой учитель;
Я въ тридцать восемь лѣтъ сдѣлался святитель.
Семнадцать лѣтъ боролся я съ волками,
А двадцать два, какъ Пастырь, отдохнулъ съ овцами.
За претерпѣнные труды и непогоду,
Архіепископомъ и Членомъ сталъ Сѵноду.
Георгій именемъ, я изъ Конисскихъ дому,
Коню [1]) подобенъ бывалъ почтовому.
Сего тутъ падла зарылъ грѣшныя кости
Годъ седмисотый пятый девяностый [2]).

---

1) Экивокъ съ намекомъ на свою собственную фамилію, которую онъ, очевидно, производилъ отъ слова конь.

2) При написаніи помѣщенныхъ „Очерковъ" авторъ пользовался, какъ собственными матеріалами и наблюденіями, такъ и статьями Грота, Григоровича, Терновскаго и др. Высказанное ранѣе подтверждено новыми данными и соображеніями.

Владимиръ Бобровъ.

А. Ф. Зачинскій. †

(Некрологъ.)

Въ началѣ 1908 года Учено-Литературное Общество при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ понесло тяжелую утрату. 4-го января этого года скончался профессоръ Юрьевскаго Университета Адамъ Францовичъ Зачинскій, бывшій однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ Общества со времени его основанія (въ 1897 году); между прочимъ, въ первомъ же общемъ собраніи членовъ Общества онъ былъ избранъ библіотекаремъ этого Общества.

Покойный А. Ф. Зачинскій родился въ 1854 году въ Гродненской губерни. По окончаніи курса въ Гродненской гимназіи съ золотою медалью въ 1874 году, онъ поступилъ въ томъ же году на юридическій факультетъ Московскаго университета, гдѣ окончилъ курсъ въ 1878 году со степенью кандидата правъ. Въ 1880 году А. Ф. Зачинскій былъ оставленъ при Московскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, съ назначеніемъ стипендіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, и, по выдержаніи магистерскаго экзамена, въ 1883 году былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу, гдѣ занимался при университетахъ Гейдельбергскомъ, Вѣнскомъ, Парижскомъ и Грацскомъ и слушалъ общіе и спеціальные курсы по философіи и правовѣдѣнію у Куно-Фишера и Гейнце въ Гейдельбергѣ, у Каро, Лафита, Фюстель де Кулянжа, Левелье и Дежардена въ Парижѣ,

у Шютце въ Грацѣ, у Вальберга, Ламмама, Майера и Неймана-Спаселарта въ Вѣнѣ. Въ 1886 году А. Ф. Зачинскій пріобрѣлъ въ Московскомъ университетѣ званіе приватъ-доцента и въ томъ же году избранъ былъ совѣтомъ Демидовскаго Юридическаго Лицея приватъ-доцентомъ уголовнаго судопроизводства. Пробывши въ Лицеѣ три года, въ 1889 году, въ томъ же званіи перешелъ въ Московскій университетъ. Въ этомъ же году онъ былъ приглашенъ покойнымъ попечителемъ Рижскаго Учебнаго Округа М. Н. Капустинымъ въ Юрьевскій (тогда еще Дерптскій) университетъ на каѳедру энциклопедіи и философіи права, въ качествѣ доцента, а въ 1893 году былъ назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора. Въ 1893—94 г. былъ командированъ заграницу для занятій въ библіотекахъ Берлина, Вѣны и Парижа.

Покойный А. Ф. Зачинскій былъ не только весьма талантливымъ профессоромъ, лекціи котораго посѣщались многочисленными слушателями, но и выдающимся общественнымъ дѣятелемъ. Съ 1892 года по день своей смерти онъ состоялъ почетнымъ мировымъ судьею Юрьево-Верроскаго Округа, директоромъ Юрьевскаго отдѣленія Общества попечительнаго о тюрьмахъ, дѣйствительнымъ членомъ Общества для пособія недостаточнымъ студентамъ Юрьевскаго университета (гдѣ нѣкоторое время исполнялъ многосложныя обязанности казначея этого Общества), дѣйствительнымъ членомъ Учено-Литературнаго Общества при томъ же университетѣ, членомъ Московскаго Юридическаго Общества.

Какъ общественный дѣятель, покойный отличался стойкостью своихъ убѣжденій. Онъ былъ виднымъ русскимъ дѣятелемъ на Прибалтійской окраинѣ и съигралъ замѣтную роль въ дѣлѣ преобразованія Юрьевскаго университета изъ учрежденія нѣмецкаго въ русское. Въ теченіи 18-ти лѣтъ А. Ф. Зачинскій былъ здѣсь неизмѣнно однимъ изъ устоевъ этого преобразованія. Какъ человѣкъ, покойный отличался рѣдкою искренностью, теплотою душевною, отзывчивостью на все до-

брое. За всѣ эти качества его очень цѣнили его друзья и единомышленники, но не мало пришлось перенести ему огорченій отъ людей иного склада и образа мыслей. Русское дѣло на Прибалтійской окраинѣ понесло въ покойномъ тяжелую утрату.

На чужбинѣ сложилъ А. Ф. свои кости .... Да будетъ же ему легка русско-ливонская земля!

Сочиненія проф. А. Ф. Зачинскаго:

О началѣ государственнаго обвиненія. Ярославль. 1887.

Уголовное судопроизводство. Ярославль. 1888.

Программа по уголовному судопроизводству, съ указаніемъ литературы. Ярославль. 1889.

Кромѣ того, покойнымъ было написано нѣсколько рецензій и замѣтокъ юридическаго содержанія въ Юридическомъ Вѣстникѣ, въ Временникѣ Демидовскаго Юридическаго Лицея, въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ и др.

Профессоръ **М. Красноженъ.**

ИЗЪ

УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЛѢТОПИСИ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.
„Всероссійская“ студенческая забастовка.
Забастовка въ Университетахъ Московскомъ, С.-Петербургскомъ, Юрьевскомъ, Св. Владиміра, Казанскомъ, Харьковскомъ, Новороссійскомъ. Отзывы печати.
Университетская лѣтопись.
Полувѣковые юбилеи.
Некрологи: Н. П. Павловъ-Сильванскій, † Н. П. Гундобинъ, † В. А. Юшкевичъ, † Н. Д. Сергѣевскій, † А. А. Крюковъ.
Новыя книги.
Ученыя Записки Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая. Вып. 1. *М. К.*

Правительственныя распоряженія.

— О вольнослушательницахъ. Въ Собраніи узаконеній опубликовано Высочайшее повелѣніе, гласящее:

„Государь Императоръ, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ частности, съ вопросомъ о вольнослушательницахъ, изволилъ усмотрѣть, что неправильно допущенныя къ слушанію лекцій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ лица женскаго пола поставлены нынѣ въ условія, затрудняющія имъ прослушаніе до конца курса, который онѣ разсчитывали пройти. Снисходя къ совершенно исключительному положенію, въ которомъ находятся эти лица вслѣдствіе возвращенія нынѣ университетовъ и прочихъ высшихъ учебныхъ заведеній къ законному порядку пріема стороннихъ слушателей, Его Императорское Величество 29 октября Высочайше повелѣть соизволилъ: допущеннымъ по настоящее время вслѣдствіе неправильнаго толкованія закона въ высшія учебныя заведенія, въ качествѣ стороннихъ слушательницъ, лицамъ женскаго пола разрѣшить окончаніе слушанія курса на одинаковыхъ со сторонними слушателями условіяхъ.“

— Назначаются: Заслуженный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ астрономіи д. с. с. Левицкій — попечителемъ Виленскаго учебнаго округа; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ греческой словесности, д. с. с. Никитскій — попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа.

— Совѣтъ Министровъ, въ виду университетскихъ безпорядковъ, постановилъ:

1. Предложить профессорамъ забастовавшихъ высшихъ учебныхъ заведеній продолжать чтеніе лекцій.

2. Въ случаѣ учиненія кѣмъ-либо физическихъ къ тому препятствій, предложить совѣтамъ этихъ учебныхъ заведеній принять всѣ внутреннія мѣры къ прекращенію непорядка и немедленному возобновленію занятій.

3. При невозможности для совѣтовъ профессоровъ оградить порядокъ собственными средствами учебнаго заведенія, предложить имъ обращаться къ содѣйствію гражданскихъ властей.

4. Поручить С.-Петербургскому градоначальнику и высшимъ начальствующимъ лицамъ другихъ университетскихъ городовъ, не принимая полицейскихъ мѣръ противъ забастовавшихъ студентовъ, пока они ограничиваются лишь непосѣщеніемъ лекцій, не допускать никакихъ съ ихъ стороны проявленій своеволія или насилія надъ другими лицами, въ случаѣ же полученія увѣдомленія отъ университетскаго начальства о насиліяхъ внутри стѣнъ учебнаго заведенія, немедленно примѣнять къ виновнымъ всѣ законныя мѣры воздѣйствія.

— Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Совѣта Министровъ постановлено:

I. Въ отношеніи пріема евреевъ въ высшія учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ, за исключеніемъ консерваторій, постановить, что въ тѣхъ изъ упомянутыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, по которымъ не имѣется точныхъ по сему предмету указаній, соблюдаются слѣдующія процентныя нормы: 3 проц. для столичныхъ учебныхъ заведеній, 5 проц. для находящихся въ прочихъ мѣстностяхъ Имперіи внѣ черты еврейской осѣдлости и 10 проц. — въ районѣ сей осѣдлости.

II. Образовать, подъ предсѣдательствомъ Министра Народнаго Просвѣщенія, совѣщаніе изъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ для опредѣленія условій пріема евреевъ въ среднія учебныя заведенія, съ тѣмъ, чтобы предположенія сего совѣщанія были затѣмъ представлены на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ.

— Совѣтомъ Министровъ утверждено положеніе объ установленіи новыхъ сроковъ для производства экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости, по которому эти экзамены будутъ отнынѣ производиться по четыре раза въ годъ.

— Въ виду того, что въ университетахъ на нѣкоторыхъ фа-

культетахъ, по цѣлымъ годамъ остаются незамѣщенными вакантныя каѳедры, Министерство Народнаго Просвѣщенія предлагаетъ совѣтамъ университетовъ замѣстить эти каѳедры въ опредѣленный срокъ съ тѣмъ, что, въ случаѣ незамѣщенія ихъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія замѣститъ эти каѳедры по своему усмотрѣнію.

— Министръ Народнаго Просвѣщенія, отмѣнивъ льготный пріемъ семинаристовъ, окончившихъ курсъ 6-ти классовъ духовныхъ семинарій и установивъ для полученія ими права на поступленіе въ студенты университета сдачу дополнительнаго экзамена, въ объемѣ полнаго курса гимназіи по математикѣ, физикѣ и одному изъ новыхъ языковъ, признало необходимымъ внести поправку также и въ правила пріема въ университеты лицъ, имѣющихъ дипломы объ окончаніи курса другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Лица эти теперь будутъ допускаться къ участію въ конкурсахъ для поступленія въ студенты университетовъ исключительно на основаніи ихъ аттестатовъ о среднемъ образованіи, и при условіи выдержанія въ нужныхъ случаяхъ соотвѣтствующихъ дополнительныхъ испытаній. Всѣ указанныя требованія рѣшено внести также и въ условія пріема студентовъ въ Императорскую Военно-Медицинскую академію, и условія эти теперь не будутъ отличаться отъ условій зачисленія на медицинскіе факультеты университетовъ. Допускавшійся въ извѣстныхъ случаяхъ условный пріемъ въ студенты университетовъ и Военно-Медицинской академіи на будущее время также отмѣняется, и лица, не выдержавшія дополнительныхъ испытаній или же не имѣющія свидѣтельства о благонадежности и т. п., въ студенты университетовъ и академіи приниматься не будутъ впредь до выполненія ими всѣхъ установленныхъ требованій.

— Согласно распоряженію М-ва Н. П., съ нынѣшняго года входятъ въ силу правила предѣльнаго пребыванія студентовъ въ университетѣ. Предѣльный срокъ прохожденія университетскихъ наукъ на какомъ-либо факультетѣ установленъ въ 6 лѣтъ.

— М-во Н. П. разъяснило, что отъ лицъ, желающихъ подвергнуться испытаніямъ на аттестатъ зрѣлости, представленія свидѣтельства о благонадежности не требуется. Экстерны же, которые состоятъ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи, могутъ быть допускаемы къ экзаменамъ не иначе, какъ по соглашенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. При этомъ, во избѣжаніе вреда, который можетъ принести учащимся

частое общеніе съ поднадзорными, подвергающимися испытаніямъ въ качествѣ постороннихъ лицъ, такіе экстерны должны быть экзаменуемы отдѣльно.

Согласно распоряженію М. Н. П. для постороннихъ лицъ, при испытаніяхъ изъ курса того или другого класса гимназіи, начиная съ 1909—1910 учебнаго года, обязательны оба новыхъ языка.

Св. Синодъ постановилъ разрѣшить окончить высшее образованіе тѣмъ изъ священниковъ, которые поступили въ университеты до изданія Синодомъ запрещенія поступать въ университеты лицамъ духовнаго званія.

Всероссійская студенческая забастовка.

„Свобода — о да, это великое дѣло, ради нея можно и должно жертвовать жизнью . . . . жизнью, согласенъ, но не наукой."

Проф. Зѣлинскій.

Едва начался нынѣшній учебный годъ, какъ правильныя занятія въ университетахъ были прерваны. Студенчество Московскаго и С.-Петербургскаго, а затѣмъ, и другихъ университетовъ, по постановленію „коалиціоннаго совѣта" объявило „всероссійскую" студенческую забастовку, какъ протестъ противъ нынѣшняго Министерства Народнаго Просвѣщенія за посягательство со стороны его на университетскую автономію.

Однако на этотъ разъ, какъ читатель увидитъ ниже, забастовка, какъ средство протеста, встрѣтила рѣшительное порицаніе не только со стороны большинства студенчества, а также со стороны органовъ печати безъ различія направленій.

Въ самомъ дѣлѣ, терять въ ничегонедѣланіи дорогое время, прерывать мирную научную работу, которая должна быть направлена на благо родины и русскаго народа, въ настоящее время особенно нуждающагося въ честныхъ и энергичныхъ дѣятеляхъ, въ опытныхъ и знающихъ руководителяхъ, — значитъ окончательно забыть свой долгъ человѣка и гражданина. Ни для кого не тайна, съ какою

подготовкою выходятъ за послѣднее время изъ нашей высшей школы врачи, юристы, учители . . . Культура наша разрушается; наука въ полномъ упадкѣ . . . Не ужели мы будемъ продолжать способствовать этому разрушенію?

Да не будетъ такъ.

Будемъ надѣяться, что студенческая забастовка больше никогда не повторится!

Забастовка.

Въ Московскомъ университетѣ съ утра 24 сентября члены „коалиціоннаго совѣта" стали мѣшать правильнымъ академическимъ занятіямъ, а послѣ 12 часовъ лекціи въ новомъ зданіи университета были прекращены.

Профессора Московскаго университета горячо протестовали противъ забастовки. Извѣстный профессоръ кн. Е. Н. Трубецкой обратился къ студентамъ съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ . . . „Автономный университетъ управляется исключительно путемъ нравственнаго воздѣйствія на учащихся. Нравственный авторитетъ профессорской коллегіи — только основаніе, на которомъ оно покоится. Съ глубокимъ прискорбіемъ я долженъ отмѣтить, что теперь этотъ авторитетъ попирается студенчествомъ: студенты оставили безъ всякаго вниманія объявленіе совѣта, призывающее ихъ къ порядку, они сочли его даже не стоющимъ обсужденія. Часть студентовъ начала обструкцію, причемъ не только отдѣльные профессора, но и вся коллегія была оскорблена многими выходками, и избранникъ-ректоръ подвергся освистанію. Обструкціонисты не встрѣтили надлежащаго отпора со стороны массы студенчества. Тотъ путь, на который становится студенчество, поддерживая забастовку и терпя обструкцію, фаталенъ и ведетъ къ крушенію автономіи и къ переходу университета въ руки гражданскихъ властей. Если студенты предпочитаютъ оставить призывъ совѣта безъ вниманія, то послѣдній способъ нравственнаго воздѣйствія окажется исчерпаннымъ, и для возстановленія порядка студентамъ придется въ дальнѣйшемъ имѣть дѣло не съ совѣтомъ, а съ полиціей. Тѣмъ самымъ будетъ положено начало полному разрушенію университета, ибо не только ректоръ, но и профессора должны поставить себѣ вопросъ, могутъ ли они про-

должать свою дѣятельность въ университетѣ, управляемомъ полиціей. Опасность для автономіи меньше, когда она нарушается сверху; въ этомъ случаѣ положеніе совѣта трудное, но не безвыходное. Оно становится окончательно нестерпимымъ, когда, какъ въ настоящемъ случаѣ, виновниками неуваженія къ автономіи являются студенты, ибо разъ нравственный авторитетъ профессоровъ становится нулемъ для учащихся, — автономія университета утрачиваетъ всякую почву подъ собою.

Въ виду происшедшей 29 сентября обструкціи, совѣтская комиссія постановила просить ректора созвать экстренное засѣданіе совѣта во вторникъ, 30 сентября, пріостановивъ, до рѣшенія совѣта, учебныя занятія въ университетѣ.

Поводомъ для такого рѣшенія послужило поведеніе кучки студентовъ, прибѣгшей къ обструкціи, которая сопровождалась грубыми и оскорбительными для профессоровъ поступками. Хотя большинство студентовъ, желающихъ учиться, не одобряло поведеніе обструкціонной кучки и явно возмущалось имъ, тѣмъ не менѣе оно не находило въ себѣ силы и мужества противостоять. Кучка обструкціонистовъ помѣшала лекціямъ профессоровъ: Кассо, Мануилова, Филиппова, Любавскаго и Щепкина, позволяла себѣ самыя дикія выходки, громко говорила и свистала. Когда ректоръ шелъ по корридору, его провожали свистками стоявшіе шпалерами студенты. На лекціи ректора одинъ изъ студентовъ сидѣлъ въ шапкѣ и съ дубиной и увѣрялъ, что лекція не должна состояться. На лекціи проф. Любавскаго студенты громко разговаривали, смѣялись н не давали закрыть двери аудиторіи, не смотря на требованіе профессора, причемъ одинъ субъектъ заявилъ, что при закрытыхъ дверяхъ творятся только гнусныя вещи. Проф. Любавскій былъ вынужденъ прекратить лекцію, причемъ во имя достоинства университета онъ протестовалъ противъ творимыхъ безобразій. Это справедливое негодованіе вызвало только аплодисменты среди кучки обструкціонистовъ. Поведеніе кучки было тѣмъ болѣе странно, что студенческій „коалиціонный совѣтъ“ предлагалъ воздержаться отъ обструкціи и отъ всякихъ насилій. Появившееся объявленіе ректора о прекращеніи занятій на одинъ день произвело самое тяжелое впечатлѣніе въ обществѣ.

На экстренномъ засѣданіи университетскаго совѣта,

которое затянулось до 2 часовъ ночи, былъ составленъ слѣдующій текстъ обращенія къ студенчеству:

„Протестуя противъ забастовки, грозящей университету разрушеніемъ и выражая крайнее негодованіе тѣмъ изъ студентовъ, которые участвовали въ обструкціи и позволяли себѣ грубые и оскорбительные поступки противъ профессоровъ и ихъ слушателей, совѣтъ обращаетъ вниманіе студентовъ на создавшееся исключительно серьезное по своей опасности для университета положеніе и на безусловную необходимость возвращенія къ правильнымъ занятіямъ. Неисполненіе студентами этого предложенія послужитъ свидѣтельствомъ полнаго съ ихъ стороны неуваженія къ университетской автономіи."

Ректоръ въ своемъ заявленіи объ отказѣ, который совѣтъ уговорилъ его взять обратно, высказалъ, что автономія падаетъ, если подвергается колебаніямъ авторитетъ профессорской коллегіи и если его силы оказываются недостаточными для поддержанія правильнаго теченіи академической жизни. Дѣянія, совершенныя студентами въ университетѣ, доказываютъ яснымъ и недопускающимъ пререканій способомъ, что профессорская коллегія не пользуется въ университетѣ надлежащимъ авторитетомъ, т. е. что автономія невозможна. Такой образъ дѣйствій студентовъ, по мнѣнію ректора, преступенъ. Являясь соучастниками враговъ университетской автономіи, они вмѣстѣ съ ними выполняютъ печальную миссію разрушителей русской культуры. Неподчиненіе студентовъ авторитету профессорской коллегіи, отнимаетъ у автономіи почву и лишаетъ его, ректора, какъ выборнаго представителя, возможности нести возложенныя на него обязанности.

Въ С.-Петербургскомъ университетѣ 2 сентября царилъ безпорядокъ. Профессора отправлялись въ аудиторіи и или никого не находили тамъ, или встрѣчались съ толпою забастовщиковъ, шумно препятствовавшихъ чтенію лекцій. Интересъ дня сосредоточился на лекціи проф. Георгіевскаго, собирающей всегда много слушателей первокурсниковъ. Студенты переполнили аудиторію, но лекціи прочесть не дали. Профессоръ обратился къ нимъ съ рѣчью, указавъ, что своею забастовкою они губятъ автономію университета и создаютъ ненормальное положеніе, распоряжаясь

вмѣсто профессоровъ дѣлами университета. Но на студентовъ слово профессора не подѣйствовало, они вступили съ нимъ въ пререканія, и лекція была сорвана. Попытки другихъ профессоровъ также успѣха не имѣли.

2 октября въ С.-Петербургскомъ университетѣ на факультетѣ восточныхъ языковъ состоялись три лекціи. Собралось около 60 студентовъ, желающихъ слушать лекціи. Они забаррикадировались такъ хорошо, что забастовщики, явившіеся сюда для срыва лекцій, не могли проникнуть внутрь. Слушавшіе лекціи студенты также оказались запертыми, такъ какъ ихъ не выпускали забастовщики. Запертые студенты черезъ окно стали перебираться на крышу, откуда спускались на землю по подставной лѣстницѣ. Забастовщики замѣтили это и убрали лѣстницу. На другихъ факультетахъ лекцій не было.

На многочисленной сходкѣ произошла свалка одной группы студентовъ съ другой. Въ свалкѣ нѣкоторымъ студентамъ нанесены палками пораненія головы и лица. Въ залѣ въ одномъ окнѣ выбиты стекла. Сходка распущена. Канцеляріей совѣта профессоровъ приняты мѣры для выясненія личности участвовавшихъ въ дракѣ для привлеченія ихъ къ дисциплинарному суду.

Проф. Глазенапъ произнесъ слѣдующую рѣчь передъ аудиторіей, не пожелавшей слушать лекціи: „Хозяйинъ аудиторіи — я. Выйдите всѣ нежелающіе заниматься, вонъ! Доколѣ вы будете злоупотреблять моимъ терпѣніемъ? Вы ратуете за свободу слова и сами ее здѣсь-же нарушаете. Я буду читать лекцію даже при одномъ слушателѣ.“ . . .

Раздался несмолкаемый свистъ, шумъ.

„Меня вы побѣдили, но не переубѣдили“, сказалъ профессоръ, когда шумъ немного утихъ. „Я приду и буду читать въ слѣдующій разъ. Я буду защищать науку до смерти.“

Въ Юрьевскомъ университетѣ на состоявшейся 23 сентября сходкѣ принята резолюція о забастовкѣ. Удивительно, что такое постановленіе состоялось, хотя большинство студентовъ было противъ забастовки и высказывало желаніе заниматься. Но большинство это въ общемъ отнеслось къ происшедшимъ въ университетѣ событіямъ индифферентно; многіе изъ желающихъ продолжать занятія на

сходку не явились. Изъ 2800 (приблизительно), находившихся въ это время въ г. Юрьевѣ студентовъ, на сходкѣ присутствовало только 1530 человѣкъ, при чемъ за забастовку высказалось всего 970 студентовъ, т. е. около трети бывшихъ въ это время въ Юрьевѣ студентовъ.

Весьма характернымъ знаменіемъ времени является то, что за забастовку высказалось нѣсколько нѣмецкихъ студентовъ.

Осуждая это явленіе, нѣмецкія газеты говорятъ: „Мы нѣмцы, должны безусловно воздержаться отъ всякой оппозиціи при помощи нелегальныхъ средствъ, какъ, напр., отъ этой студенческой забастовки, и, прежде всего, не позволительно, чтобы нѣмецкіе студенты принимали въ ней участіе, ибо даже въ самое жестокое время руссификаціи и реакціи нѣмецкимъ студенческимъ корпораціямъ разрѣшено было продолжать свое существованіе, а потому сохраненіе славы политической зрѣлости, пріобрѣтенной прежними дерптскими поколѣніями, должно составлять вопросъ чести для всѣхъ нѣмецкихъ студентовъ“.

Въ университетѣ св. Владиміра 2 октября въ 11 ч. утра въ XIV аудиторіи началась сходка. Въ самомъ началѣ произошли пререканія между устроителями сходки и протестовавшими противъ нея академиками. Происходилъ шумъ, раздавались крики, свистки. Дважды являлся ректоръ съ предложеніемъ разойтись, но увѣщанія остались безплодными. Въ виду упорства студентовъ, вызваны были рота солдатъ и нарядъ пѣшей и конной полиціи, по распоряженію полиціймейстера введенные въ университетъ. Толпившіеся въ корридорахъ участники сходки были удалены. Чтеніе лекцій продолжалось въ порядкѣ. Въ университетѣ остался нарядъ полиціи съ полиціймейстеромъ.

За попытку организовать въ Кіевскомъ университетѣ неразрѣшенную сходку 6 студентовъ подвергнуты губернаторомъ аресту отъ одного до трехъ мѣсяцевъ.

Въ Казанскомъ университетѣ 30-го сентября студенты сдѣлали попытку устроить сходку, но въ университетъ была введена полиція и двѣ роты солдатъ, и около

400 студентовъ были отправлены въ участокъ, гдѣ у нихъ отбирались документы. Часть студентовъ арестована, часть освобождена.

Въ Харьковскомъ университетѣ, не смотря на постановленіе общестуденческой сходки, 25 сентября въ университетъ на лекцію проф. Загурскаго явилось 7 слушателей. Лекція продолжалась около 20 минутъ. Въ это время въ корридорахъ и курилкѣ студенты-забастовщики собирали свои силы. Наконецъ, въ аудиторію ворвалось около 100 человѣкъ студентовъ. Профессоръ обратился къ студентамъ съ просьбой оставить аудиторію и не мѣшать ему исполнять долгъ, возложенный на него государствомъ и званіемъ профессора.

„Прошу васъ, господа, сказалъ проф. Загурскій, не прерывать лекціи . . . Я, какъ профессоръ, обязанъ продолжать занятія . . . Долженъ вамъ напомнить, что, на основаніи постановленія профессорскаго совѣта, каждый профессоръ долженъ читать лекцію даже при наличности одного слушателя. Я старикъ и обращаюсь къ вамъ, молодымъ. Взываю къ вашему чувству совѣсти, къ вашему чувству законности.

Пренія между проф. Загурскимъ и забастовщиками продолжались свыше 15 минутъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ заявилъ: „Ваши слова, профессоръ, напрасны. Все равно мы не уйдемъ отсюда, пока не сорвемъ лекціи".

Такимъ же путемъ срывались лекціи у профессоровъ Нетушила, Бузескула, Каткова и др.

Совѣтъ Новороссійскаго университета обратился къ студентамъ съ слѣдующимъ заявленіемъ: „Будучи увѣренъ въ благоразуміи большинства студентовъ Новороссійскаго университета, совѣтъ, съ своей стороны, на основаніи указа отъ 27 августа 1905 г. и другихъ узаконеній и правилъ, приметъ всѣ мѣры, чтобы университетъ могъ безъ перерыва выполнять свое высокое назначеніе, обезпечивъ возможность занятій всѣмъ желающимъ работать".

Прекрасную рѣчь произнесъ деканъ юридическаго факультета проф. П. Е. Казанскій: „Видя то, что происходитъ за послѣдніе дни въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ русскій профессоръ не можетъ молчать, не могу молчать и я . . .

— такъ началъ свою рѣчь проф. Казанскій. Нельзя не протестовать всѣми силами души противъ длящейся анархіи, въ которую вовлекаются высшія школы. Удручаетъ и ужасаетъ неизвѣстно уже которая по счету забастовка учащихся . . . Цѣль насажденія анархіи въ школѣ можетъ быть одна: погубить поколѣніе за поколѣніемъ русской молодежи и тѣмъ нанести Россіи худшее пораженіе, чѣмъ то, которое она терпѣла на поляхъ Манчжуріи. Вѣдь наша молодежь — будущая Россія: все, что создано и накоплено долгимъ трудомъ нашихъ предковъ, черезъ самый короткій срокъ перейдетъ въ ваши руки, господа, вы стоите, какъ бы на стражѣ государственнаго и народнаго блага; судьба Россіи будетъ зависѣть отъ вашихъ дарованій, отъ вашихъ знаній, отъ вашего труда. Воспитать и вооружить знаніемъ и умѣніемъ молодыя поколѣнія для предстоящей имъ тяжелой борьбы за существованіе личное и народное — одна изъ первыхъ задачъ дѣйствующихъ кадровъ народа . . . Разрушите высшую школу — разрушите государство. Школа должна спокойно работать и нѣтъ достаточно великихъ жертвъ для достиженія этой цѣли. Никакихъ колебаній въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть. Не дайте же, господа, украсть у васъ ваше будущее, будущее вашей родины“ . . .

Рѣчь почтеннаго профессора произвела сильное впечатлѣніе на переполнявшихъ аудиторію студентовъ. При входѣ на слѣдующую лекцію проф. Казанскій былъ встрѣченъ привѣтствіями, при чемъ одинъ изъ студентовъ, отъ лица присутствовавшихъ, благодарилъ профессора за его проникнутую такою любовью къ молодежи рѣчь.

Отзывы печати.

Газеты всѣхъ направленій рѣшительно высказались противъ забастовки.

Приведемъ нѣкоторые изъ отзывовъ печати.

Мы, съ своей стороны, полагаемъ, читаемъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, что дѣйствительно трехлѣтній опытъ скорѣе доказалъ тщету упованій на единоспасаемость ничѣмъ неограниченной академической автономіи, чѣмъ оправданность ихъ; что тѣ гарантіи спокойствія и порядка, какія указъ 27 авг. 1905 г. видѣлъ въ профессорскихъ совѣтахъ,

оказались на дѣлѣ фиктивными; что профессора, вполнѣ обезпеченные сверху, не могли однако отстоять своего авторитета отъ оппозиціи снизу — со стороны то младшихъ преподавателей, то студенческой педократіи; что хотя въ прошломъ учебномъ году внутреннія отношенія академическихъ республикъ нѣсколько улучшились, но борьба стремленій студенческой охлократіи, отчасти и ассистентской демократіи, противъ профессорской аристократіи въ нихъ не прекращалась; что закрытіе С.-Петербургскаго университета изъ-за забастовки одной группы студенчества было бы постыдной капитуляціей передъ ней, которая не можетъ быть терпима въ государственномъ учрежденіи . . .

Но мы считаемъ ошибочною ту политику, которая возлагаетъ на само студенчество вытравленіе изъ своей среды — какъ бы путемъ лейкоцитоза — смутьяновъ, производящихъ забастовки и бойкотъ школы. Это задача государства, а не студентовъ. Само государство обязано охранять право на трудъ слушателя высшей школы, какъ и любого другого гражданина... Извѣстный французскій государственный человѣкъ, бывшій президентъ Министерства, Вальдекъ Руссо заявилъ разъ съ парламентской трибуны, что если бы всѣ французы забастовали, а только одинъ хотѣлъ работать, то государство было бы обязано поднять хотя бы всю армію, чтобы охранить право на трудъ этого одного гражданина, — ибо это право основное и священное. Какъ же у насъ можно допустить, чтобы какой-то коалиціонный комитетъ, составленный изъ подпольныхъ представителей внѣуниверситетскихъ фракцій, распоряжался въ государственныхъ университетахъ и лишалъ цѣлые тысячи мирной и любознательной молодежи ея кардинальнаго права на трудъ?

„Свѣтъ“ главное зло нашихъ университетовъ видитъ въ составѣ современной профессуры, а не въ университетской автономіи... „Желая и требуя коренного обновленія высшей школы, русскіе люди боятся, какъ огня, возвращенія въ университеты старыхъ порядковъ. Автономія успѣла оказать важную услугу. Она сняла маску съ политическаго лицемѣрія, которое давно уже отравляетъ русскую высшую школу. А подъ сѣнью старой бюрократической опеки это политическое лицемѣріе чувствовало себя прекрасно. Оно скрывало себя отъ нескромныхъ взоровъ обличенія, дѣлало свое зловредное дѣло и, въ случаѣ упрековъ, къ нему обра-

щаемыхъ, удачно разыгрывало изъ себя угнетенную невинность. Автономія сорвала маски съ этихъ политическихъ лицемѣровъ — и въ этомъ несомнѣнная и огромная заслуга новаго строя высшей школы . . .“

Октябристъ А. И. Гучковъ сказалъ корреспонденту „Königsb. Hartungsche Zeit.“ слѣдующее: „Прежде всего должна быть изгнана политика изъ высшихъ школъ. Отсутствіе дисциплины и авторитета въ стѣнахъ высшихъ школъ, приносящее вредъ наукѣ и служащее причиной оскудѣнія ея, не можетъ быть болѣе терпимымъ. Образовалась „категорія“ профессоровъ, проповѣдующая крайнюю оппозицію. Въ ихъ средѣ сосредоточено руководство и управленіе высшею школою. Министерство Народнаго Просвѣщенія намѣрено положить конецъ такому хозяйству. Мы, съ своей стороны, съ охотою пойдемъ навстрѣчу Министерству въ его добромъ починѣ“.

Забастовка студентовъ, читаемъ мы въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, является въ настоящее время безцѣльной и вредной для дѣла университета. Съ другой стороны, не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что всѣ профессора сознаютъ свою обязанность исполнить возложенный на нихъ долгъ преподаванія и руководительства занятіями студентовъ. Но не менѣе справедливо, что преподавать въ пустыхъ аудиторіяхъ нельзя и что дѣло высшей школы можетъ идти успѣшно только при совмѣстной готовности работать учащихъ и учащихся. Есть основаніе надѣяться, что забастовка на этотъ разъ не можетъ быть длительной и что большинство студенчества скоро придетъ къ заключенію, что терять даромъ дорогое время и безцѣльно, и накладно. Учебныя занятія, несомнѣнно, возобновятся, но эта желаемая цѣль можетъ быть достигнута надежнѣе и скорѣе при предоставленіи профессорскимъ коллегіямъ права дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами и мѣстными условіями, чѣмъ при предъявленіи всюду одинаковаго требованія, которое можетъ оказаться мѣстами практически невыполнимымъ. Вблизи во всякомъ случаѣ виднѣе, чѣмъ издали, и если коллегіальный принципъ и начало самоуправленія были признаны, въ результатѣ долгаго историческаго опыта, примѣнимыми и необходимыми для успѣшнаго хода академической жизни, то въ моменты нарушенія этой жизни (каковые бывали и могутъ быть при

всякихъ способахъ управленія) нѣтъ основаній не считаться съ этими началами . . ."

Противъ забастовки протестуетъ Н. Г. Милюковъ: она, во-первыхъ, уменьшаетъ симпатіи Думы къ учащейся молодежи, во-вторыхъ, мѣшаетъ профессорамъ вести защиту правъ университета . . .

Университетская лѣтопись.

— Послѣдовало Высочайшее соизволеніе на присвоеніе Императорской Академіи Наукъ права пользоватея печатью Высочайше утвержденнаго 19 февраля 1735 года образца.

— Совѣтомъ Московскаго университета ректоромъ избранъ вновь профессоръ Мануиловъ.

— Какъ окончательно выяснилось, всего въ этомъ году въ Московскій университетъ принято 1,976 студентовъ, распредѣляющихся по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: филологическій — 80, медицинскій — 259, математическое отдѣленіе физико-математическаго — 363, естественное отдѣленіе ф.-м. — 431, юридическій — 837. Вольнослушателей въ университетѣ осталось 88, изъ нихъ 18 — на филологическомъ и 70 — на юридическомъ факультетѣ. Всего въ настоящее время въ Московскомъ университетѣ, считая студентовъ, фармацевтовъ и вольнослушателей, состоитъ 9,499 слушателей. Больше всего числится на юридическомъ факультетѣ, а именно 3,806 лицъ.

— На историко-филологическомъ факультетѣ съ нынѣшняго года будетъ читаться спеціальный курсъ греческаго языка для студентовъ, не изучившихъ греческаго языка. По прослушаніи курса въ теченіе первыхъ двухъ семестровъ студенты должны будутъ сдать соотвѣтсвующее испытаніе. Это нововведеніе дѣлается вслѣдствіе отмѣны Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія циркуляра отъ 30 іюля 1906 года, по которому отъ поступающихъ требовалось знаніе греческаго языка въ объемѣ гимназическаго курса.

— Комитетомъ Общества для пособія недостаточнымъ студентамъ Московскаго университета составлены въ настоящее

время точные списки лицъ, пользовавшихся, во время ихъ пребыванія въ университетѣ, стипендіями или какими-либо другими пособіями отъ Общества и до сихъ поръ не возвратившихъ потраченныхъ на нихъ суммъ. Въ виду того, что теперь большинство этихъ лицъ занимаютъ солидное и обезпеченное положеніе, но все же не возвращаютъ одолженныхъ суммъ. Общество постановило предъявлять къ нимъ иски въ судебномъ порядкѣ. Къ нѣкоторымъ лицамъ искъ уже предъявленъ, а къ остальнымъ будетъ предъявленъ впослѣдствіи.

— Министерство Народнаго Просвѣщенія сдѣлало запросъ администраціи С.-Петербургскаго Университета и профессорамъ, дѣйствительно ли во время забастовки были произнесены рѣчи, появившіяся въ періодической печати и не опровергнутыя. Профессору Брауну, кромѣ того, сдѣланъ запросъ, почему онъ не принялъ никакихъ мѣръ къ прекращенію явочной сходки 18 октября.

— М-ръ Н. П. сдѣлалъ запросъ ректору СПБ. университета, было ли имъ выдано разрѣшеніе на вывѣшиваніе въ стѣнахъ университета адреса Саттаръ-хану, главѣ персидскихъ революціонеровъ, а также съ разрѣшенія ли ректора собирались подъ этимъ адресомъ подписи.

— Министерство Народнаго Просвѣщенія предложило прокурору Одесскаго окружнаго суда привлечь къ уголовной отвѣтственности бывшаго ассистента госпитальной хирургической клиники Новороссійскаго университета Кадыгробова и бывшаго ординатора той же клиники доктора медицины Лишина, обвиняемыхъ въ самовольномъ прекращеніи работъ въ клиникѣ 30 октября 1905 года и въ регулярномъ полученіи изъ университетской канцеляріи своего жалованья послѣ ухода со службы.

— М-ръ Н. П. разрѣшилъ принимать въ студенты Томскаго университета окончившихъ полный курсъ православныхъ духовныхъ семинарій, замѣнивъ дополнительныя испытанія при гимназіи повѣрочными въ самомъ универси-

тетѣ по математикѣ, физикѣ и одному изъ новыхъ языковъ. Для производства испытанія совѣтомъ избрана комиссія.

— Варшавскій университетъ. Наплывъ студентовъ въ настоящемъ году очень большой (около 810 человѣкъ). Изъ нихъ принято на открытые только первые курсы: на историко-филологическій факультетъ 200 человѣкъ, на математическій — 84, на юридическій — 298 и медицинскій — 150. Кромѣ того принято 16 фармацевтовъ. По образованію преобладающее большинство — воспитанники духовныхъ семинарій; гимназистовъ принято около 150 человѣкъ; реалистовъ — 10.

— Участившіеся случаи нападеній на студентовъ Варшавскаго университета навели часть Варшавскаго студенчества на идею оранизаціи дружины самообороны, но эта идея не осуществится, благодаря вмѣшательству ректора, обѣщавшаго войти къ Попечителю округа съ докладомъ относительно мѣръ защиты студентовъ отъ нападеній. По распоряженію Варшавскаго генералъ-губернатора выселены четверо студентовъ изъ Царства Польскаго.

— Въ предмѣстьѣ Варшавы, Прагѣ, на Воловой ул. двое неизвѣстныхъ стрѣляли въ двухъ проходившихъ студентовъ ветеринарнаго института. Ранивъ одного студента тремя пулями, злоумышленники скрылись.

— Студенческая забастовка въ Томскѣ. Студенты Технологическаго института большинствомъ 1,109 противъ 207 голосовъ рѣшили объявить забастовку на академической почвѣ.

— Число слушателей въ Московскомъ Археологическомъ институтѣ достигло болѣе 300 человѣкъ. На первый курсъ принято свыше 100 человѣкъ.

— Закрытіе Лѣсного института. Конфликтъ между студентами и совѣтомъ профессоровъ лѣсного института закончился закрытіемъ института. Студенты перестали

посѣщать лекціи, потому что профессора не подчинились ихъ требованію ввести предметную систему преподаванія.

Совѣтъ профессоровъ, послѣ нѣсколькихъ безрезультатныхъ попытокъ подѣйствовать на студентовъ убѣжденіемъ и исчерпавъ всѣ мѣры, заявляетъ студентамъ, что дальнѣйшее непосѣщеніе лекцій недопустимо.

Совѣтъ Лѣсного института въ засѣданіи своемъ 25-го ноября постановилъ:

1) Пріостановить всѣ практическія занятія въ кабинетахъ и лабораторіяхъ и отмѣнить всѣ назначенные экзамены въ среду и въ четвергъ, 26-го и 27-го ноября.

2) Въ пятницу, 28-го ноября, возобновить чтеніе лекцій, которое должно продолжаться до 15 декабря. Вмѣстѣ съ лекціями будутъ возобновлены и практическія занятія.

3) Если въ пятницу, 28-го ноября, лекціи не состоятся, то признать учебныя занятія въ институтѣ окончательно прекратившимися и ходатайствовать о временномъ закрытіи института, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями.

Лѣсной институтъ закрытъ.

— Военно-Медицинская академія. Забаллотированіе академика профессора В. М. Бехтерева на новое пятилѣтіе конференціей военно-медицинской академіи является первымъ случаемъ за 110 лѣтъ существованія академіи. На предварительномъ голосованіи, такъ называемомъ голосованіи кандидатовъ, В. М. получилъ 26 избирательныхъ и 8 неизбирательныхъ шаровъ. Такимъ образомъ, избраніе было обезпечено.

Каково же было удивленіе конференціи, когда при второй закрытой баллотировкѣ онъ получилъ бѣлыхъ только 21 и черныхъ 11. Тогда возникъ вопросъ: считать-ли проф. В. М. Бехтерева избраннымъ или нѣтъ, такъ какъ до требуемыхъ закономъ двухъ третей не доставало только одного голоса — шара самаго избираемаго. Одно изъ двухъ: или считать $^2/_3$ изъ общаго количества присутствующихъ 33, т. е. съ проф. Бехтеревымъ — тогда его личный голосъ (а онъ, понятно, воздержался отъ голосованія) идетъ за избраніе, такъ какъ ясно, что человѣкъ, согласившійся баллотироваться, этимъ уже выражаетъ свое согласіе на избраніе; или — считать общее количество голосовавшихъ, т. е. 32 — тогда 21 избирательныхъ даетъ необходимыхъ двѣ трети.

На спорахъ объ этомъ и закрылась первая конференція.

14-го октября по требованію части профессоровъ было назначено экстренное засѣданіе конференціи. На этотъ разъ былъ поставленъ вопросъ уже только на юридическую почву.

Профессоръ Скариченко предложилъ считать В. М. Бехтерева избраннымъ тѣмъ количествомъ бѣлыхъ шаровъ, которые онъ получилъ. Это предложеніе отвергли совсѣмъ и даже не баллотировали. Тогда начальникъ академіи, академикъ А. Я. Данилевскій, внесъ предложеніе, чтобы считать избирательнымъ и голосъ самого Бехтерева. Такимъ образомъ, получатся необходимыя двѣ трети. Это предложеніе, а также предложеніе проф. Вельяминова, было отклонено большинствомъ 16 противъ 10.

На другой день Военный Министръ, генералъ Редигеръ самъ затребовалъ протоколы конференціи. Послѣ подробнаго личнаго доклада о происшедшемъ инцидентѣ, сдѣланнаго начальникомъ академіи проф. Данилевскимъ, Министръ нашелъ, что баллотировка на засѣданіи 11-го октября, давшая 21 избирательныхъ и 11 неизбирательныхъ голосовъ, есть полное и формальное избраніе В. М. Бехтерева на новое пятилѣтіе.

Такимъ образомъ, вопросъ исчерпанъ, и В. М. остается въ академіи.

16-го октября въ Военно-Медицинской академіи, послѣ лекціи профессора В. М. Бехтерева, аудиторія, состоявшая изъ 300 студентовъ разныхъ курсовъ, устроила популярному ученому шумную овацію. Одинъ изъ присутствовавшихъ, отъ имени всѣхъ, выразилъ радость по поводу счастливаго для академіи разрѣшенія злополучнаго инцидента.

Въ выборахъ въ члены Государственнаго Совѣта на текущее пятилѣтіе для замѣщенія университетской вакансіи, ставшей свободною въ виду сложенія съ себя профессоромъ, княземъ Трубецкимъ, этихъ обязанностей, приняли участіе всѣ избиратели. Результатъ выборовъ былъ таковъ: по 16 голосовъ противъ 14 получили профессора: Юрьевскаго университета Афанасьевъ, Московскаго университета Виноградовъ и Томскаго университета Базановъ; Юрьевскій профессоръ Пусторослевъ получилъ 13 голосовъ противъ 17; Петербургскій профессоръ Боргманъ и Харь-

ковскій Багалѣй, каждый по 12 голосовъ за и 18 противъ. Жребій рѣшилъ въ пользу проф. Афанасьева.

— Къ 1-му сентября, какъ сообщаетъ „Россія", профессорами и приватъ-доцентами Московскаго университета, подписавшими выборгское воззваніе, были даны подписки, признанныя М-ствомъ Н. П. вполнѣ удовлетворительными.

— Со времени опубликованія циркуляра М. Н. П. о недопустимости пребыванія на государственной службѣ лицъ, числящихся въ нелегализованныхъ партіяхъ, выбыло по своему желанію изъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ 86 преподавателей и 29 классныхъ наставниковъ, 7 приватъ-доцентовъ и 4 профессора.

За явную принадлежность къ нелегализованнымъ партіямъ уволено 65 преподавателей гимназій.

— Народный университетъ имени Шанявскаго приступилъ къ оффиціальному осуществленію своихъ задачъ. Въ настоящемъ году окрыты только нѣсколько общихъ вводныхъ курсовъ по главнымъ отдѣламъ естествовѣдѣнія и общественно-юридическихъ наукъ и отдѣльные курсы эпизодическаго характера. Плата — 60 руб. при записи на всѣ курсы и 4 руб. за каждый отдѣльный курсъ. Наибольшее число слушателей записалось на лекціи по геологіи Павлова, по исторіи Россіи XIX вѣка Кизеветтера и по энциклопедіи права С. А. Муромцева.

— Въ Москвѣ торжественно открыты первые въ Россіи высшіе женскіе сельско-хозяйственные курсы при женской гимназіи княгини Голицыной. Окончившіе будутъ получать званіе ученыхъ агрономовъ.

— Въ г. Юрьевѣ Лифл. губ., кромѣ открытыхъ въ этомъ году высшихъ курсовъ (для лицъ обоего пола) проф. М. И. Ростовцева, учреждены еще высшіе женскіе курсы (помѣщающіеся теперь въ Юрьевской женской гимназіи А. С. Пушкина) съ двумя факультетами: историко-филологическимъ и юридическимъ.

Количество научныхъ дисциплинъ, ихъ объемъ и поря-

докъ прохожденія на курсахъ почти вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что и какъ преподается на соотвѣтствующихъ факультетахъ Юрьевскаго университета. Историко-филологическій факультетъ Юрьевскихъ женскихъ курсовъ имѣетъ два отдѣленія: историческое и словесное. Впослѣдствіи предположено открыть третье отдѣленіе: педагогическое. Впрочемъ, и до открытія педагогическаго отдѣленія преподаются на курсахъ нѣкоторыя науки педагогическаго характера; таковы методика исторіи, методика русскаго языка. Минимумъ времени опредѣленнаго для полнаго прохожденія наукъ на курсахъ опредѣленъ въ 4 года. Пріемъ на курсы допущенъ для слушательницъ, окончившихъ какое-либо среднее учебное заведеніе, но съ обязательнымъ знаніемъ какого-либо изъ новыхъ языковъ (французскаго, нѣмецкаго, англійскаго); неудовлетворяющія этому послѣднему требованію могутъ быть приняты въ качествѣ вольнослушательницъ, пока онѣ не представятъ установленнаго свидѣтельства о знаніи новаго языка; съ представленіемъ такого свидѣтельства вольнослушательницы зачисляются въ слушательницы.

Чтеніе лекцій на филологическомъ факультетѣ началось уже въ нынѣшнемъ семестрѣ (съ 15 октября). Чтеніе лекцій на юридическомъ факультетѣ начнется съ начала 1909 года.

— Томскъ. 11 ноября вновь открылись высшіе историко-философскіе курсы, перешедшіе въ завѣдываніе профессора Шуткова.

— Анкета по вопросу о вольнослушательницахъ. Редакція „Союза женщинъ“ обратилась къ университетскимъ преподавателямъ съ запросомъ, какъ они относятся къ высшему женскому образованію, вообще, и въ частности, къ вопросу о допущеніи женщинъ въ высшія учебныя заведенія, въ качествѣ вольнослушательницъ. Всѣ профессора Юрьевскаго университета, какъ сообщаетъ „Nordl. Zeit.“, дали на оба вопроса благопріятные для женщинъ отвѣты. Одинъ только д-ръ Владиміръ Чижъ, занимающій въ Юрьевѣ каѳедру психіатріи, высказался въ томъ смыслѣ, что женщины не имѣютъ права на высшее образованіе (Hochschul-Studium).

„Союзъ женщинъ“ подвелъ итоги анкеты о вольнослушательницахъ.

Всего отвѣтовъ получено 198. Больше всего отвѣтовъ

прислали профессора Московскаго университета — 100, затѣмъ слѣдуютъ профессора Казанскаго университета — 29, С.-Петербурскаго — 23. Не отвѣтили профессора Кіевскаго университета. На первый вопросъ — достаточна ли подготовка вольнослушательницъ — отвѣтили 193 профессора, при чемъ 152 высказались положительно, 11 отрицательно и 30 неопредѣленно. На вопросъ — проявляютъ ли вольнослушательницы трудоспособность — получено 161 положительныхъ отвѣтовъ, 1 отрицательный и 31 неопредѣленный. На вопросъ — хороши ли результаты испытаній и практическихъ работъ — 136 отвѣтили положительно, 1 отрицительно и 46 неопредѣленно. Положительные отвѣты на вопросы — цѣлесообразно ли и законно ли допущеніе женщинъ въ университеты — прислали отвѣты — 174 профессора, въ томъ числѣ 13 отрицательныхъ и 6 неопредѣленныхъ.

— Забастовка въ гинекологическомъ институтѣ. Недоразумѣнія между слушательницами и совѣтомъ врачей института начались еще въ прошломъ году на почвѣ сверхурочныхъ ночныхъ дежурствъ. Курсистки обращались къ директору института проф. Д. О. Отту съ просьбой объ уменьшеніи числа обязательныхъ ночныхъ дежурствъ, такъ какъ онѣ положительно не имѣютъ времени для занятій. Послѣ долгихъ хлопотъ число дежурствъ уменьшили со 100 до 88 въ теченіе учебнаго года. Въ началѣ настоящаго учебнаго года слушательницамъ объявили, что съ 12-го октября число дежурствъ въ теченіе учебнаго года вновь доведено до 100. 13-го октября четыремъ курсисткамъ, отбывшимъ 88 дежурствъ и отказавшимся итти на 89-е, директоръ предложилъ оставить институтъ. Тогда немедленно была созвана сходка, постановившая почти единогласно прекратить занятія до удовлетворенія цѣлаго ряда требованій. Требованія изложены въ 15 пунктахъ.

— Д-ръ медицины Данчакова, признанная Московскимъ университетомъ достойною званія приватъ-доцента и не утвержденная въ этомъ званіи М-ромъ Н. П., подала жалобу въ Сенатъ.

Полувѣковые юбилеи.

24-го октября исполнилось пятьдесятъ лѣтъ ученой дѣятельности одного изъ старѣйшихъ русскихъ историковъ, заслуженнаго профессора Московскаго университета Владиміра Ивановича Герье.

4-го ноября исполнилось пятидесятилѣтіе учено-литературной дѣятельности извѣстнаго историка Д. И. Иловайскаго. Юбиляръ удостоился Высочайшаго поздравленія. Желаемъ маститымъ юбилярамъ силъ и здоровья для дальнѣйшаго служенія наукѣ.

Некрологи.

Н. П. Павловъ-Сильванскій. †

Свирѣпствовавшая въ Петербургѣ холера унесла въ числѣ многихъ жертвъ и талантливаго молодого историка, профессора Николая Павловича Павлова-Сильванскаго. Онъ погибъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, не достигнувъ еще и 40-лѣтняго возраста.

Покойный уже со студенческой скамьи спеціализировался на изученіи соціальнаго строя въ древней Руси и далъ въ этой области цѣлый рядъ выдающихся работъ, которыя онъ помѣщалъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Н. П. Гундобинъ. †

48 лѣтъ отъ роду, скончался профессоръ Военно-Медицинской академіи, извѣстный спеціалистъ по дѣтскимъ болѣзнямъ, Николай Петровичъ Гундобинъ.

Своими научными трудами, наиболѣе капитальными изъ которыхъ являются: „Мѣсто сердечнаго толчка у дѣтей“ 1886 г., „О прорѣзываніи зубовъ у дѣтей“ 1894 г., „Душевная жизнь грудного ребенка“ 1895 г., „Темпераментъ и характеръ ребенка“ 1897 г. и „Общая и частная терапія болѣзней дѣтскаго возраста“ 1900 г., покойный былъ извѣстенъ не только въ нашемъ обширномъ отечествѣ, но и за-границей.

В. А. Юшкевичъ. †

На 40-мъ году жизни и внезапно скончался профессоръ Викторъ Адамовичъ Юшкевичъ. Покойный высшее образованіе получилъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ уже двадцати-двухлѣтнимъ юношею окончилъ полный курсъ со степенью кандидата, и оставленъ былъ для подготовки къ профессурѣ. Вслѣдъ же затѣмъ онъ былъ командированъ въ Берлинскій университетъ для усовершенствованія въ юридическихъ наукахъ, а по возвращеніи въ Россію, назначенъ доцентомъ и позже профессоромъ Ярославскаго Демидовскаго Лицея по каѳедрѣ гражданскаго права.

Въ 1902 году В. А. Юшкевичъ перешелъ профессоромъ торговаго права въ Томскій университетъ; спустя еще три года, занялъ каѳедру въ родномъ ему Петербургскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, причемъ съ 1906 года читалъ одновременно лекціи по римскому и гражданскому праву въ Императорскомъ Лицеѣ Цесаревича Николая въ Москвѣ.

Изъ ученыхъ работъ покойнаго слѣдуетъ отмѣтить: „Ученіе о намывѣ“ (магистерская диссертація).

Н. Д. Сергѣевскій. †

25-го сентября, возвратившись домой съ похоронъ проф. В. А. Юшкевича, скоропостижно скончался заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета, членъ Государственнаго Совѣта Николай Дмитріевичъ Сергѣевскій. Н. Д. Сергѣевскій родился 7-го октября 1849 г. По окончаніи курса наукъ на юридическомъ факультетѣ СПБ. университета, былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, въ 1874 г. былъ назначенъ приватъ-доцентомъ, а затѣмъ профессоромъ Демидовскаго юридическаго лицея по каѳедрѣ уголовнаго права; въ 1880 г., по защитѣ диссертаціи „О значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ“, удостоенъ степени магистра уголовнаго права и утвержденъ въ званіи профессора по каѳедрѣ уголовнаго права и судопроизводства въ Военно-Юридической академіи и доцентомъ СПБ. университета. Въ 1888 г. Н. Д. получилъ степень доктора уголовнаго права, по защитѣ диссертаціи „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка“. Кромѣ назван-

ныхъ диссертацій, покойный написалъ цѣлый рядъ цѣнныхъ изслѣдованій по вопросамъ уголовнаго права.

Въ лицѣ Н. Д. сошелъ въ могилу одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей русской науки и видный общественный дѣятель.

А. А. Крюковъ. †

Покойный Адріанъ Александровичъ Крюковъ принадлежалъ къ числу выдающихся окулистовъ. Онъ родился въ 1849 году. Высшее свое образованіе онъ получилъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго Университета и, оставленный при немъ, по окончаніи курса, для подготовки къ профессурѣ, уже въ 1873 г., 24-лѣтнимъ юношею, блестяще защитилъ диссертацію на степень доктора медицины: „Объ объективномъ цвѣтоощущеніи на периферическихъ частяхъ свѣтчатки". Въ 1886 году А. А. былъ избранъ приватъ-доцентомъ, спустя восемь лѣтъ — экстра-ординарнымъ и вскорѣ затѣмъ — ординарнымъ профессоромъ глазныхъ болѣзней въ Московскомъ университетѣ.

Перу А. А. Крюкова, кромѣ названной докторской диссертаціи, принадлежитъ множество цѣнныхъ изслѣдованій по его спеціальности.

Новыя книги.

Бачинскій, А. Введеніе въ кенетическую теорію газовъ. М. Ц. 3 р.

Вальденбергъ. Законовѣдѣніе. СПБ. 1908. Ц. 1 р.

Германъ, И. Е. Исторія русскаго межеванія (курсъ). М. 1907. Ц. 3 р.

Гессенъ, В. Исключительное положеніе. СПБ. 1908. Цѣна 2 р.

Гродскій. Интегральное исчисленіе ч. 1. Интегрированіе функцій. СПБ. 1908. Ц. 2 р. 50 к. Ч. 2. Опредѣленные интегралы. СПБ. 1908. Ц. 3 р.

Гуляевъ, А. М., проф. Русское гражданское право. Обзоръ дѣйствующаго законодательства и проэкта гражданскаго уложенія Пособіе къ лекціямъ. Кіевъ. 1907. Ц. 3 р.

Евреиновъ, И. Національные вопросы на инородческихъ окраинахъ Россіи. СПБ. 1908. Ц. 1 р.

Зиловъ, П. Курсъ физики. Ч. 1. Кіевъ. Ц. 2 р.

Зноско-Боровскій. Законовѣдѣніе. Ч. I, II, III. СПБ. 1908. Ц. по 80 к.

Зѣлинскій, Ѳ., проф. Соперники христіанства. Статьи по исторіи античныхъ религій. (Изъ жизни идей, т. III). СПБ. 1907. Ц. 1 р. 80 к.

Исторія русской литературы, подъ редакцію Е. В. Аничкова. Т. 2. М. Ц. 6 р.

Кауфманъ, А. Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста. М. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Кирштейнъ, Г. Строительное искусство. Рига. Ц. 10 р.

Коноваловъ, Д. Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ. Ч. 1. Вып. 1. Физическія явленія въ картинѣ сектанскаго экстаза. Сергіевъ-Посадъ. 1908.

Кулаковскій, Ю. Амміанъ Марцеллинъ. Исторія. Вып. 3. Кіевъ. Ц. 1 р. 50 к.

Кульчицкій, Н. К., проф. Ученіе о микроскопѣ и техника микроскопическаго изслѣдованія. Изданіе 3-е, испр. и дополн. Х. 1907. Ц. 2 р.

Лебедевъ, Г. проф. Учебникъ минералогіи. Часть описательная (физіографія минераловъ). Съ 698 политипаж. въ текстѣ. Издан. 2-е, совершен. перераб. и дополн. СПБ. 1907. Ц. 5 р. 50 к.

Ломброзо и **Ляски.** Политическая преступность и революція по отношенію къ праву, уголовной антропологіи и государственной наукѣ. Переводъ К. К. Толстого. Въ 2-хъ частяхъ. СПБ. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Мельгуновъ. Церковь и Государство въ Россіи. СПБ. 1907 г. Ц. 50 к.

Никольскій, А. М., проф. Медицинская зоологія. Учебникъ зоологіи для студентовъ медиковъ и ветеринаровъ. Х. 1907. Ц. 1 р. 30 к.

Никоновъ, С. П., проф. Краткій учебникъ исторіи римскаго права, Ч. I и II. Харьковъ. 1907. Ц. 1 р. 75 к.

Ницше, Фр. Антихристіанинъ. Опытъ критики христіанства. Переводъ В. А. Флеровой, подъ редакціей А. Я. Ефименко. СПБ. 1907. Ц. 75 коп.

Громогласовъ. Опредѣленія брака въ Кормчей и значенія ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго бракозаключенія. Вып. I. Сергіевъ-Посадъ. 1908.

О соборахъ (церковныхъ), бывшихъ въ Россіи со вре-

мени введенія въ ней христіанства до царствованія Іоанна Грознаго. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Петражицкій, Л. І., проф. Университетъ и наука. Опытъ теоріи и техники университетскаго дѣла и научнаго самообразованія. Съ приложеніями: о высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и о среднемъ образованіи. Т. I. Теоретическія основанія. СПБ. 1907. Ц. 2 р. 25 к.

Рожковъ, Н. Происхожденіе самодержавія въ Россіи. М. Ц. 1 р.

Розинъ, Н. Объ оскорбленіяхъ чести. Уголовно-юридическое изслѣдованіе. Вып. I. Томскъ. Ц. 1 р. 25 к.

Розовъ, В. Пушкинъ и Гете. Кіевъ. Ц. 2 р.

Сербскій, Вл., проф. Руководство къ изученію душевныхъ болѣзней. М. 1907. Ц. 3 р. 50 к.

Симони, П. Памятники старинной русской лексикографіи по русскимъ рукописямъ XIII—XVIII стол. Вып. 3. СПБ. Ц. 60 к.

Снегиревъ, В. Ѳ., проф. Маточныя кровотеченія. Этіологія. — Діагностика. — Леченіе. Съ изложеніемъ метода изслѣдованія женскихъ половыхъ органовъ, ихъ анатомія и хирургія. (Съ таблицей 1000 случаевъ чревосѣченій и съ методомъ ихъ производства). Съ 328 рисунк. и 10 таблицами, 4-ое испр. и допол. изданіе. М. 1907. Ц. 7 р. 50 к.

Соколовъ, И. И., проф. Избраніе патріарховъ въ Византіи съ половины IX до половины XV вѣка (843—1453 г.). Историческій очеркъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 30 к,

Солнцевъ, Гавріилъ. Россійское уголовное право, подъ редакціей и со вступительной статьей о Г. И. Солнцевѣ проф. Г. С. Фельдштейна. Ярославль. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

Сташевскій, Е. Д. Опыты изученія писцовыхъ книгъ Московскаго государства XVI вѣка. Вып. I. Московскій уѣздъ. Кіевъ. 1907. Ц. 1 р.

Суворовъ, Н. Замѣчанія на „Проэктъ положенія о поводахъ къ разводу.“ М. 1908. Ц. 50.

Тальянцевъ, А. Краткій учебникъ общей эксперементальной патологіи. СПБ. Ц. 1 р.

Тахтаревъ, К. Отъ представительства къ народовластію. Къ изученію новѣйшихъ стремленій политическаго развитія современнаго общества. СПБ. 1908. Ц. 1 р.

Тенишевъ. Правосудіе въ русскомъ крестьянскомъ быту. Брянскъ. 1907. Ц. 1 р.

Трубецкой, С., кн. Исторія древней философіи Ч. 2-я. М. 1908. Ц. 75 к.

Ферри, Э. Уголовная соціологія. М. 1907. Ц. 3 р.

Фюстель де-Куланжъ. Исторія общественнаго строя древней Франціи. Переводъ, подъ редакціей проф. И. М. Гревса. Т. III. Франкская монархія. СПБ. 1907. Ц. 4 р. 50 к.

Штранхманъ, Александръ. Сборникъ задачъ по высшей математикѣ съ подробными рѣшеніями. Руководство для студентовъ и для самообразованія. Изданіе 3-е исправл. и дополн. СПБ. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Шумигорскій, Е. С. Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе. СПБ. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Щегловитовъ, С. Г. Судебные уставы Императора Александра II съ законодательными мотивами и разъясненіями. Уставъ уголовнаго судопроизводства. 9-е изданіе. СПБ. 1907. Ц. 4 р. 50 к.

Яковенко, П. Къ исторіи иммунитета въ Византіи. Юрьевъ. 1908.

Янсонъ, Ю., проф. Теорія статистики. 4-ое изд. Съ 18-ю діаграмами въ текстѣ. СПБ. 1907. Ц. 3 р.

Ященко, А. Международный федерализмъ. М. 1908.

Ученыя записки Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая. Выпускъ первый. Москва. 1907. Цѣна 2 руб.

Вышедшій въ свѣтъ, подъ редакціею проф. И. Т. Тарасова, первый выпускъ Ученыхъ Записокъ Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая составленъ весьма интересно и содержательно.

Сборникъ дѣлится на три части.

Въ началѣ первой части помѣщена статья нынѣшняго директора Лицея профессора Л. А. Кассо, подъ заглавіемъ „Византійское право въ Бессарабіи“ (стр. 1—71). Въ своемъ очеркѣ проф. Кассо дѣлаетъ попытку выясненія весьма любопытнаго, и въ тоже время весьма темнаго и сложнаго, вопроса о происхожденіи и характерѣ бессарабскаго гражданскаго права и о проникновеніи въ малдавскую жизнь византійскаго права. — Слѣдующая статья (стр. 1—17) представляетъ собою вступительную лекцію, прочитанную въ Лицеѣ 9 сентября 1906 года безвре-

менно скончавшимся профессоромъ В. А. Юшкевичемъ [1]) на тему: „Храненіе (custodia), какъ основаніе владѣнія движимостью"; она заключаетъ въ себѣ очеркъ изъ римской теоріи владѣнія, при чемъ авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что ученіе о владѣніи является „одною изъ самыхъ любопытныхъ страницъ всей системы римскаго права" (стр. 4). Къ статьѣ приложено 5 стр. (мелкаго шрифта) ссылокъ и примѣчаній. — Весьма интересною является третья и послѣдняя статья первой части: „О времени и причинахъ образованія московскихъ приказовъ" (стр. 1—112) И. И. Вернера. Кромѣ „Введенія", въ которомъ авторъ выясняетъ самое понятіе „приказнаго управленія" и указываетъ на первые его зачатки еще въ удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи, далѣе изложены: I. Общія причины возникновенія системы приказовъ. II. Мнѣнія ученыхъ о времени возникновенія системы Московскихъ приказовъ. III. Время происхожденія дворцовыхъ приказовъ. IV. Приказы по государственному управленію. — Продолженіе работы И. И. Вернера будетъ помѣщено въ слѣдующемъ выпускѣ.

Во второй части Ученыхъ Записокъ, въ такъ наз. „Критико-біографическомъ отдѣлѣ", помѣщены двѣ критическія статьи: 1) Профессора Н. С. Суворова, подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи развитія церковно-правительственной власти" (стр. 1—37); статья эта представляетъ собою составленный, съ присущими почтенному автору ученостью и эрудиціею, разборъ докторской диссертаціи П. В. Гидулянова о „Восточныхъ патріархахъ въ періодъ четырехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ"; 2) И. Т. Тарасова — извѣстнаго профессора полицейскаго права въ Московскомъ университетѣ, подъ названіемъ: „Народная школа во Франціи" (стр. 39—58), представляющая собою отзывъ о сочиненіи И. И. Чистякова: „Образованіе народа во Франціи. Эпоха третьей республики" (1870—1902).

Въ третьей части („Приложенія") помѣщено начало трудовъ — И. Т. Тарасова: „Лекціи по полицейскому (административному) праву" (стр. 1—48) и покойнаго профессора В. А. Юшкевича. „Изслѣдованіе изъ области ученія о владѣніи. Ч. I. Пріобрѣтеніе владѣнія по римскому праву" (стр. 1—16).

Желаемъ новому ученому изданію дальнѣйшихъ успѣховъ.

---

1) Некрологъ В. А. Юшкевича см. на стр. 23.